

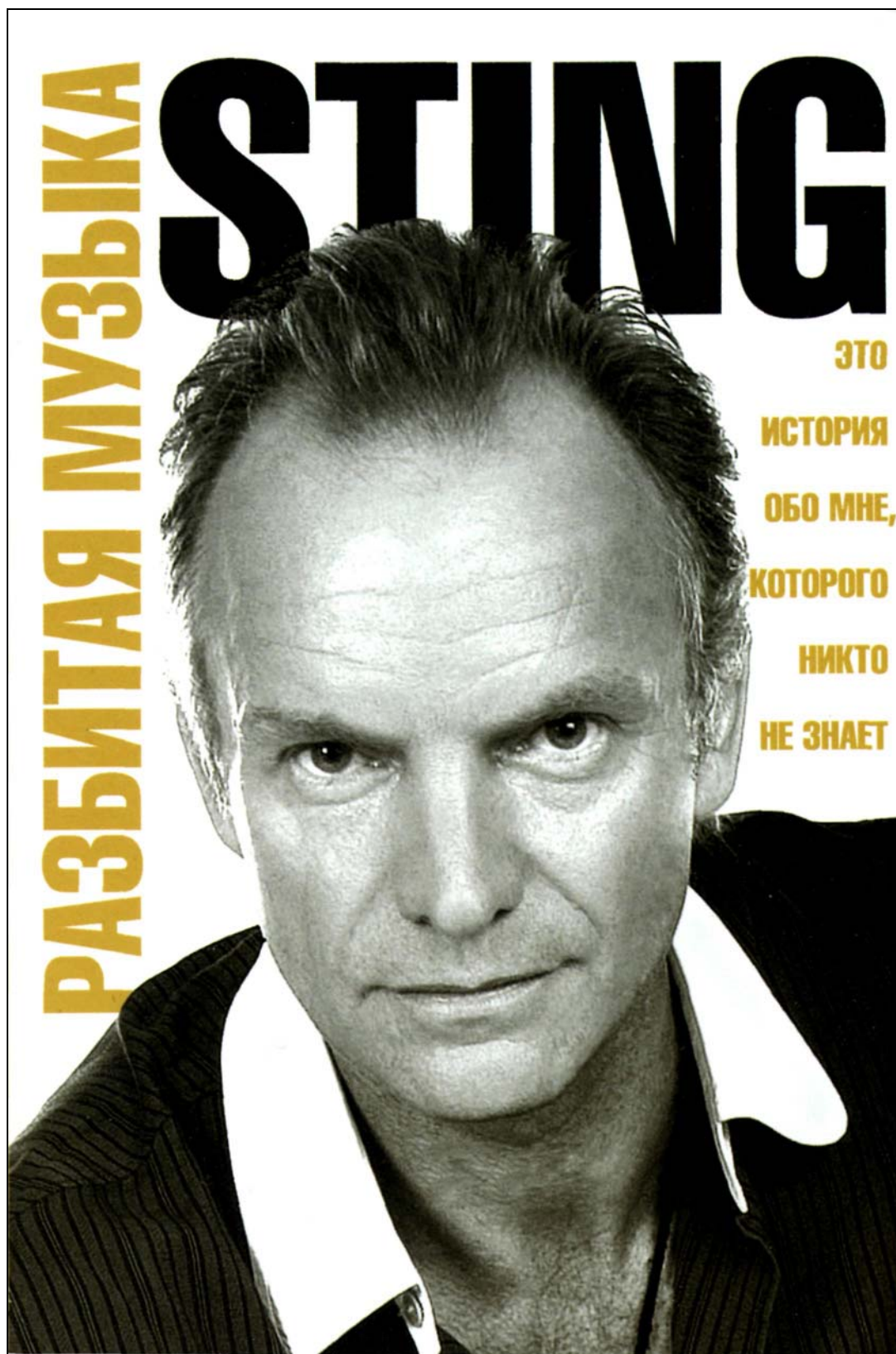
Сканирование и форматирование: [Янко Слава](#) (Библиотека [Fort/Da](#)) || slavaaa@yandex.ru ||
yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Исq# 75088656 || Библиотека:
<http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - внизу
update 15.02.06

STING BROKEN MUSIC

THE DIAL PRESS
A DIVISION OF RANDOM HOUSE, INC.
NEW YORK
2003

СТИНГ РАЗБИТАЯ МУЗЫКА

У-ФАКТОРИЯ
ЕКАТЕРИНБУРГ
2005

BROKEN MUSIC

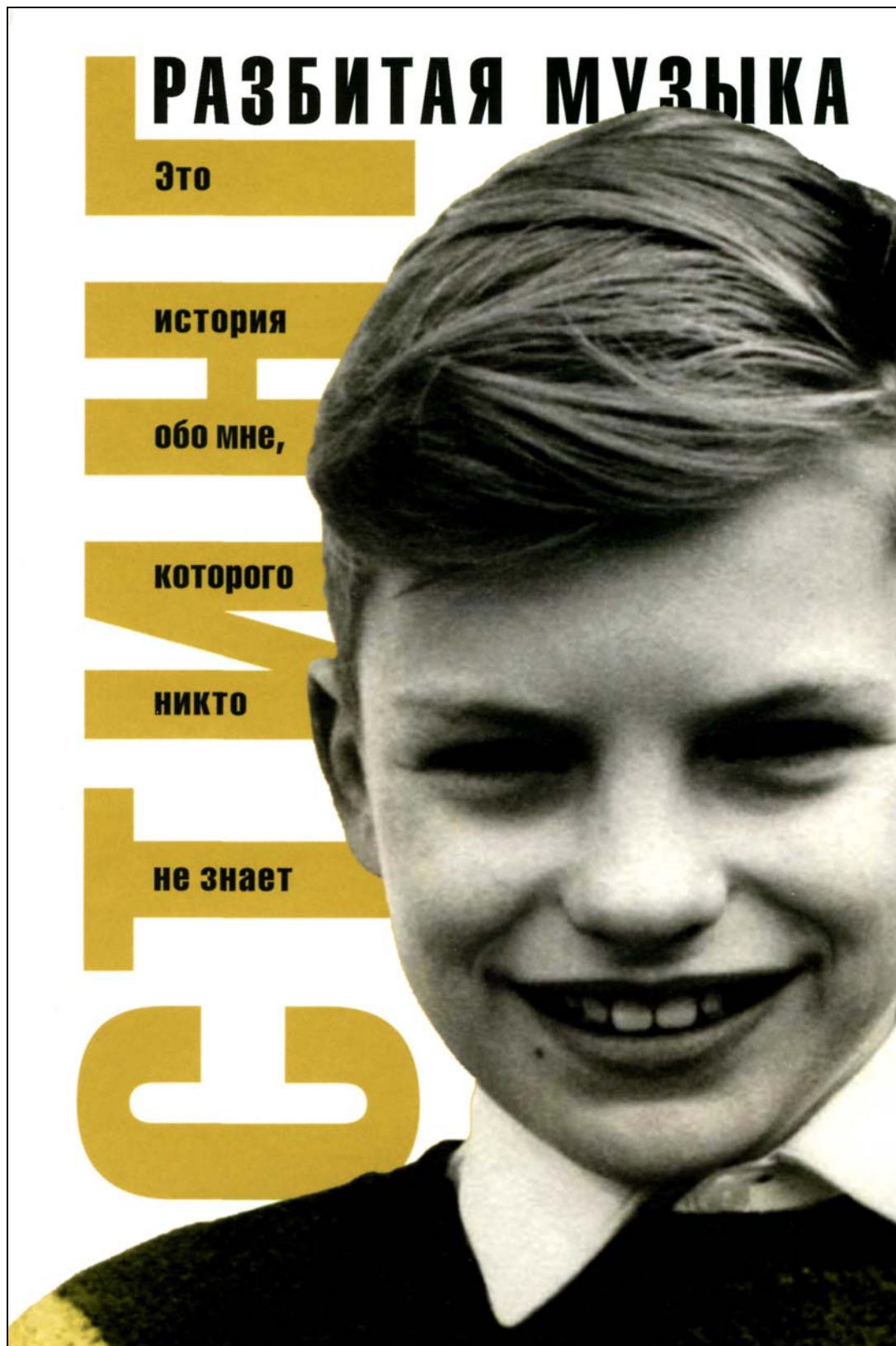
Мне никогда не приходило в голову написать книгу, так как большую часть своей жизни я писал песни, сжимая свои идеи и эмоции в короткие рифмующиеся куплеты и перекладывая их на музыку. Но, подойдя к отметке в пятьдесят лет, я заметил, впервые, что меня привлекает написание длинных отрывков, привлекает и интригует не менее, чем написание песен. Так зародилась **Разбитая музыка**.

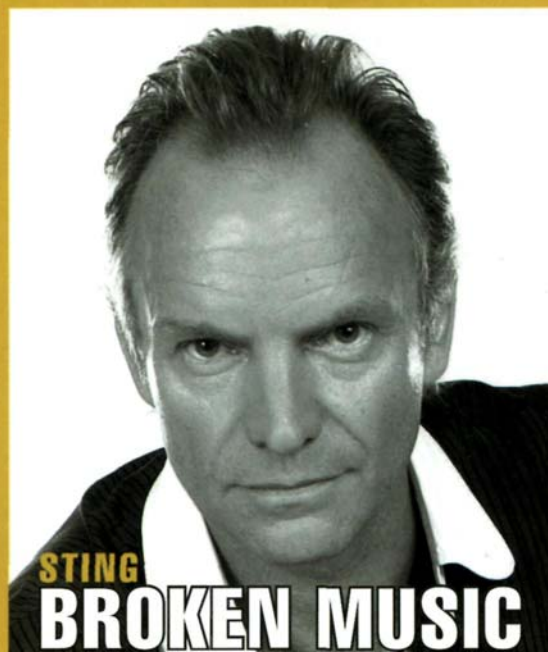
У Фактория

ISBN 5-9709-0129-6

Мне никогда не приходило в голову написать книгу, так как бóльшую часть своей жизни я писал песни, сжимая свои идеи и эмоции в короткие рифмующиеся куплеты и перекладывая их на музыку. Но, подойдя к отметке в пятьдесят лет, я заметил, впервые, что меня привлекает написание длинных отрывков, привлекает и интригует не менее, чем написание песен. Так зародилась **Разбитая музыка**.

ISBN 5-9709-0129-6

www.zvuki.ru

У-ФАКТОРИЯ

9 795970 901297

rockmusic.ru

ББК 84(7 Сое)-8 Стинг С80

Перевод с английского *Н. Макаровой*

Фотография George Chin / Wireimage

Художественное оформление и макет

К. Иванова, А. Касьяненко,

К. Прокофьева

Стинг

С80 Разбитая музыка. / Пер. с англ. Н. Макаровой. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005. — 400 с.

ISBN 5-9709-0129-6

Стинг (настоящее имя Гордон Мэттью Самнер) — певец, музыкант, отец шестерых детей и борец за спасение лесов Амазонки. Участь в педагогическом католическом колледже Северных графств, начал заниматься музыкой. Работал учителем младших классов, играл с разными группами. В 1978 году стал солистом The Police и записал первый альбом. Вклад в музыку позволил Стингу занять почетное место в «зале славы» рока, получить от королевы звание лорда. Творчество Стинга знают и любят миллионы людей во всем мире. Но немногие знают его как благородного и скромного общественного деятеля, способствующего сохранению природы и здоровья детей.

Книга написана самим музыкантом накануне его пятидесятилетия как подведение некоторых жизненных итогов.

ББК 84(7 Сос)-8 Стинг

© Sting, 2003

© Н. Макарова, перевод на русский язык, 2005

© К. Иванов, А. Касьяненко, К. Прокофьев, оформление и макет, 2005

© У-Фактория, издание на русском языке, 2005

ISBN 5-9709-0129-6

Электронное оглавление

Электронное оглавление	9
1.	10
2.	31
3.	40
4.	55
5.	75
6.	86
7.	98
8.	102
9.	107
10.	113
11.	121
12.	126
13.	141
14.	151
15.	158
Эпилог	161
Посвящение	164

1.

Зимний вечер в Рио-де-Жанейро, 1987 год. Идет дождь, и бульвар перед отелем «Копакабана» пуст. В свете уличных фонарей блестит мокрый асфальт. Моя жена Труди и я прячемся под зонтом; над нашими головами, не обращая внимания на ветер, неумоимо кружат две чайки, а где-то в темноте угрожающе шумит море. У бордюра останавливается маленький автомобиль. На переднем сиденье виднеются силуэты двух фигур, и открытая дверь приглашает нас разместиться сзади.

Несколькими очень учтивыми телефонными переговорами мы добыли себе разрешение участвовать в религиозной церемонии в церкви, которая расположена где-то в джунглях, окружающих мегаполис. От наших проводников, мужчины и женщины, мы узнаем лишь о том, что церковь находится в полутора часах езды от «Копакабаны», что

5

о нас позаботятся и что нам не следует волноваться. Церковь, номинально являясь христианской, служит пристанищем синкретического религиозного сообщества, главное таинство которого включает в себя принятие древнего снадобья, получаемого из растения аяхуаска¹. Говорят, что это вызывает удивительные и глубоко волнующие видения.

Мы двигаемся на юг, а дождь тем временем льет как из ведра, и мощные разряды молний обрушиваются на вершины гор, окружающих город, после чего в отдалении слышатся густые громовые раскаты. Труди и я откинулись на спинку автомобильного сиденья, испытывая радостное волнение и тревогу одновременно, гадая, что готовит нам эта ночь. Человек за рулем полностью сосредоточен на дороге. Я сижу прямо позади него; у него большая голова и широкие атлетические плечи, а когда он оборачивается к нам, мы видим умное лицо с орлиными чертами, очки в тонкой оправе и взлохмаченные каштановые волосы. Его спутница — привлекательная молодая женщина с длинными темными локонами и широкой бразильской улыбкой — оборачивается, обнадеживающе смотрит на нас и спрашивает, удобно ли нам сидеть. Мы оба начинаем машинально кивать, явно нервничая, но не желая признаться в этом ни друг другу, ни нашим хозяевам.

По мере того как широкие проспекты большого города остаются позади и роскошные отели бульвара Копакабана понемногу уступают фавелам², разбросанным по склонам холмов и сверкающим в темноте как новогодние елки, дорога становится все менее и менее освещенной. Вскоре мы едем уже не по шоссе, а по гравии, и машина ползет со скоростью пешехода, поскольку водителю приходится преодолевать опасные для автомобиля выбоины и объезжать угрюмых неподвижных собак. Дождь перестал, но густая и влаж-

¹ Аяхуаска — своего рода растительный чай, используемый во время церемоний официально признанной в Бразилии церкви Uniao de Vegetal.

² Фавелы — кварталы лачуг вокруг бразильских мегаполисов.

6

ная атмосфера леса наполнена шумом падающих капель. Треск цикад заглушает незамысловатую эстрадную музыку, несущуюся из маленького автомобильного радиоприемника. В конце концов мы выезжаем на открытое пространство, где множество машин беспорядочно припарковано вокруг большого здания с черепичной крышей. Это строение, несмотря на свой простой и функциональный облик, не из тех, которые я в обычной ситуации назвал бы «церковью» (в нем нет ни окон, ни дверей), да и атмосфера самого события скорее напоминает собрание горожан, пришедших на выборы мэра, чем религиозную церемонию.

Мужчины и женщины всех возрастов, включая подростков и маленьких детей, а также вездесущих собак, суетятся на автомобильной стоянке и внутри церкви, освещаемой простыми электрическими лампочками, которые свисают с потолка. Каждый из присутствующих одет в синюю или зеленую рубашку, причем у некоторых к одежде пришита золотая звезда. Нет никаких сомнений, что это здешняя униформа. Наши проводники снимают свои пальто и обнаруживают под ними такие же синие рубашки. Внезапно я ощущаю, как мы уязвимы и как выделяемся среди присутствующих. Мы и не подозревали об особой форме одежды, вид которой вселяет в меня тревогу, поскольку я привык так или иначе связывать униформу с идеей власти и необходимости подчиняться, с чем-то, отрицающим свободу, говорящим о наличии культа. Страшный газетный заголовок, как молния, вспыхивает у меня в голове: «ИЗВЕСТНОГО ПЕВЦА И ЕГО ЖЕНУ ЗАМАНИЛА В ДЖУНГЛИ РЕЛИГИОЗНАЯ СЕКТА». Хорошо еще, что лица и поведение людей выглядят абсолютно нормальными, но их униформа отталкивает меня.

Когда мы наконец входим в большой освещенный зал, нас встречают теплыми, открытыми улыбками, а двое наших проводников представляют нас группе людей, которые, судя по всему, являют собой срез всего бразильского общества. Многие из них говорят по-английски, и после недолгого

7

обмена любезностями я спрашиваю некоторых из присутствующих, чем они зарабатывают на жизнь. Я рассказываю им, что моя жена — актриса, а я — певец.

— Да, мы знаем, — говорит одна женщина, — вы очень знамениты, но мой муж и я — простые школьные учителя.

Все присутствующие кажутся обыкновенными трудящимися людьми, но среди них немало профессионалов: врачи, юристы, пожарники, бухгалтер и его веселая жена, социальные работники, служащие, программисты, учителя; среди них нет ни одного чудака или фанатика. В сущности, я не знаю, кого именно я ожидал здесь встретить, но вид этого большого и гостеприимного общества обнадеживает меня.

— Вы впервые попробуете растение? — спрашивает врач. Мы никогда прежде не слышали, чтобы о легендарном

снадобье упоминали в такой форме, но предположили, что речь идет об аяхуаске, что, я полагаю, является оригинальным индийским названием.

— Да, для нас это в первый раз. Нам сочувствующе улыбаются.

— Все будет в порядке, — говорит один из школьных учителей.

Мы пытаемся улыбнуться в ответ, в очередной раз подавляя опасения и тревогу.

В комнате собралось уже около двух сотен людей, вокруг центрального стола в ней расставлены плетеные пластиковые шезлонги на металлических каркасах. Над столом возвышается деревянная арка, покрашенная синей краской, на которой ярко-желтым выведены слова LUZ, PAZ, AMOR. «Свет, мир, любовь», — догадываюсь я, призвав на помощь остатки своего португальского. Двое наших спутников, которые, видимо, будут опекать нас на протяжении всего вечера, появляются вновь и провожают нас к креслам в первых рядах. Они заверяют, что помогут, если у нас возникнут трудности.

— Трудности? — спрашиваю я, не в силах скрыть свое беспокойство.

8

Голос мужчины, когда он отвечает на мой вопрос, звучит немного скованно:

— Вы можете ощутить некоторый физический и эмоциональный дискомфорт. Но, пожалуйста, попытайтесь расслабиться, а если у вас появятся вопросы, я постараюсь на них ответить.

Вокруг стола стоит пять или шесть пустых стульев. Кажется, что тишина буквально просачивается сквозь помещение, когда шестеро мужчин входят в церковь через боковую дверь и направляются к столу. Чувствуется явная торжественность в их величественной процессии, и, видя их исполненную достоинства осанку, я делаю вывод, что это влиятельные персоны. Возможно, обстановка всего события уже начинает искажать мое восприятие, но облик их кажется мне строгим и аскетичным, как облик монахов или мудрых старцев. Это *мэтры*, которые будут председательствовать во время церемонии.

На центральном стуле, как нам объясняют, сидит *мэтр*, специально приехавший на церемонию из северного бразильского города Манауса. Именно он будет вести ритуал. Это человек среднего возраста со взглядом мудреца. Его глубоко посаженные глаза глядят с несколько ироничного, но совсем не злого лица, как будто он смотрит на мир изнутри длинного темного тоннеля. Он кажется мне человеком, который может поделиться удивительным секретом, невероятной историей или частицей сокровенного знания. Во мне просыпается интерес. Мое настроение улучшается еще и потому, что я замечаю, как легко черты его лица освещаются очаровательной улыбкой, когда он приветствует кого-нибудь из своих знакомых. Очевидная доброжелательность этого человека успокаивает меня.

В центре стола стоит большой стеклянный сосуд, наполненный болотисто-коричневой жидкостью. Я предполагаю, что это и есть легендарное священное снадобье, о котором я так много читал, — аяхуаска.

Мэтр дает знак, что нам следует присоединиться к общей очереди, которая образовалась в проходе и змеится до

9

задней стены помещения. Видимо, мы здесь единственные новички, и нас очень вежливо провожают к началу очереди и вручают нам белые пластиковые кофейные чашки. *Мэтр* с

благоговением наполняет их из стеклянного сосуда с металлическим краном у основания.

Несмотря на торжественность церемонии, священная жидкость по виду напоминает субстанцию, которая бывает в маслосборнике старого двигателя; легкое подергивание ноздрей подтверждает мои опасения относительно того, что пахнет эта жидкость так же плохо, как и выглядит. «Неужели мы действительно собираемся проглотить эту мерзость? — думаю я. — Мы, должно быть, сошли с ума».

Все еще обеспокоенный трудностями, с которыми мы можем столкнуться, я пытаюсь забыть о том, что в это самое время мы спокойно и со всеми удобствами могли бы пировать в баре гостиницы на бульваре Копакабана, потягивая сладкий кайпиринья³ и покачиваясь в такт нежному ритму самбы. Но отступать слишком поздно. Моя жена и я бросаем друг на друга взгляд несчастных любовников, решивших броситься с отвесной скалы. Помещение начинает вибрировать от множества голосов, поющих молитву на португальском. Не имея возможности присоединиться к поющим, я бормочу: «Господи, помоги нам» — в такт своему дыханию, причем моя ирония улетучилась по меньшей мере наполовину. А потом каждый выпивает свою порцию.

Мне удастся выпить всю порцию варева одним судорожным глотком. Оно и правда отвратительно на вкус, и я с облегчением замечаю, что большинство присутствующих придерживается того же мнения. Это угадывается по искаженным лицам и звукам лихорадочно заглатываемых лимонных долек и мятных конфет, их раздают присутствующим, чтобы смягчить омерзительный вкус, который снадобье оставляет во рту. Я мужественно отказываюсь от предлагаемой мяты, исключительно из гордого и упрямого стремления

³ Кайпиринья — коктейль из кашасы (бразильского рома).

10

переносить неприятности лицом к лицу, а практичная, как всегда, Труды благоразумно принимает подношение. Один из *мэтров* ставит пластинку на старомодный проигрыватель; это бразильская народная музыка, легкая и приятно незамысловатая. Прихожане начинают поудобнее устраиваться в своих креслах, а мы с Труды пытаемся следовать их примеру и погружаемся в дремотное состояние под приятное мажорное брэнчание гитары и простые ритмы тамбуринов. Мы садимся и ждем, причем ни я, ни она не имеем ни малейшего представления о том, что должно произойти. Мое сознание тоже начинает куда-то плыть, но я из осторожности продолжаю следить за тем, что происходит в комнате, стараясь при этом дышать глубоко и медленно, чтобы успокоить нервы.

Мне интересно, какие ощущения испытывали Уильям Берроуз и Аллен Гинсберг, переживая такой же опыт. Писатель и поэт эпохи битников отправились на поиски аяхуаски в конце пятидесятых, когда это снадобье имело почти легендарный статус того, без чего не мыслим мир древних. Среди многих его названий есть такие, как йахе, вино духа, корень мертвого человека; история его происхождения и употребления насчитывает, вероятно, тысячи лет и сложным образом переплетена с историей развития древней религиозной философии и ритуалов бассейна Амазонки. Из того, что я прочитал, мне удалось выяснить, что аяхуаска изготавливается из двух местных растений: лианы, известной под названием *Banisteriopsis caapi*, и кустарника из рода кофейных, *Psychotria viridis*. Активное химическое соединение почти полностью совпадает с нейротрансмиттером серотонином, а его взаимодействие с человеческим мозгом столь же сложно и таинственно. Мои изыскания убедили меня, что практика употребления этого снадобья узаконена бразильской конституцией, что оно не вызывает привыкания и обладает сильным эффектом.

Я оказался в этой стране именно в это время, поскольку вот-вот должен начаться мой концертный тур по Бразилии,

11

а уже через несколько дней я буду выступать на самом большом в моей жизни концерте. Двести тысяч человек заполнят стадион Маракана в Рио. Это событие ознаменует собой вершину моих сольных выступлений в Южной Америке, но в то же время это будет и поминальный день. На днях умер мой отец, лишь на несколько месяцев пережив мою мать. По стечению обстоятельств я не имел возможности присутствовать ни на тех, ни на других похоронах, и у меня нет желания искать утешения в церкви. Но подобно тому, как люди, только что пережившие утрату, ищут успокоения в религии, психоанализе, самопознании и даже в спиритических сеансах, я, несмотря на агностицизм, тоже нуждаюсь в некоем обнадеживающем духовном опыте или ритуале, которые помогут мне осознать, что есть что-то выше, чем трагедия смерти, нечто более значительное, чем я способен себе вообразить.

Какое-то время я никак не мог найти способ излить свою скорбь о потере родителей. Их смерть

глубоко потрясла меня, но я чувствовал, что по какой-то причине не могу естественным, эмоциональным образом отреагировать на их уход, что не могу осознать эту утрату психологически здоровым способом. Я не плакал, не проронил ни одной слезы, просто почувствовал холод, одиночество и растерянность. У меня не было простой веры, в которой я мог бы искать утешение.

То, что я прочел об аяхуаске и его необыкновенной способности вызывать видения, сильно меня заинтересовало. И то умонастроение, в котором я находился, заставляло меня полагать, что, если я выпью это зелье в условиях настоящего, серьезного обряда, я, возможно, смогу более глубоко понять, что случилось с моими родителями и со мной самим.

Когда-то я в течение недолгого времени и весьма поверхностно увлекался наркотиками, но прием аяхуаски мне описывали как в высшей степени серьезное переживание, способное изменить всю жизнь, переживание такого рода,

12

к которому я теперь, как мне казалось, был готов. Если в этом переживании и заключалась для меня некая опасность психологического или какого-то другого порядка, я убеждал себя, что я уже достаточно взрослый и могу пойти на этот риск, как если бы я решил совершить горное восхождение или прокатиться на мотоцикле. Разговаривая с опытными людьми, давно принимающими аяхуаску, я выяснил, что это снадобье не наркотик, а лекарство. «Наркотик, — сказал мне один человек, — дает немедленный эффект, человек сразу чувствует некое наслаждение, будь то сигарета, алкоголь, кокаин или героин, но потом приходится платить за это наслаждение головными болями, похмельем или, что еще хуже, зависимостью или привыканием. Выкури достаточное количество сигарет — и ты умрешь. Лекарство же, как правило, не дает немедленного эффекта. В конце концов вы можете быть вознаграждены, но сначала вам придется заплатить. Аяхуаска — как раз такое лекарство».

У меня не было ни малейшего представления, что он имел в виду, но вот-вот все должно было проясниться. Проходит около двадцати минут. Музыка продолжает звучать. Стул главного *мэтра* никогда не остается пустым; если *мэтр* покидает помещение, его место занимает кто-то из помощников, пока тот не вернется. Во всем этом есть что-то успокаивающе формальное, дух упорядоченности и обряда.

Первым признаком того, что снадобье начинает действовать, становится появление у меня в голове какого-то высокочастотного, почти за пределами человеческой слышимости, звука, затем у меня коченеют губы и явно снижается температура тела. Я начинаю дрожать, сначала слегка, а затем все более интенсивно. Дрожь поднимается от ступней вверх по ногам, волна за волной, пока наконец все тело не начинает трястись что есть силы. Трудно определить, является ли дрожь следствием какой-то психологической причины, например страха, или я просто замерз. Я осознаю

13

происходящее достаточно для того, чтобы помнить, что паниковать не нужно, и пытаюсь успокоить дыхание, но к горлу подступает тошнота, а затем с нарастающей силой схватывает желудок, пока мне не начинает казаться, что внутри меня извивается змея, стремящаяся вырваться наружу. Все, что я могу сделать, — это попытаться не допустить, чтобы меня вырвало. Я изо всех сил сжимаю ручки кресла и стараюсь дышать как можно глубже.

Нечто мощное и непреклонно жестокое проходит через все мое тело, через каждый кровеносный сосуд и каждую артерию, вниз по ногам до самых кончиков пальцев и вдоль по сухожилиям моих рук. В кончиках пальцев рук я чувствую уколы разрядов неведомой мне энергии. Ужасный вкус, который по-прежнему ощущается у меня во рту, кажется физическим аналогом самого страха, и вот я осознаю, что оказался во власти некой химической сущности, в настоящий момент значительно более могущественной, чем я. В то время как внутри меня бушует буря, за стенами церкви вновь начинает греметь гром, еще одна зловещая и раскатистая угроза с небес. Я поворачиваюсь к Трудю, которая выглядит спящей, но под ее закрытыми веками заметны стремительные движения зрачков, а брови сдвинуты, как в момент сильнейшего сосредоточения. Я шепчу: «Господи, спаси и сохрани нас». И на этот раз в моих словах нет ни тени иронии.

У меня такое впечатление, что все присутствующие в помещении поглощены какой-то внутренней борьбой. Некоторые скорчились в своих креслах, другие — явно капитулировали и лежат с открытыми ртами, как выброшенные на берег рыбы, третьи выглядят спокойными, словно во власти каких-то блаженных видений. И вдруг, как некий невиданный контрапункт громовым раскатам, начинается рвота.

Меня об этом предупреждали, но совершенно невозможно заранее подготовиться к горестному

звуку этой страшной, жестокой музыки, музыки унижения, физического

14

страдания. Мне едва удастся удержать под контролем мой пищеварительный тракт, когда я смотрю, как другие покидают свои кресла и безо всяких церемоний протискиваются к двери. Одни выходят, но другие остаются на своих местах. В помещении предусмотрительно расставлены ведра с опилками, чтобы присыпать постыдные лужи рвоты.

Пожалуйста, пусть это пройдет, я не хочу, чтобы меня вырвало, я не хочу опозориться здесь, пусть это пройдет.

Мэтры стоически и невозмутимо восседают в центре комнаты так, как будто все идет своим чередом. Они тоже выпили снадобья, причем довольно большие порции, но, кажется, абсолютно не подвержены нарастающим среди присутствующих тошноте и ощущению сильнеешего дискомфорта.

За ближайшим от меня окном какая-то несчастная душа как будто извергает нескончаемый поток ужасных демонов из самых внутренностей своего личного ада. Я пытаюсь заткнуть себе уши пальцами и дышать как можно глубже; я действительно почти не в состоянии больше это выносить. Дрожь прекратилась, но поселившаяся внутри меня анаконда яростно стремится выбраться из моего тела. Капли пота начинают покрывать мое лицо и грудь, а глаза закатываются. Неужели я сам пошел на это? Должно быть, я обезумел. Никогда в жизни я не чувствовал себя так плохо и не помню, чтобы когда-либо был настолько испуган. Еще один громовой раскат завершает ощущение агонии. Но именно в тот момент, когда кажется, что во мне не осталось больше воли, чтобы противостоять этой бешеной атаке, я слышу пение. Я слышу красивый, неземной *топос мэтра* из Манауса. Он поет безо всякого аккомпанемента, и голос плывет сквозь влажный воздух, наполняя помещение сладким ароматом мелодии. Я закрываю глаза, чтобы полнее испытать чудесный бальзам пения, и вдруг оказываюсь в огромном храме света.

Песнь превратилась в свет и цвет, а в воздухе повисла фантастическая архитектура Данте и Блейка. Откуда-то

15

сверху меня поддерживают небесные существа, похожие на ангелов. Их тела закрывают небо, образуя гигантский купол. Мои видения постепенно принимают вид причудливых спиралей, геометрических структур, башен, тоннелей, вихрей, залов и комнат. Прозрачность видений и насыщенность цветов так отличаются от того, что я привык видеть наяву, как будто я и в самом деле очутился в абсолютно другой реальности. И в то же время достаточно лишь открыть глаза, чтобы снова увидеть комнату в ее обычном виде. Однако это не галлюцинации. Речь не идет здесь об искажении привычной реальности; цвета и видения относятся к какой-то отдельной, самостоятельной реальности, спроецированной на внутреннюю сторону моих век. Стоит закрыть глаза — и вы переноситесь в этот незнакомый мир, столь же реальный, как и любой другой, где звук становится светом, свет становится цветом, цвет превращается в геометрию, а геометрия приводит в действие воспоминания, истории и эмоции не только из вашей собственной жизни, но и — удивительным образом — из жизни других. Одно из двух: или я брежу наяву, или я умер.

Вот я за штурвалом бомбардировщика ночью над охваченным огнем городом; вот я на баркасе, когда за бортом бушует шторм. Вот я участвую в сражении, и гром за стенами церкви превратился в грохот артиллерийских орудий. Вот я в глубоком, грязном и сыром окопе, и рядом со мной кто-то, присутствующий как бы на границе моего сознания, почти как тень. Я буду называть его «проводжатым». Рядом есть и другие, и вал артиллерийского огня сотрясает землю повсюду вокруг нас. Эти другие — просто мальчишки в обмундировании не по размеру и в стальных, забрызганных грязью касках. Они испуганны и дрожат в сырости траншеи. Я тоже испуган и встряхиваю головой, пытаюсь сменить видение.

Внезапно я оказываюсь в городе на севере Англии, где прошло мое детство. Я — маленький мальчик, пристально разглядывающий списки из сотен имен, высеченных в камне.

16

Списки стерегут двое часовых из позеленевшей бронзы. Их головы с грустной серьезностью покоятся на прикладах винтовок, повернутых стволами вниз. Моя детская рука дотрагивается до холодного, металлического пьедестала.

Грохот и огневой шквал продолжают, и вот я снова под землей вместе с моим спутником и смотрю, как его люди выстраиваются в испуганную шеренгу под кромкой траншеи. Кто-то из присутствующих не может остановить кашель. У меня такое чувство, что, когда прекратится ружейная пальба, именно мой проводжатым, который сейчас находится вне моего поля зрения, даст

команду выбираться из траншеи, чтобы броситься в самую гущу опасности. Я опять чувствую во рту этот вкус страха, такой же резкий и горький, как та коричневая жидкость, что я проглотил. Артиллерийский огонь внезапно смолкает. Все лица поворачиваются к моему спутнику, но я все еще не могу его видеть.

Вдалеке слышится свисток — а может быть, это крик ночной тропической птицы, — затем еще и еще один, все приближаясь ко мне вдоль по шеренге. Магистр продолжает петь — очень красиво, но время от времени меняя тональность на четверть тона, от чего возникает мрачноватое ощущение чего-то волнующего и потустороннего. Я чувствую, что мой провожатый стал тихим и неподвижным, как одна из тех бронзовых статуй, а свисток крепко-накрепко зажат в его кулаке.

— Дуй в свой чертов свисток, сержант! — зло бросает какой-то незнакомец, и я слышу, как в строю ему вторят другие раздраженные голоса.

— Давай, сержант, черт бы тебя побрал, — кричат они в отчаянной готовности убивать или быть убитыми. Внезапно меня поражает мысль, что некоторые из них слишком боятся показаться трусами, слишком боятся сбросить прикипевшую к их лицам маску безжалостности и жестокости.

— Ну, будешь ты дуть в свой чертов свисток? Однако никто не двигается с места, когда вверху над окопом начинают грохотать выстрелы, и я знаю, что они

17

распространяют по земле смерть так же быстро, как ток бежит по проводам. Мы слышим крики ужаса и предсмертные стоны. Мой спутник не отдает никаких приказов, и никто не покидает сравнительно безопасного окопа. Песнь *мэтра* застывает на долгой, тянущейся ноте, которая висит в воздухе как сигнальный огонь, в то время как вокруг бушует страшный бой.

Меня одолевают злость и замешательство: какое, черт возьми, отношение все это имеет ко мне? Я словно очутился в каком-то виртуальном театре или участвую в эксперименте со сменой реальности, или брежу наяву, причем не в моих силах отделаться от этого бреда. Совершенно очевидно, что окружающие меня люди в смертельной опасности. Страх принимает осязаемые формы и ощущается как приступ клаустрофобии. И в то же время у меня возникает непрошеное чувство, что я сам — причина всего этого, что от меня требуется обуздать этот сгусток моих самых глубинных страхов. И еще я чувствую, что останусь невредим, но должен пройти нечто вроде испытания.

У меня в голове роятся тысячи вопросов, но я настолько изумлен ясностью видений, что не в силах ни говорить, ни покинуть эту открывшуюся мне иную реальность, которая мне не принадлежит. И в то же время на каком-то уровне сознания, не вовлеченном в созерцание видений, я способен наблюдать происходящее и оценивать его, причем существует и еще один, более отдаленный уровень, который позволяет отстраненно смотреть на предыдущий, — и так до бесконечности. И если обычное, объективное мышление дает ощущение комфорта, позволяя уму отстраняться от воображаемой или реальной опасности, то теперешняя ситуация только усугубляет страх, заставляя думать, что не существует никакой реальности, что так называемая объективная реальность — это не более чем конструкт, умозрительное построение, и кажется, что осознание этого сродни безумию.

В этих новых обстоятельствах я вынужден поставить под сомнение самые основы своего утонченного и приви-

18

легированного существования, своей привычной жизни среди друзей, коллег и членов семьи. Не является ли то, к чему мы привыкли относиться как к реальности, всего лишь соглашением, договоренностью между всеми нами о том, что определенные вещи являются реальными, а другие — нет? Возможно, я особенно сильно ощущаю это именно сейчас, дрожа в затерянной в джунглях церкви вместе с двумя сотнями других людей и одновременно трясаясь от страха в темном и сыром окопе. Думаю, так должен чувствовать себя умирающий: смущенным, растерянным и испуганным. Как и у всех живых существ, ДНК человека содержит информацию о неминуемой смерти. Но, в отличие от всех остальных, человек знает, что умрет. Как нам научиться умирать без страха, умирать смело, с достоинством и смирением? И почему мы должны жить с этим парализующим страхом перед тем, что неизбежно? Насколько мои родители были готовы встретиться лицом к лицу со смертью? И насколько готов к этому я сам? Если отвечать честно, то получится, что абсолютно не готов. Видимо, поэтому я и нахожусь здесь, в этом ужасном окопе, потому что должен чему-то научиться.

Мне никогда не доводилось испытывать настоящего религиозного опыта. И я говорю это с некоторым сожалением. Теоретически я, конечно, признавал саму возможность таких

переживаний, но никакого потрясающего самые основы моей личности онтологического богоявления у меня никогда не было. Более глубоким натурам, чем я, возможно, и удавалось попасть в иную реальность при помощи молитвы, медитации, поста или переживая состояния, близкие к смерти. Религиозная литература полна такими фантастическими описаниями, и хотя у меня нет никаких оснований сомневаться в их правдивости, я возьму на себя смелость утверждать, что в действительности подобные переживания редки. На каждую святую Терезу, пророка Иезекииля или Уильяма Блейка приходятся миллионы таких, как я, не имеющих опыта непосредственного

19

переживания трансцендентного, опыта соприкосновения с вечной и непостижимой тайной, лежащего в основе любой религии. Но вот снадобье аяхуаска приблизило меня к чему-то внушающему страх, глубокому и бесконечно серьезному.

Я никогда не мог полностью принять идею о переселении душ — слишком уж много я видел людей, которые считали, что в прошлой жизни были Клеопатрами или Карлами Первыми, чтобы всерьез относиться к продолжению жизни «я» после смерти. Однако я верю, что военное сражение как событие, одновременно затрагивающее психику целой массы людей, способно оказывать мощное воздействие на то, что Карл Юнг назвал бы «коллективным бессознательным». Первого июля 1916 года в день начала операции при Сомме еще до полудня было убито пятьдесят тысяч человек — и это только со стороны британцев. Но почему это должно иметь какое-то значение лично для меня? Почему в моих видениях возникла именно эта сцена? Возможно, еще школьником я принял слишком близко к сердцу стихотворения Уилфреда Оуэна или меня наказывают за мои чересчур болезненные фантазии, которые вызывал в моем детском воображении военный мемориал в моем родном городе. Я не знаю ответов на эти вопросы, и они продолжают беспокоить мой ум. Однако видения, являющие собой калейдоскоп цвета, ломаных форм и всевозможных странностей, продолжаются.

Я оказываюсь незримым свидетелем военного суда. Мой спутник стоит, охраняемый двумя солдатами. Его подвергают перекрестному допросу на юридическом жаргоне, который мне, возможно, когда-то и доводилось читать или слышать в кино, но которым я не владею. Мой спутник не проявляет никаких эмоций, когда зачитывают приговор. Я поворачиваю голову и вижу, что мы стоим посреди холодного сумрачного поля, постепенно вырисовывающегося в свете раннего утра. Неровной линией впереди нас выстроились солдаты, готовые к исполнению приговора. Они

20

выглядят сдержанными, некоторые из них рассержены тем, что их вывели утром в это холодное поле, и неуклюже переминаются, как нетерпеливые кони. Я вижу их дыхание в морозном утреннем воздухе, но когда всматриваюсь, то узнаю лица мальчиков из окопа. Они вскидывают винтовки, как только лающая команда прицелиться разносится над пустынным полем, и меня охватывает дрожь от ясного понимания, что сейчас эти мальчишки убьют человека, спасшего им жизнь. Этот момент застывает как живая картина, и я являюсь ее свидетелем.

Песнь *мэтра* достигает своего скорбного и страстного завершения. Мои глаза полны слез, и я начинаю плакать. Сначала тихо, а потом уже неудержимо, с судорожными всхлипываниями. Из глаз у меня текут горько-соленые потоки, а все цвета сплавляются в красный.

Проходит какое-то время. Я ощущаю себя в утробе матери, а песнь *мэтра* превращается в голос моего отца. И почему я должен удивляться, что эта всепоглощающая грусть, это зрелище предательства, эта страшная трагедия вызвали во мне воспоминания о моем одиноком, измученном отце и моей матери, моей прекрасной, грустной матери?

Он был бравым солдатом, а она — юной невестой. Потом она пережила эмоциональную катастрофу и умерла от рака груди в возрасте пятидесяти трех лет, а через несколько месяцев за ней последовал и отец. Я — ярко-красная искра в ее глазу, я — колючка в его боку, и всех нас троих связывает какое-то незавершенное дело. Вот почему мы вместе в этом странном гулком помещении, которое и есть моя память. Я, как всегда, окружен призраками.

*

Моя мать была стройной привлекательной женщиной с длинными светлыми волосами и удивительными голубыми глазами. У нее были красивые ноги, поэтому она носила

21

короткие юбки и туфли на шпильках с заостренными носами. Я помню свою гордость, смешанную со смущением, когда мужчины на улице свистели ей вслед, причем стоило ей обернуться и

бросить на них ледяной взгляд, как они немедленно делали вид, что ничего не произошло. У нее был гордый характер, и ей нелегко было угодить. Она ушла из школы в пятнадцать лет и начала работать парикмахером, развив в себе некоторое высокомерие и завышенное чувство собственной исключительности. Люди перешептывались о моей матери, когда она проходила мимо, но она чувствовала себя не такой, как они, да и не хотела на них походить. Ее звали Одри, и до встречи с моим отцом у нее было не много кавалеров. Он стал ее первой любовью.

Первые воспоминания о матери совпадают в моей памяти с первыми музыкальными воспоминаниями. Я помню, как сидел у нее на коленях, когда она играла на пианино, и смотрел, как ступни ее ног на педалях поднимались и падали, создавая некий ритмический контрапункт звучанию танго, которое она так любила играть. Меня завораживало ее умение превращать значки на листах нотной бумаги в ясную гармонию мелодии. Это умение в сочетании с врожденной манерой держать себя создавало вокруг нее опьяняющий ореол обаяния.

Еще я помню мою мать, играющей на пианино в гостиной в доме моих бабушки и дедушки, в то время как отец, обладающий прекрасным тенором, поет печальный вариант вальса Худди Ледбеттера «Goodnight Irene».

Last Saturday night I got married

Me and my wife settled down

Now this Saturday we have parted

I'm taking a trip downtown⁴.

⁴ В прошлую субботу мы поженились / И стали жить-поживать / В эту субботу мы расстались / И я отправляюсь в город.

22

Моему отцу нравились биг-бэнды братьев Дорси и Бенни Гудмена, но именно благодаря моей матери в доме впервые зазвучал рок-н-ролл с пластинок из черного ацетата, делавших 78 оборотов в минуту и украшенных яркими этикетками фирм MGM, RCA и Десса. Ричард Пеннимен, пронзительно вопящий «Tutti Frutti» своим кошачьим голосом, Джерри Ли Льюис, исполняющий «Great balls of fire» в манере безумного проповедника, и Элвис, вкрадчиво поющий «All Shook Up» с интонацией, в которой я позднее начну различать явный сексуальный подтекст. Эти записи повергали меня в неистовую радость. Я катался по полу и подпрыгивал в состоянии, чем-то напоминающем религиозный экстаз. Мама купила также все альбомы Роджерса и Хаммерстайна с записями бродвейских мюзиклов «Оклахома!», «Юг Тихого океана», «Карусель», «Король и я», «Моя прекрасная леди» Лернера и Лоу и «Вестсайдская история» Бернстайна. Я проигрывал эти пластинки до дыр, влюбившись в требующий особой тщательности ритуал извлечения дисков из их поношенных конвертов. Я брал пластинку кончиками пальцев, сдувал пыль, накопившуюся на поверхности пластинки с предыдущего раза и осторожно водружал ее на вертушку проигрывателя. В те времена у меня не было никаких музыкальных предпочтений; я слушал все с восторженной внимательностью неопита. Позднее, когда я стал учиться музыке, я проигрывал пластинки на 33 оборота со скоростью 45 оборотов в минуту, и тогда становилась слышна партия баса, освобожденная от опутывающих ее сетей аранжировки, которая игралась октавой выше. Эти эксперименты помогли мне понять, что любая партия, вне зависимости от ее сложности, может быть расшифрована и выучена, если прослушать ее на скорости, достаточно медленной для того, чтобы по-настоящему расслышать ее. Бесхитростная механика проигрывателя предоставляла такую возможность, и, слыша уютное шуршание иглы проигрывателя прежде, чем зазвучат первые ноты увертюры к «Оклахоме!» или первые аккорды

23

«Singin' in the Rain» Джина Келли, я не менее, чем самой музыкой, бывал заморожен медленным движением механической лапки по поверхности пластинки.

Мы живем в сыром доме викторианской эпохи без центрального отопления. Потом мать научит меня разжигать огонь в камине гостиной, который служит для нас единственным источником тепла. Мы начинали со свернутых газет, больших листов *Evening Chronicle*, свернутых по диагонали в длинные конусы, из которых затем составлялось нечто, по форме напоминающее гармонику, чтобы обеспечить долгое равномерное горение. В эту конструкцию добавлялось несколько картонных коробок из-под яиц, несколько лучин для растопки и, наконец, уголь, который, как бесценное черное сокровище, клали на вершину пирамиды.

Спички лежат высоко на каминной полке, рядом с каминными часами. Мне уже семь лет, и моего роста достаточно, чтобы достать их, если я встану на цыпочки.

— Можно, я зажгу огонь, мама? Я знаю, как надо делать. Пожалуйста! Можно? — Я уговариваю ее, отчаянно пытаюсь сдержать свое рвение и чувствуя, что я уже дорос до такого ответственного

дела.

— Можешь зажечь огонь, сынок, но не оставляй спички на виду у твоего младшего брата; всегда оставляй их на возвышении, понятно?

Мне нравится выражение «на возвышении».

— Так, теперь не забудь, что зажигать нужно снизу, а не с верхушки.

— Да, мама.

— Огонь будет гореть, только если ты зажжешь снизу, — поэтому мы и построили всю конструкцию именно так. Уголь займется, только если загорится дерево, а дерево загорится только в том случае, если будет гореть бумага.

— Да, мама, — снова говорю я, борясь с коробком спичек, и вот наконец вчерашний номер *Evening Chronicle* охвачен пламенем.

24

— Очень хорошо, — говорит она с некоторой гордостью в голосе. — А теперь помоги мне с уборкой. Эта комната выглядит как авгиевы конюшни. — Это еще одно ее выражение. Я понятия не имел, что такое авгиевы конюшни, но там явно царил беспорядок и хаос, в который неизбежно мог погрузиться и наш дом, не сделай мы уборку после моего озорного младшего братца.

— Я еще намучаюсь с этим проказником, — говорила она. Позднее она научит меня, что, даже если огонь почти

погас, умелые действия кочергой могут вернуть его к жизни. Она предупредила, что, если огонь разгорелся, пламенем будет охвачено все, что к нему поднесешь. Она научила меня, как сохранять огонь в течение ночи, устроив ему «кислородное голодание», но не гася его окончательно, и как оживить его утром.

Ребенком я мог провести целый день, глядя на огонь. Я и сейчас могу затеряться среди видений покрытых трещинами башен, древних пылающих королевств, пещерных храмов и целых континентов, которые можно различить в тлеющих углях и горячей золе. Моя мать научила меня этому волшебству, и оно по-прежнему во мне. Еще она научила меня, как погладить рубашку, пожарить яичницу, пропылесосить пол — всему, что нужно, чтобы соблюдать общечеловеческие ритуалы и заведенные порядки. Но только музыка и огонь сохранили ореол тайны и статус сокровенного знания. Они привязывают меня к матери, как ученик волшебника привязан к своему учителю. Моя мать была первой властительницей моего воображения.

Мой дед с материнской стороны был весьма заметной личностью в Уоллсенде, городке, где жила семья моей матери, хотя ходившие о нем слухи были до некоторой степени спровоцированы его внешним видом. Он был высок, необыкновенно красив и слишком элегантен, чтобы не привлечь к себе внимание сплетников маленького городка. В моих воспоминаниях его всегда окутывает ореол чего-то

25

опасного и таинственного. Дед не был уроженцем Уоллсенда, что делало его еще более подозрительной личностью. Он был родом с острова Мэн. С фотографии, сделанной на свадьбе моих родителей, смотрит человек с чуть высокомерным взглядом, недоуменно и слегка удивленно приподнятой бровью и щегольской развязностью дамского угодника. Ему некогда было общаться со мной, он работал страховым агентом в фирме Sun Life of Canada. Он ездил на автомобиле, который в те времена называли роскошным. Я хорошо его помню: это был «ровер» с подножками и блестящими хромированными фарами. Для меня дед был таинственным и далеким существом, но мама боготворила его.

Единственное мое воспоминание о бабушке с материнской стороны окрашено ужасом. Я помню ее зубы в стакане на прикроватном столике, целую челюсть, которая грозно целилась на меня своим злым оскалом. Больше я не помню ничего: она умерла, оставшись для меня не более чем тенью, но звали ее Маргарет.

Моему отцу было двадцать четыре года, когда я родился. Столько же было и мне, когда я впервые стал отцом. К тому времени он как раз вернулся из Германии после службы в инженерных частях. На фотографиях можно увидеть немного хмурого красивого мужчину в униформе оливкового цвета, рядом с ним — улыбающаяся фройляйн, а в руках у него кружка пива и сигарета. Мне нравилось смотреть на эти фотографии, запечатлевшие отца в самые счастливые времена. Я всегда пытался разглядеть в его темных глазах самого себя или хотя бы намек на то, что в один прекрасный день я появлюсь на свет. И в то же время мне всегда приходила в голову пугающая мысль о том, какая большая часть жизни прошла без меня. Я думаю, что в Германии отец провел лучшее время в своей жизни, и он нередко говорил, что так оно и было. Он часто с гордостью

рассказывал, что участвовал в «оккупации» Германии, возможно желая как-то компенсировать то обстоятельство, что он был слишком молод, чтобы по-настоящему воевать

26

с немцами, и что кутежи с немецкими женщинами казались тогда куда лучшей формой времяпрепровождения. Мой отец вовсе не был хвастуном. Он просто хотел, чтобы мы гордились тем, что и он «пожил свое», посмотрел мир и утвердился в статусе настоящего мужчины.

— Видишь эту полоску у меня на рукаве, сынок? Младший капрал, инженерные части — это я. Мы строили мосты, взрывали их, а потом снова собирали; надо было мне остаться в армии.

После кружки-другой пива он возвращался воспоминаниями к тем казавшимся беззаботными дням, как к золотому веку, с которым настоящее не могло идти ни в какое сравнение. При этом в его голосе всегда звучал скрытый упрек всем нам, кто не дал ему реализовать открывавшиеся возможности, и особенно к моей матери. Позднее, когда отношения между моими родителями испортились, отец стал заканчивать такие рассказы воспоминаниями о том, как сильно мать любила его прежде. Как она каждый вечер ждала его возвращения с работы и обвивала руками его шею, стоило ему переступить порог. С тех пор и до самой кончины чувство сожаления уже не покидало отца.

Отец родился в сентябре 1927 года в портовом городе Сандерленде. Его окрестили, дав ему имя Эрнест, такое же, как у отца моей матери. Думаю, это совпадение имен сыграло важную роль при первой встрече родителей. Представляю, как мама возвращается домой, сияя от радости, и обрушивает на свою сестру Марион новость о том, что в субботу на танцах она познакомилась с красивым молодым человеком: «Угадай, как его зовут?»

В семье моего отца все были католиками, а родственники матери — англиканцами. Так называемые смешанные браки по-прежнему осуждались церковью, но все же к ним относились уже не так строго, как в предыдущем поколении, когда, по преданиям нашей семьи, разница в вероисповедании стала причиной нескольких памятных семейных ссор. Мой дед Том пошел против воли своего

27

отца, непоколебимого протестанта, женившись на Агнес Уайт, моей бабушке, девушке из ирландской семьи. Агнес ушла из школы в четырнадцатилетнем возрасте и поступила работать служанкой в «большой дом». Будучи дочерью портового грузчика, работавшего в доках Сандерленда, она занимала на социальной лестнице более низкую ступеньку, чем мой дед. Агнес была предпоследним ребенком в традиционной ирландской семье, где было десять детей. Она обладала живым умом и привлекательной внешностью, а также отличалась большой набожностью. Так и вижу, как она убеждала моего деда бросить свой жалкий протестантизм и обратиться в католичество. Старый Том любил тишину и спокойствие, поэтому Агнес всегда удавалось настоять на своем. Помимо всего прочего семейные разногласия заключались еще и в том, что деду пришлось отказаться от своего наследства ради женитьбы на прекрасной Агнес. Самнерсы были как-то связаны с морским делом, и в нашем роду в девятнадцатом веке имелось по меньшей мере два капитана торговых судов, но мне не известно, было ли это наследство хоть сколько-нибудь значительным. Подозреваю, что рассказы о «семейном состоянии» и «морской династии», которыми мой дед пожертвовал ради своей любви, страдают несколько преувеличенной значительностью и романтизмом. Нет никаких сомнений в том, что он любил мою бабушку, но на протяжении всей жизни мой дед, как впоследствии и отец, таил невысказанный упрек. Им обоим казалось, что нечто, от чего пришлось отказаться когда-то в прошлом, уже невозможно компенсировать в настоящем, что они оказались заложниками института брака, и от этого никуда не уйти.

Мой дед пошел работать монтажником в мастерские на реке Вир. Через его руки проходили танкеры и военные корабли, прежде чем их спускали на воду и выпускали в открытое море. У моего деда и бабушки Агнес родилось шестеро детей: две девочки и четыре мальчика, старшим из которых был мой отец. Во второй раз бабушка

28

забеременела двойней. Это обнаружилось только во время родов, причем выжил только один из близнецов. Много лет спустя Агнес расскажет моей сестре, что она молила Бога прибрать одного из малышей, потому что боялась, что не сможет прокормить обоих. Вероятно, ее молитвы были услышаны. Гордон, оставшийся в живых близнец, отличался невероятной жадной жизни. Мой отец рассказывал, что тот вечно попадал в какие-то переделки. Любимым времяпрепровождением Гордона было лежать между железнодорожными рельсами, когда над его головой проходили

груженные углем поезда. Должно быть, он вообразил себя бессмертным. Еще до того, как я родился, дядя Гордон уехал в Австралию, чтобы заняться поисками золота в пустыне, раскинувшейся вокруг хребта Дарлинг, и меня называли в честь него.

Католицизм моей бабушки составлял значительную часть не только ее духовной жизни, но и общественной жизни всей семьи. Она пошла работать экономкой к молодому священнику, которого звали отец Томпсон, а я привык называть его отцом Джимом. Это был добрейший и абсолютно свой человек, который всегда казался мне членом семьи. У него был невыносимый акцент, как у героя одного из романов Вудхауза, и растерянный вид неряшливого интеллектуала, который оказался не на своем месте. Шаркающей походкой он входил в дом в своем священническом воротничке, сутане и шляпе, сандалиях, надетых поверх черных носков, и очках. Агнес была буквально одержима отцом Джимом. Его священнический сан, его благочестивая ученость в сочетании с ласкающей слух запинаящейся манерой говорить, свойственной высшему классу, оказывали опьяняющее действие на ирландскую девочку из Сандерленда, которая все еще жила в моей бабушке. В их отношениях никогда не было и намека на что-либо предвещающее, но имя отца Джима не сходило с бабушкиных уст: «отец Джим сделал это», «отец Джим сделал то», а бедный старый Том редко удостоивался слова или взгляда. Он лишь

29

тихо сидел в углу и подбирал какую-то старую мелодию на своей мандолине, уставившись в пространство перед собой и мыча себе под нос песню без слов.

Ко времени моего рождения в октябре 1951 года бабушка и дедушка перебрались в Ньюкасл вместе с отцом Джимом, получившим постоянное место священника в женском монастыре Доброго Пастыря в северо-восточной части города. Здесь он руководил группой монахинь, в ведении которых находилась школа для девочек, а также прачечная, снабжавшая местное духовенство чистыми простынями и алтарными покрывалами. К девочкам-школьницам меня никогда не подпускали, но в обязанности моего деда входило следить за коксовой печью в подвале монастыря, а также перевозить на фургоне белье, забирая грязное и возвращая безупречно чистое. Дед сам скручивал себе сигарки и был неизменно одет в голубые рабочие брюки и черный армейский берет. Дед умел лаконично пошутить. Семейное предание гласит, что однажды за обедом отец Джим принялся вслух размышлять, около какой темы будет выстроена его воскресная проповедь.

— Около пяти минут, — съязвил мой дед, достаточно громко, чтобы быть услышанным, после чего получил в ответ убийственный взгляд Агнес и озадаченный — священника. Мой дед был личностью, и меня всегда завораживали длинные паузы, которые он делал между словами, а также волосы, торчавшие у него из ушей и огромного носа. Эти волосы становились все длиннее по мере того, как дед старел, а тело усыхало.

Обычный дом, стоящий на монастырской территории, соответствовал должности, занимаемой моим дедом (отец Джим неизменно ужинал в доме бабушки и деда). За стенкой жило семейство Дули, присматривавшее за монастырской фермой. Старый Дули брал меня с собой на дальние поля кормить свиней и потчевал леденцами, рассказывая истории об огромных жутких свиноматках, которые могут безо всякой причины наброситься на мальчика и перекусить его пополам. Поэтому я старался держаться подальше

30

от свиней, особенно после того как мне сказали, что они так же умны, как люди, и так же способны на подлость. Я как сейчас вижу старого Дули в морском шейном платке, высоких сапогах с закатанными голенищами и с огромным пиратским кожаным ремнем, который придавал ему вид головореза. Мне казалось, что, входя в свинарник, он чувствует себя идущим по перекладине мачты.

Агнес не жаловала семейство Дули. Они казались ей дикими и неопрятными, сама же она претендовала на некоторую утонченность. Она ежедневно разгадывала кроссворд в свежем номере *Times* и читала пересказы книг в *Reader's Digest*, объясняя, что, поскольку ей не довелось получить настоящее образование, она вынуждена получать его в сокращенном виде. На протяжении всей своей жизни она питала неиссякаемый интерес и любовь к чтению, побуждая к этому и меня.

Свои книги Агнес хранила на полках, которые занимали нишу в стене у камина и тянулись от пола до потолка. Она проводила много времени, сидя в кресле с книгой в руках и очками в черепаховой оправе на носу. Позади нее громоздилась пирамида из книг, которые ей предстояло изучить. Она никогда не откладывала книгу, не прочитав. Бабушка дала мне почитать «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона, едва мне исполнилось семь лет. Я продрался сквозь эту книгу с той

же кровожадной решимостью, которую я впоследствии использовал в беге по пересеченной местности. Едва ли такой подход можно назвать интеллектуальным, однако он окажется полезным во многих других областях. И не в последнюю очередь в музыке. Кроме того, бабушка заставила меня прочесть «Жизнеописания святых», которые в любом случае не могли произвести на меня большого впечатления.

Агнес часто говорила мне, что если у меня вообще есть мозги, то я получил их в наследство от нее. И именно благодаря поддержке и поощрению со стороны моей бабушки я стал считать себя способным и сообразительным.

31

Жизнь моих родителей началась в обычном доме неподалеку от судостроительного завода Свана Хантера в Уоллсенде. Здесь, на северном берегу реки Тайн, между Ньюкаслем и Северным морем, родилась и выросла моя мать. Уоллсенд находится в том самом месте, где император Адриан решил завершить строительство своей стены в 122 году, когда побывал в этом пустынном северном уголке своей огромной империи. Адрианов Вал, подобно гигантской змее, извивается на восемьдесят миль по холмам и пустошам между Барроу-ин-Фернесс на западном берегу до берегов реки Тайн на восточном. Принято думать, что стена была построена с целью защиты от скоттов и пиктов, но в действительности она предназначалась для того, чтобы контролировать торговые сношения между югом и севером, а значит, и с населением территории, которая впоследствии станет северной частью Англии. Перевод латинского *segedunum* удручающе прозаичным Уоллсенд (конец стены) заставляет это слово звучать похоже на «конец мира». И я полагаю, что римский легионер, посланный в эту захолустную, продуваемую всеми ветрами дыру и одетый в одну лишь кожаную набедренную повязку, согласился бы с таким определением. Когда в начале двадцатого века судостроительный завод в нашем городе начал расширяться, строители обнаружили остатки храма, посвященного Митре, богу света, особенно почитаемому римскими пехотинцами, а несколько лет назад, когда была снесена наша старая улица, — целый лагерь римских легионеров под булыжной мостовой.

После того как в пятом веке римские легионы наконец вернулись в Рим, эти места стали подвергаться постоянным набегам, в основном со стороны Северного моря, откуда приходили саксы, датчане, юты, викинги и норманны, а также скотты. В течение многих веков власть над нашим регионом столько раз переходила из рук в руки, что местные жители начали ощущать себя отдельным народом, не относящимся ни к шотландцам, ни к англичанам. Мы называем

32

себя «джорди»⁵ по историческим причинам, которые по-прежнему являются предметом оживленных дискуссий среди местных историков, но большинством из нас давно забыты. Осталось лишь острое региональное самосознание, причем ощущение собственной уникальности поддерживается у жителей наших мест наличием своего диалекта, который порой звучит совершенно непонятно для остальных жителей Британских островов.

На реке Тайн построены некоторые знаменитые корабли. «Мавритания», построенная для компании Cunard Line, быстрее всех других кораблей пересекала Атлантику. Ее сестра «Лузитания» была в начале Первой мировой войны потоплена немецкой подводной лодкой, что спровоцировало вступление в войну Соединенных Штатов. Судно «Эссо Нортумбрия», танкер водоизмещением в четверть миллиона тонн и на момент своего спуска на воду самый большой корабль в мире, было построено уже при мне, в конце моей улицы, где располагалась верфь. Многие месяцы его огромный корпус загораживал солнце, после чего корабль наконец спустили на воду, и он ушел по реке Тайн в Северное море, чтобы никогда уже не вернуться сюда.

В самом облике верфи было что-то доисторическое: гигантские скелеты кораблей и крошечные в сравнении с ними рабочие, подвешенные в огромной клетке, чей силуэт хорошо читается на фоне неба. Подъемные краны казались громадными доисторическими животными, металлическими монстрами, которые беззаботно скользят и с неестественной медлительностью двигаются над кишасей людьми верфью и вспышками ацетиленовой сварки.

Каждое утро ровно в семь часов раздавался заводской гудок, скорбный вопль, созывавший рабочих к реке. И сотни людей устремлялись вниз по нашей улице в своих спецовках, кепках и рабочих ботинках. За плечами у многих

⁵ Джорди (Geordie) — уменьшительное от Джордж; так называют население Ньюкасла на Тайне и его окрестностей, а также местный диалект.

33

висели оставшиеся от армейских времен заплечные мешки. Теперь там лежали бутерброды и термосы с чаем. Казалось, что исключая тех, кто работает в угольном карьере, и тех, кто занят

канатным делом, все жители Уоллсенда работают на Свана Хантера. Глядя на рабочих, я задумывался о своем собственном будущем и о том, кем буду работать, когда вырасту. Не придется ли и мне присоединиться к этой громадной армии людей и провести жизнь в утробах гигантских кораблей?

По воскресеньям утром отец водил нас с братом на пристань смотреть на корабли. Там можно было увидеть норвежский пароход «Леда», каждую неделю ходивший от Осло до Ньюкасла и обратно по холодному Северному морю маршрутом древних викингов. Я помню, как отец мечтательно смотрел вверх на рулевую рубку и канаты, соединяющие нос корабля с пристанью. «Пойдет в море!» — всегда говорил мне отец, но теперь я знаю, что на самом деле он обращался к себе, вспоминая молодость и сожалея о том, что жизнь привязала его к земле.

Получив некоторые навыки инженерной работы в армии, отец работал сборщиком в компании De la Rue, которая занималась изготовлением массивных турбин и двигателей для морских кораблей. Наша семья не была богатой, но отец зарабатывал достаточно для того, чтобы мать могла бросить работу и присматривать за мной дома.

Через три года после моего рождения в семье появляется мой брат Фил, и отец принимает еще одно решение, о котором будет сожалеть до конца своей жизни.

В 1956 году, когда мне исполнилось пять лет, отец решает оставить профессию инженера и взять в свои руки управление молочным магазином. Предыдущий владелец магазина — некто Томми Клоуз, друг моего дедушки Эрнеста, — собирается уйти на пенсию, и ему нужен тот, кто сможет его сменить. Мощным стимулом для моего отца является перспектива быть хозяином своего дела, а также то, что вместе с работой он получает большую двухэтажную квар-

34

тиру, где сможет расположиться наша растущая семья — мама беременна моей сестрой Анжелой, которая будет всего лишь на год младше Фила.

В нижнем этаже дома находится молочный магазин. Здесь продают молоко, мороженое, шоколад, конфеты и бутылки с газировкой: апельсиновой, лимонной и моей любимой — из одуванчиков и лопуха. В магазине двое продавцов: Бетти, пухлая, истеричная девушка, которая встречается с уличным хулиганом, который, по общим подозрениям, ее бьет, и Нэнси, бойкая, рыжеволосая женщина, которая станет близкой поверенной и даже кем-то вроде сообщницы моей матери. С тыльной стороны молочного магазина был двор, где стояло два электрических молочных насоса и дизельный грузовичок по прозвищу «Троянец», на котором отец каждое утро развозил молоко. Город разделен на три «молочных» округа. Один из них отведен моему отцу, два других обслуживаются молочником по имени Рэй и его младшим братом Билли. Рэй — грубый карлик со смрадным дыханием и зачесанными назад напомаженными бриллиантином волосами. Он то и дело демонстрирует мне свою грыжу: «Смотри, она похожа на апельсин». Его тихий брат Билл исполнен любезности и лыс, как бильярдный шар.

Начиная примерно с семилетнего возраста, во время школьных каникул и по выходным я буду помогать своему отцу развозить молоко по домам нашего квартала и хижинам шахтеров на севере города. Отец работает семь дней в неделю, круглый год, кроме Рождества. Мой отец — хозяин магазина, но он не может устроить себе выходной. В те дни, когда я помогаю ему, он будит меня в пять часов утра, не тревожа сна моего младшего братишки, и я натягиваю свою самую теплую одежду. Иногда зимой бывает так холодно, что на внутренней стороне окна образуется наледь, и я умудряюсь натянуть на себя одежду прямо под одеялом, а в это время изо рта у меня вырываются клубы пара. Спотыкаясь, я спускаюсь вниз, где отец уже разливает чай, и начинаю разводить огонь в камине, пока не проснулись

35

остальные члены семьи. Мы грузим молоко в наш грузовичок — на руках у нас старые кожаные перчатки с обрезанными пальцами — и стараемся поднимать и ставить металлические ящики как можно тише, чтобы не разбудить соседей. Вскоре мы уже едем по темным пустым улицам. Со временем я начинаю любить эту особенную атмосферу предрассветных часов. Пока все жители города еще сладко спят в своих кроватях, мы, как ночные воры, тихо крадемся по улицам города, и кажется, что улицы принадлежат нам, потому что только мы видим их в этом необыкновенном и таинственном состоянии, которое исчезнет с наступлением утра. Мне и сейчас бывает трудно подолгу оставаться в постели. Я всегда встаю первым, и долгий сон — не в моих привычках.

Зимы, которые я вспоминаю, ужасны. Выдаются и такие утра, когда от холода я не чувствую ног в течение нескольких часов после того, как работа уже закончена, а мое лицо и руки остаются синими от мороза. Иногда улицы покрываются льдом, и наш маленький грузовик, который отец

называет «Бесси», не может взобраться на крутые улицы у самой реки. В таких случаях мне приходится развозить оставшееся молоко на санках. Иногда из-за мороза сливки, скапливающиеся у горлышка бутылки, замерзая, прорывают крышечки из жестяной фольги и торчат из горлышка, напоминая странные ледяные грибы. Мы понимаем, что за такие бутылки никто не заплатит, но что же мы можем сделать? В самые холодные дни отец ставит в кузов керосинку, но она невероятно мешает, когда нужно слезать с кузова или снова туда залезать.

Поскольку отец держится твердо и стоически, я тоже никогда не жалуясь и не прошу, чтобы он отпустил меня домой. Я хочу, чтобы отец гордился мной. Кроме того, я стремлюсь быть похожим на него, поэтому учусь одновременно держать шесть бутылок молока в руках и две под мышками. Я заучиваю номера квартир и количество молока, которое получает каждая семья. Я сообщаю отцу, если

36

происходят какие-то изменения, и тогда он записывает их в специальную книгу. Мне кажется, что я хорошо справляюсь со своей работой, но отец никогда не хвалит меня.

Каждое утро в половине восьмого мы делаем перерыв и смотрим на дым, который поднимается с конвейера для шлаковой массы, расположенного за шахтой. Вся эта конструкция напоминает рукотворный вулкан. Мы сидим и молча едим холодные бутерброды с ветчиной. Отец думает о своем, а я — о своем. Порой отец погружен в себя и молчалив, но я не в обиде, потому что молчание дает невиданный простор моему воображению. Бегая от двери к двери с бутылками молока, я конструирую самые фантастические варианты своего будущего: я стану путешественником, я стану главой большого семейства, я стану владельцем огромной усадьбы. Я разбогатею и прославлюсь.

*

Тетя Эми, которая вовсе не приходилась нам родственницей, жила по соседству (в те золотые дни каждую соседку я мог смело назвать тетей). Тетя Эми была близка к пенсионному возрасту, но она все еще работала в конторе судостроительного завода, и в дни спуска новых кораблей на воду брала меня с собой посмотреть на громадную бутылку с шампанским, в четыре раза превышающую размеры обычной бутылки. В момент спуска на воду эту бутылку предстояло разбить о борт нового корабля какому-нибудь специально приглашенному высокопоставленному лицу. Тетя Эми ставила меня на стол, где уже возвышалась приготовленная к церемонии гигантская бутылка, украшенная лентами ярких цветов. Я помню времена, когда эта бутылка была выше меня. Еще я хорошо помню свой испуг, когда бутылка со всей силы ударилась о стальной корпус корабля, и белая, похожая на слюну пена стекала по его обшивке. Громкие приветственные крики людей, сопровождавшие отход корабля от пристани, тонули в отвратительной какофонии,

37

состоявшей из стального лязга, скрипа деревянных опор в конструкции судна и громохання массивных железных цепей. Однажды на верфь приехала королева-мать, чтобы присутствовать при спуске на воду очередного нового корабля. Когда она проезжала по нашей улице в своем «роллс-ройсе», с кортежем телохранителей-мотоциклистов и автомобилей с именитыми сановниками, мы все махали ей маленькими флажками Соединенного Королевства, и я был абсолютно уверен, что королева улыбнулась мне. Корабли, покидающие воды реки Тайн и плывущие в море, станут чем-то вроде символа моей собственной кочевой жизни. Вышедшему в мир — нет возврата.

Я помню, как однажды мы с мамой зашли навестить тетю Эми — одну из немногих ее подруг среди наших соседей по улице. Я думаю, тетя Эми в какой-то мере заменила ей мать после смерти Маргарет, ее собственной матери. Эми всегда хорошо одета и безупречно причесана. Она носит туфли без каблуков, теплые зимние чулки и твидовые юбки. Она излучает респектабельность среднего класса. Мама смотрит на нее с почтением как на женщину, с которой надо брать пример, и во время своих бесконечных чаепитий они ведут разговоры ни о чем, во всяком случае ни о чем таком, что касалось бы меня. Я изо всех сил пытаюсь проявить свою заинтересованность, насколько вообще может быть заинтересован семилетний мальчик при подобных обстоятельствах, но вскоре мне становится скучно, и я начинаю вклиниваться в разговор, задавая вопросы типа «Когда будет следующий спуск на воду, тетя Эми? Можно мне туда пойти? Вы всегда работали на верфи?» Я щебечу совершенно невинно, но вот меня охватывает настоящее любопытство, и я спрашиваю:

— Почему у вас нет мужа?

За моим вопросом следует несколько мгновений гробовой тишины, а у мамы становится

испуганный вид, и я немедленно понимаю, что сказал нечто ужасное. Тетей Эми лишь на секунду овладевает растерянность, самообладание очень быстро возвращается к ней.

38

— У меня был муж, — говорит она, — но он погиб на войне. — Она смотрит на меня добрыми глазами. — Он был очень смелым солдатом, — тихо добавляет она, а затем тетя Эми и моя мама начинают одновременно, как заведенные, прихлебывать из своих чайных чашек, словно боясь нарушить повисшую в комнате атмосферу затаенного страдания и одиночества.

Теперь я уже боюсь спрашивать, как его звали и есть ли его имя в списке имен на военном мемориале. С тех пор я вообще не касаюсь этой темы.

Вскоре тетя Эми заболеет и больше не сможет работать на верфи, а моя мама каждый день перед школой будет давать мне чашку чая с молоком и блюдец с печеньем, улучшающим пищеварение, чтобы я отнес все это тете Эми. У меня есть ключ от ее дома, и я захожу, стараясь не расплескать драгоценный чай. Свободной рукой я осторожно стучу в дверь ее спальни и захожу в полумрак, где чувствуется странный запах, происхождение которого я не могу определить. Мне кажется, что это запах болезни. Тетя Эми благодарит меня и несколько мгновений держит мою руку. Пройдет несколько недель, и тетя Эми станет первым в моей жизни знакомым человеком, который умер. Мама целый день плачет, и я не могу ее утешить. «Это и есть смерть», — объясняю я себе, и у меня начинаются катастрофические фантазии о том, как мои родители погибли на войне, которая внезапно разразится, и я останусь один. Но этими мыслями я не делюсь ни с кем.

За нашим домом есть темная полоса булыжной мостовой, и я часто буду видеть побеги травы, пробивающиеся в промежутках между холодными серыми камнями. Может быть, это птицы принесли сюда семена, а может быть, их надуло сюда ветром. Я часто мечтаю о том, как все эти маленькие пучки травы соединятся в один сплошной травяной покров и наша улица превратится в прекрасный зеленый-зеленый сад. Но это всегда только мечты: передо мной остается абсолютно серая гамма пейзажа, перемежаемая лишь тусклыми пятнами

39

одежды людей, которые влачат свое жалкое существование среди камня и кирпича. Дальше, за домом тети Эми, на нашей улице находится китайская лавка, куда не часто заходят покупатели, и заведение Троттеров, парикмахерская, где стрижемся мой отец и я. У нас обоих одна и та же стрижка: коротко на затылке и на висках. Я еще маленький, поэтому меня сажают на доску, которую кладут на ручки парикмахерского кресла, поперек сиденья. Я люблю колючий холодок, который ощущает моя рука, пробегая по только что подстриженному затылку. Но особенно меня завораживают неповторимые мужские запахи и атмосфера парикмахерской: кожаные ремни, о которые парикмахер у всех на глазах затачивает опасные бритвы, мелькание покрытого пеной помазка, бодрящий аромат тоника для волос и помады, растущая гора состриженных волос на полу и вжиканье ножниц вперемежку со сдержанным, колоритным мужским разговором, который возможен только вдали от женских ушей.

По соседству с парикмахерской находится газетная типография, где огромный шумный печатный станок каждый вечер выдает тираж ньюкаслской *Evening Chronicle*, а каждое утро — *Journal*. Мой лучший друг Томми Томпсон продает газеты на углу около типографии рабочим с верфи, когда они возвращаются с работы. Мы с Томми стали друзьями с первого школьного дня. У него темные цыганские глаза и пышные черные волосы, напомаженные и уложенные в виде валика в подражание его старшему брату, уличному хулигану. Его брат принадлежит к пижонствующей бандитской группировке, члены которой наводят страх на жителей города или по крайней мере воображают, что у них это получается. Томми очень милый мальчик, но его заученный образ хулигана, этакого скороспелого Джина Винсента⁶ с нахальными манерами и дерзким лицом, при-

⁶ Джин Винсент (Юджин Винсент Крэддок, 1935-1971) - популярный в конце 1950-х — начале 1960-х годов исполнитель в стиле кантри, свинг, а потом рокабилли и рок-н-ролл, организовал группу Blue Caps, самая известная песня — «Be bor a Lula».

40

водит его к постоянным конфликтам со всякого рода властями. Он курит самокрутки, ходит в школу, только когда у него есть настроение, с непостижимой смелостью ворует всякую ерунду из «Вулворта», а еще демонстрирует невероятные знания в области половых извращений, прекрасно владея при этом соответствующими терминами.

— Ты знаешь, что такое шлюха?

Стыд борется во мне с невероятной заинтересованностью, и я отвечаю: -Нет.

— Может быть, это такая одежда?

— Нет, Томми, я не...

— Это когда чувак достает свой член и засовывает его между...

Томми не ходит в церковь и утверждает, что не верит в Бога. Он мой первый живой герой и пример для подражания.

Если мне удастся втянуть моего самого искушенного в житейских делах друга в достаточно длинный разговор, он позволяет мне немного попродавать *Chronicle*, а сам идет в контору типографии выкурить сигарету или выпить чашку чая. Он учит меня, как выкрикивать название газеты, растягивая каждую гласную так, чтобы оно звучало как «иивинайииинн кроаниикааэл», и стараясь брать самые высокие ноты. Мне всегда приходится следить, чтобы на улице случайно не появилась моя мама, потому что, по ее мнению, продавать газеты — вульгарно и люди могут подумать, будто я плохо воспитан. И тем не менее это моя первая работа, связанная с пением.

На противоположной стороне улицы стоит англиканская церковь Св. Луки, построенная в стиле викторианской готики, за ней, ближе к реке, находится Ллойдс-Банк, а дальше — почта, где каждую неделю по средам я получаю государственное пособие для нашей семьи. Викарий из церкви Св. Луки каждое утро приходит в наш молочный магазин и покупает полпинты молока. Он объясняет, что это для его кошечки. Я знаю, что викарий шутит: у него нет никакой

41

кошечки. Он ловит мой взгляд и подмигивает мне, а потом насмешливо смотрит на очередной фингал, красующийся на лице у Бетти. Мне нравится викарий, мне нравится его дружелюбная улыбка, его седые волосы под черной шляпой, даже его глупая шутка. Он кажется мне носителем более дружелюбного религиозного учения, чем то, которое исповедуют ирландские фанатики и которым меня уже начинают мучить в католическом храме через две улицы от нашего дома.

Если идти вниз по улице от здания почты, попадаешь на железнодорожную станцию. Там работает Мик, старший брат Томми. Он проверяет билеты у пассажиров, которые возвращаются после работы в городе. В промежутках между прибытием поездов я нередко вижу Мика свешивающимся из окна зала ожидания, которое расположено высоко над Хью-стрит. Мик старается доплунуть до другой стороны улицы. Я говорю ему: «Привет, Мик!»

Он не обращает на меня внимания как на низшее существо, но большой зеленый сгусток слюны все же успевает приземлиться у моих ног прежде, чем раздастся звонок колокольчика, возвещающего о приближении очередного поезда. Каждые пятнадцать минут на станцию прибывает электричка, но время от времени шумное доисторическое чудовище на пару с грохотом переваливает через мост над Стейшн-роуд, и маленький мальчик выбегает из дома номер 84, чтобы ощутить почти сладострастное удовольствие от лицезрения машины, созданной самим Джорджем Стефенсоном, которого знает весь мир. (Стефенсон, создатель парового двигателя, родился менее чем в трех милях отсюда, и он, наверное, единственная знаменитость родом из этих мест.)

По пятницам утром мама посылает меня под железнодорожный мост купить свежей трески и пикши у торговки рыбой. Ручная тележка торговли грубо сколочена из деревянных досок и водружена на пару таких же грубых колес. Торговка толкает эту тележку вверх от набережной, где идет рыбалка. Она заворачивает влажную, блестящую рыбу

42

в старую газету. У нее грязные ногти и волосы с проседью, которые собраны в тугий пучок на затылке, открывая лицо, испещренное морщинами, как автомобильная карта — дорогами. У нее только один зуб. Я боюсь рыбной торговли, потому что в моем воображении она представляется мне злой женой морского чудовища, а судорожно бьющиеся рыбы с открытыми ртами и выпученными глазами — ее жертвами. Я использую любой предлог, чтобы в пятницу утром улизнуть из дома или уговорить маму послать меня в магазин, где рыбы уже мертвые и выпотрошенные, а значит уже миновавшие неизбежную фазу насилия.

Я посещаю начальную школу Св. Колумбы, которая располагается в старом викторианском здании рядом с церковью, где венчались когда-то мои родители. Школа названа в честь одного из неистовых ирландских монахов, который в конце пятого — начале шестого века обратил местных язычников в христианство. Должно быть, эти монахи обладали недюжинным самомнением и решимостью, раз покинули свой монастырь на острове Ионы, чтобы заменить Одина и Тора на Бога, который учил подставлять вторую щеку, если бьют по одной, и проповедовал любовь. Прошло несколько столетий, но наши священники — по-прежнему фанатики-ирландцы, а мы сами на местном диалекте по-прежнему называем четвертый день недели «торсдей» (день Тора). Есть вещи, которые не меняются никогда.

Именно в школе Св. Колумбы зародился мой интерес к религии, который я сохранил на всю

жизнь, и здесь же начались мои первые связанные с религией трудности, с тех пор меня не покидающие. Все дети-католики изучают катехизис, маленькую красную книжечку, которую они должны запомнить наизусть, словно предшественники маоистов с их цитатниками, намеревающиеся обратить в свою веру весь мир.

Кто создал тебя?

«Меня создал Бог».

48

Для чего Бог создал тебя?

«Чтобы познавать его, любить его и служить ему».

По чьему образу и подобию создал тебя Бог?

«По своему образу и подобию и т. д. и т. п.»

Из всего этого следовало, что Бог — католик и что каждый, кто не является католиком, не сможет войти в Царствие Небесное. К людям, не исповедующим католицизм, следовало относиться с жалостью и по возможности стараться обратить их в истинную веру. К счастью, будучи ребенком от смешанного брака — моя мать принадлежала к англиканской церкви, а отец был католиком, — я так и не усвоил эту идею до конца. Отправлять миллионы потерянных душ в геенну огненную только потому, что они не были членами «Союза женщин-католичек» или «Рыцарей Святого Колумбы», казалось мне чрезмерным высокомерием задолго до того, как я впервые услышал это слово. А понятие лимба, места, где вечно обречены сидеть несчастные младенцы, которые не были крещены в католической вере, пугало меня не меньше, чем сам ад (куда неминуемо должен был отправиться каждый, пропустивший хотя бы одну воскресную мессу). В сущности, сама мысль о вечности, будь то чистилище, ад или небеса, вселяла в меня ужас. Рай представлялся мне присутствием на бесконечно длинной скучной мессе в то время, как все, кого я знаю, включая моих родителей, будут поджариваться где-то внизу. Мальчиком я действительно какое-то время прислуживал у алтаря, что парадоксальным образом несколько уменьшало мою скуку во время литургии. В те времена я мог повторить всю мессу на латыни от начала до конца, не понимая в ней почти ни слова. Думаю, я был далеко не одинок в своем невежестве, но мне, вероятно, нравилось мое длинное черное облачение, поверх которого надевался белый стихарь по будним дням и красный — по воскресеньям (я был одет почти что в платье), а театральность и несколько тяжеловесная торжественность церемонии, должно быть, будоражили во мне актера.

44

Поскольку с тех самых пор истинно религиозные переживания обходили меня стороной, я чувствовал себя как мытарь среди правоверных. Я будто бы не вполне принадлежал к их кругу. Труднее всего мне давалась исповедь. Считается, что в семилетнем возрасте ребенок уже способен отличить добро от зла, но большинство семилетних детей, насколько мне известно, не совершает дурных поступков. Тем не менее святое таинство исповеди требует, чтобы, стоя на коленях внутри закрытой кабинки лицом к почти непроницаемой завесе из холста, человек признавался в своих грехах, обращаясь к зыбким очертаниям священника, сидящего с другой стороны завесы.

Исповедь следовало начинать так: «Благословите меня, отец, ибо я согрешил. Последний раз я исповедовался две недели назад» (исповедоваться надо было раз в две недели), но у меня возникали определенные затруднения с обоими этими утверждениями. Насколько мне казалось, я не совершил за это время никаких грехов, о которых стоило бы рассказать, но мне стыдно было заявить священнику, что я безгрешен. Таким образом, утверждение о том, что я согрешил, уже само по себе было ложью. Затем мне приходилось усугублять эту ложь, изобретая целый список простительных грехов, например, «я не слушался родителей» (на самом деле этого не было) или «я говорил неправду». А между тем единственная ложь, в которой я был виновен, имела место во время моей последней исповеди, в святой атмосфере таинства, превращаясь тем самым из простой лжи в святотатство, что, разумеется, должно было обречь меня на вечные муки. Эта ужасная онтологическая загадка и нравственный парадокс были просто не по силам уму семилетнего ребенка. Я бежал от исповеди, как от чумы, чем, естественно, только усугублял свое положение. Католик должен исповедоваться хотя бы раз в год, в противном случае он будет отлучен от церкви (вот еще один проступок, гарантирующий человеку геенну огненную). Таким образом, только для того, чтобы избежать смущения, которое

45

одолевало меня во время исповеди, я обрек себя на жизнь вне церкви и на вечные муки в джойсианской версии ада, очень поддерживаемой ирландскими священниками. Вероятно, я был или очень глупым семилетним мальчиком, или, напротив, слишком глубоко задумывался над

некоторыми вещами.

Эти загадки и противоречия остались со мной и во взрослой жизни. В некоторых делах это сослужило мне хорошую службу, а в других — помешало, но сохранилось ощущение, что мысль и страдание каким-то сложным образом неразрывно связаны друг с другом, — это и есть наследие моего католицизма.

*

Прошло время. Я по-прежнему нахожусь в лесной церкви, не имея никакого понятия о том, который сейчас час. Труды выглядят умиротворенной и, кажется, плывет по волнам своих воспоминаний. Женщина слева и немного позади меня тихонько стонет: не то от боли, не то в экстазе, а женщина справа от меня содрогается в рыданиях. Я сохраняю молчание, если не считать звука моего глубокого ровного дыхания, и могу лишь отдаться на волю снадобья, которое я выпил.

Меня удивляет тот безграничный диапазон воспоминаний и зрительных образов, которые вызваны во мне этим переживанием. Такое впечатление, что все виды человеческих взаимоотношений, которые были и есть в моей жизни, попали под пристальное наблюдение. Родители, братья, сестры, друзья, возлюбленные, жены и дети — все как будто призваны на суд моей памяти и по очереди выступают в качестве свидетелей, причем темы, о которых я обычно избегаю размышлять, касающиеся моих ошибок как сына, брата, друга, любовника, мужа или отца, а также мой ужасный страх смерти, не остаются в стороне, но постоянно находятся в фокусе моего сознания.

46

Хотя мрачные, жестокие образы понемногу от меня отступили, то, что я испытываю сейчас, едва ли можно назвать приятным ощущением; на самом деле со мной снова происходит что-то очень серьезное. У меня нет другого выбора, как только поддаться действию снадобья и смиренно признать, что где-то на глубинных уровнях моего сознания скопилось много гнева и ярости и что в настоящий момент происходит некое очищение.

Молодая женщина позади и немного справа от меня все еще плачет, но уже гораздо тише, а женщина слева явно переживает эротический экстаз. Я прислушиваюсь к музыке, которая доносится из стереомагнитолы: это бразильская певица Зизи Посси. У нее страстный голос, исполненный романтики и сексуальности. Я никогда не слышал песню, которую она поет, но в основе этой песни — классическое произведение Эйтора Вилла-Лобоса, и я узнаю эту вещь. Пение сопровождается соло виолончели, глубокий и густой звук. Мои видения продолжают.

Геометрические объекты в форме спиралей на внутренних сторонах моих век колеблются в такт музыке, а затем начинают принимать очевидно человеческие формы ослепительных, украшенных драгоценностями женских фигур. Никогда в жизни мне не доводилось видеть таких роскошных созданий и в то же время в них есть что-то потустороннее, в их красоте есть какая-то жестокость, они чем-то похожи на насекомых и при этом в них есть что-то глубоко сексуальное.

Мы поднимаемся вверх по тоннелю, напоминающему шахту лифта. Меня окружают и несут, не прикладывая никаких видимых усилий, мои экзотические спутницы. Мы поднимаемся все выше и выше. Я утратил всякий контроль над происходящим и не пытаюсь сопротивляться.

Меня вводят в большую комнату, похожую на внутренность улья. В центре ее стоит стол с шахматной доской. По другую сторону доски я вижу изящную женщину, еще более прекрасную и, вероятно, занимающую более высокий

47

статус, чем мои спутницы, которые предлагают мне сесть. Они образуют аккуратный круг вокруг доски. Передо мной — белые фигуры. Никаких сомнений, что мне придется играть.

Я делаю ход, передвигая белую пешку на две клетки. Это стандартное начало, и моя партнерша отвечает точно так же. Во время игры она не смотрит на доску и не меняет выражения лица, но непрерывно смотрит мне в глаза. На каждый мой ход она отвечает быстро и агрессивно.

Музыка продолжает волнами вливаться в комнату, и мои спутницы начинают чувственно покачиваться в такт барабанному бою. В глазах моей соперницы — лишь легкий намек на соблазн. Легкая насмешка чувствуется в том, как она копирует мои движения, сидя с другой стороны стола. Музыка звучит с нарастающей настойчивостью и обвивает мою голову как аромат духов. Длинные пальцы моих спутниц складываются в изысканные и замысловатые мудры, как будто они жрицы, которые скользят вокруг меня, и в этом кружении мой взгляд выхватывает то глаза, то губы, то беззаботные лица. Я должен сосредоточиться на игре, но комната превращается в ослепительную вакханалию сексуальных образов.

Женщина напротив меня превратилась теперь в королеву-богиню потрясающей красоты и невероятного ума. Я замечаю, что, ставя свои черные фигуры на клетки шахматного поля, она вызывающе поворачивает их пальцами, как будто вкручивая в поверхность доски. Она явно делает это, чтобы запугать меня и привести в замешательство, и я не могу не реагировать на этот намек. Я уже не воспринимаю происходящее как игру. Мне начинает казаться, что от победы в этой игре зависит моя жизнь. Загнанный в угол хитростью своих спутниц, я начинаю чувствовать озабоченность и смущение.

Танец становится все более и более эротичным, а изгибы покачивающихся бедер выглядят все более вызывающе. Меня охватывает возбуждение, я начинаю делать ошибки,

48

которые громоздятся одна на другую, как снежный ком. Мне необходимо мыслить ясно, но танцовщицы превратились в бешеный сгусток сексуальной энергии. Я одновременно возбужден и напуган.

Наступление моей противницы неумолимо. Она безжалостно разрушает мою защиту. У меня не остается другого выбора, и я выдвигаю своего короля на середину доски. Он беззащитен посреди поля сражения, отданный на растерзание черной королеве и ее подданным. Начинается разгром моей армии.

Со своими раскинутыми руками танцовщицы похожи на сказочных птиц. Я вижу кружащееся переплетение рук и ног, напоминающее мне фриз на стене храма — то изящный, то сладострастный.

Черная ладья срубает белого коня. Король снова лишен защиты. Он в смертельной опасности. Мне на ухо нашептывают ужасные непристойности. Я едва могу вздохнуть. Чей-то хитрый, змеиный язык щекочет кожу на моей шее, чуть ниже уха, когда перед моим раненым королем оказывается черная королева. Слово «шах» с оттенком жестокости и презрения гулко раздается в стенах комнаты. Танцовщицы-нимфы отступают.

Я вынужден сдавать свои позиции, моя соперница сияет от злорадного торжества. Черная королева награждает короля дразнящим поцелуем и ждет, подобно самке паука, которая искусно соткала паутину и теперь наслаждается острым ароматом победы.

Я вынужден отступать еще, еще и еще.

Музыка смолкла. В комнате наступила полная тишина.

Я возбужден, напряжен и очень уязвим.

Черная королева улыбается и сдвигается, как бы дразня меня, на одну клетку вбок, открывая чистую дорожку, идущую вдоль края доски.

У моего короля только одна жалкая возможность — сдвинуться влево, в угол доски. Черная ладья идет на h8, и я получаю мат.

49

*

Я лежу в темноте своей спальни, которая находится в мансарде прямо над молочным магазином. Я впервые держу в руке собственную сперму.

Филип Ларкин в стихотворении «Annus Mirabilis» заявил, что секс был изобретен где-то в период между запретом на книгу «Любовник леди Чаттерли» и первой долгоиграющей пластинкой Beatles. Но если не считать загадочных сведений, полученных от Томми Томпсона, секса для меня пока не существует. В нашем доме никогда не говорят о сексе. По телевизору ничего такого не показывают, и если в кино и можно получить какое-то представление о сексе, то мне не доводилось видеть таких кинокартин. Возможно, Кристин Килер⁷ и компания уже развлекают министра обороны и уже близки к тому, чтобы поставить верхушку партии тори на колени, но газеты еще не знают об этом. Лорд-канцлер, возможно, уже намеревается запретить книгу, которую Д.-Г. Лоуренс написал тридцать лет назад, но в тот момент это ни о чем не сказало бы мне.

У меня нет ни малейшего представления о том, что за субстанция выплеснулась на мою руку в темноте спальни, я только чувствую, что она имеет консистенцию и температуру крови. Захватывающее ощущение, которое на несколько мгновений овладело мной, смешивается со страхом, что я поранил себя и что при свете утра мое тело и простыни на кровати окажутся выпачканными в крови. Я не могу зажечь свет, чтобы не разбудить младшего брата. Это только моя тайна, и я уже ощущаю на своих ногах удары ремня, кото-

⁷ Стинг имеет в виду знаменитый скандал 1963 года, связанный с уходом тогдашнего министра обороны Джона Профьюмо в отставку в связи с обвинениями в получении «интимных услуг» от манекенщицы Кристин Килер. В скандале был замешан и атташе советского посольства Иванов.

50

рым орудует отец. Чувства страха, вины и состояние экстаза уже образовали ту чарующую смесь, которую я почувствую еще не раз после этого, первого опьянения.

Мой отец совсем не склонен к внешним проявлениям любви и, видимо, считает объятия и поцелуи ненужными, лишними и неестественными. Его поколение привыкло обходиться минимумом физической теплоты и близости, считая такое отношение нормой и проявлением мужественности. Как будто люди, родившиеся в промежутке между двумя войнами, бессознательно поставили себе цель создать племя спартанцев, приспособленных к трудностям и скупости эмоций в условиях военного времени. Любые отклонения от этой нормы считаются слабостью и бабством; мы не плачем, мы не бросаемся друг другу в объятия, а поцелуи вообще бывают только в кино. Мой отец не жесток, в нем нет ничего от садиста, но он — дитя своего поколения; он хороший человек, который любит нас всем сердцем, но не умеет этого показать. Он как узник в железной маске: очень мрачный, очень одинокий и чрезвычайно замкнутый.

Мать — абсолютно другая, она привыкла к непосредственному выражению эмоций. Она одинаково склонна как к приступам раздражения и слезам, так и к радостному смеху. Она нуждается в романтических, возвышенных чувствах. Она как редкая, экзотическая птица, опасная и непредсказуемая в заточении своей домашней клетки. Я обожаю мою мать, но и побаиваюсь ее.

По воскресеньям днем мы смотрим старые черно-белые фильмы, душещипательные мелодрамы на BBC: Тревор Говард и Селия Джонсон в «Короткой встрече», Джеймс Стюарт в «Жизнь прекрасна». Моя мать смотрит на экран с сосредоточенностью ребенка, поглощенная созерцанием призрачных образов, и на глазах ее начинают блестеть слезы при первом же намеке на что-то сентиментальное, когда плач скрипок и виолончелей вливается в комнату подобно теплоте сиропу. Но я не только мамин любимый мальчик,

51

я еще и сын своего отца, поэтому я изо всех сил стараюсь проглотить комок в горле, который доставляет мне боль и побуждает меня заплакать. Я чувствую, что должен утешать маму, осушать ее слезы. Сам отец днем, как правило, спит; ему некогда смотреть фильмы. Я сижу в качестве его заместителя, мрачный, с каменным лицом, которое, должно быть, выражает сдержанную ярость.

Дневной распорядок моего отца почти не меняется. К полудню он заканчивает развозить молоко, обедает, а затем ложится спать на два-три часа. Проснувшись, он читает вечернюю газету, а потом идет в паб — обычно в «Мокрый пенни» на Хай-стрит или в «Восходящее солнце» на Коуст-роуд, что неподалеку от тех мест, где он развозит молоко. Он отнюдь не пьяница и часто жалуется на головную боль, если ему случается выпить лишнюю кружку. Отец никогда не приходит домой пьяным и никогда не возвращается поздно.

Мама не пьет совсем и никогда не ходит с отцом в паб. Это считается не вполне приличным, а мама определенно хочет сохранить образ женщины с хорошими манерами. Только вульгарной женщине может прийти в голову отправиться в паб — во всяком случае, так тогда считалось. Мамино время занято уходом за моими младшими братом и сестрой, ежедневным приготовлением завтрака, обеда и ужина, хождением за покупками на Хай-стрит, а также болтовней и смехом с рыжей Нэнси, которая работает в магазине. Сама мама в магазине не работает; она считает себя леди, и все остальные воспринимают ее так же. Теперь, в отличие от всех наших соседей по улице, у нас есть машина и телефон.

В комнате, расположенной прямо за помещением магазина, у нас стоит проигрыватель. Мама научила меня двигаться под джазовую музыку, танцевать под «Текилу» и плавно скользить под пение братьев Эверли «All I Have to Do Is Dream» (вероятно, именно тогда я впервые услышал или по крайней мере обратил внимание на четырех-

52

голосие). Мы до изнеможения танцуем твист и хулу под музыку Чабби Чекера, пока наконец не падаем от усталости и боли в груди. Это счастливые времена; мы много смеемся, но в дневные часы нам приходится вести себя тихо, чтобы папа мог уснуть. В это время мама сидит за кружевной занавеской у окна на втором этаже нашего дома и смотрит на прохожих.

Несмотря на относительное материальное благополучие нашей семьи, у нас явно есть проблемы с деньгами.

Днем по субботам мой отец, Рэй и его брат Билли приносят в комнату за магазином недельную выручку. Для меня здесь всегда есть работа. Я складываю пенсы в столбики по двенадцать монет, трехпенсовики — в столбики по четыре, шестипенсовики — по два, шиллинги — по двадцать, а флорины или монеты в два шиллинга — по десять. Я помню, что мне доводилось считать даже

фартинги (четыре фартинга составляли пенс), а также полупенсы и полукроны. Зачастую цифры у отца не сходятся, выручка едва покрывает расходы. Я вижу, как Рэй и Билли без зазрения совести занимаются подтасовкой, в то время как мой отец снова и снова перепроверяет цифры.

Однажды у нашей парадной двери появляются четверо мужчин в коричневых комбинезонах. Когда они сносят наше пианино вниз по ступенькам и грузят его в кузов голубого фургона, я стою на тротуаре и вижу страдание, которое написано на лице моей матери. Ни отец, ни я сам даже не пытаемся ее успокоить.

Вскоре после этого исчезает Билли. Однажды утром приходит Рэй и заявляет, что его брат не отвечает на стук в дверь. Рэй и мой отец отправляются к дому Билли на нашем фургоне и стучат в дверь около двадцати минут, но им никто не открывает. Рэй и мой отец делят между собой участок Билли, и, несмотря на то что сегодня учебный день, я должен работать. Мы заканчиваем работу далеко за полдень, и я в изнеможении засыпаю, как и мой отец. Билли не появляется ни на следующий день, ни через два дня. Рэй

53

не имеет понятия о местонахождении своего брата. «Может, он слишком много выпил, я не знаю», — говорит он, пожимая плечами.

Мы больше не видим Билли, в нашем доме о нем больше не говорят, и теперь нам необходимо найти ему замену.

Спустя несколько дней унылая, не внушающая особых надежд процессия желающих получить работу устало тянется к дверям нашего молочного магазина. Это люди с биржи труда. Нэнси, которая стоит в углу приемной, сложив руки на груди и в одной руке держа дымящуюся сигарету, едва сдерживает презрение к столь жалким, с ее точки зрения, представителям рода человеческого и недовольно фыркает, как актриса в роли роковой женщины. Бетти тихонько плачет в углу. Ее мокрое от слез лицо — само страдание, причем еще более нелепой ее делает распухшая нижняя губа — след ночного свидания с дружкой. Мама пытается успокоить ее, но все напрасно. В этот день биржа труда пришлет еще несколько человек, напоминая моему отцу, что на дворе зима и мало кто захочет бегать по улицам при такой погоде.

Возможно, я оцениваю прошлое с точки зрения настоящего, а может быть, это сплав памяти с воображением, но я отчетливо вижу перед собой эту сцену. Мой отец, как обычно в дневные часы, отправился спать, выбрав наконец кого-то более-менее подходящего на место пропавшего Билли. Его зовут Алан; он немного младше, чем мой отец. У него светлые рыжеватые волосы, голубые глаза и правильные, привлекательные черты лица. Алан вернулся, чтобы забрать пару комбинезонов, учетную книгу и кошелек. Нэнси в своем углу закурила очередную сигарету — теперь она уже одобрительно улыбается — Бетти отправили домой, и вот в комнате появляется моя мама.

Я невидим — время как будто остановилось, и взгляд, которым эти трое смотрят друг на друга, словно высечен в моей памяти. Этот взгляд исполнен необъяснимой тайны, силы и тишины, и я — его свидетель.

54

*

Я открываю глаза и смотрю на Трудю. Потом я смотрю на часы: оказывается, с того момента, как мы выпили снадобье, прошло почти четыре часа. Такое впечатление, что целая жизнь или по крайней мере большая ее часть промелькнула перед моими глазами. В комнате начинается шевеление. Трудя открывает глаза и приветствует меня сияющей улыбкой. Она говорит мне, что испытала что-то удивительное и прекрасное, а потом, заметив мои красные опухшие глаза, спрашивает, что чувствовал я. Я рассказываю ей, что почти всю ночь проплакал. Трудя нагибается ко мне и обнадеживающе треплет меня по плечу.

— Прости, — говорит она, — я была в другом мире. А как ты себя чувствуешь теперь?

— Прекрасно, — отвечаю я, сам не зная почему.

Голос *мэтра* призывает присутствующих к порядку. Заключительная ритуальная песнь должна завершить церемонию. При помощи самых элементарных знаний португальского нам удастся понять, что в песне поется что-то о свете, мире и любви, но никаких подробностей мы уловить не в состоянии. Все присутствующие улыбаются, смеются, обнимают друг друга как люди, вместе пережившие шторм и ужасное кораблекрушение. В комнате присутствует буквально осязаемая атмосфера радости и единения. Трудя была в огромном дворце Нептуна и видела божество со струящейся бородой и трезубцем. Бог восседал на массивном троне, окруженный улыбающимися лицами прекрасных женщин. Все видения Труды были, судя по всему, далеки от реальности.

Наши хозяева очень желают знать, каковы наши впечатления. Не было ли переживание слишком тяжелым для нас? Было ли нам страшно? Были ли у нас видения? Испытали ли мы озарения? Встречались ли мы с нашими предками? Беседовали ли мы с Богом? Но я слишком растерян, чтобы дать вразумительный ответ на эти вопросы. Однако

55

как только мы выходим наружу, в ночную прохладу, оказывается, что джунгли полны жизни, и это ощущение обезоруживает: я еще никогда с такой остротой не осознавал свою связь с окружающим миром. Может быть, я сошел с ума, но мне кажется, что я воспринимаю мир на молекулярном уровне, когда обычные преграды, отделяющие мое «я» от всего вокруг, устранены, как будто каждый листок, каждый побег травы, каждый склоненный цветок тянутся ко мне, каждое насекомое зовет меня, каждая звезда на чистом небе касается одним из своих лучей моей макушки.

Это ощущение связанности со всем миром захватывает меня. Как будто плывешь по искрящемуся, безграничному океану чувства, которое я не смог бы описать, не используя слова «любовь». До сегодняшнего переживания я использовал бы это слово для того, чтобы отделить то, что я люблю, от того, что я не люблю, нас — от них, героев — от негодяев, друга — от врага, словно все в мире отделено и обособлено друг от друга, как города, окруженные стенами, или замки на вершинах холмов, ревниво оберегающие свою независимость. Но теперь все поглотила эта пульсирующая волна энергии, которая связала небо и землю так, что каждая частица материи внутри и вокруг меня исполнена таинственного значения. Весь окружающий мир кажется пребывающим в состоянии благодати и вечным. Наиболее же странно то, что такое возвышенное философствование кажется идеально соответствующим ситуации, как будто те впечатляющие видения, которые мне довелось созерцать, открыли дверь в другой мир, мир поистине космических возможностей.

Я присаживаюсь на ступеньки церкви, онемев от благоговения перед красотой джунглей и звезд над моей головой, но красота эта столь сильна, что почти невыносима. Я опускаю взгляд и вижу маленькую щель в каменных ступенях. Там, в темноте, на глубине шести дюймов, на дне узенькой расщелины, образованной грубо обтесанными гранитными плитами, растет удивительный цветок пурпурного

56

цвета. Он похож на незабудку: пять лиловых лепестков тянутся к свету из серединки, похожей на желтую пятиконечную звезду. Во всем облике цветка чувствуется невероятная воля к жизни, и я — единственный свидетель его смелости и отчаянной борьбы. В этот момент ко мне приходит понимание, что не только эти крошечные, прекрасные и нежные создания наделены способностью любить, но и безжизненные камни, которые их окружают, весь мир дает и получает любовь, отражает ее и поглощает, сопротивляется ей и принимает ее. Может быть, впервые в жизни я понимаю, что любовь никогда не проходит. Любовь можно отвергать или игнорировать, можно даже извратить, но она не исчезнет, она просто будет принимать другие формы до тех пор, пока мы выражаем сознательную готовность ощущать на себе ее тайну и ее силу. На это может потребоваться одно мгновение или целая вечность, но в этой вечности не может быть ничего несущественного. А если это так, мне следует продолжить припоминать историю моей жизни и попытаться извлечь из нее какой-то смысл, попытаться превратить приземленную прозу моей жизни в подобие возвышенной поэзии.

В эту ночь я так и не засну. Я буду лежать с открытыми глазами в темноте нашего гостиничного номера. У меня такое чувство, будто глубокий артезианский колодец пробурили в скалистых отложениях моего прошлого, и каждое воспоминание, которое поднимается на его поверхность, прямо на моих глазах порождает еще десяток воспоминаний.

Я наблюдаю, как сцены этих воспоминаний разворачиваются на белой плоскости потолка у меня над головой.

2.

Наш молочный магазин на Стейшн-роуд вернулся наконец к своему обычному графику, и вот я отправляюсь в школу с маминим письмом к мистеру Лоу, директору школы. В этом письме нет ни слова правды. Моей маме прекрасно удаются убедительные записки о болезни: ей легче солгать, что у меня был «желчный приступ», чем признаться, что я помогал отцу развозить молоко. Думаю, она считает, что слово «желчный» придает ее записке некоторую медицинскую достоверность, и ей нравится использовать его. Мама будет применять это слово во всех записках, которые она

напишет для меня в школу, хотя я никогда в жизни не чувствовал ничего, даже отдаленно это напоминающего. Мотивы этого обмана не выразишь одним словом. Здесь замешана некоторая степень стыда в сочетании с инстинктивным стремлением не делать наши

59

семейные сложности достоянием общности. Я, разумеется, являюсь убежденным соучастником этой лжи, хотя и не смог бы объяснить, почему она необходима.

Бывают дни, когда мне попросту не хочется идти в школу. Там скучно, а при этом так легко уговорить маму позволить мне остаться дома. Мне кажется, она рада моему присутствию, и после того, как я выплусь, она позволяет мне встать и помочь ей по дому или просто сидеть и смотреть на огонь. Иногда я задерживаю занавески, оставляя между ними специальную щель, и наблюдаю, как пылинки в лучах света плавают, как галактики.

Викторианское здание, в котором мы живем, — старое, замысловато устроенное. В нем легко найти укромные места. Я превращаю буфет под лестницей в потайную комнату священника, а пространство за комодом — в пещеру отшельника. Я сижу на шифере крыши нашего молочного магазина, как часовой, и воображаю себя в осажденной крепости. Я — мечтатель, и мама это видит. Она видит и саму себя в фокусе устремленного куда-то за горизонт взгляда своего сына, который представляет себя путешественником. На следующий день я возвращаюсь в школу, неся в кармане очередную записку от мамы.

Порой огромная пелена тумана наползает с реки Тайн, и ничего не видно уже на расстоянии ярда. В такие дни мне нравится идти в школу: мир вокруг исчезает, и руины домов маячат в тумане, как остовы кораблей. Еще я люблю ясные весенние утра, когда еще видно луну, бледно рисующуюся на голубом небе, как состриженный ноготь. Мой путь в школу протекает через разрушенный бомбардировками квартал, улица за улицей тянутся сгоревшие дома, которые пятнадцать лет назад, во время войны, разбомбили летчики «Люфтваффе», метившие в судостроительный завод. Я вижу деревянные, полуразвалившиеся лестничные пролеты, которые ведут в никуда, спальни, безжалостно открытые непогоде, грустные складки оторванных и покособившихся обоев. Здесь царит затхлый,

60

гнилой запах, здесь сломаны полы, а голые балки перекрытий наводят на мысль о распятии.

Мне нравится романтика и таинственность разрушенных улиц, но при виде них я всегда ощущаю что-то жуткое и беспокоящее, как будто это состояние неустойчивости и опустошения может вырваться за пределы разрушенного квартала и накрыть все вокруг, как ядовитое облако.

Приближаются выборы, и премьер-министр Гарольд Макмиллан, представитель партии тори, развернул новую рекламную кампанию на плакатах.

ВЫ ЕЩЕ НИКОГДА НЕ ЖИЛИ ТАК ХОРОШО, — гласит надпись, исполненная в стиле граффити.

Местное отделение партии лейбористов напечатало свои собственные плакаты, используя лозунг тори с зачеркнутыми последними двумя словами.

Он гласит: **ВЫ ЕЩЕ НИКОГДА НЕ ЖИЛИ**.

Отец уже ушел на работу. Сегодня школьный день, поэтому я проснулся рано. Я одеваюсь и начинаю спускаться по лестнице вниз, чтобы развести огонь в камине, что в комнате за магазином. Когда я оказываюсь на первом этаже и поворачиваю за угол, я слышу какой-то шум в конце коридора, ведущего к маленькой прихожей и парадной двери. Нагнувшись, я вижу тени двоих людей за матовым стеклом двери прихожей. Я очень тихо спускаюсь вниз по ступенькам, стараясь не издавать ни звука и всем своим весом налегая на деревянные перила. Из-за стеклянной двери слышны тихие стоны и учащенное дыхание, за ней читаются очертания двух прижавшихся друг к другу голов на фоне стены. Я двигаюсь медленно и без единого звука вниз по длинному лестничному пролету, не смея даже вздохнуть. Стоны становятся громче, как будто кому-то делают больно, и, когда моя рука хватается за ручку двери, я ощущаю и ужас и бесстрашие одновременно. Мной движет недоумение, любопытство и, хотя я этого до конца не осознаю, необходимость спасти маму от какой-то ужасной опасности. Когда

61

я поворачиваю дверную ручку, с той стороны стекла внезапно начинается паника. Как только мне удастся немного приоткрыть дверь, ее со страшной силой захлопывают с обратной стороны.

«Все хорошо, все хорошо», — я слышу мамин голос, старающийся меня успокоить, но его нарочитая нормальность звучит неуверенно. Внезапно мы оба становимся похожи на обреченных в падающем самолете: мама не в состоянии ни утаить опасность от меня, ни скрыть свой собственный страх.

Я так ничего и не увидел, но я убегаю прочь и слышу, как где-то позади захлопывается входная дверь. Мама не находит меня, когда поднимается ко мне в комнату. Я спрятался глубоко в моей пещере под лестницей — хранитель тайны, которая недоступна моему пониманию.

Мне не известно, узнал ли отец об увлечении матери или интуитивно почувствовал, что происходит что-то не то и подыскивал подходящий предлог, чтобы уволить Алана, но Алан больше не работает с нами. На эту тему у нас в семье не было сказано ни единого слова. У меня появилась надежда, что теперь наша жизнь вернется в более или менее нормальное русло, но мои чувства все еще в расстроенном состоянии, и я становлюсь замкнутым и погружаюсь в самого себя. Я спрашиваю себя, нет ли в случившемся моей вины, но мне некому довериться и некому заверить меня, что я ни в чем не виноват.

Я начинаю все чаще бывать в доме бабушки и дедушки и проводить там все больше и больше времени. Я не чувствую себя вправе поделиться своим секретом с Агнес или Томом, но я ощущаю себя более защищенным в атмосфере надежности, которая царит в их уютном доме, атмосфере, созданной теми бесчисленными годами, что они провели вместе. Еще мне нравится барабанить по клавишам пианино, которое стоит у них в гостиной. Над пианино висит картина с изображением Сердца Христова. На кар-

62

тине можно увидеть Иисуса, чей сострадательный орган ярко пылает у него в груди, окруженный терновым венком с ужасными шипами. Я начал скучать по нашему пианино с тех пор, как его увезли, поэтому инструмент бабушки Агнес становится идеальной отдушиной для моего невысказанного смятения и затаенной злости. Это та же комната и тот же инструмент, на котором мама аккомпанировала отцу в их счастливые времена, и воспоминание о песенке «Goodnight Irene» витает здесь, как тонкий аромат духов. Я закрываю дверь гостиной и задерживаю занавески. До отказа нажав на обе педали, я набрасываюсь на клавиши с очевидно антимзыкальной свирепостью. Наверное, я ищу гармонии в рухнувшем мире, но совсем не ее производят мои неумелые руки. Из-под моих пальцев вырываются чудовищные звуки, но меня это почему-то успокаивает.

Если бы пианино не давало выхода моей агрессии, я, возможно, стал бы преступником. Я громил бы автобусные остановки, воровал всякую всячину в магазине «Вулворт» — да мало ли существует всевозможных мелких правонарушений! Видит Бог, соответствующие знакомства у меня были. Возможно, бабушка Агнес и дедушка Том, которые вынуждены были слушать мою какофонию, смирились бы с ней, если бы знали о моих переживаниях, но они не знали. Никто не знал.

Я так и вижу бабушку, которая медленно открывает дверь в гостиную. Она раздраженно сверкает глазами из-под очков в черепаховой оправе. Я прекращаю свою шумную импровизацию, как будто меня застали за чем-то постыдным.

— Послушай, сынок, — говорит бабушка, — ты не мог бы сыграть что-нибудь получше, чем эта... — она мучительно пытается подобрать слово, описывающее мои музыкальные опыты, — эта... эта сломанная музыка?

Я опускаю голову, не в силах даже взглянуть на нее. «Да, бабушка, я постараюсь».

63

Весной погода наладилась, и отцу уже не составило труда найти замену для Алана. Напряжение, царившее в нашем доме, несколько разрядилось. Моим родителям удавалось, по крайней мере, быть вежливыми друг с другом, хотя и без прежней теплоты. Прихожая больше не могла служить надежным местом для маминых тайных свиданий с Аланом, и теперь мама выезжает из дома только раз в неделю, в четверг вечером, чтобы навестить Нэнси — во всяком случае, так она нам говорит. Она отправляется туда на машине, а отец, мрачный и молчаливый, остается дома с нами. Вероятно, мама не раз пыталась порвать свои тайные отношения с Аланом, но ее душевное стремление и романтическая привязанность к нему неизменно оказывались сильнее. Она встретила любовь своей жизни, и до конца своих дней будет трагически разрываться между этой любовью и узами семьи.

Наступила Пасха 1962 года, и я получил право на обучение в гимназии в Ньюкасле. В нашем классе еще сорок одиннадцатилетних детей, но только четыре мальчика и десять девочек набрали количество баллов, достаточное для поступления в гимназию, эту высшую ступень школьной системы того времени. Мой друг Томми Томпсон не вошел в число избранных, хотя, по моему мнению, он умнее любого из нас.

Мой отец не любит тратить деньги на пустяки, но мама убедила его, что я заслужил награду за

свои успехи в учебе, — я втайне подозреваю, что она чувствует свою вину передо мной из-за того случая с Аланом и хочет как-то ее загладить, хотя и не говорит об этом ни слова. Я намекаю, что видел в магазине новый велосипед — красный, с загнутыми ручками, белобокими покрышками и четырьмя скоростями. Он стоит пятнадцать гиней — огромные деньги. Я знаю, что рискую, но знаю и то, что вряд ли когда-нибудь еще окажусь в таком выгодном положении. Эрни с некоторой неохотой отправляется вместе со мной в велосипедный магазин, который располагается неподалеку от Хай-стрит, по соседству

64

с похоронным бюро. Велосипед стоит в самом центре витрины, как приз для какого-нибудь телевизионного шоу. При виде его даже отец приходит в восторг. Его как инженера не может не восхищать легкость велосипедной рамы, передаточный механизм и система тормозов. Держась за ручки руля, я вдыхаю новизну моего велосипеда, а его хромированная сталь мерцает, как обещание будущего счастья.

— Спасибо, папа.

— Только будь поосторожнее.

— Да, папа!

Томми живет в квартале муниципальных домов в миле отсюда, и я решаю отправиться на новом велосипеде прямо к нему. На дворе весна, и все вокруг сияет новизной, как и сам велосипед — сверкающий символ жизни, полной свободы и приключений. Я прислоняю велосипед к стене дома Томми, рядом с облупленной кухонной дверью.

Я захожу в кухню.

— Томми дома?

— Он смотрит телевизор, — говорит мама Томми. — Он не в настроении.

Меня никто не останавливает, и я вхожу в гостиную.

— Привет, Томми, у меня новый велосипед, — с порога говорю я.

В комнате темно, потому что занавески задернуты, а Томми, сидя в кресле, пристально смотрит на телевизионный экран с настроечной таблицей. Это черно-белая картинка из пересекающихся горизонтальных и косых линий, которая в те времена была единственной дневной телевизионной программой. Вероятно, специалисты-телевизионщики использовали это время, чтобы освоить и настроить ту новую для тех лет технологию, которая должна была ввести окружающий мир в гостиные наших домов.

Томми не отвечает. Он продолжает сидеть, уставившись на экран. Его губы сурово сжаты, и теперь, когда я немного привык к полумраку, становится заметно, что его глаза покраснели и опухли.

65

Из кухни приходит мать Томми.

— В чем дело, Томми, сынок? Ты что, язык проглотил? Поздоровайся со своим другом.

— Заткнись ты!

Я вздрагиваю в страшном замешательстве, когда она поворачивается ко мне.

— Ах, наш сильный мальчик плакал, потому что он провалил экзамен в гимназию.

— Я сказал, заткнись, — кричит Томми.

В комнате нависает густая атмосфера насилия, но мать Томми отнюдь не собирается успокаиваться теперь, когда она получила меня в качестве слушателя своих шумных тирад.

— Как же, как же. Мистер Важная Персона не ходил в школу: он круглыми днями бездельничал, курил свои самокрутки и бог знает чем еще занимался, но он заплакал как младенец, когда получил свои результаты. Ведь так, мальчик?

— Заткнись и иди к черту.

— Не напрашивайся, голубчик, ты еще слишком мал, чтобы я не смогла ударить тебя.

— Убирайся к черту!

С этими словами Томми вскакивает со стула и стремительно пересекает комнату. Как в кинокадре, его силуэт вырисовывается в дверном проеме кухни. Он медленно поворачивается ко мне.

— Ты идешь или как?

Я робко следую за ним, стараясь казаться как можно более незаметным.

— Ммм, до свидания, миссис Томпсон.

— До свидания, сынок, — как ни в чем не бывало, отвечает она, а затем кричит вслед уходящему Томми: — А ты чтоб вернулся до темноты, а не то отец задаст тебе ремня. Слышал, что я сказала? Но Томми уже за дверью, а вместе с ним и я.

Может быть, он и обращает внимание на мой новый велосипед, однако не говорит о нем ни слова. Между нами мгновенно устанавливается молчаливая договоренность: он

66

не будет замечать мой новый велосипед, а я сделаю вид, что не вижу его покрасневшие глаза.

— Куда поедет? — спрашивает он, и это слегка огорошивает меня, потому что маршруты наших странствий всегда определял Томми.

— Может, поедет в Госфорт-парк, — осмеливаюсь предложить я.

— Хорошо, поехали.

Томми направляется в обветшалый деревянный сарай, пристроенный к дому, и появляется оттуда с полуразвалившимся старым велосипедом, который достался ему от сестры. Велосипед явно видал лучшие времена. Мало того что у него низкая рама, как у всех женских велосипедов, и кривое переднее колесо с несколькими отсутствующими спицами, он еще и слишком мал для Томми и к тому же вручную выкрашен черной эмалью. Короче говоря, этот велосипед — жалок и смешон, но я никогда не осмелился бы сказать об этом Томми, который всем своим видом провоцирует меня на какое-нибудь унижительное высказывание в адрес велосипеда. Он все еще отказывается признавать существование красного трофея, который, как олицетворенная обида, сверкает в моих руках. Мне приходит в голову, не проверяет ли меня Томми. Наверное, радуясь своему поступлению в гимназию, я предположил, что туда поступил и Томми: ведь он, без сомнения, достаточно умен. Я забыл и о дурной наследственности его семьи. Но то, как моему другу удастся сохранить чувство собственного достоинства, несмотря на удручающую разницу между моим и его велосипедом, немного напоминает Клинта Иствуда, который едет верхом на осле в первой сцене фильма «Хороший, плохой, злой»: да, велосипед уродлив, но я никогда не рискнул бы сказать об этом вслух.

Госфорт-парк расположен на севере Ньюкасла, в пяти милях от того места, где мы живем. Там есть ипподром, и пейзаж очень напоминает сельский. Это самое близкое к нашему дому место, где можно побыть на природе. Мы пускаемся в путь. Томми едет позади меня на своей развалине.

67

Мы не проехали и нескольких улиц, когда стало ясно, что велосипед Томми не в состоянии угнаться за моим. На каждом углу я оборачиваюсь, вижу, как Томми отчаянно борется с крошечными колесами своей развалюхи, и жду, когда он поравняется со мной. Мой друг взбешен, и с каждым преодоленным метром у него становится все меньше и меньше сил. В следующий раз, когда я оборачиваюсь, чтобы его подождать, я вижу, как он со злостью пинает лежащий на боку велосипед в придорожную канаву, приговаривая: «Чертов кусок дерьма!»

Я подъезжаю к нему — ослепительное видение ярко-красной краски и хромированной стали.

— На что ты, черт возьми, уставился? — взрывается Томми.

— Томми, с такой скоростью мы никогда не доберемся до Госфорт-парка. — Мне удастся подавить свое раздражение, и после некоторого колебания я решительно говорю: — Почему бы тебе не взять на время этот велосипед, а я возьму твой.

Эти слова немедленно производят эффект, и в первый раз Томми удостоивает внимания мой новый велосипед, после чего смотрит на меня с некоторым подозрением:

— Кто тебе его купил?

— Отец, — из осторожности я стараюсь быть односложным.

— Почему, сегодня ведь не твой день рождения? Теперь я не знаю, что ответить.

— Ты получил его за то, что поступил в гимназию, так ведь? Я не отвечаю на его вопрос, но мне все-таки удастся подобрать нужные слова:

— Так ты берешь велосипед или нет?

Томми переводит свой расчетливый и проницательный взгляд с меня на велосипед, с преувеличенной значительностью поглаживая кончик своего подбородка.

— Я прокачусь на нем, — говорит он, стараясь изобразить как можно более снисходительную интонацию, и взбирается на мой новый велосипед с невероятно равнодушным видом.

Я достаю из канавы ветхое посмешище, принадлежащее моему другу, и мы снова пускаемся в путь. На этот раз Том-

68

ми мчится впереди, а я выбиваюсь из сил, чтобы не отстать от него, проклиная несчастную машину с ее нелепыми педалями и кривыми колесами.

— Слезай и подои его! — кричит мне какой-то бездельник на углу улицы, добавляя к моей усталости еще и стыд. Едва ли я смогу объяснить этому задире, что сверкающее красной краской

фантастическое видение, несущееся впереди и мелькающее своими белобокими покрывками, — на самом деле мой велосипед и что на самом деле я делаю моему другу одолжение. Через некоторое время уже не Томми, а я пинаю несчастный старый велосипед в придорожную канаву и проклинаю того, кто его сделал.

— Ты, наверное, хочешь получить свой велосипед назад? — интересуется Томми.

В конце концов нам все-таки удастся добраться до Госфорт-парка и вернуться обратно до наступления темноты. Последний отрезок пути на новом велосипеде едет Томми. Он кружит вокруг меня, не держась руками за руль и как бы поддразнивая.

Мы расстаемся на углу Стейшн-роуд и Вест-стрит. Томми забирает свое жалкое подобие велосипеда и отдает мне мою новенькую машину.

Когда мы направляемся каждый к своему дому, между нами ощущается какое-то легкое напряжение.

— Ммм, спасибо, — говорит Томми.

— Не за что, — отвечаю я.

Томми был моим лучшим другом почти шесть лет, а потом наши судьбы печальным и неизбежным образом разошлись. Но именно это время стало временем дружбы, которую я запомню на всю жизнь.

В нашей семье музыка звучала всегда: мама играла на пианино, папа пел. Даже отдаленно напоминающие музыку звуки, которые извлекал из своей мандолины дедушка Том, внушили мне уверенность, что право на музыку положено мне по рождению.

69

Самый младший брат бабушки Агнес, мой двоюродный дедушка Джо, умел играть на аккордеоне. Он часто повторял со своим обычным юмором и самоиронией, что джентльмен — это «человек, который может играть на аккордеоне, — многозначительная пауза, — но не делает этого!».

Во время войны дедушка Джо удостоился похвалы в официальном донесении. Его батальон попал в засаду на побережье Крита, и солдаты ждали, когда флот сможет их эвакуировать. Целыми днями немецкие самолеты безжалостно бомбили их с воздуха. Дедушка Джо играл на аккордеоне на протяжении всего сурового испытания и, согласно официальному донесению, «в самых тяжелых условиях поддерживал в войсках боевой дух».

Дедушка Джо вовсе не был отважным героем, он был испуган не меньше, чем остальные мальчишки-солдаты на том берегу, но я понимаю, почему он играл на своем инструменте, когда падали бомбы, и люблю его за это. Он выжил на войне и до глубокой старости играл в рабочих клубах.

Благодаря еще одному дяде, хотя и не родному мне по крови, я становлюсь обладателем гитары. Это один из старейших друзей моего отца, который уезжает в Канаду и просит разрешения оставить некоторые из своих вещей на хранение у нас на чердаке. Среди этих вещей — потрепанная акустическая гитара с пятью ржавыми струнами. Я хватаюсь за нее как изголодавшийся человек, попавший в кондитерскую, так, будто у меня есть какое-то священное право на эту вещь. Мне так долго не хватало нашего пианино, а на бабушкином я играть перестал, чтобы не травмировать ее своими немелодичными экспериментами. Мама не упоминает о пианино с того самого дня, как его увезли на голубом грузовике, но я знаю, что и она грустит о нем.

Гитаре необходимы новые струны, а мне необходимо сообразить, как на ней играть. Рядом с кинотеатром «Гомон» расположен музыкальный магазин Брэдфорда. Мистер Брэдфорд носит очки с толстыми линзами из горного хрусталя, у него непослушные седые волосы, которые тор-

70

чат в разные стороны, и совершенно невообразимая манера говорить. Нужно потратить уйму времени на то, чтобы расслышать и понять, что он говорит. Мистер Брэдфорд говорит на уникальном диалекте, который состоит почти из одних только гласных. В его магазине мне доводилось видеть, как компании уличных мальчишек-хулиганов в своих длинных пижонских вельветовых пиджаках, узких галстуках, и знаменитых теннисках «бразель-крипер» потешались над мистером Брэдфордом, прыскавая в кулак в то время, как он отчаянно пытался ответить на их издевательские вопросы.

— Полфунта сосисок и две палки сервелата, мистер Брэдфорд, — просит один из них.

Старик начинает свою запинаящуюся фразу, которая звучит так, как будто задыхаются сами слова. Кажется, проходит целая вечность, когда наконец с некоторым раздражением ему удастся выговорить:

— Ээо уузыаы мааи...

— Что он сказал? Ты можешь как следует говорить по-английски, старик?

Я страстно мечтаю быть достаточно смелым, чтобы сказать им: «Он говорит, что это музыкальный магазин, вы, чертовы идиоты».

Но я ничего не говорю, и мне стыдно. Стыдно, что я такой маленький, и стыдно своей трусости. Я боюсь уличных хулиганов, а они, в свою очередь, даже не замечают моего существования.

— Ну, хорошо. А как насчет банки клетчатой краски? Не продадите ли упаковку дырок от гвоздей?

Но хулиганам уже наскучила эта игра, и они выходят из магазина, хихикая в рукава своих просторных пиджаков. Они опьянены успехом своей собственной шутки.

Мне нравится старый мистер Брэдфорд и его магазин. Для меня это место как пещера Аладдина. В витрине музыкального магазина во множестве выставлены конверты долгоиграющих пластинок и пластинки с только

71

что вышедшими шлягерами. При входе в магазин посетителя встречает звон колокольчика и список двадцати самых популярных песен из журнала *Melody Maker*. Там значатся Springfields, Дел Шеннон, братья Эверли, Билли Фери. На стене развешены акустические гитары, банджо, мандолины, а за прилавком висят пара труб и саксофон. Но гвоздь всего ассортимента — это электрогитара «Burns», такая же, как у Хэнка Марвина из Shadows. Я не думаю, чтобы в нашем Уоллсенде кто-то мог позволить себе такую вещь, но посмотреть и подивиться на нее люди приходят отовсюду. Не будучи посвященным в науку усиления звука, я воображаю, что достаточно лишь включить гитару в обычную розетку в стене, и раздадутся самые чудесные звуки. Я воображаю себя участником телевизионного шоу «Thank Your Lucky Stars»⁸, стоящим на сцене над расстилающимся внизу морем сухого льда в то время, как молодые телезрительницы приветствуют меня истерическими криками.

На полке прямо за стойкой мистер Брэдфорд хранит наборы гитарных струн. По королевской цене в две полукроны я покупаю струны «Black Diamonds» и трачу еще пять выпрошенных у мамы шиллингов на книжку «Основы игры на гитаре» Джеффри Сислея. Эта книжка научит меня настраивать гитару, исполнять основные аккорды и читать ноты. Я на седьмом небе от счастья.

Мной овладевает какая-то одержимость, я использую каждую свободную минуту, чтобы лишний раз подержать гитару в руках, заглянуть внутрь ее корпуса и в очередной раз проиграть одну и ту же последовательность аккордов.

Я часто думаю, что игра на музыкальном инструменте — это какой-то невроз навязчивости или признак асоциаль-

⁸ Шоу «Thank Your Lucky Stars» («Спасибо вашей счастливой звезде»), впервые транслировавшееся в апреле 1961 года телекомпанией ABC TV. Шоу привлекало начинающих исполнителей, которым вот-вот суждено было прославиться: именно на этом шоу в январе 1963 года Beatles впервые выступили на национальном телевидении, а в июле 1963 года свой теледебют совершили Rolling Stones.

72

ности играющего, но я так и не могу решить, способствует ли игра на музыкальном инструменте социализации человека или человек, который берется за инструмент, изначально неспособен к нормальной жизни в обществе, а музыка служит для него лишь некоторым утешением. Нечего и говорить, что, став обладателем гитары, я сделался еще менее общительным с домашними и с головой погрузился в тот герметичный мир, который создал себе сам.

Успешно сдав экзамен в гимназию, я потерял всякий интерес к школе, которую тем не менее нужно было заканчивать. Я практически перестал тратить силы на учебу и даже притворяться, что делаю это. Мистер Лоу негодует, потому что я — один из всего лишь четырех мальчиков во всем классе, поступивших в гимназию. Перед всем классом он объявил, что я зазнался.

Это далеко не первый раз, когда меня обвиняют в высокомерии, но это совсем не высокомерие, это простая лень. Как бы то ни было, эта школа скучна, и вскоре я уйду в другую.

С тех пор как начался мамин роман с Аланом, секс, кажется, пустил свои ростки повсюду, словно побеги диких крокусов после долгой и утомительной зимы. Газетные заголовки кричали: СКАНДАЛ, ПРОФЬУМО, КИЛЛЕР. Правительство Макмиллана на грани краха. Киноафиши в мгновение ока превратились в сенсационные плакаты сексуального содержания, рекламирующие «любовные игры» и «непристойные истории». Газетную лавку на Хай-стрит заполнили изображения полуобнаженных женщин, сладострастно глядящих с обложек журналов и дешевых книг. Дома у нас есть альбом Джулии Лондон. На конверте пластинки напечатана ее фотография в очень коротком вечернем платье. Стоит только закрыть рукой низ конверта, и она кажется

совершенно обнаженной. Это зрелище вызывает в моем теле такое возбуждение, что я выбегаю на улицу и взбираюсь на фонарный столб позади дома, но от

73

этого становится только хуже. Я могу сидеть на столбе часами. Мои ночные приключения доходят до одержимости (теперь я прекрасно знаю, что это не кровь пачкает мои простыни), но мама слишком смущена или слишком подавлена собственной виной, чтобы сказать мне что-нибудь о моих более чем очевидных ночных занятиях. И тем не менее я все еще убежден, что это феноменальное открытие принадлежит мне одному. Я так и не поделился им ни с одним из своих друзей, уверенный, что никто из них, даже Томми, не поймет, о чем вообще идет речь. Об исповеди я боюсь даже подумать и втайне наслаждаюсь своим грехом. Я надменно воображаю себя одним из падших ангелов Божьих. В школе, помимо Томми (который далеко не всегда бывает на уроках), я завел других друзей-правонарушителей среди своих одноклассников. С одной стороны, я искал их покровительства, с другой — испытывал искреннюю любовь и восхищение перед их миром, где с такой естественностью курили, сквернословили и воровали. Хотя я сам не принимаю прямого участия в этих делах, большинство моих друзей живут именно такой жизнью, и я нередко сопровождаю их повсюду, как какой-нибудь иностранный корреспондент, нейтральный наблюдатель. Магазин «Вулворт» на углу Стейшн-роуд и Хай-стрит — настоящая Мекка для обладателей ловких рук и глубоких карманов. За кинотеатром «Риц» собираются те, кто в совершенстве овладел искусством изготовления самокруток, — вскоре это место будет переименовано в самокруточную фабрику Rizla. Здешние сборища сопровождаются изощренным сквернословием и мастерскими плевками. Единственное занятие этих ребят, в котором я принимаю активное участие, хотя и не по своей воле, — это драки. Дело в том, что с тех пор, как я пошел в школу, я всегда был по меньшей мере на полторы головы выше всех в классе. И если это обстоятельство не очень смущало головорезов из моего класса, оно тем не менее сильно досаждало головорезам из старших классов, особенно тем, которые не вышли ростом. Волей-неволей

74

я вынужден драться с ними после школы за «Рицем». Но поскольку я с семилетнего возраста грузил металлические ящики с молоком, битва обычно оказывается не очень равной, а победа — почти столь же неприятной, как поражение.

И в то же время «Риц» — место счастливых воспоминаний. Здесь я увидел свои первые фильмы: Фесса Паркера в роли Дэви Крокета, Дорис Дэй в «Пожалуйста, не ешьте маргаритки». Мы с братом провели в этом кинотеатре много времени, когда мама хотела, чтобы нас не было дома. Мы никогда не использовали слово «фильм», мы всегда говорили «картина». Сначала в городе появилось около полудюжины кинотеатров сразу, но к концу пятидесятых осталось только два: «Гомон» и «Риц». Мы с Филипом ходили в «Риц» смотреть «Пушки острова Наварон» с Грегори Пеком и Дэвидом Нивеном. Нам даже удалось попасть на «Авантюристов», попросив кого-то из взрослых в очереди притвориться нашим сопровождающим, чтобы насладиться запретным упадочничеством фильма, на который пускали не всех. По субботам утром в кинотеатре «Риц» шла программа «АВС Малыши», где показывали кино для детей и мультфильмы. Это были отличные программы, но в моем перевозбужденном и склонном понимать все буквально сознании родилась уверенность, что мы с братом присутствуем на них незаконно. Я вообразил, что на эти сеансы допускаются только дети горняков⁹. Мы тщательно скрывали свое происхождение, и целых две недели проходили незамеченными. Самым острым воспоминанием от этих просмотров остался шок появления на экране цветного кино, благодаря которому серые улицы за стенами кинотеатра стали казаться еще более мрачными и монотонными, чем были на самом деле. Я начал верить, что мир за пределами наших мест со свинцовыми водами реки Тайн и небом цвета обшивки военных кораблей существует в ином

⁹ В английском языке слова *minor* (меньший, младший) и *miner* (горняк) — близки по звучанию.

75

цветовом пространстве. Там царят охра и лимонно-желтый, лиловый и синий кобальт, нам же суждено наслаждаться ими лишь в тех целлулоидных сказках, которые так захватывали и так очаровывали нас длинными, дождливыми днями.

Мне кажется, что из фильмов я узнаю не меньше, чем в школе, хотя большинство учителей считает меня способным учеником. В моих способностях не сомневается даже мистер Лоу, который меня не особенно жалует. Поэтому меня вместе с остальными «яркими звездочками» помещают в специальный анклав в правой части классной комнаты, состоящий большей частью из

девочек и отделяющий меня от друзей. Я сижу рядом с Брайаном Бантингом, милым, интеллигентным мальчиком, у которого «какие-то проблемы с железами». Брайан очень крупный, и это делает его мишенью издевательских шуток со стороны ребят из левой части класса. Благодаря своему удивительно высокому росту я тоже отчасти ненормален, поэтому между мной и Брайаном возникает определенная симпатия и интеллектуальное взаимопонимание, которое не распространяется на остальных ребят нашего класса.

Единственное, что мне нравится в школе, — пение. Мы учим гимны, хоралы и народные песни. Все это мы исполняем хором под аккомпанемент пианино. У меня хороший голос, но, когда мистер Лоу просит каждого ученика спеть по отдельности, я подстраиваюсь под убогое пение моих друзей-хулиганов, вместо того чтобы обнаружить свои певческие способности. Я делаю это из опасения утратить друзей и авторитет. Мистер Лоу часто выглядит озадаченным, когда слышит чистое, звонкое сопрано откуда-то из задних рядов, но ему так и не удается понять, кто это.

Брайан, я и еще двое мальчиков, а также девять девочек успешно сдали экзамен в гимназию. В результате между мной и моими прежними друзьями растет чувство отчуждения. Отдаляться стал и Томми Томпсон, который обречен теперь на богадельню под названием средняя современная школа, где уровень возможностей и перспектив удру-

76

чающе низок. Об этом знают сами ребята; об этом знают учителя; знаем об этом и мы, избранные. Мы будем носить униформу, которая будет нас выделять, мы будем учить латынь и высшую математику, которые заставят нас мыслить по-другому, на нас будут возлагать надежды, и мы начнем вести себя по-другому, и мы примем эту отдельность как то, что положено нам по праву. Шрамы от этой узаконенной жестокости по сей день остались у представителей обеих сторон.

Как раз тогда, когда я начинаю учебу в новой школе, происходит североатлантическая встреча Хрущева и Кеннеди по поводу ракетных баз, которые СССР разместил на Кубе, а вместе с этим и недолгому затишью на Стейшн-роуд, 84 приходит конец. Кажется, что весь мир неудержимо катится в хаос и кошмар и заодно с ним жизнь в нашем доме над молочным магазином превращается в череду отвратительных, уродливых скандалов.

Почти все, что говорят друг другу мои родители, окрашено сарказмом и язвительностью, полно колкостей и направлено только на то, чтобы обидеть, уязвить и запутать. Мой брат и я усваиваем этот ужасный язык взаимного разрушения. Это «окопная» война нашего детства, которую мы с братом вынуждены пересидеть под ядовитыми тучами брани, что разрастаются над нашими головами, и нам не известно, будет ли этому когда-нибудь конец. Когда маме уже не хватает слов, она начинает бросать в отца все, что попадается ей под руку, целя ему в голову, но он никогда не отвечает ей тем же. Он только смотрит на нее мрачным, угрожающим взглядом или отпускает в ее адрес какое-нибудь саркастическое замечание и замолкает, от чего мама приходит в еще большую ярость. Возможно, любые виды физиологического проявления эмоций были подсознательной потребностью моей матери, и, возможно, отец на подсознательном уровне тоже знал об этом, поэтому и не отвечал насилием на насилие, но мое детское сердце было благодарно за то, что кровь так никогда и не пролилась.

77

Сегодняшняя ссора разгорелась из-за машины, нашего драгоценного автомобиля «воксхолл виктор». Сегодня четверг, и мама собирается ехать к Нэнси. Она хочет взять машину, но отец по какой-то причине против.

— Куда ты едешь? — спрашивает он.

— Туда же, куда я езжу каждый четверг, — отвечает она.

— И что же это за место? — спрашивает он с тонким налетом вежливости, за которым скрывается ядовитая ирония.

И вот начинается: отец и мать принимаются снова и снова осыпать друг друга одними и теми же упреками. Отец делает выпад по поводу неопределенности ее ответа, мать ставит ему в вину его сарказм. Ни один из них не способен вырваться из замкнутого круга и высказать что-нибудь начистоту. Дело доходит до того, что раздраженная и загнанная в угол мама пронзительно кричит, уже не в силах сосчитать все колкости отца. Теперь, что бы он ни говорил, что бы ни делал, — ее невозможно унять.

Мой маленький брат сосет свой палец, а я сижу, перебираю струны гитары и мысленно молюсь, чтобы они прекратили ссору. Я решил: если они разойдутся, я останусь с папой. Я всем сердцем люблю маму, но только отцу я доверил бы свою жизнь. Он хороший солдат, смелый и честный, его стоицизм придает ему надежности, тогда как мама уже сейчас — не более чем истеричный,

кричащий призыв. У меня странное и пугающее предчувствие, что она умрет молодой.

На этот раз победа осталась за мамой только благодаря более высокому накалу раздражения и способности громче кричать. Победив, она устремляется вверх по лестнице; чтобы переодеться. Я, никем не замеченный, выхожу через заднюю дверь и вместе с велосипедом жду на углу Лорел-стрит.

Она появляется через двадцать минут, цветущая и прекрасная, пугливая и быстрая, как лань, убегающая от охотника. Когда автомобиль трогается, я следую за ним на не-

78

котором расстоянии, чтобы мама не увидела меня. Нэнси живет в миле от нашего дома, если ехать на восток, но вскоре становится ясно, что мама едет совсем не туда. Она свернула с Хай-стрит и стала петлять по улицам. Я следую за ней, и внутри у меня нарастает тревога. Я догоняю ее, изо всех сил нажимая на педали. Она должна увидеть меня в зеркале заднего вида, она просто не может меня не видеть! Автомобиль набирает скорость, и я устремляюсь вслед, наблюдая, как голубоватое облачко дыма вырывается из его выхлопной трубы. Я слышу, как мама нажимает педаль газа, слышу шум трансмиссии и скрежет коробки передач, после чего машина быстро удаляется и исчезает за поворотом.

Вернувшись домой, я прохожу мимо родительской спальни. У папы, должно быть, опять мигрень. Во всяком случае, я думаю, что у него мигрень, потому что он тихо плачет, но я не знаю, как его успокоить.

3.

В сентябре 1962 года начинается моя учеба в гимназии св. Катберта в Ньюкасле.

Каждый день я выхожу из дома в восемь, чтобы успеть на пригородную электричку, которая доводит меня до городского вокзала. Там я сажусь на 34-й автобус, и он везет меня вверх по Вестгейт-роуд к зданию школы, расположенному в западной части Ньюкасла. Поездка на автобусе составляет большую часть пути. Со стороны дороги главное здание школы кажется мрачным и зловещим, как первый кадр фильма ужасов. Взгляд притягивают угрожающе темные углубления окон в громоздящейся чернеющей массе готической каменной кладки. По сторонам главного здания расположены учебные флигеля, чья архитектура грубовато вторит внешнему виду центрального строения, как будто все части здания заражены одной и той же ужасной

81

болезнью. Здесь я проведу семь лет моей юности, и первый школьный день никак не назовешь многообещающим.

Мама провожает меня до самых ворот школы. Дело не в том, что она беспокоится за меня — я давно привык повсюду ездить один. Просто ей любопытно посмотреть на мою новую школу. Мама не права в том, что едет со мной. Не права она и в том, что заставила меня надеть шорты и нелепую школьную фуражку. Я злюсь на нее всю дорогу до Ньюкасла в электричке, и еще больше — в 34-м автобусе, где все, кроме моей мамы, одеты в пурпурно-красные пиджаки и полосатые галстуки — униформу моей новой школы. Как и большинство моих сверстников, я уже усвоил те неписанные правила нашего общества, которые заставляют мальчика избегать и стыдиться общества своей матери, считая такое поведение истинно мужским. Мужчина не должен держаться за материнскую юбку: последствия излишней привязанности к матери могут быть весьма плачевными для созревающей мужественности. Вот почему я уставился в окно, всеми силами стараясь изобразить, что не имею никакого отношения к привлекательной женщине со светлыми волосами, которая стоит слева от меня, норовит оплатить мой проезд и непрерывно со мной разговаривает.

Тем временем автобус подъезжает к пабу «Лиса и гончие». Здесь мы выходим и направляемся к воротам школы. Я вне себя от ярости. Я пытаюсь создать дистанцию между собой и мамой, поэтому убыстряю шаг, надеясь, что никто не заметит мою спутницу. Тем не менее мне не удастся отделаться от мамы до самых ворот школы, где она наконец теряет терпение. Мы оба явно угнетены мрачным видом учреждения, которое высится перед нами, но это все-таки дает мне возможность смешаться с толпой учеников. При этом гораздо охотнее я отправился бы с мамой обратно в Уоллсенд! Однако я не оглядываюсь, и ей, должно быть, обидно вот так одной стоять у ворот, не услышав от меня даже обычного «пока». Грустной и одинокой показалась ей, наверное, длинная дорога домой.

82

Мамино сопровождение в первый школьный день оказывается на поверку ничтожнейшей из

школьных неприятностей. Я по-прежнему на две головы выше всех своих одноклассников, и даже второкурсники ниже меня. Я выгляжу третьекурсником, и мои шорты придают мне крайне нелепый вид. Целыми неделями я буду страдать от насмешек, особенно со стороны старших мальчиков, которые видят во мне какого-то второгодника-неандертальца, оскорбление их собственной мужественности. Я страшно злюсь на то, что мне дали прозвище Ларч, по имени печального великана-дворецкого из «Семейки Адамсов».

Все-таки мне как-то удастся с помощью юмора и дипломатии избежать необходимости выбивать дурь из этих идиотов и в то же время не подставляться самому. Только с наступлением зимы мама раскошелилась на длинные серые фланелевые брюки для меня. Я был благодарен ей и почувствовал огромное облегчение. Однако к этому времени мне уже удалось потихоньку приспособиться к этому странному, ни на что не похожему месту.

В гимназии учатся более двух тысяч мальчиков из самых разных мест: сюда поступают ребята даже с самого севера, с пограничных холмов. В социальном составе учеников — тоже большой разброс: здесь есть все — от детей из богатых семей до ребят из рабочего класса. Сыновья представителей католического духовенства, юристов, учителей и врачей учатся вместе с сыновьями шахтеров, рабочих судостроительного завода — и сыном молочника.

Некоторые из моих новых одноклассников живут в Даррас-Холле, богатом районе на северо-западе Ньюкасла. Иногда по выходным меня будут приглашать в особняки, окруженные ухоженными садами, где можно увидеть гаражи на две машины, холодильные комнаты, картины, книги и стереосистемы — все эти атрибуты расцветающего среднего класса. Но хотя перемещение из подворотен моего детства на лужайки загородных домов, возможно, было вдохновляющей метафорой тех возможностей, которые может

83

дать мне образование, все же у этого перемещения был и обратный эффект. Я стал чувствовать некоторую неловкость и отчуждение, я ощущал собственную изолированность и обиду, как по отношению к той среде, из которой я произошел, так и по отношению к той жизни, к которой должен был стремиться.

Гимназией св. Катберта управляет группа священников. Директор гимназии, преподобный Кэнон Кессиди, — самый грозный и страшный из людей, когда-либо облачавшихся в черную сутану. Лысая голова, широкие черные брови, нависающие над темными, непроницаемыми глазами, впалые мертвенно-бледные щеки — все это придает его лицу постоянное, по-театральному преувеличенное выражение гнева, как будто он играет главного злодея в опере. Все ученики гимназии до смерти боятся его. У меня нет ни малейшего сомнения, что, в сущности, это хороший, порядочный человек, который от всего сердца желает нам только добра, но вся гимназия парализована ужасом перед его манерой себя вести и той суровой, непрекаемой дисциплиной, которую он установил. Заместитель директора — преподобный отец Уолш. Отец Уолш, насколько мне известно, не преподает, и единственной его обязанностью в гимназии является, судя по всему, порка несчастных мальчиков, которых отправляют в его кабинет за такие мелкие проступки, как опоздание, неаккуратное обращение с учебниками и — в редких случаях — дерзость, сквернословие, курение или драка. Однажды мной будет установлен своеобразный рекорд: я выдержу сорок два удара палкой по мягкому месту. Эти удары мне нанесут в семь мучительных приемов, и никогда в жизни я не поверю, что заслужил это своим поведением. Мне кажется, все эти неприятности обрушились на меня только из-за того, что я оказался в неподходящем месте в неподходящее время с неподходящими друзьями и неподходящим выражением на лице.

«Шестеро лучших» — изящный эвфемизм, выдуманный для обозначения этой изошренной пытки. Обычно все

84

начинается с того, что после обеда тебя отправляют в главное здание. Войдя в школьную часовню, следует повернуть налево. Внутри часовни сохраняется запах благовоний, оставшийся от церемонии благословения, которая бывает по средам. Этот запах сообщает воздуху в коридоре, который ведет из часовни, совершенно особый аромат — священный аромат ритуального жертвоприношения. Как правило, у дверей офиса ожидает своей участи не одна, а несколько жертв. Начинаются дневные занятия, и школа погружается в зловещую тишину — только часы в приемной медленно тикают. Мы ждем, как приговоренные, не смея произнести ни слова. В полной неизвестности мы продолжаем ждать, и по предыдущему опыту я знаю, что это нарочно устроенное психологическое издевательство.

Мысленно я переношусь в воображаемое будущее, когда пройдут годы и я стану взрослым и

независимым. Вероятно, я буду с приятной ностальгией вспоминать это и подобные ему переживания. «Когда-нибудь все это не будет казаться таким ужасным», — говорю я сам себе, и надо сказать, что этот трюк срабатывал в целом ряде тяжелых ситуаций, но лишь до определенной степени. Школьные часы продолжают тикать, и скрипучая дверь кабинета открывается. Иногда меня зовут первым, иногда я оказываюсь в середине списка, а иногда — в конце. Наверное, лучше идти первым, чтобы поскорее отделаться, но, с другой стороны, если повременить, то всегда остается шанс, что доброго отца позовут к телефону, и он отменит всю экзекуцию. Вдруг окажется, например, что у него только что умерла матушка или внезапное землетрясение сотрясет всю школу до основания? Я воображаю, как в этом случае я спасу отца Уолша из-под руин его собственного кабинета.

— Вот хороший мальчик! — скажет тогда он.

Но каковы бы ни были мои фантазии, в этих стенах требуется героизм совсем другого свойства.

— Сними пиджак и повесь на спинку стула.

85

Окна кабинета выходят на поле для спортивных игр: я вижу футбольный мяч, который кто-то просто так подбрасывает в воздух, и беспорядочную группу соревнующихся бегунов. Кажется, всему миру нет никакого дела до того, что здесь происходит.

— Повернись лицом к окну и наклонись.

Иногда, если удастся предвидеть предстоящую расправу, я надеваю дополнительную пару трусов под свои серые фланелевые брюки, но такое бывает крайне редко, а подкладывание учебника под место удара помогает только в комиксах. Затем за моей спиной раздается свист рассекаемого воздуха, за которым следует ощущение, похожее на удар сабли, обрушившийся поперек ягодиц. От дикой боли я рефлексивно выпрямляюсь, и у меня перехватывает дыхание.

— Наклоняйся.

Не может быть, чтобы он собирался ударить меня еще раз.

Вж-ж-ж-и-х!

Второй удар обрушивается с точностью до миллиметра на то же самое место, куда пришелся первый. Готово.

— Наклоняйся.

Человек на распятии, которое висит у окна, отводит глаза от ужасного зрелища пытки; неужели это делается в его честь? Вж-ж-ж-и-х! Готово.

— Наклоняйся.

Если во всей этой процедуре и присутствует какой-то гомосексуальный подтекст, то я его абсолютно не ощущаю, и точно так же, полагаю, не ощущает его и мой добрый священник. Порка не более чем глупое, псевдопедагогическое, псевдорелигиозное средневековое насилие, бессмысленное и превращенное в своеобразный институт. Ж-ж-жах! Готово. Я клянусь, что после четырех таких ударов любой человек, каким бы нестигаемым он ни был, заплачет, причем не столько от боли, сколько от того фанатичного, кровавого, жестокого воодушевления, с которым они наносятся. По-моему, уже достаточно. Каким преступлением я заслужил это?

86

— Наклоняйся.

Нечего и говорить о том, что сама угроза в очередной раз стать жертвой этого варварского метода очень эффективно поддерживает в нас дух покладистости, непротivления и послушания. Этот метод прямо-таки зверски эффективен. Однако хотелось бы мне знать, кого из тех, кто в детстве перенес это мучительное унижение, оно наставило на тот путь, на который должно? Я подозреваю, что если из нас и получились ответственные законопослушные граждане, то произошло это не благодаря таким способам воспитания, а вопреки им. Последняя надежда на то, что я когда-либо стану послушным и безропотным последователем учения церкви, вылетела в окно кабинета отца Уолша в тот момент, когда заключительный удар палки переполнил мое сердце возмущением и обидой.

Я очень рад, что сегодня школа — во всех отношениях более счастливое место, чем раньше, и что уже много лет столь варварские методы там не используются. Однако, несмотря ни на что, в нашей гимназии было несколько прекрасных учителей, лучей света в гнетущей мрачной атмосфере, которая, как злой дух, распространялась по школьным коридорам. Это были люди, озаренные горячей страстью к знаниям, которые они передавали: для них стоять перед классом было таким же высоким призванием, как для священника — служение Богу, и гораздо больше, чем просто работа. Лучшими учителями были те, кто мог одной только своей энергией зарядить весь

класс, это были те редкие, исключительные люди, которые разожгли во мне стойкий и всепоглощающий интерес к словам, книгам и тому, как устроен мир. Их энергия вдохновляла и заражала меня. Я хотел учиться, потому что учеба казалась приключением, как будто какой-то неизвестный и невыразимо таинственный континент ждал меня, как первооткрывателя.

Мистер Макгаф — худощавый человек, сложением напоминающий гигантского комара. В нем больше 180 см

87

роста, и кажется, что его огромная куполообразная голова как призрак проплывает отдельно от тела над низкорослой массой школьников, спешащих в классы по темным коридорам. В школе он известен под ироничным прозвищем Малыш, но никогда и ни у кого не хватило бы смелости или глупости так назвать его неподалеку от его ушей. Черная мантия просторными складками спадает поверх его серого костюма-тройки, точно подогнанного к угловатой конструкции его тела. Под мышкой у него всегда можно увидеть две-три книги, которые он прижимает к телу своей крючковатой длинной рукой. Если вы осмелитесь понаблюдать за ним, когда он проходит по школьным коридорам, то на лице его вы заметите неизменную маску недовольства в сочетании с выражением испепеляющего презрения. Его холодные, безжалостные глаза будто наблюдают за окружающим миром, вынося этому миру суровый приговор. Мне кажется, что с его олимпийской высоты мы все должны казаться ему пигмеями, интеллектуально и физически неполноценными карликами, среди которых он вынужден жить, как печальный Гулливер в стране лилипутов.

Мистер Макгаф будет преподавать нам английскую литературу, с непреклонной аналитической точностью препарирова язык, как патологоанатом, рассекающий мертвое тело, с тем чтобы потом вновь собрать его и вдохнуть в него жизнь. Он обладает удивительной способностью передавать темные места из Чосера или Шекспира на кристально ясном современном английском. Он делает это холодно и сжато, но чудесным образом сохраняет таинственную силу оригинала. Нередко он, закатив глаза, останавливается на середине предложения, чтобы отыскать точное слово или фразу, способные своей внезапной вспышкой озарить мрачные покои, которыми он в шутку называет наши умы.

Поначалу испытав ужас перед этим странным, эксцентричным человеком, я постепенно начал наслаждаться учебой у него. Я чувствовал священный трепет перед его по-

88

трясающе строгой, аскетичной манерой владения языком, который в его устах превращался в грозное оружие.

У меня не вызывает сомнений, что в жизни этого человека есть какая-то скрытая печаль; заметно, что он не общается почти ни с кем из учителей нашей гимназии. Из школьных слухов я узнаю, что у него нет ни жены, ни детей и что он живет вдвоем со своим старым отцом. Это очень необычный образ жизни для человека за пятьдесят, и в более раскованные времена подобная ситуация могла бы вызвать вопросы о сексуальной ориентации и психическом здоровье нашего учителя. К счастью, мы еще слишком невинны для любопытства такого рода, и хотя меня интригует и завораживает одиночество этого человека, я не испытываю желания что-либо о нем разузнать. Через много лет я узнаю, что однажды вечером, вернувшись домой, он нашел своего отца мертвым и полуобгоревшим, потому что тот потерял сознание и упал в камин. В моей памяти так и осталась эта ужасная картина, странным образом соединенная с книжными драмами и трагедиями, сквозь которые он провел нас, как мифический перевозчик, переправляющий души через подземную реку.

В отличие от других учителей он совсем не занимается и не интересуется нашим воспитанием — ему просто незачем в это вникать. Такое впечатление, что для него существует только мир слов. Он проведет нас по бесплодным ландшафтам «Пустоши» Элиота, «Чистилища» Данте, через адское пламя «Портрета художника в юности» Джойса. Он откроет нам человеческие трагедии в драмах Шекспира и милые недостатки героев «Кентерберийских рассказов» Чосера. Он разъяснит нам иносказания в «Танце» Серджента Масгрейва и мизантропических «Путешествиях Гулливера» Свифта. Он научит нас распутывать сложные интриги в «Томе Джонсе» Филдинга и воспринимать тонкую эстетику и чувствительность Э.-М. Форстера.

Эти путешествия и открытия увлекут меня настолько, что я продолжу поглощать книгу за книгой еще долго после того,

89

как от меня перестанут требовать это в школе. У нас дома нет ни одной книги, кроме Библии и нескольких равных ей по непонятности учебников по инженерному делу, оставшихся со времен

отцовской учебы. Но вскоре книги станут моей всепоглощающей страстью: своими пыльными, неподвижными телами они начнут заполнять комнату за комнатой. Подобно моей бабушке, я никогда не буду способен выбросить какую бы то ни было книгу; и целые архивы потрепанных учебников, оставшихся от школы или колледжа, будут годами, как охотничьи трофеи, храниться на самодельных полках в моей комнате. Сидеть в комнате, полной книг, и вспоминать истории, которые они когда-то тебе рассказали, и точно знать, где каждая из них расположена, и что происходило в твоей жизни, и где ты сам находился, когда впервые читал ее, — вот тонкое, изысканное наслаждение для знающего в этом толк, и этим наслаждением, которое я испытываю всю свою жизнь, я обязан мистеру Макгафу и таким, как он.

С первых школьных дней я не испытывал никакого влечения к математике. Числа являли собой холодные безжалостные абстракции, чьим единственным очевидным назначением было мучить несчастные, беспомощные души, подобные моей, своими непонятными фокусами и бесцельным сложением, вычитанием, умножением, делением и возведением в степень. Я испытывал перед ними безотчетный страх — так дикие животные интуитивно избегают силков и капканов. Никому за все время моего обучения в школе так и не удалось продемонстрировать мне красоту уравнения или изящество теоремы, никому так и не пришлось в голову указать мне на явную параллель между числами и музыкой, которой я был так страстно увлечен. К счастью, гимназические экзамены были ориентированы скорее на общий уровень интеллектуального развития, нежели на знание математики, поэтому мне удавалось переходить из класса в класс с ощущением какого-то подспудного ужаса перед каждым новым математическим инструментом, изо-

90

бретенным, казалось, с единственной целью — мучить меня своим абстрактным и непостижимым устройством.

Билл Мастальо столько лет преподавал в гимназии математику, что о нем ходили легенды. Итальянец по происхождению, он походил на несгибаемого римского центуриона или неаполитанского боксера со своим горбатым носом и блестящими черными кудрявыми волосами, гладко зачесанными назад со лба, который с каждым годом обнажался все больше.

Билл — а мы всегда звали его Билл — устроил нам тестирование в самом начале осеннего семестра. Он не учил никого из нас прежде и хотел получить представление о том, с какими проблемами ему придется столкнуться в будущем. Я с гигантскими усилиями прорвался через его задания и вместе с остальным классом в страхе ждал результатов, которые обещали объявить в конце недели.

В пятницу утром Билл входит в класс, с мрачным лицом бросает на свой стол стопку наших работ, как будто доставил из Рима приказ о массовой экзекуции. Это не сулит ничего хорошего.

С нарастающей иронией он начинает объявлять оценки за тест, что мы писали в понедельник.

— Хэнлон — 75 процентов, Берримен — 72, Тейлор — 69... Хорнсби — 25, Эллиотт — 23... и, наконец, Самнер — 2, вот именно, 2 процента. Ты знаешь, почему ты получил 2 процента за контрольную по математике, дружок?

— Э-э-э, нет, сэр, не знаю.

— Потому что тебе хватило ума написать правильно свое собственное имя.

— Спасибо, сэр.

С задних рядов раздается хихиканье.

— Ты не мог бы рассказать мне, каким образом такой болван, как ты, умудрился удержаться в этой цитадели учености со столь ничтожным, жалким знанием основ математики? Моя домашняя кошка разбирается в математике лучше, чем ты. Как тебе удалось не вылететь из гимназии?

91

— Может быть, дело в природной сообразительности, сэр? — на задних партах начинают хихикать громче.

«Его спасает только природная сообразительность» — это фраза, которую написал в моем табеле предыдущий учитель математики, чтобы объяснить, как я с горем пополам перехожу из класса в класс. Я принял это за комплимент и даже показал запись маме, которая наградила меня в ответ одной из своих беспомощных улыбок.

К чести Билла следует сказать, что с этого дня он буквально взял меня под свое крыло, и я всегда буду благодарен ему за это. Возможно, в отношении математики мой ум представлял для него своего рода *tabula rasa*¹⁰, на которой он хотел оставить уникальный след своего таланта. Так миссионер обучает дикаря чтению слова Божьего. А может быть, он был просто очень ответственным учителем, который любой ценой хотел сделать свою работу хорошо. Усадив

математических гениев нашего класса за работу, он звал меня к своему столу, усаживал рядом с собой и скрупулезно, день за днем и неделю за неделей раскрывал передо мной тайную магию логарифмических таблиц, гармонию и совершенство квадратных уравнений, изящную логику теорем. Целый континент, до той поры скрытый густым туманом, простерся передо мной.

Однако Билл был не только прекрасным учителем, но и чертовски талантливым рассказчиком. Если дела в классе шли хорошо, было совсем не трудно раскрутить его на одну из его историй. Он воевал в рядах Восьмой армии в Северной Африке, служил в пехотных войсках под командованием британского фельдмаршала Монтгомери, сражался против танковых дивизий фашистского фельдмаршала Роммеля по прозвищу Лис Пустыни, пройдя с британскими войсками от порта Тобрук до железнодорожной станции Эль-Аламейн, где произошли две кровопролитные битвы. Он сменил фамилию с Мاستальо на Масси на случай,

¹⁰ Чистая доска (лат.).

92

если будет взят в плен итальянцами, которые могли бы расстрелять его как предателя. Я думаю, Билл учил нас новейшей истории не меньше, чем математике. Два года спустя мне удалось получить неожиданно приличную оценку по предмету, который я так боялся с треском провалить, и этим я обязан сержанту Масси, он же — Билл Мастальо, или просто Билл.

Два семестра учебы в гимназии еще больше, чем прежде, отдаляют меня от родителей. Ни один из них за всю жизнь не прочел ни одной книги, которую можно было бы обсудить, и не в состоянии понять ни слова ни на одном из иностранных языков. Если не считать отцовской службы в армии, мои родители никогда не выезжали за пределы Англии. А между тем я учусь спрягать латинские глаголы, писать по-французски, бьюсь над основами физики и химии, читаю великую литературу и изучаю поэзию. С таким же успехом меня могли бы послать учиться на планету Нептун — настолько непонятны моим родителям те задания, которые я приношу домой. В этом нет их вины, но даже с тем ничтожным количеством знаний, которое мне удалось получить, я превращаюсь в нелепого интеллектуального выскочку. Образование, которое родители так мечтали мне дать, превращается в еще один барьер, вырастающий между нами как Берлинская стена из непонятных учебников, теорем, иностранных языков и философских учений. Все это вызывает у них обиду и недоумение.

Мои родители — далеко не глупые люди, но в своем высокомерии я начинаю демонстрировать им свое интеллектуальное превосходство. Угрюмый, необщительный и одинокий, я измучен постоянным безотчетным беспокойством. Как в капкан, я загнан в тесный дом в маленьком городе и не в состоянии поделиться своей неудовлетворенностью с кем бы то ни было. Никаких улучшений в отношениях между родителями тоже не наблюдается, продолжается мучительная, нескончаемая война, которая всех нас изматывает.

93

В довершение всего мой разрыв с прежними школьными друзьями становится абсолютным. Однажды вечером я возвращаюсь домой со станции и вижу Томми, который продает *Chronicle* на углу. Под мышкой у него стопка газет, и вот он замечает меня, карабкающегося вверх по склону холма с ранцем, набитым книгами, на спине. Целых шесть лет мы были близкими друзьями, но наши отношения несколько охладились после объявления результатов вступительного экзамена в гимназию, и мы не виделись с тех пор, как я начал учиться в гимназии, а Томми — в средней современной школе. Томми одет в голубые джинсы и сияющие черные ботинки на кубинских каблуках. Что касается моего бордового пиджака, поношенных серых фланелевых брюк и ботинок, выбранных только благодаря их практичности, — то все это никак не назовешь стильной одеждой. Я узнаю Томми уже на расстоянии ста метров, и от моего внимания не ускользает легкая насмешливая улыбка, играющая на его губах. Когда я приближаюсь, Томми с нескрываемой насмешкой осматривает меня с головы до ног, тем самым убивая во мне даже самую мысль о приветствии. Мной внезапно овладевают злость и стыд. Наши глаза на секунду встречаются, но в следующее мгновение мы оба в смущении отводим взгляды. Проходя мимо Томми в сторону нашего дома, я чувствую, как он смотрит мне вслед.

С этих пор я начну избегать угла у типографии, где продают *Chronicle*. Каждый раз я буду переходить по тоннелю на другую сторону станции и делать крюк в четыре улицы. Я еще долго не увижу Томми снова, и мы больше никогда не заговорим друг с другом.

Почти десять лет спустя, уже в годы моей учебы в колледже, отец спросит меня, не слышал ли я новости о своем друге Томми Томпсоне. Отец все еще думает, что мы лучшие друзья, хотя я не видел Томми много лет.

— В субботу вечером он пришел из паба «Мокрый пенни», наверное, был очень пьян, открыл газ, забыл зажечь огонь и уснул. Тело бедного парня обнаружили на следующее утро.

94

С тяжелым сердцем я отправлюсь вниз к реке, чтобы с причала парома посмотреть на городок Хебберн, который призрачно вырисовывается на другом берегу за завесой тумана. Плеск медленной свинцово-серой реки, которая непреклонно несет свои воды в море, успокаивает меня. Когда я маленьким мальчиком слушал проповеди ирландских священников с их акцентом, мне всегда слышалось Хебберн вместо *heaven*¹¹, и невзрачный городок превращался в обетованную награду благочестивых католиков.

«Так ты теперь там, Томми?» — тихо шепчу я, как будто он может меня слышать, но не получаю ответа.

Мальчик, который был моим лучшим другом, умер, и я впервые в жизни осознаю, что странная, страшная вина идет бок о бок со смертью и навсегда остается с тем, кто остался жив. Какой-то своей частью ты радуешься, что это не тебя выбрала смерть, другая же часть стыдится и сожалеет, что ты так и не сделал никакой попытки протянуть руку человеку, с которым когда-то был так близок, и теперь уже никогда не сделаешь этого.

Музыка всегда служила для меня средством от тоски. У гитары, которую я унаследовал от дяди Джона, появились приличные струны, и я больше не играю «сломанную» музыку, которая так огорчала мою бабушку. По правде сказать, я делаю большие успехи в игре на гитаре, но естественные ограничения самого инструмента не дают мне двигаться дальше. Есть вещи, на которые это примитивное устройство попросту неспособно.

Из тех денег, что я зарабатываю, помогая отцу развозить молоко, мне удалось скопить достаточно для покупки новой акустической гитары, на которую я давно положил глаз. Уже три месяца она висит на стене в музыкальном магазине Брэдфорда. Каждый вечер я прихожу посмотреть на нее после школы и втайне молюсь, чтобы никто не

¹¹ Небеса {англ.}.

95

купил ее раньше меня. Это красивый инструмент из светлого полированного дерева со стальными струнами, черным грифом и тонкой резьбой вокруг отверстия на корпусе. Гитара стоит шестнадцать гиней — большие деньги, но я впервые по-настоящему влюблен.

В первый раз я услышал Beatles, когда учился в последнем классе начальной школы. Дело было в раздевалке бассейна. Мистер Лоу только что провел с нашим классом очередное беспорядочное и очень шумное купание в бассейне — «провел», в сущности, означает проследил, чтобы никто не утонул. В раздевалке царила суэта. Вытираясь и обсыхая, мы, по своему обыкновению, хлестали друг друга полотенцами по гениталиям. Именно в этот момент из транзисторного приемника, висевшего в углу, послышались первые такты «Love me do». Эффект был поразительный. В этом разреженном, скупом звуке было что-то, что немедленно положило конец нашим грубым играм. Одинокая губная гармоника Джона, бас-гитара Пола, игравшая «на два такта», и их голосоведение шло параллельными квинтами до третьей пониженной ступени, сменяясь одноголосием во время припева. Конечно, в те времена я не смог бы описать этого так, как сейчас, но интуитивно почувствовал нечто значительное, даже революционное в этом лаконичном, экономном обращении со звуком, и, что интересно, то же самое ощутили и все остальные.

К тому времени, как песня «She Loves You» заняла первое место в списке хитов, я уже учился в гимназии, но в восторг меня привел не столько откровенный примитивизм хора, поющего «yeah, yeah, yeah», сколько аккорд соль мажор с добавочной секстой, который по-особенному окрашивал завершение коды. В это клише, давным-давно эксплуатируемое танцевальными группами, Beatles привнесли какую-то тонкую, неуловимую иронию. Конечно, и этого я не мог еще тогда сформулировать словами, но я инстинктивно чувствовал намек на некую изысканность, не ощущавшуюся в популярной музыке, которую я слушал до тех

96

пор. Beatles достигнут большого совершенства в умении включать в свои песни самые разнообразные музыкальные формы, будь то классическая или народная музыка, рок-н-ролл или блюз, индийская рага или водевиль — головокружительное и одновременно цельное смешение идей, перекидывающих мосты к целому букету разных культур сразу. Это была музыка без границ, универсальный саундтрек для поколения, которое вообразило, что может изменить мир. Джим Берримен в биографии под названием «Стинг в рассказах», которая в остальных отношениях заслуживает самой высокой оценки, утверждает, что я стоял на улице перед

городским концертным залом, когда в 1963 году там выступала легендарная четверка, и будто бы умудрился заполучить прядь волос Маккартни. Это, конечно, вымысел, кардинальным образом расходящийся с теми интеллектуальными запросами, которые были у меня в то время. Однако невозможно переоценить то влияние, которое в молодые годы оказали на меня Beatles. А тот факт, что их происхождение было сходно с моим, заложил основу моим планам о побеге и славе, которые я вынашивал в своем воображении. И Леннон, и Маккартни были из скромных семей и учились в гимназии в Ливерпуле — городе, очень напоминающем Ньюкасл. После первых заметных успехов, когда их музыка начала занимать места в горячей десятке, они покорили весь мир своими песнями. Целому поколению музыкантов это прибавило уверенности в себе и дало право хотя бы попытаться повторить их подвиг.

Я изучаю альбомы Beatles с таким же всепоглощающим, скрупулезным вниманием, с каким когда-то я слушал Роджерса и Хаммерстайна, но теперь у меня есть гитара. У меня есть инструмент, при помощи которого можно тренироваться в практической магии аккордов и распутывать системы ритмических фигур, на которых строятся песни Beatles. И что это за песни! Одна лучше другой, альбом за альбомом. Все их я пытаюсь сыграть, уверенный, что если не

97

оставлять усилий, то даже то, что не получается сыграть сразу, в конце концов раскроет свою тайну. Я снова и снова возвращаю иглоку проигрывателя к началу музыкального отрывка, который мне не удастся расшифровать, как взломщик сейфов, подбирающий шифр, пока наконец не добиваюсь своего. Ни один школьный предмет никогда не отнимал у меня столько времени и сил. Я не хочу сказать, что в этих занятиях музыкой играет роль какое-то предчувствие будущего, но есть что-то необычное в этой одержимости, в маниакальном характере моего увлечения, как будто какой-то внутренний голос твердит мне: *Так ты и сбежишь. Так ты и сбежишь.*

Идет 1966 год. Этим летом Англия выиграла у Германии и завоевала Кубок мира по футболу. Страна наконец наслаждается плодами послевоенного бума, и повсюду царит дух «развязности», как это называлось на странном жаргоне того времени. Но что касается Ньюкасла, то радость и воодушевление от перемен в обществе и культурной революции ощущает здесь лишь небольшое количество людей, группирующихся вокруг университета. Королевский колледж придает пабам, клубам и книжным магазинам дух старомодного интеллектуализма и богемной изысканности. Из знаменитых людей, кажется, только Витгенштейн провел в нашем городе сколько-то времени в годы войны. Могу себе представить, как он разъясняет трудные места из «Логико-философского трактата» ребятам из «Хеймаркет», уютно потягивающим темное пиво в голубом дыму дешевых сигарет.

Клуб «Go-Go» размещается на Перси-стрит позади паба «Хеймаркет». Изначально это был джазовый клуб для утонченных университетских кругов. В «Go-Go» выступали Animals до того, как к ним пришел большой успех. Их история была живым доказательством того, что чудесный успех Beatles можно повторить даже в Ньюкасле. Именно в этом клубе я в пятнадцать лет впервые увижу настоящую рок-группу — группу Грэма Бонда. Мне повезло с таким началом.

98

Сам Грэхам Бонд — крупный, круглолицый человек с длинными сальными волосами и усами китайского мандарина. Он играет на электрооргане и альт-саксофоне и поет хриплым, страстным баритоном. В его группе есть музыканты, которые скоро станут легендарными: Джек Брюс и Джинджер Бейкер, впоследствии перешедшие в группу Cream (первый — бас-гитарист, второй — ударник), а также тенор Дик Хекстол-Смит. Они играют резкую, неподатливую музыку, и я не знаю, нравится ли она мне, но у меня есть сильное ощущение, что то, что я слышу, обладает весом и серьезностью, которые впоследствии охарактеризуют словом «тяжелый». Некоторое время спустя Грэм Бонд увлечется оккультными науками и закончит свою жизнь под колесами поезда лондонской подземки.

В тот же «Go-Go» я ходил слушать Bluesbreakers, рок-группу Джона Мэйолла, хотя и не помню, кто из прославившихся впоследствии гитаристов играл в ту ночь. Это был точно не Клэптон, но это вполне мог быть Питер Грин. Однако только в декабре того года я испытал настоящее музыкальное потрясение.

Каждый четверг в половине восьмого вечера я со всепоглощающим интересом смотрел телевизионное шоу «Top of the Pops». Я страстно любил это шоу. Почти сорок лет спустя я все еще отчетливо вижу диджея Джимми Савила, стоящего перед большим списком из двадцати самых популярных песен году в 1966-м, и по-прежнему могу напеть каждую из них. Столь близкое знакомство с популярной музыкой того времени не могло тем не менее подготовить меня

к урагану, цунами, землетрясению невероятной стихийной силы, которым был Джими Хендрикс. Джими Хендрикс появился в «Top of the Pops» в декабре 1966 года, и все переменялось. Он переделал старую народную песенку «Эй, Джо», своей элегантной и страстной игрой на гитаре превратив ее в дерзкую, блюзовую вещь потрясающей силы. Его голос был мрачным и развязным и в то же время страстным и неприкрыто сексуальным. Пока

99

его группа из трех человек исполняла свою трехминутную песню, я воображал, как вся страна застыла перед телевизорами.

«Что, черт возьми, это было?»

Всего через несколько дней было объявлено, что его концерт состоится в «Go-Go». Возбуждение, которое царит по этому поводу в городе, можно почувствовать кожей. С формальной точки зрения я еще слишком мал, чтобы попасть в ночной клуб, но из-за высокого роста легко могу сойти за восемнадцатилетнего. В день концерта я беру с собой в школу сменную одежду: пару джинсов Levi's и белую рубашку Ben Sherman с наглухо застегивающимся воротничком. Это самая «крутая» моя одежда, и я смогу отлично выглядеть под школьным пальто. Я переодеваюсь в вокзальном туалете, стараясь не дышать. В туалете стоит резкий запах мочи и печали. Я одеваюсь с гипнотической медлительностью, опасаясь, как бы не уронить на грязный пол что-нибудь из одежды. Надо мной висит линялый плакат, изображающий министра здравоохранения, предупреждающего об опасностях венерических заболеваний. Но вряд ли мне это грозит. Я все еще ни на йоту не приблизился к тому, чтобы на собственном опыте узнать, что такое секс. В гимназии девочек нет, а большую часть моих вечеров занимает долгая дорога домой на поезде и автобусе. Когда я добираюсь до дома, мне приходится сразу же приниматься за огромное домашнее задание. А в тех редких случаях, когда я все-таки встречаю девочек, меня охватывает болезненная застенчивость, и я не знаю, о чем с ними говорить. С другой стороны, причина кроется в музыке: ведь я уже нашел свою страсть. Я оставляю сумку в камере хранения на вокзале и быстрым шагом направляюсь на Перси-стрит, радостно глотая морозный вечерний воздух и предвкушая что-то необыкновенное.

У дверей клуба выстроилась большая очередь, которая загибается за угол. Я становлюсь в ее конец и жду. Я — один из самых младших в этой толпе, но высокий рост позволяет мне не очень выделяться. В основном здесь стоят мальчики,

100

одетые по большей части так же, как я, но есть и несколько пижонов, которые обзавелись меховыми пальто и красуются своими усами, как у Сапаты, и щегольскими ботинками. Все девочки в очереди выглядят одинаково — волосы, строго разделенные на прямой пробор, ровными прядями лежат поверх черных кожаных пальто. Тем не менее в очереди воцаряется атмосфера серьезности, как будто мы вот-вот станем свидетелями события, имеющего высокое культурное значение. Сегодня Хендрикс будет играть два отделения. Мне удастся попасть на первое, и это везение, потому что второе заканчивается совсем поздно, и мне пришлось бы выдумывать подходящее объяснение для родителей. Мои родители понятия не имеют о том, где я, и у меня нет ни малейшего желания говорить им правду. Одно из преимуществ моего отдаления от них заключается в том, что они не требуют от меня каких-то специальных объяснений и в основном позволяют мне распоряжаться собой, как мне заблагорассудится.

Клуб очень маленький, но мне удастся отвоевать себе место на полпути между сценой и задней стенкой. Отсюда мне будет видно все. Группа, разумеется, опаздывает. Толпа терпеливо ждет.

Говорят, «если ты помнишь шестидесятые, значит, тебя там не было».

Что ж, то же самое можно сказать и об этом выступлении. Впечатление от Джими Хендрикса — это подавляющий оглушающий напор звука, который попросту не поддается анализу. Думаю, я помню какие-то фрагменты «Hey Joe» и «Foxy Lady», но все событие осталось в памяти каким-то сгустком шума, захватывающей виртуозности, африканских волос, немыслимой одежды и башен, составленных из усилителей «Marshall». В этот день я впервые в жизни увидел чернокожего. Я помню, как Хендрикс грифом своей гитары пробил дыру в покрытом штукатуркой потолке над сценой, и все закончилось.

Этой ночью я лежал без сна в своей постели со звоном в ушах и ощущением, что мое мировоззрение изменилось.

101

Я посвящал школе достаточно времени и усилий, чтобы удержаться на плаву, но никак не больше. Все, чего мне по-настоящему хотелось, — это играть на гитаре и слушать музыкальные записи. Я

до изнеможения слушал Дилана и запомнил многие из великих творений его лирического дара: от «The Lonesome Death of Hattie Carroll» до «Gates of Eden». В это же время я начал понимать и любить джаз.

В гимназии у меня завязалась дружба с несколькими старшими мальчиками, которые распознали во мне человека, всерьез одержимого музыкой. Один из них дал мне послушать два альбома Телониуса Монка: «Monk Live at Olympia in Paris» и «Monk Solo». Поначалу я был озадачен угловатой сложностью мелодий и необычайной насыщенностью аранжировки, но меня не покидало чувство, что в этой музыке есть нечто важное. Я упорно продирался сквозь нее подобно тому, как когда-то продирался сквозь бабушкины книги, или так же, как учился играть на гитаре, неумело, методом проб и ошибок, но с непоколебимой решимостью. У меня не было никакого интеллектуального подхода к музыке — только чистая, абсолютная увлеченность. Я приходил домой из школы, ставил на проигрыватель пластинку Монка, садился за домашнее задание и позволял музыке учить меня, проникать в меня, пока я бился над каким-нибудь трудным геометрическим доказательством. Впервые услышав Майлза Дэвиса и Джона Колтрейна, я осознал, что эти музыканты исследовали границы человеческого восприятия, как физики в звуковой лаборатории.

Не знаю, сумел бы я хоть немного понять подобную музыку, если бы с самого начала не слушал ее так много и упорно. Я не джазовый музыкант, но я вложил немало труда в то, чтобы научиться понимать джаз и найти общий язык с теми, кто его играет.

К 1967 году моим родителям удастся скопить достаточно денег, чтобы купить половину дома на две семьи неподалеку от побережья, в Тайнмуте. Это всего в нескольких

102

милях от Уоллсенда вниз по течению реки. После стольких лет конфликтов мои родители каким-то чудом продолжают совместную жизнь под одной крышей, сохраняя свой союз если не фактически, то хотя бы номинально. В такой семье, как наша, развод не может рассматриваться как выход из положения: он неприемлем ни в финансовом, ни в социальном отношении. Я рад, что такое глобальное потрясение, как развод, обходит нашу семью стороной, но временами, измученный постоянным эмоциональным напряжением, от которого сыплются искры и которое накапливается где-то под фундаментом нашего дома, я мечтаю, чтобы вся эта конструкция наконец взлетела на воздух, раз и навсегда.

Я слишком неловкий и нескладный, чтобы быть хорошим футболистом, но я могу быстро бегать. Ни в одной из школ, где я учился, никто и никогда не побеждал меня в забеге на сто ярдов. Я ширококостный и сильный благодаря необходимости с детских лет помогать отцу и возможности в неограниченных количествах пить бесплатное молоко.

Я устанавливаю рекорд школы в беге на сто ярдов и получаю право на участие в чемпионате графства Нортумберленд в Эшингтоне. Сейчас лето 1967 года, и мне шестнадцать лет. Это самый серьезный забег в моей жизни. Я хорошо помню тошноту, которая подступает в ожидании стартового выстрела, мучительную тишину в промежутках между командами: «На старт...» Мои колени напряжены, а ступни в шипованных ботинках готовы сорваться с места. «Внимание...» Проходит целая вечность, пока я поднимаю голову и, как в тоннель, смотрю вперед, туда, где виднеется финишная черта. *Марш!*

Этим вечером я возвращаюсь домой, светясь от гордости. Я выиграл забег с хорошим результатом и, торжествуя, спешу сообщить эту новость моему отцу, который в это время встает с дивана после своего дневного сна. «Очень хорошо, сынок» — вот все, что он говорит мне на это, и спокойно

103

отправляется на кухню приготовить себе чашку чая. У меня сразу падает настроение, и я обижаюсь на отца. Он слишком погружен в свои собственные несчастья, чтобы по-настоящему разделить мой успех или почувствовать гордость за мою победу, в которой, может быть, есть и его заслуга. Его гордость за меня остается невысказанной, она заморожена его постоянной печалью. Я понимаю это сейчас, но тогда не понимал.

Карьера бегуна обрывается для меня этим же летом после того, как я проигрываю один из первых отборочных туров на участие в забеге национального уровня. Я разочаровываюсь в спорте, утешая себя только тем, что спринт не требует никакой стратегии, никакой тактической тренировки. Или ты родился с такой мускулатурой, которая позволяет тебе быть самым быстрым, или нет. Спортивные достижения требуют жесткости по отношению к себе, суровой решимости. А эта тошнота, которая рождается где-то в желудке и подступает к горлу, этот страх, что ты не

покажешь нужного результата, что тебя победят, что ты провалишься!

Я начинаю убеждать себя, что больше не буду стремиться получить одобрение моего отца, и тем не менее значительная часть моей жизни представляет собой не более чем тщетную попытку заслужить одобрение, найти понимание. И сколько бы я всего этого ни получал, насыщение, вероятно, никогда не наступит.

Я презираю новый дом с его претензией на пригородную виллу, но все-таки при нем есть сад, который так нравится моему отцу, хотя ему и приходится вставать по утрам еще раньше и ехать в Уоллсенд, чтобы развозить там молоко. Он возводит в саду строение, которое называет оранжереей, однако на самом деле это невзрачная постройка из подсобных материалов, в которой проделаны окна. Здесь отец проводит почти все свободное время в компании пауков и унылых кактусов.

Мама по-прежнему уезжает по четвергам в неизвестное место, которое считается домом Нэнси, но никто не говорит

104

об этом ни слова. Стены в новом доме слишком тонки, чтобы можно было повысить голос. Наша семья напоминает монахов, давших обет молчания. Для младших брата и сестры я не более чем один из родственников. Я знаю, что они так же, как и я, подавлены обстановкой в семье, но, когда я бываю дома, я все равно как будто отсутствую. Я нежно люблю их и думаю, что они любят меня, но я никогда не рискнул бы проявить к ним какой-либо интерес или проявить свои чувства. Должно быть, они считают меня холодным и безразличным, но я даже приблизительно не представляю, что они знают и чем с ними можно заниматься. У нас с братом общая спальня в задней части дома. Считается, что она — с видом на океан, но это означает только, что если взобраться на платяной шкаф и устремить взгляд вверх крыш, где-то вдали будет виден серый, запретный горизонт Северного моря. Я стараюсь как можно меньше бывать дома. Иногда я целыми днями брожу по побережью от Тайнмута до залива Уитли-Бей, следуя за приливами и отливами. Я гуляю без всякой цели и думаю.

В какой-то момент я начинаю частенько проводить вечера в клубе YMCA¹² в Уитли-Бей и завожу дружбу с двумя братьями, Кеном и Питом Бригэм. Кен, как и я, учится в гимназии в Ньюкасле. Он прекрасный музыкант и умеет играть на пианино и гитаре. Пит на пару лет старше нас. Он — ученик шеф-повара и играет на бас-гитаре. Пит сделал свой инструмент сам, и я просто потрясен его гениальностью. Бас получился функциональным, но не грубым, практичным, но не уродливым. Пит посвящает меня в электронное таинство звукоснимателя с единственной катушкой, показывает расчеты длины мензуры и критических расстояний между ладами на грифе гитары. Это мое первое

¹² Young Men's Christian Association — Международная ассоциация молодых христиан, которая по большей части уже перестала быть чисто религиозной организацией и занимается досугом и обучением молодежи: содержит общежития, клубы, гостиницы и т. п.

105

знакомство с бас-гитарой, но я не проявляю большого интереса к этому инструменту. Я теперь считаю себя классным гитаристом, потому что научился вполне сносно исполнять ритмические фигуры Хендрикса и пользуюсь этим умением, чтобы привлечь к себе компанию молодых музыкантов, которые почти каждый вечер собираются в музыкальной комнате клуба. Я — тот парень, который умеет играть «Purple Haze», и это становится моей визитной карточкой. Именно из таких мелочей создаются репутации. Я обучаю этой песне не меньше половины посетителей клуба.

Один из этих ребят — Кит Галлахер, который впоследствии будет шафером на моей свадьбе точно так же, как я буду шафером у него. Поверив в меня с самого начала, он стал моим другом на всю жизнь. Именно его энтузиазм и поддержка дали мне смелость вообразить, что я как музыкант обладаю некой особенной индивидуальностью и что мою мечту о музыке можно претворить в жизнь.

Кит — практичный человек. Он — стажер в одной из инженерных компаний в Ньюкасле и к тому же учится в вечерней школе. Ему хватило самолюбия и упорства достичь хорошего профессионального уровня и стать в конце концов ведущим инженером-консультантом компании. И хотя мой собственный путь к успеху будет гораздо более извилистым и менее определенным, мы, должно быть, распознали друг в друге сходные черты, общее желание вырваться из тесного мира наших родителей. Мы вместе бродим по берегу океана, разговариваем и мечтаем порой до самого утра. Кит — первый человек, с которым я делюсь своими первыми опытами в написании песен, и, хотя эти опыты, вероятно, ужасны, Киту удастся продемонстрировать ровно столько

искреннего интереса и воодушевления, чтобы я не падал духом и продолжал писать. Он недавно напомнил мне, что в одной из моих самых ранних песен пелось о цветке, который вырос в пустыне. Я давным-давно забыл об этом, когда тридцать пять лет спустя писал песню под названием «Desert Rose» («Роза в пустыне»), разо-

106

шедшуюся более чем миллионным тиражом. Мне до сих пор кажется фантастикой, что такая личная вещь, как песня, может иметь какое-то значение для большого числа людей. Но может быть, единственное, что нужно, — это чтобы кто-нибудь один поверил в то, что ты делаешь, чтобы придать тебе уверенности не оставлять усилий.

Если Кит играет роль моего вдохновителя, то Кен, младший из братьев Бригэм, станет моим наставником. Мы, нота за нотой, разучиваем старые песни Фредди Кинга, такие как «The Stumble» или «Hide Away», заигрывая эту музыку до тошноты. Братец Пит пыхтит над своей бас-гитарой в то время, как мы с Кеном отчаянно продираемся сквозь изгибы и повороты блюзовой мелодии. Мы ходим на Питера Грина в клуб «Fleetwood Mac», на Стэна Вебба в «Chicken Shack» и на Bluesbreakers Джона Мейолла, втайне мечтая о том, что когда-нибудь и мы станем настоящими блюзовыми музыкантами. Когда мы не играем в клубе YMCA, мы репетируем в комнате Кена, которая располагается в мансарде типового дома викторианских времен неподалеку от побережья. Однажды вечером Пит уходит на свидание и не может аккомпанировать нам на бас-гитаре. Тогда я добровольно берусь подыграть Кену, пока он выводит основную мелодию.

Странно ощущать в своих руках бас, если ты привык к инструменту меньшего размера с тонкими струнами и коротким грифом. Своей весомостью и значительностью бас напоминает оружие, но в нем есть и своя неброская красота. Этот инструмент составляет основу любой мелодии, фундамент, на котором строится музыка. Аккомпанируя Кену, я обнаружил, что все, что он играл, гармонически определялось тем, как звучал бас. Если Кен играл на гитаре верхние звуки до-мажорного аккорда, разрешая созвучия в чистый до мажор, когда я брал «до» на бас-гитаре. Тогда у меня в уме начало формироваться то, что я могу описать только словом «стратегия» — пока смутная, но все же стратегия, что бас, будучи не самым эффективным инструментом,

107

гораздо лучше, чем гитара, подходит для тайной, скрытой стороны моей личности. Я буду стремиться к тихому героизму, к стоицизму и надежности, которые так свойственны моему отцу. Мои стремления станут отныне предельно конкретными, скрытыми, но очень осознанными. Я буду подавлять желание блеска и славы в пользу большей глубины своих музыкальных занятий. Я не буду жалеть на это времени, которого, как я почему-то был уверен, потребуется много.

*

Неужели я и правда вообразил, что стану успешным музыкантом? Ведь я даже не был членом какой-нибудь музыкальной группы, и тем не менее к сдаче выпускных экзаменов в гимназии я подошел настолько легкомысленно, насколько мог. Мир университетской науки казался мне такой же фантазией, как и музыкальная карьера. Если я не играл или не слушал музыку, я проводил вторую половину дня и вечер в залах игровых автоматов «Spanish City» в Уитли-Бей. Я не был одинок в своем наплевательском отношении к выпускным экзаменам. Оказалось, что двое моих друзей, Пол Эллиотт и Хьюи Макбрайд, настроены так же.

Пол — прекрасный барабанщик с отличным слухом и, подобно Киту, один из тех, кто верит в меня или по крайней мере в мои музыкальные способности. У Пола есть замечательная способность — заражать других своей энергией и жизнерадостностью, но он никак не может обрести независимость от своего успешного, состоятельного отца. Многие относились к нему пренебрежительно как к выходцу из привилегированного сословия, но он мой друг, и я знаю, как отчаянно он боролся, чтобы сохранить огонь в сердце, в то время как значительная часть жизни была, казалось, поднесена ему на блюдечке. Каждое детство несчастливо по-своему, и Полу нравится напиваться когда и где только можно. Я тоже нередко пытаюсь потопить свои переживания в ал-

108

коголе, но у меня отсутствует органически присущая Полу стойкость. Когда меня уже рвет на мостовую где-нибудь за пабом, мой друг спокойно наливает себе еще.

Хьюи — старший сын в большой ирландской семье. Он невероятно красив: у него голубые глаза и точеные черты кинозвезды. Он очаровательно близорук, но в то же время умудряется быть отличным защитником и капитаном школьной футбольной команды. К тому же он может выпить не меньше Пола без малейшего изменения своего приятного характера.

На следующий день после экзаменов мы уже стоим на Уэст-роуд при выезде из Ньюкасла на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга и голосуем проезжающим автомобилям. В наших рюкзаках — спальные мешки и запасная одежда. Мы договорились встретиться в Странраре, чтобы оттуда переправиться в Ирландию на пароме.

Через три недели в полночь мы трое стоим на поле для гольфа в графстве Даун. Позади нас лежат наши спальные мешки, в которых нам предстоит провести ночь. Американцы вот-вот должны высадиться на Луну, а мы едва можем стоять. Думаю, что «мертвецки пьяный» — словосочетание, достаточно точно описывающее наше состояние, хотя Хьюи и я умудрились донести Пола от паба до поля для гольфа, уронив его только один раз.

Всю дорогу мы путешествовали автостопом: спали на скамейках в парке и в полях, провели пару неуютных ночей на пирсе в Дун-Лэери. Год назад мы трое добрались автостопом до деревни Полперро в Корнуолле и провели лето в открытой хижине на вершине скалы. Мы собирались отправиться на остров Уайт, чтобы увидеть Дилана, но как-то отклонились от этого маршрута и все равно отлично провели время.

На дорогах мы всегда голосуем врозь (потому что никто не согласится подобрать троих здоровых парней сразу) и договариваемся встретиться вечером в ближайшем большом городе. Мы направляемся на запад в сторону Лимерика

109

и Керри. Однажды неподалеку от Трали меня подбирает фермер. Он тоже мертвецки пьян, и на заднем сиденье у него лежит свиноматка с парочкой поросят. Он говорит мне, что единственное, что ирландцы получили от англичан, — это сифилис. Я говорю ему, что в любой сделке, как и при исполнении танго, участвуют два человека, и он смеется.

Наконец Пол, Хьюи и я добираемся до Дингла, который расположен на юго-западе Ирландии. Каждый вечер мы до одурения накачиваемся светлым пивом и виски Bushmills, а спим — где придется. Нам повезло, что за три недели путешествия нас ни разу не арестовали. Совершив отчаянную попытку в совершенно пьяном виде покорить горы Мурн, мы возвращаемся в северном направлении, чтобы сесть на паром в Ларне.

Здесь-то мы и оказываемся на поле для гольфа под полной луной. Я могу поклясться, что вижу какое-то движение там, на ее поверхности, где-то в районе Моря Спокойствия. Такой маленький шаг для них, и такой гигантский — для нас.

*

Когда я возвращаюсь из Ирландии домой, результаты моих выпускных экзаменов уже ждут меня, заключенные в какой-то неопиcуемый коричневый конверт. Целый день я опасаясь прикасаться к нему, но наконец сдаюсь. Узкая белая полоска бумаги сообщает мне, что я получил проходные баллы по трем предметам: английскому, географии и экономике, но сами оценки, если не считать довольно высокого балла по английскому, отнюдь не открывают для меня академической карьеры и не позволят мне поступить в университет без, как минимум, двух пересдач. Я отклоняю даже потенциальную возможность учиться в университете и решаю плыть по течению.

В течение следующих нескольких месяцев я сменю не менее полудюжины рабочих мест. Сначала я работаю кон-

110

дуктором в автобусе. Потом ухожу и какое-то время получаю пособие по безработице, после чего устраиваюсь рабочим на стройку. Приближается зима, и мы закладываем фундамент для торгового центра в Байкере. Это тяжелая работа, не видно конца, и к тому же я очень страдаю от холода. В первый день моя мама, которая всегда хочет как лучше, превосходит саму себя в заботе обо мне. Накануне вечером она вызывается сделать мне бутерброды, чтобы я пообедал ими на работе. Утро первого рабочего дня проходит довольно сносно. Я хорошо владею лопатой и киркомотыгой, но я страшно завидую водителям самосвалов. Вся работа водителя — ждать, когда мы наполним кузов, и греть руки о работающий мотор. Потом этот властитель вселенной уезжает, шумно газуя, окутанный синим облаком выхлопных газов. Своим напускным безразличием он старается привлечь внимание девушек из конторы напротив. Я страстно желаю быть на его месте.

Наступает обеденный перерыв, и человек двадцать рабочих нашей бригады набивается в деревянную бытовку на краю строительной площадки. Крепкие, привыкшие к суровым условиям мужчины тесно рассаживаются на деревянных скамьях. Каждый закуливает и открывает газету: *Minor*, *Sun* или *Sporting Life*, — откусывая тем временем огромные куски от массивных бутербродов и гигантскими порциями поглощая горячий чай. Все это сопровождается раскатами грубого смеха. Мы окутаны сигаретным дымом и паром, поднимающимся из металлического

электросамовара, который стоит на столе. Как новичок, я занимаю скромное место в углу. Умирая от голода, я замерзшими пальцами открываю свою коробку с бутербродами и на мгновение застываю от ужаса, увидев его содержимое. Моя дорогая мама собрала мне целый набор крохотных изящных огуречных сэндвичей, которые были бы уместны на вечеринке в саду викария, но есть их здесь, в этом Дантовом аду рабочей бытовки, — все равно что нарядиться в балетную пачку или жемчужные серьги. Я быстро захопываю

111

пластиковую крышку, пока никто не заметил причины моего замешательства, но, видимо, слишком быстро.

— Что случилось? — спрашивает кто-то рядом.

— Есть не хочу, — не очень убедительно отвечаю я.

С этого дня я буду собирать себе обед только сам.

Через несколько недель я и еще один парень моего возраста копаем в глине канаву. На улице холодно и противно, у меня болит спина, и кожа на руках вся потрескалась. Когда бригадир поворачивается к нам спиной, мы с напарником разговариваем, и в какой-то момент речь заходит об образовании. Он говорит, что учился в средней современной школе, бросил ее в пятнадцать лет и с тех пор то работал на стройках, то жил на пособие по безработице.

— Моя жизнь похожа на глупую шутку, — ворчит он, злым взглядом уставившись на лопату и сплевывая себе на ладони. — А у тебя как?

У меня нет никакого желания рассказывать ему историю своей жизни, но раз уж он так откровенен со мной, мне неудобно скрытничать.

— Я ходил в гимназию в городе... семь лет, — добавляю я, видимо, для того чтобы мое пребывание в гимназии чем-то напоминало тюремный срок, что отчасти соответствовало истине. Но мой напарник совершенно этого не уловил.

— Тогда какого черта ты делаешь здесь?

— Ты о чем? — защищаюсь я. — Ты что, думаешь, я не могу делать эту работу?

— Да нет, — говорит он. — Работу ты делаешь нормально, но тебе, черт возьми, незачем здесь работать. Ты можешь найти место лучше.

Мне нечего ему возразить, я просто продолжаю копать неподатливую сырую глину. Через несколько дней я становлюсь водителем грузовика, но вскоре погода ухудшается, и за два дня до Рождества многих из нас увольняют. Нельзя сказать, что я очень огорчен этим обстоятельством.

Субботние вечера я обычно провожу на танцах в Тайнмуте, где белая громадина танцевального зала возвышается

112

над побережьем. Почти двадцать лет назад здесь познакомились мои родители. Это обстоятельство могло бы меня раздражать, но ухаживание за девушками — далеко не главный предмет моих интересов. На самом деле я прихожу сюда смотреть на группы. На сцене, как правило, фигурирует три местных группы, играющих странный набор из психоделических мелодий, классических хитов с альбомов фирмы Motown и несколько затянутых двенадцатитактовых блюзов, включающих, как правило, ужасное соло на ударных, от которого балдеет, кажется, только сам ударник. Время от времени я набираюсь храбрости и приглашаю кого-нибудь из симпатичных девушек на танец, но обычно это пустая трата времени. Я приглашаю, они бормочут что-то в знак согласия, а потом в течение всего танца целиком и полностью меня игнорируют. Они утыкаются взглядом в пол, ловят сдавленное хихиканье своих подружек, ищут глазами свои драгоценные сумочки — словом, смотрят куда угодно, только не на меня. Я раздосадован, они — безразличны.

Когда все остальные варианты по каким-то причинам отпадают, можно вспомнить и о дурнушках. Как правило, таким девушкам предпочитают их более привлекательных подруг, и они всегда рады, когда их приглашают. С ними гораздо интереснее, потому что волей-неволей они вынуждены себя развивать, в отличие от высокомерных красоток, кривляющихся вокруг горы сумочек, сложенных в центре танцплощадки.

Этой зимой я подружился с девушкой по имени Мэвис, очень красивой, но при этом с отличным чувством юмора и очень своеобразными представлениями о мире, который для нее отнюдь не сосредоточен на тряпках и косметике. Помимо всего прочего, Мэвис может зубами открыть бутылку пива. Разумеется, я без ума от нее. Мы проводим вместе несколько счастливых недель, а потом она уезжает в Лондон к сестре. Какое-то время мы переписываемся, но постепенно эти отношения угасают и больше не возобновляются.

113

Дебора Андерсон — моя первая настоящая девушка. Мы встретились с ней на двойном свидании. Она пришла с моим другом из YMCA, Джоном Мэджином, а я был с ее подружкой, которая оказалась ужасно простуженной и весь вечер сморкалась в свой насквозь промокший носовой платок. Судя по всему, у Джона с Деборой отношения тоже не заладились. Через неделю мы все снова встречаемся в пабе и как-то так получается, что Дебора оказывается в моих объятиях, а Джон возвращается домой в одиночестве.

Дебора — красивая девушка, высокая и застенчивая. Она немного сутулится, стесняясь своего высокого роста, но у нее большой рот, улыбка кинозвезды, стройные ноги и длинные темные волосы. Несмотря на несчастливые обстоятельства нашего знакомства, мы обожаем друг друга с первого момента встречи, и это очевидно каждому, кто видит нас вместе. Наши первые ласки неловки, мы похожи на детей, в темноте дающих друг другу кровавые клятвы, старающихся удержать расплывчатые очертания будущего неумелыми, молчаливыми прикосновениями губ и рук. Между нами возникли невыразимые словами узы разделенной опасности, новизны и страстного желания. Эта чистота и невинность отношений бывает только раз в жизни, она быстро уходит в прошлое, как воспоминание о рае. И то, что я испытал это так поздно, почти в двадцать лет, сделало мои ощущения еще более пронзительными. Тем временем мама — безнадежно романтическая, какой она и была всегда, — видит во мне и Деборе идеал любви, о котором она так страстно мечтала, но была обманута в своих ожиданиях. Она принимает Дебору как родную дочь, а та отвечает ей такой же теплотой. Обе они действуют в расчете на будущее, которого никогда не может быть. Но возвращаясь от Деборы, я чувствую крылья у себя за спиной, потому что на влюбленного не действует сила земного притяжения.

Дебора работает в офисе юридической фирмы в Ньюкасле. Кажется, у нее нет других стремлений, кроме как выйти замуж и начать тихую семейную жизнь. И хотя мы

114

никогда по-настоящему этого не обсуждали, брак по умолчанию является стандартным подтекстом любых отношений между полами для людей нашего возраста и нашего круга. Так было принято в те времена. Я как будто соглашаюсь с таким положением дел, но какая-то часть меня знает, что я неискренен. Прежде чем окончательно расстаться, мы пережили испуг, ошибочно решив, что Дебора беременна, и некоторое время спустя я ушел от нее к дочери директора школы. Через четыре года Дебора умрет, и горькая память о ней преследует меня по сей день.

Проведя достаточно времени на стройке и поработав кондуктором, я решаю попытаться в офисной работе: по крайней мере, мне не придется мерзнуть, я доставлю удовольствие маме и к тому же смогу притвориться, что использую в работе свой так называемый «недюжинный ум». В *Evening Chronicle* я вижу объявление: «Воспользуйтесь своим гимназическим образованием, поступайте на государственную службу». Самым лучшим своим почерком я пишу заявление о принятии на работу в налоговое управление. Я разыскиваю старый школьный галстук, надеваю свой лучший костюм, свои самые приличные ботинки, причесываюсь и еду в Манчестер на двадцатиминутное интервью, которое проводит целая коллегия абсолютно безразличных людей среднего возраста, которые задают мне вопросы типа «Есть ли у вас какие-нибудь увлечения?».

Мне хочется солгать, что я люблю ловить рыбу на мотыля, но опасюсь попасть в затруднительное положение, если меня спросят, где я беру наживку и где находится самое богатое форелью течение в Нортумберленде. Конечно, я мог бы сказать «музыка», но мне обидно называть ее увлечением: страсть — пожалуй, но едва ли увлечение. Вот почему я решаю сказать, что люблю гулять.

— И где же конкретно вы гуляете?

О, я гуляю повсюду! — гласит мой не очень-то находчивый ответ.

115

— Что ж, мистер Самнер, боюсь, эта работа не позволит вам много гулять.

О, я и не ждал от нее этого.

— А какие газеты вы читаете?

Осознав, что нахожусь в Манчестере, я говорю: *Guardian*, после чего несколько интервьюеров недовольно вскидывает брови, мне кажется, они считают эту газету слишком левой: «И, э-э-э, *Telegraph*».

— Очень разумно, мистер Самнер. — Они знают, что я лгу.

Честно говоря, я считаю, что получил бы эту работу, даже в том случае, если бы проверяющие

просто дали мне подышать на зеркало и проверили, конденсируется ли на нем мое дыхание, — вот каким трудным было это собеседование.

— Ну, вот, это и есть государственная служба, — говорю я сам себе.

Итак, я становлюсь служащим налогового ведомства точно так же, как когда-то я брался за другие виды работы, а потом без сожаления бросал их. Это тоскливая работа, к которой у меня нет абсолютно никаких способностей и еще меньше интереса. И хотя быть уволенным с государственной службы практически невозможно, моя репутация в качестве налогового инспектора быстро становится из рук вон плохой. Входящие бумаги, которые я должен обрабатывать, превращаются в огромную стопку никому не нужного мусора, а унылые, потрепанные папки, где содержатся налоговые истории тысяч и тысяч служащих, сплошь заполняют полки стеллажей, источая подавляющую канцелярскую нищету. У меня не вызывает никакого сомнения, что те, чьи налоговые дела я должен контролировать, заняты такой же безнадежно скучной и не приносящей удовлетворения работой, как и я сам. Нередко я приезжаю на работу с опозданием чуть ли не на час. Мои обеденные перерывы продолжаются далеко за полдень, и в пять часов дня я всегда первым покидаю офис, после чего начинается моя настоящая жизнь: я тащу

116

Дебору смотреть на группы в пабах, клубах и на танцплощадках. Мы слушаем Рода Стюарта и группу The Faces в клубе «Mayfair»; Флитвуда Мака, Джули Дрисколл и Брайана Огера в «Go-Go». Дебора терпеливо поддерживает меня в моих мечтах прорваться в круг работающих музыкантов и по дороге домой в автобусе слушает мою нескончаемую болтовню о достоинствах или недостатках той или иной группы. А потом приходится возвращаться к действительности и на следующий день снова отправляться на работу.

Некто мистер Уилсон, проработавший в нашем офисе более двадцати лет, рассказывает мне, что Алан Прайс, клавишник из группы Animals, до того, как прославился и разбогател, сидел за тем самым столом, за которым я сижу сейчас. Мистер Уилсон, будучи главным хранителем истории и традиций офиса, является еще и тайным офисным распутником: он украдкой разглядывает девушек, которые разносят огромные охапки коричневых и розовых папок по рабочим местам в нашей длинной комнате. Каждый раз, когда милое создание в мини-юбке и на каблуках вынуждено тянуться к самой верхней полке за какой-нибудь папкой, мистер Уилсон поворачивается якобы для того, чтобы заточить карандаш, и смотрит в этом направлении отсутствующим взглядом. А поскольку у меня мало способов скрасить скуку этих бесплодных дней, я начинаю пародировать искусную хореографию крутящихся стульев, карандашных точилок и отсутствующих взглядов. И вот мы совершаем одни и те же движения, свободно и не напряженно, как синхронные пловцы в море желаний. Девушки не протестуют, потому что, как и мы, страдают от скуки. Некоторые из этих офисных сирен обезоруживающе красивы, но я подозреваю, что, если поддаться на их незамысловатые чары, можно остаться здесь навсегда и выродиться в мистера Уилсона, который привязан к своему столу, как унылый Приап в храме чувственности.

В конце концов эта сводящая с ума дневная работа действует на меня как катализатор. Я осознаю, что должен

117

найти способ развивать свои музыкальные способности и параллельно иметь какое-то стабильное занятие, приносящее хотя бы немного денег. В семидесятых годах студенческая стипендия, хотя и не позволяла человеку купаться в роскоши, все же давала средства к существованию, обеспечивающие крышу над головой и пару жареных яиц на сковородке, а может быть, и пару фунтов на то, чтобы время от времени выпить кружку пива в студенческом клубе. К тому же в этой среде я надеялся встретить единомышленников. Итак, отработав в налоговом ведомстве тоскливые полгода, я записался в педагогический колледж Северных графств. Именно здесь в конце 1972 года я встречу йоркширца с бесцеремонной и резкой манерой разговаривать, который в течение нескольких следующих лет станет моим наставником, руководителем в вопросах музыки, партнером и соперником.

118

4.

Джерри Ричардсон учится в моем колледже на курс старше меня. У нас много общего. Как и я, по окончании гимназии он какое-то время плыл по течению, переходя с одной тупой работы на другую. Как и

я, он отчаянно мечтал пробиться в музыкальный мир и искал места, где можно бросить якорь, чтобы иметь время подумать о своих планах. Он родился и вырос в Лидсе, в семье музыкантов, и с ранних лет играл на пианино. Как музыкант он значительно превосходит меня, но у нас есть два серьезных основания для дружбы: оба мы считаем музыку своей единственной страстью и ни один из нас не имеет ни малейшего желания становиться учителем. Тем не менее колледж позволяет (или, по крайней мере, в те времена позволял) избегать отчисления и держаться на плаву, затрачивая на учебу минимальные усилия, что, конечно, оставляет достаточно времени и энергии для занятий музыкой.

119

Музыка — единственное, чем мы по-настоящему хотим заниматься. Зарабатывать на жизнь игрой на музыкальном инструменте кажется если не пределом желаний, то чем-то близким к этому. Играть в клубах, вечер за вечером, — почетно и романтично (по крайней мере, так нам представляется). Именно Джерри первым прокладывает путь в сказочный мир клубов и кабаре, где при условии, что ты хорошо играешь и достаточно гибок в своем репертуаре, ты получаешь возможность присоединиться к тому славному братству, к той категории избранных музыкантов, которые аккомпанируют эстрадным певцам, жонглерам, стриптизершам, фокусникам и комикам. Быть профессиональным музыкантом, добротным ремесленником, который умеет читать ноты достаточно хорошо, чтобы не потерять работу, играть в любом требуемом стиле — вот моя высшая цель, а Джерри уже тогда всего этого достиг. Я благоговел перед ним.

На тот момент моим всепоглощающим стремлением было стать еще лучшим музыкантом: тренироваться каждый день, учиться читать ноты, не терять интереса к постепенно раскрывающей свои тайны музыке, до последнего вздоха охотиться за этим ускользающим знанием. Не кто иной, как мой друг Джерри, вложил в меня эти идеи и не давал им угаснуть, хотя и по сей день, будучи скромным и объективным человеком, неохотно это признает.

Трехгодичный курс обучения в педагогическом колледже даст нам время как-то продвинуться, но не на учительском, а на музыкальном поприще, разумеется. Если же за это время нам не удастся прочно обосноваться в музыкальном мире, учительство станет для нас запасным вариантом, но не более того. Как бы то ни было, даже в качестве запасного варианта учительская работа с коротким рабочим днем и длинными каникулами обеспечит, как нам казалось, минимальную финансовую стабильность и создаст благоприятную обстановку для дальнейших заня-

120

тий музыкой, пока счастливый прорыв, как мы воображали, не перенесет нас из этой двойной жизни к вершинам успеха.

Мы познакомились в студенческом клубе зимним воскресным вечером на первом году моего обучения в колледже. Репертуар клуба ограничивался, как и следовало ожидать, вполне приемлемым, хотя и не особенно вдохновляющим, исполнением песен Ральфа Мактелла или Кэта Стивенса и несколькими весьма жалкими интерпретациями произведений Леонарда Коэна, исполненными не очень умело и лишенными ироничности оригинала.

Однажды вечером мне приходит в голову встать и сыграть самому. Мне удастся немного оживить обстановку песней из фильма «Передвижной военный хирургический госпиталь» под названием «Suicide Is Painless». От нее я плавно перехожу к мелодии «King of the Swingers» из диснеевской «Книги джунглей», а потом добавляю парочку своих собственных импровизаций с какими-то эксцентричными, но достаточно бессмысленными словами. Странный выбор песен и необычное их сочетание привлекает внимание мистера Ричардсона. Как истинный йоркширец, он не может не выражать своего отношения, особенно когда его изысканный музыкальный вкус оскорбляют какие-то несчастные юнцы, которым место только в студенческих клубах. Благодаря этому обстоятельству он приобрел репутацию сурового и резкого критика.

С кружкой пива в одной руке и сигаретой в другой Джерри подходит ко мне по окончании моего выступления. У него красивая борода, как у преподавателя живописи, и, пока я укладываю свою драгоценную гитару в футляр, он искоса разглядывает меня сквозь богемную копну давно не мытых каштановых волос.

— Это немного интереснее обычного дерьма, которое здесь играют воскресными вечерами, — говорит он.

— Спасибо, — благодарю я, не зная, следует ли мне выглядеть польщенным или безразличным.

121

— Я — Джерри, пианист. Пойдем к бару, я куплю тебе кружку пива.

— Спасибо.

Я следую за ним с гитарным футляром в руках, на всякий случай стараясь сохранять некоторую дистанцию.

— Хорошие аккорды в этой песне из «Госпиталя», — бросает он, оборачиваясь, чтобы убедиться, иду ли я за ним. — Давно играешь?

— Да, довольно-таки давно, но на самом деле я басист. Мы наконец-то протиснулись сквозь толпу к стойке бара.

— А с кем ты, собственно, играешь? Кен, будь добр, две кружки специального.

— Да, в общем-то, ни с кем. Так, с друзьями из школы.

— Сорок пенсов, джентльмены, — говорит бармен по имени Кен.

— У тебя есть знакомые ударники? — спрашивает Джерри, притворяясь, что где-то оставил деньги.

— Да, — отвечаю я, достаю свои собственные, не решаясь напомнить моему новому другу, что это он предложил мне выпить.

— Я играю с одним парнем. Его зовут Пол Эллиотт. У него ударная установка «Slingerland».

Джерри глубокомысленно кивает, и мы оба начинаем прихлебывать теплое пиво из своих кружек.

— У него есть свой собственный фургон, — говорю я, стараясь придать своему рассказу профессиональный лоск, но Джерри, который до этого момента светился участием и заинтересованностью, теперь только глотает пиво.

— Фургон? Правда? А он не хочет играть в ансамбле?

— В каком ансамбле?

— В нашем студенческом ансамбле, нам нужен ударник.

— Я уверен, что он согласился бы с радостью, но откуда ты знаешь, что он вам подойдет?

— Но у него же есть фургон, правда?

— А, понятно.

122

Ясно, парень попался практичный, но, чтобы не показаться слишком корыстным, Джерри добавляет:

— Да, кстати, мы ищем нового басиста.

— А что не так со старым?

— О, со старым все в порядке. Просто у него нет друга-ударника со своим собственным фургоном. Мы оба разражаемся смехом.

Уютно устроившись у стойки бара, мы начинаем говорить о музыке. Мы обсуждаем, что нам нравится и что не нравится, до самого закрытия клуба около полуночи. Мы продолжаем говорить о музыке всю дорогу до дома Джерри, который живет в Джесмонде, богемном квартале на северо-востоке Ньюкасла, состоящем из студенческих каморок и старомодных пабов. Джерри живет в одной квартире со скрипачом по имени Брайан, братом местного легендарного музыканта Джонни Хэндла, ставшего впоследствии одним из зачинателей группы Killingworth Sword Dancers. Брайан ласково, хотя и слегка насмешливо, называет Джерри джазистом.

Квартира, расположенная на тенистой викторианской веранде, завалена нематыми тарелками, кофейными чашками, сигаретными окурками, пустыми пивными бутылками, грязным бельем, потрепанными книжками и старыми конвертами от пластинок. Это студенческое логово с диким количеством объедков, наполовину прочитанных газет и недописанных сочинений. Это место являет собой нечто среднее между трущобами и военным лагерем: как будто армия буйных солдат только что выступила отсюда в военный поход.

Из-под груды книг и бумаг Джерри достает старый проигрыватель «Dansette», потом быстро перебирает стопку пластинок, вытаскивает альбом Майлза Дэвиса «Bitches Brew» и осторожно извлекает его из конверта. При всем ужасном беспорядке, который царит в его жилище, я сразу узнаю ту ритуальную медлительность и аккуратность, с которой он устанавливает иголку на край крутящегося

123

диска, а потом со снисходительным видом откидывается на гору подушек, чтобы посмотреть на мою реакцию, словно он только что дал мне какой-то сильный наркотик. В то время я знал Майлза как короля кул-джаза и больше всего восхищался его мастерской интерпретацией «Порги и Бесс» Гершвина, но эту новую пластинку я слышал впервые. Майлз выступает здесь в качестве великого трубача, создателя новой музыки, которая впоследствии получит название фьюжн, вероятно, из-за того, что простейшие элементы рока соединяются в ней с джазовой импровизацией и виртуозностью. Как бы то ни было, эта музыка сразу производит на меня сильнейшее впечатление, и еще целый час я нахожусь под ее наркотическим воздействием.

Много лет спустя я впервые встречаюсь с Майлзом Дэвисом. Меня приглашают в его нью-йоркскую студию звукозаписи. Незадолго до этого я переманил к себе одного из лучших музыкантов Майлза, причем именно этот музыкант по имени Дэрил Джонс, ставший к тому времени членом моей группы Blue Turtles, открыл мне глаза на музыку.

Великий человек смотрит на меня.

— Стинг, да?

— Да, сэр, — отвечаю я.

— Стинг, — говорит он еще раз, смакуя мое имя во рту, словно слюну перед плевком, — а у тебя ведь самая огромная в мире башка. — Эту фразу он произносит злобным шепотом.

Меня, мягко говоря, передергивает:

— Что именно ты имеешь в виду, э-э-э, Майлз?

— Видел тебя в одном дурацком фильме, и твоя голова занимала весь чертов экран.

Я не знаю, о каком конкретно из моих фильмов говорит Майлз, но его замечание порождает целую волну издевательского смеха, которая распространяется по всей комнате. Все смеются, за исключением одного меня. Наверное, я выгляжу слегка растерянным, если не обиженным, поэтому Майлз, желая, вероятно, загладить свою грубость, изрекает:

124

— Итак, Стинг. — Упоминанием моего прозвища он вызывает еще один приступ хихиканья и смешков среди присутствующих. — Ты говоришь по-французски?

— Да, — отвечаю я с некоторым беспокойством.

— Ладно, переведи вот это.

Он протягивает мне известный «кодекс Миранды»: «Каждое ваше слово может быть использовано против вас...»

Получив такое задание, мне едва удастся сдержать волнение: остатки французского, которые еще не выветрились из моей головы, годятся разве что на то, чтобы поставить меня в затруднительное положение, но их совсем не достаточно, чтобы из этого положения выйти. И надо же такому случиться именно тогда, когда великий Майлз Дэвис дал мне задание, а я отчаянно пытаюсь оправдать его ожидания.

— Сколько у меня времени на подготовку?

— Пять минут, — бросает он в ответ.

— Хорошо.

Меня охватывает паника. Я бегу в контору студии и прошу разрешения воспользоваться телефоном. Я звоню домой в Лондон, мысленно молясь, чтобы Труди была дома. Она свободно говорит по-французски. Трубку берет наша домработница.

— Ее нет дома, — говорит она, — она поехала в «Bullock Cart», что в Вестбурн-Гроув, — ну, знаете, в индийский ресторан.

— Черт. — Драгоценные минуты неумолимо проходят.

— Вы не могли бы раздобыть мне номер этого ресторана, Кэрл? Тут дело довольно срочное.

Черт, черт, черт, что же она так долго копается? Наконец Кэрл возвращается с номером, и я немедленно его набираю.

— Здравствуйте, я хотел бы поговорить с одной из ваших посетительниц. У нее светлые волосы и зеленые глаза. Возможно, она в короткой юбке и на высоких каблуках, очень симпатичная.

125

Секунды неумолимо тикают. Ассистент Майлза просовывает голову в дверь комнаты:

— Вы готовы?

— Да, одну секунду... Привет. Труди? Пожалуйста, только не задавай никаких вопросов. Можешь перевести вот это?

Я по телефону читаю ей свой текст:

— *Вы арестованы. У вас есть право хранить молчание. Любое ваше слово может быть использовано против Вас...* Так что заткнись, приятель!

Через минуту я уже бегу обратно в студию, победно сжимая в руке свой маленький лист бумаги.

— Отлично, следуй за мной. — Майлз приглашает меня в студию. — Когда я сделаю тебе знак, выкрикни эту французскую муть мне в лицо как можно громче, хорошо? — говорит он.

— Ладно.

Я стою в студии с Майлзом Дэвисом, одним из героев моего детства. Сейчас я выкрикну ему в лицо «правила по делу Миранды» на французском языке под аккомпанемент фанка, несущегося из микрофонов. Майлз кивает мне. Я начинаю:

— VOUS ETES EN ETAT D'ARRESTATION, VOUS AVEZ LE DROIT DE GARDER LE SILENCE, TOUT CE QUE VOUS DIREZ POURRA ETRE RETENU CONTRE VOUS. ALORS TAIS-TOI!

И Майлз отвечает, указывая на свой собственный пах:

— ДА? А СЮДА ПОЛУЧИТЬ НЕ ХОЧЕШЬ, МАТЬ ТВОЮ?!!!!

Через несколько минут я уже снова на улице. Я чувствую себя злым и усталым как собака, но в то же время счастливым и гордым: мой голос будет звучать в альбоме Майлза Дэвиса. Альбом называется «You're under Arrest».

— Что ты об этом думаешь? — спрашивает Джерри, когда музыка заканчивается, а я все еще пребываю в сонном мечтательном состоянии. Музыка унесла меня в заоблачные дали, и, еще не зная о тех невероятных поворотах, которые произойдут впоследствии в моей жизни, я хотел бы

126

иметь возможность сказать Джерри: «Знаешь, я только что перенесся мыслями в будущее, где Майлз страшно разозлился на меня и заставил кричать на него по-французски под звуки фанка для одного из своих альбомов». «Черт бы тебя побрал!» — ответил бы мне Джерри.

Пол и я вступаем в ансамбль колледжа и попадаем под руководство Джерри. Помимо нас в оркестр входят: итальянец по имени Альдо, который играет на трубе и рожке, и Стив, чересчур самоуверенный, но, несомненно, талантливый саксофонист. Я принят в качестве басиста и фонового певца. Группу решено назвать Earthrise («Восход Земли»). Это идея Альдо, навеянная фотографией Земли, которую сделали с Луны члены экипажа «Аполлона».

Солистка нашей музыкальной группы — Меган, девушка Джерри, хотя благодаря его богемной беззаботности и моей склонности к необычным женщинам она вскоре станет моей девушкой, а совсем не его. Джерри на удивление безразлично относится к этому событию. Нечего и говорить, что я все еще встречаюсь с Деборой, которая несколько раз приходит со мной на репетиции в колледж, но так запугана поведением Меган, что вскоре перестает приходить. После этого наши отношения с Деборой приобретают несколько двусмысленный характер, наполняясь смутными подозрениями, которые не высказываются, и мелкими обманами, за которыми не следует объяснений. Вскоре мы расстанемся, но наш разрыв далеко не безупречен.

Меган совсем не застенчива, она обладает прекрасным певческим голосом, а ее удивительные голубые глаза, хрупкое телосложение и роскошные светлые волосы до плеч придают ей уверенность в собственной сексуальности. Она тоже родом из Лидса и, подобно Джерри, наделена прямоотой и открытостью, благодаря которым любые хитрости и недоговоренности в нашей среде выходят на поверхность. Меган прекрасно образованна и хорошо воспитанна, но

127

когда она разговаривает, обычные нормы вежливости как-то отходят на второй план, уступая место откровенным, а нередко и грубым проявлениям честности.

— Тебе придется сменить эту чертову тональность, Джерри, в си-бемоль я звучу как дурацкий визжащий попугай.

— Но... но я уже переписал аранжировку, любовь моя, — защищается Джерри. — И потом, духовым инструментам противопоказаны высокие тональности, — с надеждой добавляет он, как мне кажется, для того, чтобы подавить Меган своими теоретическими познаниями.

— Тогда пусть это дерьмо поет кто угодно, потому что я не собираюсь. И не пытайся подмаслить меня своими дурацкими штучками типа «любовь моя», — отвечает Меган.

Джерри, бросая на нее сердитые взгляды, начинает тем не менее переделывать аранжировку, над которой он так старательно проработал все утро. При этом он вполголоса ворчит что-то о женщинах в группе и о неприятностях, которые они доставляют.

Я с некоторым интересом подмечаю, что хотя Джерри нелегко сдает позиции во всем, что касается музыки, он — не пара для женщины, у которой есть свое собственное мнение. Однако вскоре я начинаю понимать, что жесткость Меган, хотя и производит необходимый эффект, является скорее сознательной защитой, скрывающей гораздо более чувствительную и незащищенную душу, чем та, которую она демонстрирует миру. Как бы то ни было, Меган станет второй девушкой, которая разобьет мое сердце.

Поскольку группу организует Джерри, в ней нет гитариста. Основное внимание здесь будет уделяться фортепьянным мелодиям с джазовой окраской, в противовес более грубой и популярной гитарной музыке. Одна из первых мелодий, которые мы репетируем, — «Springtime in the City» Грэма Бонда. Резкое, уверенное контральто Меган придает подлинности исполнению песен «Cry Me a River» и «The

128

Letter», хотя аранжировку мы взяли прямо с альбома Джо Кокера «Mad Dogs and Englishmen». У нас почти нет музыкального оборудования, поэтому нас редко приглашают. Иногда нам доводится играть в составе ансамблей с большим числом исполнителей, которые по пятницам приезжают из Лондона и выступают в клубе студенческого союза. Получается у нас довольно хорошо, но, если не считать случайных клубных заказов, когда мы играем за стенами колледжа, мы практически не двигаемся с места. Меган, несмотря на ее кажущееся бесстрашие, страдает жестокими приступами страха сцены, который ей, как правило, удается скрывать за дымовой завесой раздражения, большей частью направленного на Джерри. Пользуясь поддержкой Джерри, я начинаю все чаще и чаще брать на себя обязанности солиста, когда Меган не расположена петь, но задолго до того, как все наше предприятие наконец разваливается, я уже вижу, что оно обречено.

В течение года наша группа отчаянно борется за существование, пока в один прекрасный день Джерри не предлагают работу в ночном клубе в Бристолле. Шесть вечеров в неделю он будет играть в составе трио, которое выступает с девушкой-солисткой. В связи с этим Джерри решает бросить колледж и нашу группу. Я острее других переживаю уход Джерри, потому что вижу, что без его руководящего гения группа скоро перестанет существовать. Так и случится. Пол пойдет работать в фирму своего отца, Альдо и Стив вплотную займутся преподавательской работой. Нам с Меган остался год до окончания колледжа, и мы пробудем вместе немного дольше, но лишь до той поры, пока и я не получу причитающуюся мне дозу горького лекарства.

Дебора превращается в олицетворение страстных желаний моей матери, и между ними возникает та примитивная разновидность взаимопонимания, из-за которой во мне закипает какая-то глубинная ярость, как будто я против своей воли вынужден разыгрывать какую-то странную нелепую историю о предательстве и возмездии. Какова бы ни

129

была психологическая подоплека этой ситуации и какой бы миф ни руководил мною в то время, спектакль поставлен, и вот Меган как амазонка входит в мое разгоряченное противоречивыми эмоциями воображение. Осознание собственной неверности постоянно разжигало мою чувственность и заставляло вести изматывающую игру, состоящую из лжи и мучительного распределения времени встреч. Характер моего увлечения Меган был абсолютно нов для меня. Нежная невинность моей первой любви была буквально сметена почти развратным сексуальным влечением, современным, чуждым всякой сентиментальности и освежающе прохладным. Но в этих отношениях было и нечто большее, чем разбушевавшаяся сексуальность. Здесь присутствовал социальный элемент, имеющий отношение к той среде, из которой происходила Меган. Какая-то часть меня холодно рассматривала Меган как способ вырваться из моей старой жизни, как орудие для ее изменения.

Наши дневные лекции мы часто заменяли часами безделья в комнате Меган, в общежитии напротив колледжа. Строчка из песни Леонарда Коэна «Hey, That's No Way to Say Goodbye», где поется о «ее волосах на подушке, похожих на уснувшую золотую бурю», будет всегда напоминать мне о тех днях с Меган.

Ее книжные полки заставлены пьесами Жене и Ионеско, романами Сартра и Камю, и хотя ее литературные вкусы не ограничиваются только французами, экзотичность именно этих имен привлечет мое внимание задолго до того, как я впервые услышу об экзистенциализме и начну разделять молчаливый, одинокий героизм «Постороннего» Камю и «Тошноты» Сартра. После нашей первой встречи в ее комнате Меган вручит мне «Смерть в душе», прибавив, что, если мне понравится, она даст мне и первые две книги трилогии Сартра¹³, и только сейчас это кажется странной и совсем не случайной инициацией. Впрочем, в наших отношениях

¹³ Имеется в виду роман Жана-Поля Сартра «Дороги свободы»

130

очень многое было сделано поспешно, а потом как будто бы отыграно назад. Из внезапной и шокирующей близости медленно и постепенно развивалось взаимопонимание.

Я буду вести свою двойную жизнь в течение полутора семестров, пока напряжение не станет наконец непереносимым. Последует болезненный разрыв с Деборой, но это только половина дела. Я окончательно распутая ситуацию, представив Меган моей матери, и хотя этот шаг не принесет мне никакой особенной радости, он все же немного ободрит меня, как ободряет прикосновение к холодной стали.

Когда я впервые привожу ее домой, ей оказывают вполне радушный, но едва ли теплый прием. Одри явно выведена из себя, и хотя ей удастся сохранить шуточный тон, она время от времени

пересыпает свои шутки колкостями. Меган же молча ошетиливается, несмотря на то что за весь вечер никто не произносит ни одного обидного слова. Меган и мама обмениваются любезностями, прихлебывая чай из своих чашек, и я начинаю понимать, что у женщин есть для общения более тонкие способы, чем те, которые доступны простакам мужчинам. Как бы то ни было, по окончании этого неловкого чаепития я обретаю уверенность, что Меган знает мою мать, а моя мать знает Меган.

Из всех, с кем я знакомлю Меган, наиболее тепло к ней относится мой отец. Ее свободное поведение и уверенность в себе дают ему право на флирт, и я получаю возможность понаблюдать, как возрождается та сторона личности моего отца, которую, как мне казалось, он давным-давно утратил. Отец все еще весьма привлекательный, хотя и немолодой человек, а она, будучи умной девушкой, играет свою кокетливую роль с некоторым изяществом и легкостью. В образе Меган есть что-то неуловимо изменчивое: у нее есть талант казаться любому мужчине именно тем, чего он желает, и я влюбляюсь все больше.

Впервые мой отец и Меган встречаются при очень необычных обстоятельствах.

131

Пять часов утра. Я стою в красной телефонной будке на Фронт-стрит в Тайнмуте. Я звоню домой, зная, что в это время отец жарит себе на завтрак пару яиц и ломтик ветчины перед тем, как уехать на работу. Раздается три телефонных звонка, и я воображаю, как отец с выражением озадаченности на лице идет из кухни по темному коридору, чтобы поднять черную телефонную трубку. Я молюсь про себя, чтобы ответил именно он.

— Алло?

— Папа, это я.

— Откуда ты звонишь?

В моем голосе звучит лишь небольшое замешательство.

— Я у Испанской Батарей.

— Как ты там оказался? — Испанская Батарея — это старинная огневая позиция, расположенная в устье Тайна, и мой отец знает, что существует только одна причина, почему молодой человек мог оказаться в таком месте в пять часов утра. Должно быть, у него неприятности.

— С кем ты?

— Да, так, с другом, — отвечаю я, отчаянно пытаюсь сделать так, чтобы мой ответ звучал как нечто незначущее. Мне необходимо избежать неловких признаний и перевести разговор на главную тему.

— Да? И кто же это такой?

— Слушай, пап, у тебя в багажнике есть буксирный трос?

— Да, а что?

— Ты не мог бы подвезти его сюда, к Испанской Батарее?

— Зачем? — Он нарочно изображает непонимание. Я стараюсь не обращать внимания на его недоброжелательные и фальшивые вопросы, пытаюсь в то же время сохранять вежливое спокойствие.

— Мне нужен трос, у меня застряла машина.

А случилось вот что: после ночи страстных и, надо сказать, довольно неумелых занятий любовью с моей новой подругой я решил из гордости перед своими родными местами

132

и ради создания романтической атмосферы показать Меган потрясающий вид, открывающийся от устья реки Тайн. Ниже уровня древнего, построенного в одиннадцатом веке монастыря, стоящего на вершине скалы, мощеная дорога ведет к округлому мысу, где располагались стрелковые батареи, защищавшие реку со времен Испанской Армады. Они пригодились в годы наполеоновских войн и во время угрозы германского вторжения в Англию. В двадцатом веке на их месте построили довольно красивую автостоянку. Хотя и не столь впечатляющая, как огневые позиции, автостоянка сохраняет, как я уже сказал, великолепный вид на два одинаковых пирса с построенными на них двумя одинаковыми маяками, которые, как часовые, стоят по обе стороны нашей знаменитой реки. Как бы то ни было, Испанская Батарея, утратив свое стратегическое и оборонительное значение, почитается здешними жителями как «место для поцелуев», где запотевшие стекла машин и легкое их покачивание при свете луны вблизи полуразрушенного монастыря — это просто внешние признаки процветающего культа плодородия, который, возможно, праздновался здесь втайне еще с тех пор, когда король Освальд был мальчиком. Именно этой псевдоисторической болтовней я накормил Меган, в первую очередь для того, чтобы

уговорить ее приехать сюда. От ее общежития до побережья мы проехали семь миль на моем зеленом «мини» 1964 года выпуска, с откидывающейся крышей из стекловолокна, причем каждую деталь этой машины я в свое время перебрал или отремонтировал своими собственными руками. Я веду автомобиль с новоприобретенной уверенностью, гордый капитан своей собственной судьбы, летящий прямо в жерло урагана. Из радиоприемника доносятся звуки какого-то ночного джаза, по правую руку от меня — моя новая девушка, умная, таинственная и такая сексуальная. Я немного превышаю скорость на поворотах, надеясь, что она заметит, как мастерски я переключаю передачи и как сохраняю бдительность в самых сложных ситуациях.

133

«Со мной тебе нечего бояться, малышка,— вот подтекст моих дурацких действий. — Я Джеймс Бонд, и я к твоим услугам».

Половинка луны плывет над флотилией темных, стремительно бегущих облаков и прячется за полуразрушенными стенами древнего монастыря. Только что прошел сильный дождь, и скользкая дорога блестит в лунном свете, но небо почти прояснилось, и на востоке, у горизонта, я вижу самую яркую планету, Венеру.

Крутой спуск ведет от набережной вниз к узкому перешейку, который соединяет мыс с берегом, откуда идет дорога, поднимающаяся к неожиданно пустой автостоянке. Мы быстро спускаемся, но во время нашего спуска черные облака закрывают яркую луну, и мы внезапно оказываемся в темноте, нарушаемой только светом моих фар. Их лучи освещают ужасную картину: дорога впереди нас на три фута покрыта морской водой, а тормозить уже поздно. Мы на скорости врезаемся в дорожное ограждение, и ледяная вода начинает затекать в кабину моего маленького зеленого автомобиля. Шокированные, мы внезапно оказываемся по колено в воде, и машина затихает, помертвевшая, как и я сам.

Я с ужасом смотрю на Меган, которая сидит с абсолютно окаменевшим лицом. Она медленно поворачивается ко мне: «Да, мальчик, ты знаешь, как сделать девушке приятное».

Должно быть, от этих слов я вспыхнул сильнее, чем огонь маяка, потому что на ее лице вдруг появляется слабая улыбка, а потом она откидывает голову, и машина наполняется ее хриплым и веселым смехом. Этот смех звучит так грубо, что если бы он не принес мне облегчения, я, наверное, провалился бы со стыда. Меня утешает только то, что мы все-таки живы и, если не считать ледяных водоворотов, закручивающихся вокруг наших коленок, невредимы. Когда темноту наконец прорезает свет фар машины моего отца, спускающейся по узкой дороге по направлению

134

к нам, Меган уже сидит на скамейке неподалеку. С нее капает вода, но выглядит она на удивление элегантно в своих кожаных ботинках и с сигаретой в руке. Моя машина сиротливо стоит посередине маленького озера, и соленая вода плещется в ее окна.

Отец выходит из машины. Одного взгляда на место происшествия ему хватает, чтобы понять все. Со зловещей улыбкой на лице он подходит к багажнику своего автомобиля, достает оттуда буксирный трос и без единого слова протягивает его мне. Потом он садится рядом с Меган и тоже закуривает сигарету. Нет никаких сомнений, что помочь мне он не собирается.

Пока при свете луны я мучаюсь с двумя автомобилями и буксирным тросом, отец и Меган наблюдают за этим процессом с отстраненной заинтересованностью. Они ведут светскую беседу, как двое гостей на вечеринке. Отец отпускает колкие замечания, вероятно в мой адрес, потому что в какой-то момент Меган снова разражается своим ужасным смехом. Мой отец выглядит до отвращения современным и раскованным. Мое унижение — абсолютно.

Возможно, здесь был элемент традиционного соперничества между мужчинами в присутствии женщины, но только увидев такое воодушевление моего отца и немного успокоившись, я понял, что влюбляюсь в Меган гораздо больше, чем мог себе вообразить.

Уезжая в Бристоль, Джерри тем не менее позаботился о кое-каких музыкальных возможностях для меня. Он любезно записал меня на два прослушивания с музыкальными группами, где сам работал по совместительству, когда у нашей группы Earthrise не хватало заказов. Это Phoenix Jazzmen и Newcastle Big Band.

О моей причастности ко второй из них свидетельствует фотография на первой странице местной газеты. Фотография изображает всю группу в полном составе, на фоне здания Университетского театра. По воскресеньям мы обычно

135

играем в переполненном посетителями баре этого заведения, но именно в это утро по

определенным причинам мы выступаем на автостоянке.

Усилитель подключен к аккумулятору моей новой машины, «ситроена» модели 2CV. Слева от меня — Дон Эдди за своей ударной установкой, дальше — Джон Хедли с гитарой, а за ним три ряда музыкантов: пятеро трубачей, пятеро тромбонистов и шестеро саксофонистов — из них два альты, три тенора и один баритон. Перед всеми нами, размахивая руками, стоит Энди Хадсон, руководитель ансамбля. Он — воплощение старой доброй моды шестидесятых. Яркий-синий аскотский галстук, просторный свитер, узкие брюки, поддерживаемые на талии широким, пиратского вида ремнем, замшевые мокасины и в довершение всего — нелепая морская шапочка, такая же, какие продаются на соревнованиях по гребле. Остальные члены оркестра одеты несколько более сдержанно, но ничуть не лучше, и, если подумать, я тоже не исключение. Этот снимок необычен, потому что на нем присутствуют в том числе представители местной полиции, которые вот-вот должны арестовать всех нас, причем не только за преступления против моды.

На переднем плане можно увидеть двух офицеров из полиции Нортумберленда, которые пытаются заставить Энди перестать махать руками, в напрасной надежде, что это прекратит нечестивый шум, который мы производим. Судя по всему, мы нарушили Закон соблюдения воскресенья, который запрещает по воскресеньям играть светскую музыку в общественных местах. Этот закон был принят в девятнадцатом веке. Наверное, его выдумали местные фундаменталисты, чтобы помешать людям приятно проводить время. Дело в том, что вот уже два года мы играем по воскресеньям в баре Университетского театра. Каждый раз бар до отказа набит посетителями, которые платят по фунту с носа за возможность послушать музыку Стэна Кентона, Нила Хефти, Каунта Бейси, Дюка Эллингтона и Джонни Дэнкворта в исполнении биг-бэнда. Возможно, в нашей

136

манере исполнения и отсутствует изящество и тональная тонкость оригиналов, но они с лихвой компенсируются брутальной мощью и обезоруживающим энтузиазмом, которыми отличается наша игра. А публика Ньюкасла, хотя и не привыкла легко менять свои музыкальные пристрастия, все больше и больше проникается нашей музыкой, пока темное пиво льется рекой и все наслаждаются «богопротивным» удовольствием.

Итак, сегодня воскресенье, и хотя ни один из нас не соблюдает воскресный день в традиционном смысле, пожаловалась на нас совсем не церковь. Это был наш конкурент, руководитель ансамбля, озлобленный и движимый завистью, что нам удастся каждое воскресное утро собирать толпу заинтересованных слушателей, в то время как его «высококлассный» ансамбль, который играет субботними вечерами в шикарном «Парк-отеле», счастлив, по выражению Энди, если на его концерты приходит «парочка нянь-лесбиянок со своим Лабрадором».

Этот унылый тип, с которым я однажды имел несчастье работать, должно быть, знаком с кем-то из городского магистрата, потому что к Энди применяются «запретительные меры», и театр вынужден закрыть перед нами свои двери. Вот почему нам приходится переместиться на автомобильную стоянку при театре. Тем не менее мы выглядим дерзкими и непокорными, стараясь, когда это возможно, играть еще громче, чем обычно, для своей несколько отдалившейся, но полной энтузиазма аудитории. Именно в это время приезжают джентльмены из полиции.

Newcastle Big Band был основан в конце шестидесятых группой студентов университета. Энди Хадсон, который в то время изучал химию, познакомился с Найджелом Стейнджером, блестящим, но довольно недисциплинированным студентом факультета английской литературы. Найджел был потрясающим саксофонистом и пианистом и довольно легко мог бы сделать карьеру профессионального музыканта, если бы только захотел. На тот момент, когда меня

137

принимают в ансамбль, Найджел уже стал архитектором, а Энди лез из кожи вон, работая антрепренером. Эти двое объединились с высоким молодым человеком аристократического вида, по имени Джон Пирс, который, будучи юристом по образованию, одновременно являлся чертовски хорошим трубачом и талантливым аранжировщиком. Хотя Энди играет на пианино, он не более чем просто опытный музыкант, он знает, как нажимать на клавиши, но и только. И все же Энди — один из тех счастливых людей, кто, осознав ограниченность своих возможностей в какой-то определенной области, способен направить всю свою энергию на то, что получается у него гораздо лучше.

Энди Хадсон — отличный руководитель музыкальной группы, он многому меня научил. У него бездна энергии, он изобретателен, современен, он наделен обаянием и умением замечать таланты даже в тех людях, которые, кажется, не подают никаких надежд. Мое первое прослушивание —

очевидное тому подтверждение.

Ко времени моего прослушивания биг-бэнд превратился в довольно солидную организацию и выступал в помещении отеля «Госфорт». Уже несколько недель в группе не было басиста. Выручка — это плата за вход, которая делится между всеми музыкантами, и наименее преданные члены группы нередко покидают ее в поисках более доходных мест.

Пару раз я присутствовал на выступлениях биг-бэнда, когда в нем играл Джерри, и мне показалось, что все музыканты получают большое удовольствие, как бы переносясь своей музыкой в эпоху сороковых и пятидесятих годов. Я подумал, что с радостью играл бы в этом музыкальном коллективе, что в его атмосфере я смогу научиться чему-то, чего никогда не даст мне исполнение рок-н-ролла в каком-нибудь гараже. По рекомендации Джерри я прихожу на прослушивание в отель «Госфорт» вместе с бас-гитарой и усилителем.

Мало есть на свете звуков более подавляющих, чем звук биг-бэнда, готовящегося к репетиции. Это целая какофония

138

скрипов, арпеджио, трелей и ритмических фигур, импровизаций и фрагментов мелодий, как будто нарочно созданная для того, чтобы несчастный, пришедший на прослушивание, чувствовал себя как можно более скованно. Я внимательно рассматриваю каждого музыканта в надежде на ободрение, доброжелательный взгляд или какое-то проявление радушия, но мне ничего такого не перепадает.

Почти все музыканты группы по меньшей мере на поколение старше меня, и многие из мелодий числятся в их репертуаре годами. Я устанавливаю свое оборудование в дальней части комнаты, после чего в моем направлении летит растрепанная стопка нот. Ноты исчерканы и покрыты пятнами пива. Где-то перенесены коды, где-то — целые фрагменты, а какие-то куски мелодии отсутствуют вовсе. Эти ноты, начавшие свое существование в качестве руководства к исполнению музыки, похожи теперь на все, что угодно, но только не на ноты. Несмотря на переполняющие меня мрачные предчувствия, мне удастся принять уверенный вид, когда оркестр начинает играть мелодию Вуди Хермана под названием «Woody's Whistle». В целом она представляет собой двенадцатитактовый блюз, и мне удастся пробиться сквозь нее, не заглядывая в ноты, которые, между прочим, выглядят так, как будто их нацарапала курица лапой.

Когда мелодия наконец сыграна, мне кажется, что я справился довольно хорошо, хотя со стороны духовых периодически раздавался какой-то смутный недовольный шум, явно вызванный тем, что моя импровизация не совпадала с нотами. Потом мне удастся, не опозорившись, отыграть «Take the 'A' Train», хотя на этот раз я замечаю мрачные взгляды и недовольное покачивание голов среди саксофонистов.

Однако опасность скрывалась за ближайшим поворотом. Найджел Стейнджер, который, видимо, хочет, чтобы эта попытка поскорее закончилась, называет мелодию, принадлежащую легендарному басисту Чарльзу Мингусу, «Better Get Hit in Yo' Soul». Мне она незнакома, и, что хуже всего,

139

она играется в таком трудном размере — 12/16, — что я попросту не успеваю. Уже через шестнадцать тактов всем, включая меня, становится абсолютно ясно, что я — далеко не Чарльз Мингус. Я уже даже не пытаюсь читать ноты, и если «'A' Train» и без того благополучно добрался до места назначения, то на этот раз нас ожидает страшное крушение на полной скорости. Оркестр раздражается немилосердной какофонией из ломаных звуков саксофона, комичных глиссандо тромбона и трагических, пронзительных завываний труб.

Ну вот, ничего не получилось — можно собирать вещи и выметаться отсюда. Теперь музыканты уже открыто насмеваются надо мной. До моих ушей долетают фразы: «мальчишка не справился» и «Найджел не станет играть с такими чайниками». При этом говорящие кивают в мою сторону на случай, если я не понял, о ком идет речь. Я унижен, пристыжен и смущен до крайности. Абсолютно растерянный, я стою, перетасовывая в руках никому не нужные ноты и отсутствующим взглядом смотрю в окно. Энди подходит ко мне.

— Это трудная мелодия, — говорит он.

Он улыбается, но лицо его все равно кажется мне лицом палача.

— Извините, — шепчу я, едва сдерживая слезы, но Энди заявляет, что ему понравилось, как я играл «Woody's Whistle», и хвалит меня за хороший слух. Что ж, по крайней мере, он дипломатичен, но вдруг Энди спрашивает:

— Если бы ты взял эти ноты домой, может быть, ты смог бы разучить их до следующей недели?

Я просто не верю своим ушам и спешу схватить пачку абсолютно бесполезных иероглифических

надписей, пока он не передумал. «О, не сомневайтесь!» — с этими словами я высказываю в открытую дверь.

Я не знаю, что именно увидел во мне Энди в тот первый день. Прослушивание прошло ужасно, но я твердо решил, что постараюсь оправдать то необъяснимое доверие, которое

140

мне оказали, и ровно через неделю, сумев-таки расшифровать таинственные письма на нотной бумаге, я получил эту работу.

Летние каникулы я проведу в семье Меган: ее родители предоставили мне комнату в их доме в Лидсе. Меган нашла нам обоим работу на фабрике по замораживанию овощей в Ханслете. В летнее время фабрику обслуживают исключительно студенты, которые работают в две смены по двенадцать часов каждая. Мы работаем семь дней в неделю в течение месяца и каждое утро приходим на фабрику в восемь часов, чтобы принять вахту у ночной смены. Нам будут платить по шестьдесят фунтов в неделю — это больше, чем я когда бы то ни было зарабатывал.

Меган — третий ребенок в большой благополучной католической семье. Ее отец — директор средней школы, ворчливый и раздражительный. Он руководит жизнью своей семьи с усердием, которое порой выражается в нежной заботе и родительской преданности, а порой — в странных вспышках его ужасного характера. Мать Меган — красивая женщина, наделенная итальянской элегантностью и спокойным величием, которое служит отличным противовесом кельтской непредсказуемости ее мужа. Они, без сомнения, преданы друг другу, и в отношениях между ними присутствует явственная атмосфера чувственности. Я очарован их взаимным обожанием и понемногу начинаю понимать, что нарочитая жесткость Меган — это ее способ выживания в условиях этой необычной семьи. Еще у Меган есть старшие брат и сестра, которые уже не живут в доме, но по-прежнему подвержены притяжению к семье и традиционным воскресным обедам. Двое младших детей — еще школьники. Споры являются здесь излюбленным семейным спортом, но это не те изматывающие перебранки, к которым я с детства привык у себя дома, — это игра живого ума, кипящая страстью, любовью, идеями и способностью их выражать. В какой-то момент я уже не могу отличить, влюблен ли

141

я в Меган или в ее семью. В моей рабочей смене есть утренний перерыв на чай, обеденный перерыв и еще один перерыв во второй половине дня, но большую часть моей двенадцатичасовой смены я перекладываю огромные количества зеленого горошка с конвейерной ленты в морозильную установку. Меган вместе с остальными девушками работает этажом ниже в отделе упаковки, где все работницы одеты в голубые комбинезоны и белые хлопчатобумажные шапочки. Мы видим друг друга только во время перерывов.

На фабрике стоит невыносимый шум, и разговаривать практически невозможно. Целыми днями наблюдая нескончаемые потоки зеленого горошка, я очень скоро начинаю страдать галлюцинациями и воображать гигантские батальоны, неумолимодвигающиеся к месту последней битвы, в то время как я сам, вооруженный длинными граблями, представляю себе чем-то вроде смерти с косой, которая безжалостно вершит скорый суд над несчастными воинами. Это единственное, чем я могу себя развлечь, если не считать дневного предвкушения ночной любви с Меган. Правда, меня греет еще и мысль о том, что по окончании этой пытки у меня будет достаточно денег, чтобы купить бас «Fender Precision», который превратился для меня в настоящий предмет поклонения.

Еще в начале летнего семестра я заметил подержанный «Fender» на дальней стене музыкального магазина Баррета в Ньюкасле. Это выдавшая виды реликвия шестидесятых: гриф, потертый на третьем и пятом ладу, облупленная краска и отслоившийся лак. В отличие от сверкающих бас-гитар, которые висят рядом, инструмент кажется осиротелым, потрепанным жизнью, и это мне нравится. Я совершенно не хочу покупать новый бас, мне нужен инструмент со своей историей, каждая царапина, каждый рубец на корпусе которого свидетельствуют о каком-нибудь интересном происшествии. Я пытаюсь представить себе всю ту музыку, которая была на нем сыграна, и как выглядели и о чем думали музыканты, которые держали этот инстру-

142

мент в руках, вечер за вечером, выступление за выступлением, поездку за поездкой. О чем они мечтали, на что надеялись и насколько приблизились к осуществлению своих надежд? Мне интересно, почему и при каких обстоятельствах была продана эта бас-гитара. И хотя никто в магазине уже не помнит этого, я убежден, что смогу продолжить жизнь инструмента с того момента, на котором она остановилась, и если я умею мечтать так же хорошо, как играть, я

придумаю ему новое блестящее будущее, на которое его прошлое только намекало.

Я возвращаюсь в Ньюкасл за неделю до начала нового семестра, оставив Меган в Лидсе. По прибытии в родительский дом я испытываю шок, потому что застаю милую Дебору на нашей кухне в компании моей мамы.

Мы с Деборой не виделись почти целый год. Я не знаю, в чем конкретно заключался мамин план, я не уверен даже, что она строила какие бы то ни было планы. Вряд ли она тщательно продумывала нашу с Деборой встречу. Но устроена она была явно специально и представляла собой один из тех нелепых, импульсивных, романтических жестов, плодов маминого воображения, пищей для которого служили старые фильмы о любви. Эти старые фильмы, которые мы смотрели вместе с ней дождливыми воскресными днями и которые удовлетворяли ее потребность в пафосной сентиментальности и банальных счастливых развязках. Она не желает освободиться не только от своих собственных душевных привязанностей, она не дает мне освободиться от моих. Мама вдруг берет на себя роль специалиста по сердечным делам: она оживляет погибшие надежды, она приносит облегчение страдающим душам, и, хотя здесь нет никакого злого умысла, вмешательство это очень опасно. У меня возникает предположение, что она хочет сократить пропасть в наших с ней отношениях, поставив меня на свое собственное место, место человека, разрывающегося между любовью и долгом, идеализированными романтическими

143

отношениями и суровой реальностью. Мы с мамой никогда не разговаривали об этом. Для этого у нас нет ни умения выражать свои мысли, ни языка, которые соответствовали бы сложности сложившегося положения. У нас нет общего багажа примеров из литературы, где мы могли бы найти ситуации, сходные с нашей. Как будто единственный способ, при помощи которого я могу понять ее, — это стать ею. Мы словно оказываемся участниками какой-то примитивной театральной пантомимы, которая не имеет автора.

Итак, несчастные влюбленные снова встретились. Разумеется, мама знает меня достаточно хорошо, чтобы догадаться, что и я далеко не чужд порывам сентиментальности и чувствителен к наивным романтическим фразам.

Возможно, корень проблемы — именно в скудости нашего словаря. Любовь кажется на удивление неподходящим словом для обозначения понятия, имеющего столько сложных форм, оттенков и степеней. Если у одного северного народа есть двадцать слов для обозначения снега, то это, вероятно, свидетельствует о том, что в его мире различия между видами снега представляют жизненную важность, и особенности словаря отражают эту центральную тему. Мы же, тратящие столько времени, энергии, способностей на то, чтобы думать о любви, быть любимыми, любить, стремиться к любви, жить для любви, даже умирать ради любви, не имеем ничего, кроме этого жалкого, ничего не выражающего слова, которое имеет к соответствующему чувству такое же отношение, какое слово «трахаться» имеет к потрясающему, бесконечному разнообразию сексуальных контактов. Мы похожи на того городского жителя, который, попав в джунгли, тупо описывает словом «деревья» то невероятное растительное многообразие, которое его окружает. Здесь есть растения, которые могут накормить его, растения, которые могут вылечить его, и растения, которые могут его убить. Очевидно, что чем скорее он научится их различать и даст им подходящие имена, тем в большей безопасности окажется.

144

Как бы то ни было, раз уж я допустил, что моя духовная эволюция была остановлена теплыми мутными водами масскультуры, я могу лишь бормотать только те примитивные слова, которыми владею. К тому же Дебора, как и положено по сценарию, выглядит сногшибательно, как настоящая кинозвезда. Этой сцене не хватает только скрипок, но слезы текут и без них. Дебора вдруг оказывается в моих объятиях, мама плачет, и я чувствую себя виноватым во всем. Благодаря вмешательству моей матери мне придется еще раз пройти через разрыв с Деборой, и второй раз оказывается еще тяжелее, чем первый. Но на этот раз я окончательно убежден, что люблю Меган и что Меган любит меня.

В начале осеннего семестра я перебираюсь в квартиру Джерри в Джесмонде, а Меган живет в нескольких милях от меня с двумя подругами. Несмотря на то что мы не живем вместе, все считают нас парой, и в колледже нас воспринимают именно так.

Случайная беременность угрожает нам постоянно — каждый месяц мы проходим через пытку мучительного ожидания. Эпоха безопасного секса и презервативов еще впереди, и мы живем с чувством какого-то беззаботного фатализма. К тому же я слишком несведущ и груб, чтобы

созмерять свою страсть с периодами женского цикла. Но когда несколько дней задержки превращаются в неделю, а очередное утро начинается приступом тошноты, Меган приходит к убеждению, что дни нашей свободы сочтены. Она ложится обратно в постель, а я отправляюсь на дневные лекции, которые кажутся мне в тот день лишь звуковым фоном к драме, что разыгрывается у меня в голове: *У нас родится ребенок, мы поженимся, я найду работу, и как-нибудь все образуется.*

Этим вечером мне предстоит выступать. Я буду играть для танцующей публики в ресторане вместе с одним престарелым пианистом и ударником, который, кажется, еще

145

старше. Оба они — давным-давно пенсионеры, и каждый нависает над своим инструментом как высохшие мощи. Голову пианиста украшают клочки седых волос, искусно зачесанные с одной стороны его сияющей веснушчатой лысины на другую. На голове ударника красуется нелепый пышный парик, такой насыщенно темный по сравнению с бледностью его старческой кожи, что создается впечатление, будто ему на голову села кошка. Играя, они сохраняют полную неподвижность, только кисти рук едва заметно двигаются. Беззубый старец за ударной установкой действует палочками так, словно взбивает ими яйцо, и кажется, что стоит ему хоть немного напрячь свои силы, как его немедленно хватит удар. Тем временем пианино, шаркая и спотыкаясь, часами продирается сквозь обычную мешанину из фокстротов и вальсов. Единственное указание на то, что будет звучать в следующий момент, — это слабый сигнал, который пианист дает правой рукой. Если следующая тональность — соль мажор, он поднимает один иссохший палец, чтобы обозначить количество диэзов в этой тональности. Два пальца должны означать тональность ре мажор, три пальца — ля мажор, и так далее. Для обозначения бемолей пианист указывает пальцем в пол. Причем один палец — это фа мажор, два пальца — си-бемоль мажор и так далее. Никаких других способов коммуникации между нами не существует. Эти двое, вероятно, с тридцатых годов играют один и тот же набор мелодий в одном и том же порядке. Я же сосредоточен, как взломщик сейфов во время работы, отчаянно стараясь угадать грядущую смену тональности прежде, чем она произойдет. Это нелегкая работа.

Отработав час, мы уходим за кулисы, чтобы отдохнуть и перекусить. Старики музыканты едят свои бутерброды молча, как, я полагаю, они делают уже многие годы. Десятилетие за десятилетием они играют одни и те же мелодии, в одних и тех же тональностях. Выступление за выступлением они надевают одни и те же поношенные смокинги. Я опасаясь спрашивать, где сегодня их басист.

146

Я подозреваю, что он попросту умер. При этом какая-то часть меня чувствует себя польщенной из-за того, что мне довелось постигать тайное ремесло музыканта в компании этих двух старцев. Другая же часть моего существа заставляет меня спрашивать себя, какого черта я здесь делаю и не стоит ли мне проводить больше времени с людьми моего возраста?

Когда перерыв заканчивается, мы продолжаем аккомпанировать танцующим парам, которые скользят по полу в своих сверкающих туфлях. В конце подобных мероприятий, как правило, играют «Bradford Barn Dance», «Hockey Cokey» и, наконец, заключительный вальс. Я собираю свое оборудование, пианист протягивает мне две пятифунтовые бумажки и скрипучим голосом говорит, что играю я вполне неплохо, но что, мол, мне необходимо как следует выучить смену тональностей в «Stella by Starlight». Ударник поправляет парик, в знак одобрения поднимает вверх оба больших пальца и награждает меня широкой старческой улыбкой. Я сажусь в машину и еду обратно в город с двумя потрепанными банкнотами в кармане. Меня интересует, смогу ли я прокормить семью, если буду приговорен играть на танцах, пока сам не окажусь одной ногой в могиле. Я вздрагиваю от одной мысли об этом, но тут же вспоминаю о бедной больной Мег. Что же мне теперь делать?

На обратном пути я проезжаю участок дороги с круговым движением, что расположен в самом конце Коуст-роуд. На дворе март, и большой круглый участок земли в центре развязки покрыт бледно-желтыми нарциссами. Я дважды объезжаю вокруг этого участка, и в моей голове рождается идея. Я останавливаю машину у обочины соседней улицы. Сейчас раннее утро, и в окрестностях — ни души. Я убеждаюсь, что полицейских машин поблизости тоже нет, и направляюсь прямо к цветам.

Через полчаса я вхожу в квартиру Меган и медленно открываю дверь ее спальни. У меня в руках — охапка нарциссов, наверное целых сто штук. Их склоненные желтые

147

серединки, похожие на маленькие трубы, наполняют светом всю комнату. Мег начинает плакать, и я сам не могу удержаться от слез. На следующее утро наши молитвы услышаны, но к облегчению, которое мы испытываем, примешивается легкое, невысказанное сожаление.

*

Официальных снимков группы Phoenix Jazzmen нет, и тому есть причина. Один только наш внешний вид отбил бы у любого нормального человека всякую охоту приглашать нас на работу. На дворе весна 1973 года, и я недавно начал по выходным играть с Phoenix Jazzmen. Наша униформа состоит из розовых нейлоновых рубашек и широких серых брюк. Я — басист, и в двадцать один год — самый молодой и неопытный член группы. Именно Гордон Соломон, тромбонист и руководитель группы, даст мне прозвище Стинг.

Музыканты Phoenix Jazzmen работают вместе с пятидесятих годов, эпохи увлечения традиционным джазом. Музыка Луи Армстронга, Кинга Оливера, Сидни Бечета и Бикса Бейдербека, значительная часть которой была записана еще до войны, породила бесчисленных поклонников и подражателей среди британцев, вдохновив в числе прочих Джорджа Мелли, Хамфри Литтелтона и Криса Барбера. Их музыка кажется запоздалой реакцией на спокойное, плавное звучание биг-бэндов сороковых годов, которое так характерно для творчества Гленна Миллера и братьев Дорси.

«Трэд», или традиционный новоорлеанский джаз, представляет собой более брутальную, подлинную, тяготеющую к своим блюзовым корням разновидность джаза, чем утонченная танцевальная музыка, которая ему наследовала. Стремление к подлинному, изначальному джазу побудило многих музыкантов создавать группы небольшого состава. Как правило, в такой ансамбль входила группа ритмических

148

инструментов и три основных: труба, кларнет и тромбон. Чаще всего именно труба вела основную мелодию, тогда как партии двух других инструментов вплетались в эту мелодию, образуя нечто вроде импровизированной фуги. (Это музыкальное направление продолжало развиваться и наконец достигло своего апогея в бибоп-импровизациях Чарли Паркера, Диззи Гиллеспи и Телониуса Монка, но результаты этого развития были почти полностью проигнорированы исполненными энтузиазма британскими любителями джаза, которые занимались исключительно возрождением музыки предыдущего периода.) Такие вот маленькие музыкальные группы пользовались большим успехом в пабах и клубах Ньюкасла. Традиции старого джаза поддерживались такими коллективами, как River City Jazzmen, Vieux Carre Jazzmen и Phoenix Jazzmen. В разное время мне довелось играть во всех трех, и я по-настоящему полюбил хриплое полифоническое звучание этих ансамблей. Это была не менее захватывающая и проникновенная музыка, чем рок-н-ролл.

Мы исполняли «Twelfth Street Rag», «Tiger Rag», «Beale Street Blues», «Basin Street» с почти религиозным рвением, несмотря на то что музыка, которую мы играли, считалась в то время шумной и совершенно не модной. Начало семидесятых было эпохой увлечения роком, породившим целый спектр индивидуальных стилей, на одном конце которого царили Дэвид Боуи и Марк Болан, а на другом — Гэри Глиттер и Sweet. Все это абсолютно меня не интересовало.

Омерзительную нейлоновую рубашку — униформу нашей группы — я носил с чувством какой-то вызывающей гордости. Субботними вечерами мы появлялись в рабочих клубах и после сеанса игры в бинго играли свою архаичную и нередко анархическую музыку почти абсолютно безразличной клиентуре клуба: горнякам из Крэмлингтона со своими женами, рабочим с верфи в Сандерленде или с химического завода в Тисайде. Это была во всех отношениях сложная аудитория, но наш энтузиазм и страстная любовь

149

к музыке должны были не дать слушателям заметить, сколь несовременен наш стиль, как в отношении того, что мы играли, так и в отношении нашего внешнего вида. Чаще всего это нам удавалось. Только один раз, насколько я помню, нас вышвырнули из клуба.

Известно, что центральным событием вечера в рабочих клубах на севере Англии является совсем не выступление какой-нибудь музыкальной группы, а игра в бинго. Эта игра представляет собой почти религиозный ритуал, который, так или иначе, является центром всей клубной жизни. Ведущий игры подобен верховному жрецу, восседающему посреди сцены перед огромной прозрачной коробкой, которая наполнена яркими разноцветными шариками для пинг-понга, пронумерованными числами от одного до ста. Внутри коробки находится электрический вентилятор, который заставляет шарики красиво кувыркаться, после чего они всасываются в

специальную трубу, откуда ведущий по порядку их достает. Он громко читает номера и аккуратно складывает шарики на полку.

— Глаза Келли, номер один.

— То, что доктор прописал, номер девять.

— Даунинг-стрит, номер десять.

— Два маленьких утенка, двадцать два.

— Две толстые дамы, восемьдесят восемь.

— Была ли она этого достойна? Семьдесят шесть. Ведущий, роль которого играет, как правило, директор

клуба, произносит эти номера с важностью судьбы, зачитывающего смертный приговор. В качестве пояснения к нижеследующей истории необходимо упомянуть, что трубку с разноцветными шариками закрывает маленькая пластиковая мембрана, которая не дает им разлетаться по комнате и придерживает каждый шарик ровно до того момента, когда ведущий будет готов его извлечь.

Итак, унижительный случай произошел с нами в Сандерленде, в клубе под названием «Red House Farm Social Club». Клуб располагается в северной части города, в са-

150

мом сердце рабочего квартала. Выступление Phoenix Jazzmen назначено на девять часов вечера. Оно должно состояться по окончании игры в бинго. Пока же вечер только начался, мы сидим в примерной, где вместе с нами ожидает своего часа машина для игры в бинго. Мы все здесь.

Вот Гордон Соломон, или попросту Солли, — руководитель группы. У него круглое мальчишеское лицо с озорным и немного злым выражением. Кроме всего прочего он потрясающий тромбонист.

Дон Эдди — один из самых сумасшедших ударников, с которыми я когда-либо работал, и к тому же один из лучших. Играя с ним в одной группе, чувствуешь себя так, будто ты распластался на лобовом стекле несущейся электрички. Это крупный человек за сорок, с лысой головой и усами, которые торчат в разные стороны, как крылья самолета. А еще он алкоголик.

Грэм Шеферд — кларнетист. Он — эксцентрик, погруженный в книги интеллектуал, студент-музыкант и дамский угодник. Его номер в нашей программе — «Stranger on the Shore» Акера Билка. Грэм люто ненавидит эту мелодию, а Гордон, будучи добрым и внимательным руководителем группы, заставляет его играть эту музыку каждый вечер. Такого же рода садизм вынуждает меня петь «Never Ending Song of Love» Сикерса. Я прихожу в ужас каждый раз, когда приближается соответствующий пункт нашей программы, но все равно неизменно исполняю эту песню.

Вот, наконец, Ронни Янг, трубач и вокалист, а кроме того очень-очень хороший человек, которому уже перевалило за пятьдесят. Поет он значительно лучше, чем играет на трубе. Среди музыкантов, играющих джаз, существует традиция, что когда тебе дают соло, ты должен импровизировать, создать нечто свежее, выдать какой-то экспромт. Заставить Ронни импровизировать — все равно что заставить папу римского исполнять танец живота. Он может

151

играть только то, что он уже выучил, ноту за нотой, вечер за вечером. В каждой песне он играет абсолютно одно и то же соло, и мы все учимся подпевать ему, нота за нотой, вечер за вечером. Ронни не обижается, когда мы подтруниваем над его игрой на трубе. Зато он может играть голосом, как Армстронг, и петь так же проникновенно, как Синатра.

Гордон решает еще раз обсудить программу, которую мы исполняем сегодня вечером.

— Ронни, ты мог бы сегодня сыграть «Cavap» без этого ужасного скрипа на высоких нотах, а то я скоро начну называть тебя Свирепое До.

— Дон, ты знаешь, как называют человека, который трется около музыкантов?

— Нет, шеф.

— Барабанщиком! И раз уж мы об этом заговорили, запомни, что «Tiger Rag» — это не гонка. Ты играл это прошлым вечером так, как будто в клубе пожар.

Ведя с нами эту милую беседу, наш бесстрашный руководитель невзначай облокотился на машину для бинго и рассеянно тербит тонкую пластиковую мембрану, прикрывающую отверстие трубы, ту самую, которая удерживает шарики внутри.

— Стинг, мальчик мой... — Он уже несколько недель зовет меня именно так. Я единственный раз надел этот проклятый свитер, который действительно сделал меня похожим на осу с ее черными и желтыми полосками, но, кажется, прозвище начинает прилипать ко мне. — Я бы очень попросил тебя...

Хрясь!

В маленькой комнате раздается звук, похожий на выстрел стартового пистолета.

— О, черт!

Крошечный, но невероятно ценный кусочек пластмассы треснул в его руке. Все шокированы. Здесь, в рабочем клубе, это не просто вандализм, это ужасное, невообразимое

152

святотатство. С лица Гордона исчезает вся ирония. От ужаса у него отвисает челюсть, а взгляд становится жалким и обреченным, как у приговоренного к смерти.

Именно в этот момент председатель клуба, услужливо-насмешливый человек, которого Гордон называет Сиропом (его шевелюра настолько черна и густа, что может быть только париком), вваливается в гримерную с двум своими помощниками. Они явились для того, чтобы выкатить драгоценную машину для бинго на сцену. При этом они обращаются с ней так, словно это Ковчег Завета.

Гордон выглядит как кролик в свете фар надвигающегося грузовика, но прежде, чем он успевает открыть рот, чтобы объяснить, какая ужасная трагедия только что произошла, председатель клуба в своем немного съехавшем набок парике сам набрасывается на него.

— Вы, ребята, сыграли бы лучше что-нибудь из хит-парада, чтобы девчонки могли потанцевать, а не этот дрянной джаз, который вы играли в прошлый раз.

Гордон отчаянно пытается вставить хотя бы слово: «Но... но...»

Слишком поздно. Волшебную коробку для бинго уже выкатили в центр сцены. Надутый председатель бросает на нас еще один сердитый взгляд и выходит из комнаты с видом трагического актера.

Как только председатель появляется перед микрофоном, в шумном помещении клуба воцаряется тишина.

— Леди и джентльмены, сегодня вас будут развлекать, если можно так выразиться, Phoenix Jazzmen. Я бы не сказал, что они в моем вкусе, но некоторым из вас они вполне могут понравиться.

Гордон шепчет Ронни, чтобы тот вышел на стоянку и завел наш микроавтобус, пока мы, парализованные ужасом, наблюдаем за катастрофой, разворачивающейся перед нашими глазами.

— А теперь, не откладывая, объявляю вам гвоздь нашей программы — приз в размере ста фунтов наличными...

153

Ведущий сидит за машиной для бинго, он держит руку на ее включателе, и аудитория сидит затаив дыхание, со своими картами для бинго и шариковыми ручками в руках. Атмосфера накалена до предела.

— ГОСПОДИН ВЕДУЩИЙ, ПОЖАЛУЙСТА, ВКЛЮЧАЙТЕ.

Машина начинает работать — и вот разражается катастрофа. Испуганная аудитория попадает под обстрел разноцветных шариков для пинг-понга. Они приземляются в бокалы с пивом, застревают в прическах и угрожающе прыгают под ногами официанток с полными подносами.

Phoenix Jazzmen как вкопанные застыли в дверном проеме между сценой и гримерной. На наших лицах ясно написано выражение вины и стыда. Председатель клуба со смертельно побледневшим лицом медленно поднимает свой обвиняющий перст и указывает им в сторону выхода. Мы слышим, как в зале поднимается первозданный, свирепый рев праведного гнева, который был бы весьма уместен на публичном повешении. Мы вынуждены обратиться в бегство, чтобы остаться в живых.

Последний год моей учебы в колледже вылился в бесконечную череду лекций, сочинений и выступлений с Phoenix по выходным. Но прежде чем мне выдадут диплом, я должен пройти педагогическую практику. Меня посылают в Озерный округ, в деревню Трелкелд.- Деревня располагается на северном склоне горы Бленкантра, таинственной и неприступной, известной среди местного населения под именем Сэдлбак.

Меган по иронии судьбы будет проходить свою практику в Уоллсенде, и нам придется смириться с тем, что в течение пяти-шести недель мы не сможем часто видеть друг друга.

Деревня Трелкелд располагается в большой ледниковой долине, между Кесвиком, который находится на западе, и Пенраддоком на востоке. За деревней на севере грозно

154

возвышаются отвесные скалы Бленкантра и Скиддоу, а с другой стороны долины видны более пологие склоны Клаф-Хед. Каменное здание школы сложено из местного гранита и сланца. В нем

только две классные комнаты, зато есть мрачноватый школьный двор, на который падает тень от гор. Школьное здание стоит здесь с начала века, и едва ли оно сколько-нибудь изменилось с тех давних пор.

Учителей в школе всего двое. Это директор мистер Старридж, несколько суровый, но добрый человек шестидесяти с чем-то лет, который собирается уходить на пенсию в следующем году, и миссис Эндерс, сварливая, хотя в целом дружелюбная старая дева. Она недавно переехала из Кесвика, где ей «досаждали толпы летних туристов», которые налетают на город как саранча, в своих походных ботинках и ветровках с капюшонами. Она предпочитает жить в такой глуши, как Трелкелд, тихо и уютно расположившийся у подножия гор. Мистер Старридж работает здесь со времен Второй мировой войны, и сдержанные, серые тона его волос и одежды в сочетании с угловатыми чертами его лица дают ощущение, что он высечен из того же сухого серого камня, что и школьные стены. Здешние школьники кажутся очень гармоничными и счастливыми детьми. Легко представить себе, что они останутся в этой долине навсегда, будут вести незамысловатую деревенскую жизнь и смотреть на загруженную транспортом дорогу в Кесвик, со спокойным безразличием пожимая плечами. Я очень скоро начинаю любить это место и каждый вечер после школы отправляюсь гулять по горам. Поднимаясь по склону, я оборачиваюсь на каждом шагу, чтобы посмотреть на молчаливую долину, которая расстилается внизу, под пролетающими облаками.

По выходным я возвращаюсь в Ньюкасл, провожу вечер пятницы вдвоем с Меган, а субботними вечерами за десять фунтов играю с Phoenix в каком-нибудь рабочем клубе. В воскресенье днем я выступаю с биг-бэндом в Университетском театре, а потом еду через Пеннинские горы

155

обратно в свое камберлендское захолустье. Воскресными вечерами горная дорога обычно пуста, и после крутого подъема, который заканчивается в Эмблсайде, идет непрерывный извилистый спуск длиной в пятнадцать миль. Угол наклона здесь как раз такой, что можно выключить мотор, поднять крышу и всю дорогу до Пенрита свободно катиться, используя только ручной тормоз. Я накопил достаточно денег, чтобы купить новую машину, и теперь мне кажется, что я плыву на сухопутной яхте. Я радуюсь ветру, который дует мне в лицо, и пробивающимся сквозь облака лучам заходящего солнца, и тому, что машина беззвучно катится всю дорогу вниз, к расстилающейся в ожидании долине.

Моя педагогическая практика прошла успешно, в значительной степени благодаря тому, что я понравился мистеру Старриджу. Он настолько доволен мной, что приглашает меня на постоянную работу начиная со следующей осени. Он говорит мне, что детям я тоже нравлюсь. Я очень польщен и благодарю его за похвалы, но прошу, чтобы он дал мне время обдумать предложение.

Этим вечером я взбираюсь на Клаф-Хед. Оказавшись на вершине хребта, я оборачиваюсь, и вся моя жизнь расстилается передо мной, как долина, которая виднеется внизу. Я стану старым, как мистер Старридж, деревенским учителем, седым и сутулым, с потертыми кожаными заплатками на локтях пиджака. Вечерами я буду возвращаться в свой каменный дом на склоне горы, а постаревшая Меган будет поджидать меня в саду. У входа в наш дом будут расти розы и петунии, в гостиной будет гореть камин. Здесь будут мои книги, моя музыка, умиротворенная, больше не вызывающая волнения и тревог и не обремененная ни тщеславием, ни амбициями. Каким бы привлекательным ни представлялся мне этот образ будущего, как бы он ни отличался от сурового индустриального пейзажа моего детства, он завораживает меня только на одно мгновение, а потом исчезает. Я знаю, какой ответ я дам директору школы, и, когда наступает вечер, с легким сердцем спускаюсь обратно в деревню.

156

Дневниковая запись. Лето 1973 года

Может быть, это заметно в ее рассеянном взгляде из открытого окна, может быть, в том отсутствующем выражении, которое на мгновение появляется на ее лице, когда обращаешься к ней, а может быть, в той опасливой интонации, с которой она тебе отвечает, или в тонкостях прикосновений, запахов, вкуса ее кожи у тебя на языке, или в ощущениях какого-то неизвестного шестого чувства, но когда любовь прошла, сигналы ее окончания сильнее, чем желание их не замечать, если только у тебя достаточно воли и решимости, чтобы осознать, что происходит. Но мы, разумеется, гоним от себя подобные мысли, они раздражают нас, как будто не имеют никакого значения и явились к нам непрошеными гостями.

«Не теперь», — отмахиваемся мы, и придумываем пустые отговорки, чтобы не давать им хода, убеждая себя, что у нас есть более важные и неотложные дела. Но мысли никуда не исчезают, они забиваются в какой-нибудь угол вашего сознания и тревожат, и мучают вас, заставляют вас задавать себе самые болезненные вопросы в ночной тишине, когда она спит и лицо ее похоже па

лицо ребенка... Она выглядит такой красивой и незащищенной, ее губы слегка приоткрыты, а волосы разметались по подушке, но когда ты протягиваешь руку и дотрагиваешься до нее, она, не просыпаясь, отворачивается к окну, и вопросы начинают звучать с новой силой, и ты не можешь уснуть...

Вечер пятницы. Я только что вернулся из Озерного округа, завершив наконец педагогическую практику, как и все мои однокурсники. Сегодня в честь этого события состоится вечеринка у одного из наших друзей, Тима Арчера. Тим — один из самых талантливых студентов театрального отделения, где учится Меган. У него есть жилка какого-то харизматического сумасшествия, возможно, наигранного, но позволяющего ему создать интересный образ эдакого интеллектуала, постоянно излучающего бешеную энергию, как сумасшедшая марионетка, но я подозреваю, что он нарочно передергивает. На одежде он носит самодельную эмблему с надписью «М. Пруст». Мы с Меган

157

любим его и с интересом относимся к его выходкам, которые всегда необычны, хотя и не всегда забавны. Пришли почти все ребята с нашего курса: у мальчиков в руках банки с легким пивом, девочки пьют дешевое вино, Боб Марли поет «No Women, No Cry».

Мег оживленно болтает с Дерекком, старым другом Джерри из Лидса. В его чертах есть какая-то строгая красота: он носит всклокоченную бороду, которая одинаково подошла бы учителю географии и бывалому альпинисту, у него пронизательные голубые глаза. Я тем временем разговариваю с двумя девушками с факультета английской литературы. Мы с Меган не считаем, что на подобных вечеринках нам следует изо всех сил держаться друг за друга; мы стремимся, насколько это возможно, к легкости и свободе в отношениях друг с другом, что подразумевает возможность флиртовать с кем-то еще, не вызывая друг у друга приступов ревности. Следует признать, что Меган это удастся гораздо лучше, чем мне, но я учусь.

Все заинтересованно обсуждают друг с другом трудности и особенности нашей новой профессии. Я все еще отчаянно надеюсь, что произойдет нечто такое, что позволит мне все-таки не заниматься преподаванием. Разговаривая, я бросаю едва заметные, но ревнивые взгляды в сторону Дерекка и моей девушки.

Все уже слегка пьяны. Мы немного танцуем и разговариваем до самого утра. Еще один семестр, и наша беззаботная студенческая жизнь закончится. С одной стороны, я испытываю облегчение, с другой стороны — ужас от перспективы посвящать все свое время преподаванию.

Практика Меган в Уоллсенде тоже прошла очень успешно, и этим вечером она расскажет мне, как сильно ее удивила суровая атмосфера моего родного города. Я рассказываю ей о том, как мне предложили работу, и о том идеализированном образе будущего, который явился мне в горах. В ответ она улыбается и целует меня в щеку, но ничего не говорит.

158

Почти каждый субботний вечер около шести часов я встречаюсь с остальными музыкантами Phoenix Jazzmen в баре отеля «Дуглас», на вокзале Ньюкасла. Мы выпиваем вместе, а затем берем пару машин, чтобы добраться до того клуба, в котором играем. Дорога редко занимает больше часа, и я, как правило, сижу в одной машине с Ронни и Джоном. Эти поездки бывают обычно веселыми и шумными, потому что Ронни и Джон постоянно соревнуются, кто расскажет самую невероятную историю. Они рассказывают об ансамблях, в которых им доводилось играть, о знакомых женщинах и необычных местах, где они выступали:

— Однажды мы играли в нудистской колонии в Клиторпе, и эти нудисты не разрешили нам надеть нашу обычную униформу. Ну, я-то чувствовал себя вполне нормально за моей ударной установкой, но каково пришлось бедному Ронни, у которого была только маленькая флейта, чтобы прикрыть свое мужское достоинство... Ну да, и там еще была одна старуха в первом ряду, с парой огромных... — и так далее, и так далее.

При этом казалось совершенно неважным, была ли хоть одна из этих историй правдивой. Они вспоминали свои золотые дни, время, когда они были молоды и неистовы, и ни за что на свете я не стал бы сомневаться в их рассказах. Иногда мы смеялись всю дорогу до Тисайда, а порой — и всю обратную дорогу.

В тот вечер Ронни и я раньше других явились в «Дуглас» и собрались сыграть партию в домино, но вдруг входит Гордон, наш бесстрашный начальник. На его обычно таком дерзком лице обиженное выражение.

— Я только что позвонил агенту, и хорошо, что я это сделал, потому что клуб заказал вместо нас другую группу. Сволочи! Ну ладно, по крайней мере, мы сэкономили на дороге в Стоктон. Где

остальные?

Гордон страшно расстроен, потому что хотя наши субботние заработки и невелики — обычно по пять фунтов на брата, — это позволяет хоть как-то держаться на плаву.

159

— Может быть, агент найдет нам другой заказ? — спрашиваю я.

— Нет, слишком поздно.

Мы постепенно привыкаем к мысли, что в нашем распоряжении оказался свободный субботний вечер, и поджидаем остальных.

Когда становится ясно, что мои старшие товарищи намерены провести весь вечер у стойки бара, я приношу им свои извинения и направляюсь домой, чтобы порадовать Меган, хотя в результате я горько пожалею, что не остался в баре.

— Что значит: ты не знал? — говорит Джерри, не в силах в это поверить. — Я уже несколько недель знаю про Мег и Дерека, а между тем я был в Бристоле.

Прошло почти две недели с того рокового вечера. Мы сидим в баре «Cradle Well» в Джесмонде, на столе перед нами две недопитые кружки с пивом. Джерри бросил свою работу в бристольском ночном клубе и теперь подыскивает себе музыкальную работу в Ньюкасле. Несмотря на мрачную тучу, которая по милости Меган нависла над моей жизнью, я рад видеть Джерри, хотя лучом света его, конечно, не назовешь.

Вероятно, мой друг хочет по-своему помочь мне, указывая на мою полную слепоту в отношении Меган, которую за те два года, что мы провели вместе, я начал считать близким человеком и не собирался менять ни на кого другого. К сожалению, от его утешений мне становится только хуже, если это вообще возможно. Я не ел восемь дней, я потерял больше шести килограммов в весе, я не брился, что особенно ужасно, потому что я начинаю походить на этого сволочного Дерека.

— В конце концов, — говорит Джерри, — она ведь была моей девушкой, а ты ее у меня увел.

— Для тебя она была просто подружкой на пять минут, и я не уводил ее у тебя.

160

Он закуривает сигарету и задумчиво выпускает дым прямо мне в лицо:

— Слушай, кончай киснуть, это не конец мира.

— А разве нет?

— Конечно нет. Послушай, я слышал о классной работе. Мне сказал Энди Хадсон. Это настоящая работа. Нужно играть в оркестровой яме в театре. Как у тебя с чтением нот?

— Нормально, — угрюмо отвечаю я.

Джерри приближает свое лицо к моему и оглядывается, словно для того, чтобы убедиться, что нас никто не слышит:

— В Университетском театре заново делают постановку мюзикла «Иосиф и его чудесное разноцветное одеяние мечты». Они ищут молодой оркестр и будут платить хорошие деньги.

— Хорошие деньги? — Теперь уже я опасливо оглядываюсь. — Сколько?

— Шестьдесят в неделю за шесть вечерних и одно утреннее выступление. Сначала две недели репетиций, а потом не меньше месяца работы. Ты будешь участвовать?

Я откидываюсь на стуле, балансируя на его задних ножках, и взвешиваю все немногочисленные варианты своей дальнейшей жизни. Я не получал шестьдесят фунтов в неделю с тех самых пор, как мы с Меган работали на фабрике замороженных овощей.

— Я буду участвовать.

Следующие несколько недель оказываются очень тяжелыми. Колледж — слишком тесное место для двух любовников и одного рогоносца. Мне становится плохо от постоянных перешептываний за моей спиной и еще хуже — от сочувствующих взглядов, доморощенной психологии и добрых советов, которые обрушиваются на меня в промежутках между лекциями. Даже учителя начинают приставать со своими участливыми и мудрыми беседами. Когда я

161

наконец приезжаю домой, мама приходит в ужас от того, как сильно я похудел, и готовит мне такой обильный ужин, что я не в состоянии его съесть. Она догадывается, что не стоит спрашивать о случившемся, и я не чувствую себя обязанным о чем-либо ей рассказывать. Итак, успешно сыграв мамину роль в пресловутом любовном треугольнике, я вынужден теперь играть горькую роль моего отца.

*

Мюзикл «Иосиф и его чудесное разноцветное одеяние мечты» Тим Райс и Эндрю Ллойд Уэббер написали, когда были еще школьниками, и, возможно, это их лучшее произведение. В его основе

лежит ветхозаветная история об Иосифе, изложенная в виде серии музыкальных сцен. Они изображают падение и последующее возвышение любимого сына Иакова, который прогневал своих завистливых братьев, был продан ими в Египет, сделался там советником фараона и наконец открылся своей изумленной и глубоко раскаивающейся семье. В музыкальном изложении эта история представляет собой отличный образчик рок-н-ролла. Музыка — очаровательная, приятно бесхитростная — эдакое попурри из популярной музыки пятидесятых. Аранжировка простая, без всяких претензий. Это шоу, профессионально спродюсированное Гаретом Морганом, будет иметь большой успех. Оно неожиданно станет настоящим хитом сезона 1974 года, будет идти десять недель — вдвое дольше запланированного времени, причем билеты на каждое следующее представление будут распродаваться вдвое быстрее, чем на предыдущее.

Я так горд, что после всех своих скитаний и переливания из пустого в порожнее наконец имею возможность играть музыку профессионально и за хорошие деньги. Это было моей честолюбивой целью, и вот я каждый вечер прихожу под сень огромной металлической конструкции сцены, отыскиваю свой едва освещенный пюпитр среди проводов, обо-

162

рудования и декораций, которые ждут своего часа в темноте, пока зрители собираются на вечернее представление.

Зрительный зал гудит, возбужденный и предвкушающий, в таинственном, похожем на пещеру, помещении театра. Мне нравится суматоха, которая царит за кулисами перед началом спектакля, вихрь костюмов и загримированных лиц, сверкание зеркал, когда актеры превращаются в героев и злодеев, стариков и роковых женщин и успокаивают свои нервы мимолетной сигаретой, выкуренной за несколько секунд до выхода на сцену. Я страстно влюблен в эту магию театра, я опьянен его мишурным блеском и бесхитростной иллюзией, которую он создает, его шумом и его обманными приемами. При этом мне совсем не хочется быть актером, мне просто нравится находиться здесь, в центре событий, играть на бас-гитаре в моей темной оркестровой яме. Размечтавшись, я представляю, что вся конструкция спектакля зиждется на подземном фундаменте этого звука, на равномерном, надежном, невидимом пульсе инструмента в моих руках. И вот, когда огни гаснут и дирижер поднимает свою палочку в полной тишине, которая предшествует первому такту, весь остальной мир перестает существовать, и я удивительно счастлив.

Эван Уильямс — самоуверенный дирижер нашего оркестра и настоящий титан. Он машет нам своей палочкой, одновременно смотрит на телемонитор и слушает через наушники сигналы режиссера так, как будто это божественные послания. Гитаристом у нас Джон Хедли, местная легенда, а не менее легендарный Ронни Пирсон — на ударных. Джон, который какое-то время выступал с Phoenix Jazzmen, незадолго до этого пережил свой звездный час, поработав, хотя и недолго, в Лондоне с оркестром Блинки Дэвисона, а когда-то давно был одним из моих любимых местных блюзовых музыкантов. Джон похож на светловолосого Хендрикса своей копной выющихся белокурых волос, обрамляющих вытянутое печальное лицо. У него болезненно худое тело, похожее на птичий скелет с длинными

163

тонкими ногами. Он прекрасный человек и потрясающий гитарист с немного мрачным чувством юмора. Такое впечатление, что Джону довелось пережить какой-то тяжелый жизненный удар, и теперь он ищет убежища в простой философии и в музыке, которая, как известно, лечит.

Ронни Пирсон, как гласит легенда, отказался играть с Beatles, когда они только начинали и подыскивали себе ударника. Ронни действительно родом из Уоррингтона, расположенного в графстве Ланкашир в нескольких милях от Ливерпуля, да и по возрасту он вполне соответствует, но я никогда не решился бы расспросить его о подробностях этой невероятной истории из страха, что ее достоверность разрушится при ближайшем рассмотрении. К тому же мне очень хочется сохранить свое собственное ощущение близости к великому. Беда Ронни в том, что эта ускользающая возможность успеха станет навязчивым мотивом в его жизни. Он ушел из тисайдской группы Back Door как раз тогда, когда к ним начала приходить известность. Да и потом, видя мой собственный успех, он почувствовал, что снова остался ни с чем. Ронни — отличный ударник. С этим не стал бы спорить никто, и в антрепризах он был востребован всегда. Он — виртуоз, профессионал, он может играть в любом стиле, и даже другие ударники признают его лучшим. Для нас с Джерри огромная честь играть на одной сцене с такими светилами.

Ситуация на романтическом фронте тоже изменилась к лучшему. Оправившись от унижения, которое причинили мне Меган и Дерек, я начал встречаться с девушкой по имени Лиззи, высокой

и стройной блондинкой, без сомнения самой красивой девушкой в колледже. Это обстоятельство вызывает интересную реакцию у моей предыдущей подруги. То ли дела с Дерексом не клеятся, то ли ей просто обидно, что ее место в моем сердце заняла красавица Лиззи, — этого я никогда не узнаю, но когда она просит меня вернуться, я имею исключительное удовольствие сообщить ей, что ничего подобного не будет никогда. Как будто цити-

164

руя сценарий одного из маминых ужасных фильмов, я сообщаю ей, что не могу подвергать себя опасности снова пережить такую сильную боль. На самом же деле я просто без ума от Лиз и с каждым днем привязываюсь к ней все больше. Мое сердце похоже на вертящуюся дверь в дешевых гостиницах, и хотя мы с Лиз время от времени бываем вместе, я пока не готов снова брать на себя какие-то обязательства. Меня зовет романтика дорог.

5.

Заканчивается 1974 год. Приближается зима, и высоко над городом видна стая диких гусей, которые летят на юг, инстинктивно повинаясь смене времен года и магнитному полю Земли. Мы с Джерри знаем, что если и мы в ближайшее время не отправимся в путь, этого не случится уже никогда. Последнее время Джерри стал необыкновенно задумчивым, и я догадываюсь, что он вынашивает какой-то план. Джерри хочет уговорить Ронни и Джона участвовать в его новом проекте. Он даже придумал имя для новой группы. Она будет называться Last Exit («Последний поворот»), в честь душераздирающего романа Хьюберта Селби-младшего «Последний поворот на Бруклин». Я думаю, Джерри надеется, что это название станет пророческим, что мы наконец вырвемся из тесного мирка нашей теперешней жизни в большой мир и нам удастся избежать нравственной

167

и духовной деградации. Но первое, что необходимо сделать для осуществления нашего плана — убедить Джона и Ронни присоединиться к нашему «крестовому походу», потому что без них, без той надежности, которую обеспечивает их профессионализм, предприятие изначально обречено на провал.

Оба они на целое поколение старше нас с Джерри, и вряд ли хоть один из них согласится бросить стабильную профессиональную работу ради какой-то смутной надежды на славу, которая маячит в туманном будущем. Дело не в том, что они непроницаемые скептики. Просто они ведут себя осторожно. Ведь у них, как у всех взрослых людей, есть серьезные материальные обязательства: им необходимо выплачивать проценты по ипотеке и регулярно оплачивать кредит. Они вполне сносно зарабатывают, участвуя в антрепризах и понемногу выступая в местных ночных клубах. С какой стати они должны от всего этого отказаться, побросать свои инструменты в какой-то фургон и мотаться с нами по стране в поисках приключений, даже не надеясь получить за это приличные деньги? Раскрутить наших осторожных хоббитов на такое предприятие будет нелегко, но нам все же удастся уговорить их на парочку репетиций.

Зерно, из которого выросла идея Last Exit, было посеяно около года назад, во время одного совершенно провального выступления биг-бэнда, в котором мне довелось участвовать. Наш биг-бэнд был приглашен в Политехнический институт Ньюкасла для разогрева публики перед выступлением группы Return to Forever, работавшей под руководством легендарного джазового пианиста Чика Кория. Мы знали, что Чик в свое время испытал сильное влияние Майлза Дэвиса, который записал с ним несколько альбомов, и — в числе прочих — альбом «Bitches Brew». Но даже это знание не подготовило нас к тому бешеному натиску, свидетелями которого мы стали. Мы с горем пополам в полуобморочном состоянии исполнили свой обычный репертуар, и хотя наша музыка все же немного напоминала свинг, большую часть времени биг-бэнд кидало из стороны в сто-

168

рону, словно парусник во время шторма. Акустика зала давала какой-то глухой звук, который тоже был против нас: в те редкие моменты, когда нам все-таки удавалось освободиться от оков аранжировки и добиться легкости и свободы в исполнении, наша музыка тонула в безбрежном пространстве зала. Жидкие аплодисменты безразличных студентов, оказавшихся свидетелями этого жалкого зрелища, указывали на наш полный и безоговорочный провал, но то, что произошло потом, заставило нас целиком и полностью пересмотреть шкалу оценки собственного музыкального профессионализма.

Вид Ленни Уайта, набрасывавшегося на барабаны с невероятной свирепостью и

умопомрачительной техникой, заставил нашего ударника осознать, что его собственная игра — не более чем извлечение каких-то бессмысленных шумов из ударной установки. Энди, наш пианист и руководитель группы, попросту открыл рот, когда услышал, какие ослепительные, невероятные чудеса творит мистер Кория на своем синтезаторе «Fender Rhodes». К счастью, на тот момент в нашем биг-бэнде не было гитариста, потому что любой неудачливый брэнчала просто вскрыл бы себе вены от зависти, услышав Билла Коннора в полном блеске. Меня же самого полностью лишил силы духа басист. Стэнли Кларк поистине открыл новый мир в том, что касается игры на бас-гитаре. То, какие звуки извлекались из инструмента, то, как он рокотал в его руках, — все это поместило бас, этого тяжеловеса, обычно лишь поддерживающего основную гармонию, в центр всего ансамбля. В большинстве мелодий бас Кларка становился ведущим инструментом с набором непостижимых приемов, воспроизвести которые я не мог и мечтать. У меня оставалось одно утешение: в группе Кория никто не пел. Если бы я смог добиться хотя бы четвертой части профессионализма мистера Кларка и одновременно петь, у меня осталась бы надежда, что и мне найдется место в этом неожиданно открывшемся мне музыкальном мире.

169

В основу нашей собственной группы Last Exit легло то, что мы увидели в тот вечер, — мы взяли тот же набор музыкантов и точно так же стали играть фьюжн. Разница заключалась лишь в том, что у нас был солист.

Закончив играть для «Иосифа», мы начали репетиции дома у Ронни. Наши претензии на джаз-рок сразу же отразились на репертуаре. Это были песни Билла Уизерса и Марвина Гей; «I Heard It Through the Grapevine» в исполнении Ронни; унаследованная мною от Меган «Springtime in the City» Грэма Бонда и «Don't Let It Bring You Down» Нила Янга. Мы репетировали долго и напряженно, порой пытаясь воспроизвести даже некоторые из композиций Чика Кория с напыщенными научно-фантастическими названиями типа «Hymn of the Seventh Galaxy». Мы добивались совершенства, нота за нотой копируя исполнение наших кумиров. Как самому неумелому музыканту группы, мне приходилось репетировать больше, чем моим друзьям, чтобы отработать эти мелодии, и все-таки они сдавались под моим упорным натиском.

Управляющий отеля «Госфорт» каждую среду предоставлял нам комнату на втором этаже своей гостиницы. Он готов был делать это до тех пор, пока мы будем в состоянии наполнять ее посетителями и окупать его затраты на бармена. Аудиторию нашего первого выступления составляли исключительно друзья по колледжу и ребята-ударники, которых обучал Ронни. Они сидели в первом ряду и дивились потрясающим возможностям учителя. Между тем я становился все более уверенным певцом, а работа в биг-бэнде Энди Хадсона заставила меня осознать, насколько важно разговаривать со зрителями. Этот ненавязчивый, исполненный самоиронии юмор, который зрители слышат со сцены между номерами программы, дает им ощущение, что они — участники происходящего, каковыми, впрочем, они и являются на самом деле. Ронни и Джон приобрели в это время почти культовый статус и начали верховодить среди молодых, подающих надежды музыкантов, которые частень-

170

ко бывали на наших выступлениях. Мы же с Джерри довольствовались ролью обслуживающего персонала и сосредоточились на сочинении новых песен для группы.

Мы с Джерри поселились вместе, в одной квартире в Хитоне. В нашем новом жилище было две спальни, гостиная, кухня и старый камин со встроенной духовкой. Этажом выше находилась квартира, где уже целый год прожили наши друзья по колледжу, муж и жена Джим и Стэф. Сообщая нам, что квартира под ними сдается, они предупредили, что хозяйка ищет еще одну семейную пару и не согласится ни на какой другой вариант. Идею с переодеванием мы с Джерри отвергли сразу: ни один из нас не способен сыграть женщину. Наконец Джерри пришла в голову мысль попросить Меган помочь нам. Меган, которая уже успела расстаться с Дерекком, согласилась, несмотря на наш с ней разрыв, притвориться моей женой «по старой памяти», как она сама изволила выразиться. Поразительна ирония судьбы, заставляющая женщину, на которой я еще так недавно мечтал жениться, использовать все свои актерские способности, чтобы изобразить мою жену. Для этой цели она даже одолжила у Стэфа обручальное кольцо.

Наша хитрость сработала. Впоследствии каждый месяц, когда хозяйка являлась к нам, чтобы получить плату за квартиру, нас с Джерри не оказывалось дома, а деньги я оставлял наверху, у Джима и Стэфа, вместе с наскоро нацарапанными записками, в которых я обещал хозяйке обязательно встретиться с ней в следующем месяце, чего, разумеется, никогда не происходило. Мы с Джерри прожили в этой квартире два года, и хозяйка, чей облик в моих воспоминаниях уже

неотличим от невероятно похожей на нее госпожи Тэтчер, так никогда и не узнала о его существовании. Понятно, что и Меган она больше никогда не видела.

Наш узкий коридор всегда забит оборудованием: электроорган Джерри, его синтезатор «Fender Rhodes», мои футляры с бас-гитарами, микрофоны и все остальные музыкальные приспособления, которые нам когда-либо удалось

171

выпросить, одолжить или украсть. Мы с Джерри абсолютно счастливо жили в этом союзе, напоминающем брак, и всерьез поссорились, помнится, лишь однажды, причем я вспомнил мамины методы и принялся бросать в Джерри тарелки. Между нами существовало напряженное соперничество, но совсем не из-за женщин, как можно предположить, а из-за общего для нас обоих стремления писать новую музыку для группы Last Exit и развлекать наших слушателей в отеле «Госфорт». Каждый из нас стремился писать хотя бы по одной песне в неделю. При этом я всегда чувствовал, что мне сочинение песен дается легче, потому что Джерри не исполнял их сам. Я мог написать песню, специально приспособленную к моему голосу, а Джерри приходилось лишь надеяться, что мне удастся раскрыть достоинства написанных им песен. Сочиняя, мы перепробовали все стили и все направления, которые вызывали у нас хоть какой-нибудь интерес. Иногда наши песни были очень подражательными, но, как любой человек, овладевающий ремеслом, каждый из нас не стеснялся заимствовать идеи и приемы и имитировать друг друга. Джерри обладал поразительной способностью развивать и воплощать даже самые сырые из моих музыкальных находок так, что на очередной репетиции их уже не стыдно было показать старшим членам нашей группы, однако мало-помалу, благодаря непрерывно увеличивающемуся количеству моих песен, они начали попадать в репертуар группы гораздо чаще, чем песни Джерри.

Было бы нечестно утверждать, что постоянно обостряющееся соперничество не бросило тень на нашу дружбу. Но к чести Джерри следует сказать, что это не сделало его равнодушным к судьбе группы. Мы с Джерри оба верили, что группа может добиться успеха, кто бы ни писал для нее песни. Остальные двое, вероятно, относились к нашей затее с некоторой долей насмешливого скептицизма, потому что никогда не вносили своих предложений относительно репертуара. Между тем группа понемногу начинала приоб-

172

ретать известность, и комната на втором этаже отеля «Госфорт» каждую среду вечером бывала заполнена до отказа. Мы уменьшили плату за вход до одного фунта с человека, причем половина вырученных денег шла на покупку оборудования, а вторую половину мы делили между собой. Этого не хватало на жизнь, но мы пополняли свои доходы работой в других музыкальных коллективах и выступлениями в рабочих клубах по выходным дням.

В конце лета 1974 года в нашей квартире раздается странный телефонный звонок. Звонит монахиня. Сестра Рут, ныне директор школы в Крэмлингтоне, шахтерской деревне к северу от Ньюкасла, учила когда-то мою младшую сестру Аниту, которая была образцовой ученицей с первого школьного дня и в конце концов получила магистерскую степень по английской литературе в университете Лидса. Директриса, увидев мое имя в списке выпускников педагогического колледжа этого года, решила позвонить и узнать, не прихожусь ли я родственником вышеупомянутой образцовой ученице. Когда же обнаруживается, что я действительно являюсь родственником и притом очень близким, она приглашает меня на собеседование. Честно говоря, такой поворот событий застаёт меня врасплох. Я немного польщен, что ко мне проявляют такую заинтересованность, хотя в данном случае дело скорее в заслугах моей сестры, чем в моих собственных. До этого момента у меня не было ни малейшего желания связывать свою жизнь с профессией учителя. Но мысль о том, что количество денег на моем счете неумолимо сокращается, а контракта со звукозаписывающей компанией в ближайшем будущем явно не предвидится, вынуждает меня разыскать приличный галстук, пиджак и чистую рубашку, в которых не стыдно было бы появиться на собеседовании в начальной школе св. Павла. На следующий день я пытаюсь выйти из дома как можно раньше, чтобы Джерри не заметил меня, но мне это не удается.

173

— Куда ты, черт возьми, собрался в таком виде? — Первая утренняя сигарета уже дымится в его руке, а его волосы, которые, впрочем, никогда не бывают чистыми, выглядят так, словно какой-то сумасшедший дадаист специально скроил из них такую асимметричную прическу. Он одет в какой-то невероятный цветастый халат, который даже на Нозле Коуарде¹⁴ выглядел бы слишком

экстравагантно, и пару старых, потрепанных клетчатых шлепанцев с дыркой на левом большом пальце. Словом, вид у него еще тот. И при всем при этом он недоволен моей внешностью. Как бы то ни было, будучи пойманным за полу, я решаю, что честность в данном случае — самая правильная политика.

— Я иду устраиваться на работу.

Джерри устремляет на меня такой взгляд, как будто взвешивает мои шансы на успех, не забывая время от времени затягиваться.

— Удачи! — говорит он с нескрываемым сарказмом, который приводит меня в бешенство, и направляется в ванную в облаке голубого дыма, по-мефистофелевски хихикая себе под нос.

Несмотря на сарказм Джерри, собеседование проходит хорошо, и мне совершенно неожиданно предлагают место школьного учителя. В конце концов, это то, на что меня натаскивали в течение последних четырех лет: руководить классом и учить детей всему — от элементарной математики до игры в футбол. Я напоминаю себе, что это лишь часть моей долгосрочной стратегии, которая должна привести меня к успеху на музыкальном поприще, хотя со стороны это может выглядеть так, словно я сдался под давлением обстоятельств. По дороге домой я готовлю защитную речь,

¹⁴ Ноэль Коуард (1899—1973) — английский драматург, режиссер, композитор и актер. После постановки пьесы «Водоворот» в 1924 году за ним закрепилась репутация одного из лучших драматургов Великобритании. Кроме того, он был признанным денди и в 1920-е годы прославился как законодатель моды.

174

которую мне предстоит произнести перед Джерри. Я знаю, что моя учительская работа будет оставлять мне достаточно времени на репетиции и выступления с нашей группой, длинные каникулы позволят мне выезжать с группой на гастроли. Учительская зарплата, хотя ее и не назовешь солидной, обеспечит возможность снимать зал для выступлений, пока мы не раскрутим группу настолько, чтобы она приносила приличное количество денег. Конечно, в этих доводах есть определенная доля фантазии, которая подпитывается нашей растущей популярностью среди местной публики. На самом деле наши шансы на заключение контракта со звукозаписывающей фирмой столь же велики, как шанс выиграть в лотерею. Тем не менее нам удастся поддерживать свою фантазию до тех пор, пока фантазия поддерживает нас.

В сентябре этого года я начинаю работать в начальной школе св. Павла. В первый рабочий день на мне тот же пиджак, что и в день собеседования. Сестра Рут представляет меня остальным сотрудникам. Это стайка женщин среднего возраста, окутанных паром из чайных чашек и сигаретным дымом. Некоторые из них бросают на меня скептические взгляды из-под своих очков. Все как одна одеты в теплые, уютные свитера домашней вязки, туфли без каблуков и твидовые юбки. Их простоватый домашний вид создает острый контраст с безупречной строгостью белого льняного платка на голове монахини и ее черной сутаны. Она стоит, твердая и несгибаемая, словно восклицательный знак на странице вялой прозы, посланница странной и далекой культуры, которую здесь согласны терпеть, но не более того. Под покровом внешней доброжелательности здесь, очевидно, присутствует скрытое недовольство. Чувствуется напряжение в отношениях между директрисой и ее подчиненными, и я знаю по собственному опыту, что, если хочешь выжить в такой ситуации, придется быть осторожным и обаятельным одновременно.

175

Я не очень понимаю, зачем меня поместили в этот странный коллектив. Директриса показывает меня своим учительницам как некий любопытный охотничий трофей. Внимание, с которым они ко мне относятся, хотя и не лишено доброжелательности, гораздо больше продиктовано любопытством и недоверием. Я чувствую себя как заспиртованный экспонат в зоологическом музее. Может быть, меня приняли сюда, чтобы я разбавил однообразие этой группы, может быть, я должен сыграть роль джокера в карточной колоде, возможно, я должен изобразить оригинала, чудака, местную достопримечательность? Или мне уготована роль ставленника директрисы?

Вполне вероятно, что во мне погиб профессиональный шпион. Я говорю это потому, что, как я уже не раз писал, в своей жизни мне часто приходилось скрывать свою истинную сущность. Внешне я полностью растворялся в окружающей среде, но в то же время твердо знал, что это — не настоящее мое лицо. В глубине души я всегда понимал, что не принадлежу к этой среде. Вот и теперь мне пришлось маскироваться под учителя точно так же, как когда-то я притворялся алтарным мальчиком, государственным служащим или студентом. Я всегда сохранял свою обманную оболочку так долго, как только мог, а потом она распадалась сама собой. Через много лет меня спросят, догадывался ли я, что добьюсь такого успеха в качестве музыканта и исполнителя песен? Нет, ничего такого я не предвидел. Просто все остальные виды деятельности,

которые я перепробовал, не удавались. В большинстве случаев я попросту толкал в ступе воду, но что касается учительства, то поскольку здесь требуется определенная степень исполнительского артистизма, я не считал эту работу полной потерей времени, как для себя, так и для детей.

В моем классе тридцать восьмилетних мальчиков и девочек из семей, принадлежавших когда-то шахтерской общине, брошенной на произвол судьбы после массового закрытия шахт в пятидесятых и шестидесятых годах. Теперь

176

родители этих детей ищут работу в легкой промышленности и в офисах. Тесная спаянность общины, занимавшейся почти исключительно добычей угля, осталась в прошлом. А вместе с ней исчезли горняцкие хижины, ванны для лужения и огромные кучи шлака, которые не переставая горели день и ночь. В прошлое ушли ужасные вспышки респираторных заболеваний, больше нет черной угольной пыли в легких, аварий на шахтах, обрушения тоннелей или взрывов газа, способных в одно мгновение поразить болью целые деревни, когда мужчин и мальчиков, которые спустились в шахту утром, вечером достают уже мертвыми, после того как пожар наконец потушен. И хорошо еще, если тела удастся найти. Города, подобные моему родному городу, насчитывают долгую историю такого сурового героизма, вызванного жестокими условиями. Я легко могу представить лица сидящих передо мной детей покрытыми черной угольной пылью, а их самих — проводящими десятичасовые рабочие смены в пугающей темноте шахты.

Оставив в стороне опасения, что мне не хватит авторитета, знаний, энтузиазма, которыми должен обладать учитель, чтобы вселять в учеников интерес к учению, я с удовольствием читаю детям увлекательные приключенческие и фантастические истории: «Железного человека» Теда Хьюза, «Элидора» Алана Гарнера, «Хоббита» Дж. Р. Р. Толкиена. Я играю им на гитаре, и мы вместе разучиваем народные песни и рождественские гимны. Я уговариваю учеников петь песни их любимых популярных исполнителей: Гэри Глиттера, Сьюзи Кватро, Mud — и вижу, как застенчивые детские души меняются и раскрываются во время представления. Я одалживаю в биг-бэнде несколько духовых инструментов, и мы с детьми славно проводим время, пытаясь сообразить, как извлечь из них звук. Мы устраиваем целый фестиваль писков, скрипов и трубных звуков, сотрясающих помещение. В классе царит шумный беспорядок, и хотя я не имею ни малейшего понятия о том, действительно ли дети чему-то учатся у меня, им, судя по всему, нравится

177

в моей компании, а мне хорошо с ними. Мы рисуем карандашами и красками, и я стараюсь получать от общения с детьми как можно больше удовольствия. Директриса нередко присутствует на моих уроках и, кажется, вполне снисходительно относится к моему методу, но у меня создается впечатление, что другие учителя не вполне одобряют громкий шум, несущийся из 4-го «В» класса на верхнем этаже.

Между тем вечерние выступления группы Last Exit проходят при полном аншлаге. Каждую среду вечером официант просто сбивается с ног. Из конца в конец комнаты непрерывным потоком движутся пивные кружки, пустые и наполненные. Повсюду слышится смех и раздаются аплодисменты, а где-то за пеленой сигаретного дыма я вижу «чеширскую» улыбку директора клуба, улыбку человека, который очарован изумительными результатами собственного труда. Мы с Джерри постоянно пишем новые песни и по-новому аранжируем некоторые из старых, чтобы зрителям не приходилось смотреть одну и ту же программу каждую неделю. Обстоятельства вынуждают нас все время сочинять новый материал, потому что на наших выступлениях присутствует практически одна и та же аудитория, но ни Джерри, ни я не жалуемся. Мы оба считаем музыку своим истинным призванием. Кроме того, я начинаю ощущать острое удовольствие от пения. Когда я пою, я обладаю абсолютной свободой. Я могу взлетать, а потом падать с огромной высоты, как будто у меня выросли крылья. Разумеется, мои товарищи не вполне уверены в моих певческих способностях, особенно Ронни, который предпочел бы все исполнять сам, но я побеждаю, потому что к этому моменту основная часть нашего репертуара написана мной. И с каждой неделей я пою все лучше.

Каждую среду после школы я еду домой, грузю в машину электрическое фортепьяно и усилитель Джерри, затем снова проезжаю по шоссе A1, направляясь в «Госфорт». Там я поднимаю все оборудование на второй этаж, устанавливаю его и возвращаюсь домой, чтобы забрать свою бас-гитару,

178

усилитель и микрофон, после чего совершаю еще одно путешествие в северном направлении. Это

каторжная работа, по поводу которой только мечтатель или безумец решил бы, что она стоит усилий, особенно если учесть, что после двух часов выступления вся процедура повторяется. Домой мы возвращаемся обычно около полуночи, складываем свое оборудование в коридоре, я разжигаю огонь в нашей старой духовке, Джерри открывает пару банок легкого пива, и мы приступаем к обсуждению сегодняшнего выступления. Мы говорим о том, какие песни оказались удачными, а какие — нет, кто играл хорошо, а кто — не очень. Мы строим планы и фантазируем, глядя на тлеющие угли в старом камине, пока наконец не засыпаем, обессиленные.

Наша квартира завалена старыми номерами *Melody Makers*, *New Musical Express* и *Sounds*. Мы тщательно изучаем всю музыкальную прессу, как будто надеемся найти ключ к успеху в этих обзорах пластинок, расписаниях гастролей, альбомных рейтингах и сплетнях о волшебном и восхитительном мире музыки. Среди объявлений попадаются очень интересные. «Требуется певец в группу, играющую в стиле тяжелый рок. Работа в студии звукозаписи. Надежная фирма. Имеется продюсер. Требования: яркий имидж и собственный усилитель. По пустякам просьба не беспокоить». Есть определенный соблазн в том, чтобы просто прийти на готовое, в коллектив, который уже твердо стоит на ногах, вместо того чтобы создавать все самим, с нуля. Однако ни Джерри, ни я никогда не отзываемся на эти объявления, видимо предполагая, что дают их такие же мечтатели, как и мы сами. Меня же кроме всего прочего пугает требование относительно имиджа. У меня нет яркого имиджа. У меня нет длинных струящихся волос, я выглядел бы глупо в женской одежде, которая в моде среди современных поп-звезд, таких как Дэвид Боуи и Марк Болан. Нашу с Джерри внешность никак не назовешь звездной. Мы выглядим дикими и нематыми. Тем не менее на наши выступления в отеле «Госфорт» приходят довольно привлекательные

179

девушки. И хотя к тому моменту, как мы заканчиваем упаковывать свое оборудование, они обыкновенно исчезают, с каждым разом их в общем становится все больше. Поэтому с некоторых пор я пробую бросать со сцены пронзительные, исполненные надежды взгляды, а когда чувствую, что на меня устремлены женские глаза, принимаю демонстративную позу поэта, терзаемого превратностями жизни и любви.

Однажды вечером на одном из наших выступлений появляется Эван Уильямс. Он спрашивает нас, не хотим ли мы поработать в новом мюзикле, который будет идти шесть недель и приносить нам еженедельно по шестьдесят фунтов на брата (вероятно, такого рода работа всегда стоит шестьдесят фунтов в неделю). Поскольку мюзикл «Иосиф и его чудесное разноцветное одеяние мечты» оказался очень успешным в финансовом отношении проектом, руководство Университетского театра решило, что еще один музыкальный хит обеспечит театральной казне достаточный приток денег, чтобы можно было оказать поддержку развитию серьезного театра в наших местах. (Серьезный театр — это пьесы авторов типа Ибсена, Стриндберга и Чехова, которые играют в полупустых залах.) Еще один незамысловатый мюзикл должен помочь театру в насаждении «высоколобой» культуры.

Итак, когда Эван спрашивает у нас, не желаем ли мы играть для этого мюзикла, да еще за такую королевскую сумму, нам уже не до того, чтобы оценивать культурный и интеллектуальный уровень предприятия. Эвану еще повезло, что мы не разорвали его на части от благодарности. Мюзикл, который планируется поставить, будет написан Тони Хэтчем, гением поп-культуры и автором такого мощного хита шестидесятых, как «Downtown», исполненный Петулой Кларк и прославившийся по обе стороны Атлантики. Постановка будет называться «Rock Nativity» («Рождение рока»), а либретто, сочиненное Дэвидом Вудом

180

(одним из молодых актеров, сыгравших в фильме Линдсея Андерсона «Если»), будет в трех актах рассказывать историю Христа: от Благовещения до Крещения. У мистера Хэтча репутация сурового руководителя, но мы исполнены уверенности в себе и в восторге от возможности поработать с таким потрясающе знаменитым человеком, как он. Мы радостно фантазируем, что это наш шанс прославиться, по-детски веря, что слава — это то, чем можно заразиться, что наш музыкальный статус автоматически поднимется от одной близости к такому уважаемому человеку, как Тони Хэтч.

Но есть одна маленькая проблема. Если остальные трое членов группы Last Exit — свободные профессиональные музыканты, то я — еще и школьный учитель. Работа над «Рождением рока» будет занимать утро среды, когда я, согласно расписанию, должен быть в школе. Я ничего не говорю остальным, потому что надеюсь убедить сестру Рут какое-то время отпускать меня по

средам, тем более что основная часть выступлений все равно попадает на рождественские каникулы. Так или иначе, мне удастся все утрясти.

Через несколько недель начинаются репетиции. Нам раздают партии для заучивания. В этих нотах нет ничего особенно сложного, но в увертюре есть одно место, где я должен играть минорную гамму из восьми нот в невероятно быстром темпе. Я трачу много часов на то, чтобы отработать эту гамму, но по-прежнему очень далек от требуемой скорости.

Для первой репетиции мы встречаемся очень холодным октябрьским вечером. Дело происходит в большом готическом холле Королевского колледжа за Университетским театром. В ожидании начала репетиции мы тихо повторяем свои партии. Первая песня — евангельская баллада «Open Your Heart». В старом викторианском холле царит жуткий холод, и мое дыхание клубами пара вырывается изо рта. Древние радиаторы холодны и безжизненны,

181

как кости динозавра. На мне зеленая шерстяная шапка, закрывающая лицо так, что видны одни только глаза. Видно, что все мы нервничаем. Ронни и Джон проверяют и перепроверяют исправность своих инструментов, а мы с Джерри пристально изучаем свои партии, желая лишний раз убедиться, что в нотах нет никаких неприятных неожиданностей. Я начинаю дышать на свои пальцы и выгляжу, вероятно, так же нервно, как Эдмунд Хиллари перед покорением южной седловины Эвереста. Наверное, поэтому Ронни бросает на меня полупрезрительный взгляд и горестно качает головой, когда в помещение входит Тони Хэтч в сопровождении директора Гарета Моргана и актрисы, которая будет играть главную роль. Рядом с ней бежит маленькая коричневая собачка.

Мистер Хэтч одет в элегантное кашемировое пальто, сшитый на заказ костюм и аккуратный строгий галстук. Он выглядит в точности таким, каким я привык видеть его по телевидению: свежесбрирован, безупречно причесан, с налетом некоторой чопорности, которая сглаживается его сардонической улыбкой. Мистер Морган, одетый в спортивную куртку и вязаный свитер, — это человек с выпяченной грудной клеткой, манерами уэльского землевладельца, гордо вскинутой головой и выпирающей нижней челюстью. Со своими непослушными рыжими волосами и певучими нотками валлийского акцента, вкрапленными в его рокошующий баритон, он — олицетворение кельтского огня. Мюзикл «Иосиф и его чудесное разноцветное одеяние мечты» стал триумфом этого человека, и теперь он чувствует себя генералом, который демонстрирует свои войска приехавшему с визитом главе государства. У молодой актрисы, которая будет играть Марию, — непослушные темные вьющиеся волосы, выбивающиеся из-под длинного цыганского шарфа, и самые темные глаза, какие мне доводилось видеть. Ее коричневая собачка — какая-то помесь: к телу корги приставлена голова спаниеля. Собачка немедленно начинает обнюхивать наши инструменты и оборудование.

182

Директор театра бегло представляет нас мистеру Хэтчу и актрисе, которая едва бросает на нас взгляд. Последним представляют меня, но все, что она может увидеть, — это мои зеленые глаза, глядящие из узкой прорези зеленой шапки. После знакомства актриса уходит в другой угол зала, чтобы подготовиться к репетиции. Между тем ее собачка заинтересовалась электроорганом Джерри. Тот не задумываясь дает животному пинка, испугавшись, что песик вознамерился оставить метку на деревянной полированной поверхности его инструмента. К счастью, я — единственный свидетель этого неблагоприятного поступка.

Первый прогон мюзикла — пока без пения — проходит хорошо. Мистер Хэтч не выглядит очень уж недовольным. Мистер Морган садится на задний ряд, закуривает сигарету и, пуская кольца дыма, с холодным вниманием наблюдает за девушкой, которую он выбрал на главную роль. А маленькому коричневому псу все-таки удается задрать ножку над драгоценным органом Джерри и оставить на нем знак собственника, но, к счастью, Джерри слишком занят, чтобы заметить это преступление. Я опять не говорю ни слова.

Тем временем актриса тихо прохаживается в дальнем углу, пытаясь согреть связки. На ней темное пальто, надетое поверх длинной, богемного вида юбки, и зеленые туфли. Крупные цыганские серьги обрамляют ее лицо с экзотическими чертами, но именно ее глаза притягивают меня как магниты. В них — какая-то обсидиановая глубина, тревожащая и притягательная.

Мистер Хэтч, наконец-то удовлетворенный тем, как мы играем, дает актрисе знак выйти на середину сцены к микрофону. Хотя мы и не на прослушивании, в помещении ощущается некоторое напряжение. Семеро мужчин и одна женщина — все смотрят и ждут. Как ныряльщик перед прыжком с большой высоты, певица глубоко дышит, и облако пара окутывает ее в морозном

воздухе комнаты.

Она начинает петь, и ее пение, поначалу неуверенное, крепнет с каждой фразой, а когда затихают последние ноты

183

коды, мы все удовлетворенно киваем друг другу: нам ясно, что из этого может выйти толк. Атмосфера неловкости, до того царившая в холодном зале, рассеивается, и в душе каждого из нас загорается надежда, что это шоу будет иметь успех, на волнах которого мы сможем подняться к известности и славе. Разумеется, я еще ничего не подозреваю, но вскоре благодаря этой женщине моя жизнь изменится до неузнаваемости.

Репетиции продолжаются, и во всем, что касается оркестра, дела идут хорошо, хотя в целом мюзиклу «Рождение рока» недостает непосредственного обаяния, которое было свойственно «Иосифу». Все кажется чересчур тяжеловесным, перегруженным, словно это какое-то попурри, претендующее на то, чтобы быть оперой. Актеры никак не могут определиться, как относиться к тому, что они играют. В случае с предыдущим мюзиклом их раскованность определялась незамысловатостью музыки; теперь же труппа не знает, насколько серьезно следует подходить к новому произведению, и, что самое важное, этого не знает и директор театра. Раздувшись от высокомерия благодаря успеху своей предыдущей постановки и присутствию великого мистера Хэтча (не говоря уже о том факте, что мюзикл затрагивает один из важнейших догматов христианской веры, непорочное зачатие), мистер Морган создает произведение, которое местами кажется серьезным и значительным, а местами похоже на смешную пародию. Во всяком случае, таким оно видится мне из подземелья оркестровой ямы. Генеральная репетиция, которая предшествует вечеру премьеры, традиционно бывает немного беспорядочной, с тем чтобы сама премьера (такова примета) прошла без сучка и задоринки. Но на этот раз беспорядок достигает степени паники, которая вызвана нашим смятением и полнейшей беспомощностью. Все осознают, что уровень нашей подготовки совершенно недостаточен для того, чтобы репетиция прошла гладко.

Часть проблем связана с декорациями. Это массивная пирамидальная стальная конструкция, состоящая из от-

184

дельных площадок, соединенных всевозможными лестницами и пандусами. Вероятно, эта конструкция призвана символизировать собой иудейско-христианскую иерархию существ: начиная от Бога и ангелов и заканчивая простыми смертными. Правда, при этом получается, что музыканты, сидящие в оркестровой яме, занимают самый нижний из кругов ада. Поскольку, согласно сценарию, некоторые актеры должны перемещаться с одного уровня иерархии на другой, переходы по лестницам и пандусам сопровождаются сложной и опасной для жизни хореографией. В одной из сцен актеры должны петь и танцевать на краю наклонной плоскости сцены, прямо перед партером. Потом им нужно разбиться на четыре отдельные группы и взбираться вверх по лестницам и пандусам, крест-накрест пересекающим верхние этажи пирамиды. Поднимаясь, эти группы должны хаотически сливаться и снова разделяться, прокладывая себе путь к той или иной части конструкции, а также следить за темпом музыки, не менее замысловатым, чем сама декорация. Удивительно уже само то, что никто не упал, не поранился и ничего себе не сломал, но в царящем на сцене хаосе, на мой взгляд, нет ничего приятного. Что касается нас, музыкантов, то мы практически не видны в темных недрах сцены и бодро сопровождаем весь этот библейский ужас мрачным и тягостным аккомпанементом, который его только усугубляет.

Каждая следующая сцена кажется более нелепой, чем предыдущая, и со своего весьма выигрышного места во мраке сцены я вижу директора, который сидит во втором ряду партера и наблюдает крах своего творения, то хватаясь руками за голову, то безнадежно и беспомощно уставившись на сцену. Его обычно столь самоуверенное лицо постепенно наливается кровью, как перед апоплексическим ударом, пока он наконец не разражается ужасным криком, который заглушает музыку и сотрясает театр до самых потолочных балок.

— РАССЛААААБЬТЕСЬ! МОЖЕТ ЗДЕСЬ ХОТЬ КТО-НИБУДЬ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, РАССЛААААБИТЬСЯ?

185

Нечего и говорить, что призыв директора имеет прямо противоположный эффект. Актеры, и без того в смятении, а теперь превращаются в пораженных ужасом психопатов. Исполнительница главной роли по-прежнему сияет, словно Вифлеемская звезда, но всех остальных участников события, включая троих волхвов и архангела Гавриила, охватывает буря смущения, негодования,

обиды и отчаяния. Увы! Никому из нас не суждено спокойно спать этой ночью, а у меня есть еще и своя забота, потому что я так и не переговорил с сестрой Рут об утренних репетициях по средам. На следующий день, двигаясь в плотном утреннем потоке машин, я решаю непременно обсудить волнующий меня вопрос с директрисой. Я буду прям и смел. Я объясню ей, что, несмотря на мое искреннее желание выполнять учительскую работу как можно лучше, истинным моим призванием является музыка и если она позволит мне пропускать школу по средам, я постараюсь компенсировать свои пропуски в другие дни: например, разучу с детьми рождественские гимны или поставлю рождественский спектакль. Я начинаю репетировать свою речь прямо в машине.

«Сестра Рут, — скажу я торжественно, — имея большой опыт работы в местном театре (здесь я сделал паузу для того, чтобы глубоко вдохнуть, как перед героическим прыжком в ледяной бассейн или самоотверженным восхождением на жертвенный алтарь), я считаю, что было бы вполне уместно поручить мне постановку рождественского спектакля в этом году (а если учесть, какой ужасный провал я наблюдаю на репетициях в течение последних недель, у меня вряд ли получится хуже). В конце концов, среди моих учеников есть несколько очень талантливых актеров».

В девять пятнадцать я делаю утреннюю переключку. Несколько человек, как всегда, отсутствует, но сегодня в их числе непоседливый шалун Кевин Андерсон. Кевин — очаровательный мальчик, обаятельный и веселый, и если

186

ему не хватает способностей к учению, этот недостаток с лихвой возмещается его пением и шутками, которые хотя порой и бывают неприличными, но всегда подаются со сверхъестественным комизмом.

Во время перемены школьный секретарь входит в шумную, переполненную учительскую и приглашает меня к телефону.

— Алло? — На том конце провода раздается неестественно высокий голос. — Это насчет нашего Кевина. Он не очень хорошо себя чувствует, и я бы на денек оставила его дома. Хорошо?

В этом телефонном звонке есть что-то подозрительное.

— Простите, а кто это говорит? — спрашиваю я как можно вежливее.

— Э-э-э... Это я, мама!

— Кевин, если ты немедленно не придешь в школу, у тебя будут неприятности, ты слышишь?

— Да, сэр. — Чудесным образом к его голосу возвращается нормальное звучание.

— Кстати, Кевин, а где твоя мама?

— Она на работе, сэр, на фабрике.

— Ладно, Кевин, приходи прямо сейчас, и я ничего не скажу, идет?

— Да, сэр!

Я уверен, что если бы Кевин использовал в своем спектакле «желчный приступ», я не задумываясь отпустил бы его.

После обеда меня осеняет. Я предложу доброй сестре Рут в следующую среду свозить в театр два старших класса школы, чтобы дети посмотрели утреннюю репетицию мюзикла. Предлагая ей это, я буду делать упор на религиозные и общекультурные аспекты произведения, которое мы репетируем. Пока дети смотрят, у меня будет возможность участвовать в репетиции. А когда сестра Рут увидит, какую пользу все это приносит детям, она тоже заразится магией театра, и мне удастся уговорить ее отпустить меня из школы по средам.

187

В итоге к концу репетиций я умудрился не пропустить ни одной среды, класс за классом препроводив всю школу в театр и обратно. При этом каждый культпоход мне приходилось тщательно согласовывать с директрисой и другими учителями.

Отзывы, которые «Рождение рока» вызвало в прессе, хотя и не столь восторженны, как рецензии на «Иосифа», но все же в целом одобрительны. Кажется, нам удалось предотвратить провал.

Еще одна причина, по которой я могу быть доволен собой, состоит в том, что во время празднования премьеры в театральном баре я набрался смелости приблизиться к исполнительнице главной роли. В тот момент она была увлечена разговором с Джеки Трент, знаменитой женой мистера Хэтча. Не чувствуя себя в состоянии сказать что-либо интересное хотя бы одной из них, я выбираю другую стратегию и начинаю активно заигрывать с маленькой коричневой собачкой. Пес сразу видит меня насквозь и, разгадав мои корыстные цели, отвечает на ухаживания демонстративным безразличием. Проходит довольно много времени, прежде чем его хозяйка замечает меня.

— О, не обращайтесь на него внимания, — говорит она, и в ее голосе ясно слышны нотки североирландского акцента, — он просто старый шалун и мелкий пакостник.

— Как его зовут? — спрашиваю я, продолжая притворяться специалистом по собакам.

— Его настоящее имя — Баттонс, — отвечает она, — но по очевидным причинам все зовут его Терди¹⁵.

Я смотрю вниз на собаку с грустными глазами и слишком большой головой. Очень мило, — говорю я, не зная, как продолжить этот разговор.

Тем временем миссис Трент куда-то отошла, оставив нас наедине, в компании одной только собаки. Впервые за все

¹⁵ То есть не «Кнопка», а «Говнюк:

188

время актриса награждает меня достаточно прохладным, оценивающим взглядом.

— У вас красивые глаза, — говорит она, протягивая мне пустой бокал. — Может быть, купите мне еще шампанского?

Я понятия не имею, желает ли она от меня отделаться или в самом деле хочет еще бокал шампанского. Я почти уверен, что ее уже не будет на прежнем месте, когда я вернусь с шампанским, но она все еще там, такая же холодная и непринужденная, в сопровождении все той же собачки. Я отдаю ей тонкий, похожий на флейту бокал, она любезно благодарит меня с легкой иронической улыбкой, смысл которой трудно разгадать.

Мы молча пьем свое шампанское и наблюдаем за тем, что происходит в комнате.

— А где гитарист? — спрашивает она, как бы очнувшись от своей задумчивости.

— Джон? — говорю я, стараясь выиграть время. — А что?

— Просто так, — спокойно говорит она.

— Наверное, пошел домой, к жене, — говорю я после некоторой паузы и так наивно, как только могу.

— Какой позор, — говорит она с таким же каменным безразличием.

Ее зовут Фрэнсис Томелти. Из театральной программы я узнал, что она дочь знаменитого в городе Белфасте актера Джозефа Томелти, а прежде чем приехать в Ньюкасл, блистала в London's Royal Court и Shaw Theatre, играла в фильмах и телевизионных спектаклях. Она — настоящая актриса, и, кажется, впервые в жизни я ослеплен звездным светом, потому что вечер за вечером смотрю на нее из темноты оркестровой ямы сквозь замысловатую конструкцию декораций, где она стоит, освещенная одним-единственным лучом.

Мы влюбимся друг в друга, и через восемнадцать месяцев эта женщина станет моей женой, но по мере того, как наш спектакль шел, а моя страсть к ней росла, я все чаще задавался вопросом, есть ли у нас хоть малейший шанс

189

сохранить наши отношения после ее возвращения в Лондон Почти невыполнимая мечта об их продолжении как-то переплелась со столь же невыполнимой мечтой о контракте с какой-нибудь звукозаписывающей фирмой, но мало-помалу я все серьезнее начинаю думать о большом городе в трехстах милях к югу от Ньюкасла.

На этот момент в моей жизни сходятся несколько разных направлений, как в музыкальной импровизации, где переплетается много отдельных мелодий, складывающихся в какую-то хаотическую фугу. Основная, басовая партия моей фуги — это мое музыкальное самосовершенствование, пусть медленное, но постоянное, как биение пульса. Вторая по значению партия — сложнее. Это продвижение нашего музыкального коллектива и взаимоотношения внутри него, которые сплывают и одновременно отталкивают нас друг от друга. Основное трезвучие — это моя учительская работа, сотрудничество с Phoenix Jazzmen и Newcastle Big Band в сочетании с буйными полетами фантазии в виде моих мечтаний о славе и богатстве. Последние, в свою очередь, тесно переплетаются с воздушными романтическими напевами, которые приносит Фрэнсис в мои отношения с ней. Рано или поздно напряжения и несоответствия, существующие между этими разнородными элементами, станут вынуждать меня к принятию каких-то радикальных, жизненно важных решений. Пока же я не достиг достаточной эмоциональной зрелости, чтобы осознать, влюблен ли я в человека или в идею, которую он олицетворяет. Причем даже если бы мне указали на эту разницу, я бы ее не почувствовал.

Спектакль заканчивается, и Фрэнсис возвращается в Лондон. Мы прощаемся, и я принимаю решение проехать эти триста миль, которые отделяют меня от нее, в первые же свободные выходные.

Last Exit занимает свое прежнее место на втором этаже отеля «Госфорт», и мы с Джерри снова принимаемся за сочинение песен. В это время я пишу две песни, которые

190

останутся в нашем репертуаре несколько дольше, чем большинство остальных: «The Bed's Too Big Without You» («Постель слишком широка без тебя») и «I Burn for You» («Я сгораю от любви к тебе»). Когда я впервые показываю эти песни Джерри, он, разумеется, бросает на меня один из своих циничных, понимающих взглядов. И хотя не требуется особой сообразительности, чтобы угадать источник моего вдохновения, я пытаюсь отрицать очевидное и заявляю, что «это всего лишь песни» и не следует делать никаких выводов.

Это время — не самый простой период в моих отношениях с Джерри. Я занимаю явно оборонительную позицию, а он, вероятно, раздосадован моим растущим влиянием в группе и тем, что я становлюсь все более и более плодовитым сочинителем песен. Кроме того, Джерри, судя по всему, думает, что мои отношения с Фрэнсис отвлекают меня от проблем нашей группы. Если бы я спросил его прямо, Джерри, конечно, стал бы отрицать все эти мои предположения, говоря, что он ни о чем таком не думал, но мы с ним близки, как братья, у нас одни и те же мечты, поэтому нам трудно что-либо друг от друга утаить. Как бы то ни было, обе новые песни с особым энтузиазмом принимаются нашими зрителями в «Госфорте». Поэтому Джерри, который всегда безупречно честен, волей-неволей признает их и предоставляет им достойное место в репертуаре группы.

По мере того как песни усложняются, совмещение обязанностей басиста и певца ставит меня перед лицом интересной проблемы. Играть на бас-гитаре и петь — не столь естественно, как петь под аккомпанемент акустической гитары. Здесь требуется умение прикладывать независимые нервные и мускульные усилия к двум разным родам деятельности. Это нечто вроде умения ехать на велосипеде и одновременно жонглировать. Помимо того что я трачу достаточное количество времени на отработку синхронизации игры на бас-гитаре и пения, я понемногу начинаю изменять партию баса так, чтобы у меня оставалось больше свободы для пения. Я начинаю делать в партии баса пропуски, которые

191

в другой ситуации я непременно заполнил бы. В процессе этой работы у меня начинает формироваться особый стиль, особый почерк в написании партии баса, делающий ее скупой и лаконичной. Позднее все это станет частью моего сознательного принципа «чем меньше, тем больше», корнящегося на самом деле в необходимости справляться со своими собственными естественными ограничениями.

У Last Exit появляется пара гастрольных администраторов, Джим и Пол. Конечно, они не настоящие администраторы, а двое студентов из числа наших постоянных зрителей, но у них есть свой фургон и некоторый опыт работы с электронным оборудованием. Они ничего с нас не берут и просто рады сопровождать нас в поездках. Разумеется, это облегчило жизнь как мне, так и Джерри, и парадоксальным образом утлый кораблик нашей мечты все увереннее держится на плаву с каждым новым пассажиром, ступающим на борт, с каждым новым лицом в толпе зрителей, с каждым новым заработанным фунтом и с каждым новым предложением о работе. «Черт возьми, — говорим мы друг другу, — скоро даже Джон и Ронни поверят, что нам удастся куда-нибудь выбраться».

Весна 1975-го. Мне двадцать три года. В течение нескольких следующих месяцев я буду постоянно курсировать между Ньюкаслем и Лондоном, чтобы видеться с Фрэнсис. Это долгие, изматывающие пятичасовые переезды. Нередко я отправляюсь в путь сразу после вечернего выступления в пятницу, а утром в понедельник мчусь из Лондона прямо в школу, небритый, с пеленой перед глазами от катастрофического недосыпания. Директриса начинает замечать, что я выгляжу все более и более изможденным, но при этом я как-то блаженно счастлив, наверное впервые в жизни. У меня такое чувство, что мир открывается мне во множестве своих проявлений сразу, и все это благодаря Фрэнсис. Я сопровождаю ее в Единбургский драматический театр, где она играет Бианку в «Укрощении строптивой», и когда

192

Фрэнсис выходит на сцену, мне ужасно хочется растолкать всех незнакомцев, сидящих вокруг меня в своих креслах, и рассказать им, что это моя девушка. Месяцем позже она играет наследницу в «Наследстве Войси», а потом я отправляюсь с ней в Sheffield's Crucible Theatre, где она играет одну из главных ролей в «Детях Кеннеди».

Приезжая в Ньюкасл, Фрэнсис присутствует на выступлениях нашей группы, а потом дает мне

советы, как правильно вести себя на сцене: как удерживать внимание аудитории, как самому быть более собранным и развить у себя абсолютную уверенность в своих действиях. Джерри не вполне одобряет эти «театральные» замашки, но, будучи человеком практичным, он понимает, что в конечном счете группа только выиграет, если основной исполнитель станет более профессиональным актером. Фрэнсис старательно раздувает тлеющие угольки моих амбиций, пока моя артистическая смелость не начинает походить на высокомерие, а вокальные опыты не приобретают определенную уверенность. Есть ли у меня такое право — вопрос спорный, но я начинаю ощущать себя привилегированной особой в демократической атмосфере нашей группы.

6.

Мы намереваемся сделать первую студийную запись нашей группы в компании Impulse Studios, которая находится в Уоллсенде и по странной случайности располагается в здании старого кинотеатра «Гомон», прямо над магазином мистера Брэдфорда, где я купил свою первую гитару. Эта студия — детище местного антрепренера Дейва Вуда, что помогал группе Lindisfarne в самом начале ее пути к известности и славе. Это единственная со времен Animals местная группа, добившаяся успеха на общенациональном уровне. Студия довольно примитивна, но в ней есть все необходимое. Через некоторое время она станет довольно известной благодаря записям нескольких ансамблей, работающих в стиле хэви-метал.

Мистер Брэдфорд давно умер, и окна его магазина, забитые досками, выглядят невыносимо тоскливо. Я вспоминаю,

195

каким волшебным местом казался мне этот магазин в детстве но теперь его дверной проем неаккуратно заклеен старыми газетами, и, заглядывая в щели между досками, чувствуешь себя так, словно смотришь в пустую могилу. Такое ощущение, что весь город медленно и мучительно умирает. Заказы на строительство танкеров, благодаря которым работала верфь и существовал сам город, постепенно иссякли. Кораблестроительная промышленность была перехвачена обильно финансируемыми корейскими и японскими консорциумами, а сотни квалифицированных английских рабочих стали жертвами массовых увольнений. Несколько вакансий ремонтников едва ли может хватить на трудоустройство такого количества рабочей силы. На берегу реки, куда сходятся все улицы города с их типовыми домами, больше не видно громадных стальных судов, заслоняющих солнце. Производство, которое росло и создавалось веками, было оставлено на произвол судьбы и погибло почти в одночасье, а целые судостроительные коллективы города были выброшены на улицу, обреченные на безработицу. Шумная, суетливая Хай-стрит моего детства превратилась в пустынный ряд заброшенных магазинов. Мой отец с его бизнесом пострадал от этого экономического спада так же, как и все остальные крупные и мелкие предприниматели. Экономические процессы довершили то, что не удалось когда-то немецким бомбардировщикам. Из Уоллсенда как будто вынули живое бьющееся сердце, он стал похож на город-призрак, а граффити на деревянных стенах музыкального магазина Брэдфорда кажутся эпитафией ушедшей эпохе. Кинотеатр «Гомон» закрылся много лет назад, и недолгое время его помещение занимал клуб под названием «Manhole», где выступали разные музыкальные группы. Этот клуб пользовался ужасной репутацией, потому что там торговали амфетаминами и регулярно происходили криминальные разборки. Кинотеатр «Риц» превратился в зал для игры в бинго. И вот, поднимаясь со своей бас-гитарой по каменным ступеням в студию, я размышлял об иронии

196

судьбы, приведшей меня для первой студийной записи именно в «Гомон», где еще витает тень мистера Брэдфорда с его волчьей пастью и немыслимым произношением.

Первые кассеты Last Exit — это не более чем записи неуверенной, неопытной группы музыкантов, работающих без продюсера. В этих записях не слышно ни грубой внутренней силы природного таланта, ни наивного обаяния музыкальной нелепицы. Кассеты зафиксировали лишь скучные, банальные свидетельства некоторого профессионализма и явной подражательности. Если мы и обладаем каким-то потенциалом как музыкальный коллектив, то все признаки этого потенциала благополучно растворились где-то в ацетате, покрывающем магнитную ленту. Нам не удалось зафиксировать даже малой доли того огня, который наша группа излучает при «живой» игре. Искусство звукозаписи постигается медленно, и новизна его заставила нас с Джерри подчиниться тактике сдержанного и благопристойного исполнения, за которую ратовали наши мудрые старшие товарищи. Я был горько разочарован результатом, но держал свое мнение при себе, не желая слишком сильно раскачивать лодку. В дальнейшем, когда нас снова будут записывать в студии,

мы с Джерри постараемся управлять процессом самостоятельно и постепенно приблизимся к истинному звучанию своей музыки.

Между тем наши публичные выступления становятся все успешнее, и вскоре мы получаем награду за свои усилия. Энди Хадсону удастся раздобыть для нас приглашение в Сан-Себастьян, на джазовый фестиваль, который будет проходить в Испании, в Стране Басков. Биг-бэнд весьма удачно выступил на этом фестивале два года назад, и с тех пор у Энди остались связи с его организаторами. Фестиваль должен начаться через неделю, ближе к концу июля. Это потрясающее известие: мы впервые будем выступать за границей. Наши новоиспеченные администраторы, Пол и Джим, тоже в восторге. С этой поездкой даже их собственная

197

мечта получает какое-то развитие. По их подсчетам, на то, чтобы добраться до Испании вместе со всем нашим оборудованием, потребуется три дня. Мы не желаем связываться с заполнением таможенных деклараций, поэтому принимаем решение замаскировать свое оборудование под обыкновенные походные принадлежности. Полу и Джиму предстоит проявить немалое мужество и провезти этот груз через таможенный контроль. Я предлагаю им для пущей достоверности повязать на голову банданы и заучить слова гимна «Viva Espana». Мое предложение не встречает одобрения, вероятно, еще и потому, что сам я не поеду вместе со всеми, а прилечу в Сан-Себастьян на самолете. Три дня, которые требуются на дорогу, как раз совпадают с тремя последними днями школьной четверти, и, поскольку я уже и так повинен в огромном количестве пропусков из-за своей работы в театре, я не смею до такой степени злоупотреблять добротой сестры Рут. Разумеется, все остальные считают, что я важничая. И хотя я оплачиваю билет из собственного кармана, атмосфера в группе накаляется. Джерри предстоит трястись в фургоне вместе с нашими администраторами и «походными принадлежностями», а Ронни и Джон поедут в машине Ронни.

Первый год моей учительской работы оказался довольно успешным. Меня не уволили, я не перестал быть действующим музыкантом, научился более профессионально вести себя на сцене и делал все, чтобы мечта об успехе Last Exit стала реальностью. Я договорился с Фрэнсис, что приеду в Лондон сразу после фестиваля, чтобы провести с ней остаток лета. Поднимаясь в небо из аэропорта Ньюкасла и направляясь в Испанию, я воображаю, что и моя карьера наконец движется в нужном направлении. Берега реки Тайн скрываются за облаками, а мы устремляемся к солнцу. Viva Espana!

Если мой перелет с посадками в Лондоне и Париже прошел довольно благополучно, то путь, который пришлось проделать моим товарищам, обернулся жестокой одиссеей

198

из бесконечных поломок, стояния в многочасовых пробках без кондиционера и всяких абсурдных неприятностей, достойных самого Дон-Кихота. Когда же мы наконец встречаемся, оказывается, что я стал еще большей *persona non grata*, чем прежде. Однако после вечера, проведенного вместе, и огромного количества выпитых коктейлей «Куба Либре» и сангрии я снова принят в компанию, и когда все приключения последних дней наконец пересказаны, мы, шатаясь, помогаем друг другу преодолеть четыре этажа до наших комнат в мансарде пансиона. Это восхождение дается нам с таким трудом, словно мы покоряем Пиренеи. Поселились мы по трое в каждой комнате, и по-настоящему уснуть мне так и не удастся: во-первых, потому, что я перевозбужден, а во-вторых, из-за чудовищного храпа моих товарищей, периодически прерываемого еще более неприличными звуками. Когда же наутро испанское солнце врывается через окно в комнату, я уже страдаю от похмелья, и хотя мне по-прежнему кажется, что мы воюем с ветряными мельницами, я очень счастлив, что приехал сюда.

Крупные события фестиваля — Элла Фитцджеральд и Диззи Гиллеспи. Они выступают в субботу и воскресенье на огромном пригородном велодроме. Мы и еще несколько маленьких музыкальных коллективов со всей Европы будем играть в парке в историческом центре города, который представляет собой живописную неразбериху из переулков, уличных кафе и баров. Улицы гудят от ожидания. В этот вечер мы вместе с другими группами быстро проверяем инструменты, оборудование и качество звука, а потом начинается веселье.

Жители Сан-Себастьяна очень серьезно относятся к музыке, и у всех групп, выступающих сегодня в городском парке, большая аудитория заинтересованных зрителей. Яркий лунный луч прочерчивает свой путь по крышам домов, когда мы открываем нашу концертную программу. Это «The Tokyo Blues» Хораса Силвера — отличный шанс для Джерри блеснуть на своем синтезаторе, напоминая нам,

199

какой он прекрасный музыкант. В нашей группе он по-прежнему лидер, и все мы как-то успокаиваемся, увидев его в такой хорошей форме. Ронни управляется со своей ударной установкой так, что сыплются искры, а Джон извлекает из гитары звуки, достойные истинного мастера блюза, каковым он всегда и являлся. В таких условиях мне не остается ничего другого, как дать лучшее в моей жизни представление. После стольких недель выступлений в «Госфорте» мои связки стали податливыми и эластичными, а голос превратился в послушный инструмент. Я устремляю взгляд в белую пустоту прожектора и знаю, что даже если кому-то из слушателей не нравится мое пение, все равно — это мой голос, поющий неповторимую песню моей жизни, которая летит до самой луны и возвращается обратно.

На следующее утро испанские газеты отзываются о нас очень доброжелательно, а на первой странице одной из них помещена вполне удачная фотография нашей группы. Наш успех замечен, и нам предлагают еще неделю выступлений в Бильбао. Я так воодушевлен, что на радостях делаю попытку поднять нашего промоутера, который весит около трехсот фунтов. Через несколько секунд меня пронзает мучительная боль. Какой-то ужасный спазм скрутил мне поясницу.

В течение тех четырех часов, которые занимает у нас дорога до баскской столицы, каждая выбоина на шоссе заставляет меня сгибаться от боли, проклиная свою собственную глупость. Джерри — участливый, как всегда, — напоминает мне, что вечером нам предстоит выступить, причем играть мы должны не хуже, чем в Сан-Себастьяне. Я пытаюсь сосредоточиться на голубой горной цепи, которая пробегает за окнами автомобиля, пока наша маленькая автоколонна движется на запад. Несмотря на боль, какая-то часть меня хочет только одного: продолжать движение, переезжать из города в город, давать концерт за концертом, не думая, что будет потом, и это представляется лучшим противоядием от оседлой жизни, которая может легко захватить меня,

200

стоит ей только это позволить. Вероятно, образ именно той поездки вселил в меня настоящую страсть к путешествиям, которая вот уже двадцать пять лет носит меня по свету.

К тому моменту, когда мы заканчиваем установку своего оборудования в помещении маленького клуба, я едва держусь на ногах. Надевая ремень бас-гитары на свое левое плечо, я почти сгибаюсь пополам от боли. Мне совсем не хочется провалить выступление, подвести группу и промоутера, который поселил нас в своей большой квартире. Это, как я уже говорил, крупный мужчина, который чувствует долю своей вины в том, что со мной случилось. В Бильбао у него есть свой клуб и свой книжный магазин. Кроме того, он довольно заметная политическая фигура. В этом районе Испании существует некое полулегальное политическое движение, о котором нам рассказывают, хотя мы и не понимаем всех исторических и культурных составляющих происходящего. Местные жители говорят о гражданской войне и бомбардировке Герники так, словно это было вчера, а гражданская гвардия Франко воспринимается многими почти как оккупационные силы. Ужасающая агрессия, накопившаяся за последние годы, вот-вот выплеснется наружу, и любой разговор о политике вызывает тревожное чувство, но с нами обращаются предельно вежливо и гостеприимно.

Жена промоутера, увидев, что я страдаю от сильной боли, дает мне две таблетки валиума. До выступления остается час, а мне все не становится легче, однако в момент выхода на сцену я чувствую себя уже намного лучше, но лишь до той поры, пока не открываю рот. Поначалу слушатели выглядят ошеломленными, а потом немного удивленными, как будто решили, что английская группа, на которую они пришли посмотреть, изобрела какие-то новые странные формы в искусстве. К своему ужасу я обнаруживаю, что не могу контролировать высоту ни одной из тех нот, которые пою. Против моей воли голос поднимается, опускается, срывается, как сумасшедшая полицейская сирена,

201

превращая пение в катание на американских горках, где нелепые глиссандо сочетаются с атональной какофонией. Несколько особо чувствительных слушателей затыкают уши, другие — смеются, а некоторые очень серьезные личности явно считают, что так и задумано. Я оборачиваюсь к остальным членам группы и вижу их помрачневшие лица. Происходящее вовсе не кажется им забавным, да и особого сочувствия они ко мне не испытывают. «Это наркотики», — беспомощно пытаюсь пошутить я в промежутках между куплетами. Мы кое-как добираемся до конца злополучной песни, и Ронни на всю оставшуюся часть выступления берет на себя обязанности солиста. Мне ужасно стыдно, и я отправляюсь в постель, как только заканчивается

наше слегка урезанное выступление.

Через несколько дней, в рамках того же баскского фестиваля, состоится большой концерт на побережье под открытым небом. Здесь мы обретем свою прежнюю форму, несмотря на то что играть нам придется при чудовищных раскатах грома и сверкании молний, под сделанным второпях и абсолютно бесполезным навесом, который должен прикрывать сцену. После первых трех песен небеса разверзлись, небосвод прочертили яркие молнии, осветив его и превратив в купол, нависающий над окрестными холмами. Мы все вымокаем до нитки, как и наши зрители, которые как безумные танцуют под струями дождя, радуясь случаю встретить это стихийное бедствие в такой большой и веселой компании. У нас же нет другого выбора, как только продолжать играть, потому что прекратить шоу сейчас, в атмосфере такого дикого восторга, будет невежливо и малодушно. При этом я прекрасно осознаю, каким опасным может быть электрическое оборудование, если боги решат, что ты являешься подходящим проводником для разряда в миллион вольт. Пару лет назад меня сильно ударило током на сцене, когда я аккомпанировал какому-то комическому артисту в ночном клубе. Мне повезло тогда, что я остался в живых. Я хорошо помню, как смеялись зрители,

202

когда меня бросило на пол. Они решили, что это часть представления. Увы, это было не так.

С тех самых пор я начал относиться к пению как к своего рода молитве, и в тот вечер в Испании мое пение было обращено к небу. В нем сгустилось столько энергии и сосредоточения, что в конце концов оно умиротворило богов. Гроза стихает, и ее рокот раздается где-то в отдалении. Мы спасены, но наше оборудование безнадежно промокло под гигантским, но совершенно бесполезным брезентовым навесом. Вот теперь, после стольких злоключений, его действительно не отличишь от походного снаряжения. У нас нет денег на его замену, мы можем только молиться, чтобы оно успело высохнуть ко времени нашего возвращения в Англию.

Когда наша испанская кампания заканчивается, я, гордый, загорелый, жизнерадостный, с целым багажом историй, как победных, так и позорных, приезжаю в Лондон, чтобы провести с Фрэнсис остаток лета. Эти недели, проведенные в Лондоне, приведут меня в необыкновенное воодушевление, как будто сам воздух этого города пронизан невидимой энергией. Сидя в черных лондонских такси, я высовываю голову в окно, как собака, чтобы как следует надышаться этим необыкновенным воздухом, словно вместе с ним я вдыхаю сам успех. Фрэнсис думает, что я сошел с ума, но мне доставляет наслаждение даже спертый воздух метро, когда мы дожидаемся поезда, который отвезет нас в Вест-Энд сквозь тоннель, заклеенный плакатами с рекламой фильмов. Мне интересны все: уличные актеры, нищие — так много людей, и у каждого своя история. Я всей кожей впитываю атмосферу большого города.

Это время, проведенное в Лондоне, окончательно убедит меня, что будущее у нашей группы может быть только здесь, и то же самое можно сказать о наших отношениях с Фрэнсис. Эти два направления моей жизни каким-то непостижимым и сложным образом связались друг с другом,

203

как два элемента в алхимическом эксперименте, а Лондон станет тем магическим тиглем, где наши мечты сольются и воплотятся в жизнь. В головокружительном вихре любви, новизны и восторга мы с Фрэнсис ходим повсюду: мы смотрим спектакли и мюзиклы, слушаем классические концерты, бродим по галереям, пабам и клубам, где выступают рок-группы. Я возвращаюсь в Ньюкасл с решением как можно скорее перевезти Last Exit из защищенности нашей тихой северной заводи в южный водоем более внушительных размеров. Мы возобновляем свои выступления в отеле «Госфорт», а я начинаю второй год работы в качестве школьного учителя, но теперь у меня есть цель. Я знаю, что вся моя дальнейшая жизнь будет определяться тем, добьюсь ли я успеха или потерплю неудачу в ее достижении.

Испанский дождь действительно вывел из строя значительную часть нашего оборудования, поэтому мы начинаем выделять суммы на его замену из своей выручки. Нам удастся в рассрочку купить новые усилители и несколько новых микрофонов. В связи с этой покупкой между нами возникает небольшой спор: мои товарищи считают, что деньги за нее, как и за новую бас-гитару, я должен выплачивать сам, потому что большая часть песен исполняется мной. Но я, уверенный в себе как никогда прежде, энергично возражаю против такого подхода, и, видя мою решимость, остальные уступают.

Кроме того, нам необходима хорошая запись нашей группы, чтобы иметь возможность предъявлять себя в Лондоне, получить там работу и сотрудничать со столичными студиями звукозаписи. Для меня все планы относительно будущего нашей группы отныне будут связаны с

городом, чье имя превратится в мантру на моих губах. Джерри понимает и разделяет ход моих мыслей, но Джон и Ронни полны молчаливого скептицизма. Я чувствую их несогласие, даже если они не говорят ни слова. Конечно, у них есть их ипотечные платежи и привычный образ жизни, и мне, по

204

крайней мере, понятны причины их сдержанного отношения к моим планам. Но если они воображают, что слава сама постучится к ним в дверь без всяких усилий с их стороны, то их мечты еще более нелепы и несбыточны, чем мои. Мы добились отличных результатов как музыкальная группа, но здесь, в Ньюкасле, нас все равно никто не заметит. Дело не только в том, что я поставил себе цель, но и в том, что время неумолимо уходит.

Местные средства массовой информации начинают обращать на нас внимание. У нас берут интервью на BBC Radio Newcastle, и этой зимой Фил Сатклифф, сотрудник лондонской музыкальной газеты *Sounds*, напишет о нас в обзоре выступления группы Osibisa, с которой нам однажды довелось играть в концертном зале Политехнического института. Я помню свой восторг при виде названия нашей группы, упомянутого в самом конце этого обзора, и мысль, которая пришла мне тогда в голову: «Ну вот, наконец заметили и нас, крохотную частицу во вселенной музыкального бизнеса». Я каким-то особенно бодрым шагом возвращаюсь из газетного киоска в школу, на дневные уроки. Я еще не знаю, что Филу Сатклиффу суждено оказать большое влияние на дальнейшее течение моей жизни.

Проходя в школьные ворота, я замечаю незнакомую машину на автостоянке, а рядом с ней — растрепанного мужчину, который нервно курит и беспокойно прохаживается у дверей школы, как будто боится войти. Это мой отец. Он выглядит так, словно не спал несколько дней, а если спал, то где-нибудь под забором или на заднем сиденье своей машины. Занавески на окнах учительской раздвигаются. Я не хочу, чтобы кто-то из учителей видел моего отца в таком состоянии. До начала урока остается полчаса, и я быстро увлекаю его вверх по лестнице, где находится мой собственный класс. Отец садится на один из маленьких детских стульев и закуривает еще одну сигарету. У него покрасневшие глаза и жалкий, грустный вид. Он просит,

205

чтобы я приютил его на время, пока он не «разберется сам с собой». Мне становится ясно, что напряжение в отношениях между ним и моей матерью достигло предела и он всерьез задумывается о разводе. Мне кажется, что он пришел спросить моего разрешения, хотя ничего не говорит об этом.

— Почему именно сейчас? — спрашиваю я. — Что случилось?

Он смотрит в окно с видом человека, которому ужасно неловко. Кажется, что он не хочет больше об этом говорить, но вдруг взрывается, как будто выплескивает желчь из своих легких:

— Я нашел несколько писем, адресованных твоей матери.

Между мной и отцом столько невысказанного, годы и годы отрицания и замалчивания очевидного. Мы предпочитали носить шоры, но не признавать правду. Если начинать разговор с самого начала, он окажется слишком длинным и слишком мучительным для нас обоих. Вероятно, ему проще сделать вид, что любовная связь моей матери — это совершенно новая ситуация, как будто он не хочет признавать, что все эти годы мы жили в окружении лжи.

Он отчаянно пытается сохранить чувство собственного достоинства как мужчина, отец и муж, но даже его смелости не хватает на то, чтобы признать, что его дети тоже страдали.

Я поддаюсь на эту невысказанную мольбу, потому что давно научился понимать молчание отца не хуже, чем слова, но я не спрашиваю его, что было в письмах. Мне не хочется продолжать эту игру в загадки. Все, что я могу сделать, — это помолчать вместе с ним, глядя в окно на проезжающие по шоссе машины. Он нуждается в моей помощи и поддержке, но его страдание говорит о том, что он все еще любит мою мать, что то мучение, которое растянулось на столько лет его жизни, вот-вот раздавит его. Я прижимаю его к груди, пытаюсь погладить по голове, как будто это он — мой ребенок, и даю ему ключи от квартиры. Потом я смотрю

206

на него из окна, вспоминая, каким гордым и смелым был когда-то этот человек, который теперь с трудом, как инвалид, садится в свою машину и выезжает со школьного двора, одинокий, потерянный и сломленный. Кто научит меня, как ему помочь?

Совершенно новая для меня обязанность развлекать отца, который теперь живет со мной, оказывается более приятной, чем я ожидал. Мы вместе ходим в паб, где, выпив, отец немного приободряется, смеется и рассказывает мне истории о старых добрых временах.

— Ты знаешь, что ты был зачат в Озерном округе?

— Нет, папа, этого я не знал, — отвечаю я с некоторой неловкостью.

— Но это именно так, — продолжает он. — Знаешь, мы с Одри часто ездили на выходные в Кесвик. Еще до того, как поженились.

Не то чтобы отец подмигивает мне, говоря это, но вывод напрашивается сам собой. Мне совершенно безразлично, на какой стороне одеяла я был зачат, но я понимаю, что отец хочет перенестись вместе со мной в те места, где он был счастлив с моей матерью и любим ею. В сущности, все его рассказы крутятся около его отношений с матерью, как птицы, которые кружат около башни. Главной трагедией его жизни стало то, что он любил ее, а она любила другого. Конечно, я мог бы сказать ему, что, если бы он любил ее больше или, по крайней мере, не стыдился бы проявлять свою любовь, все могло бы обернуться иначе, но, с другой стороны, я уже знаю, что жизнь и любовь слишком сложные вещи и не укладываются в прокрустово ложе простых формул. Поэтому я не прерываю его ностальгии.

Через несколько дней он вернется домой, я надеюсь, немного окрепнув духом, чтобы снова длить то тягостное состояние псевдопокоя, которое он поддерживал на протяжении всего периода «холодной войны» между ним и матерью. Я представляю обычное молчание отца и растущее день ото дня раздражение матери. Оба они как будто обречены

207

без конца исполнять какой-то меланхолический танец под грустный аккомпанемент расстроенной скрипки, которая постоянно фальшивит.

Мое собственное отношение к матери колеблется между гневом и обожанием, и эта дикая амплитуда не укладывается у меня в голове. Какая-то часть меня хочет утешить и успокоить ее, но в то же время сидящий во мне поборник нравственности хочет наказать ее. Это то самое скрытое и в большой степени бессознательное раздражение, которое будет окрашивать и отравлять все мои отношения с женщинами. Моя мать была первой властительницей моего воображения, и потому я очень предан ей, но в то же время я с детства привык думать, что она предала меня. Архетип «падшей женщины», соединившись с образом музы, создал в моем подсознании драматическую коллизию, которая, с одной стороны, вдохновляла меня на творчество, а с другой — обрекала на провал любые эмоциональные обязательства и обещания, которые я когда-либо хотел сдержать.

Мама по-прежнему поддерживает отношения с Деборой, которая, как она мне сообщает, работает медсестрой в госпитале для душевнобольных. Но мама месяцами и годами будет скрывать от меня, что через очень короткое время Дебора и сама станет пациенткой психиатрической лечебницы с диагнозом «тяжелая клиническая депрессия».

Когда я впервые привожу Фрэнсис к нам домой, мне приятно видеть, что мама немного боится ее. Одна из причин, почему мне так нравится Фрэнсис, заключается в том, что трудно представить себе женщину, более непохожую на мою мать. Отец, конечно, сразу проникается к Фрэнсис обожанием, а Одри несколько смущена. Фрэнсис явно не из тех, кого можно взять под свое крыло. Это совсем не Дебора. В ней очень много истинно женского, и Одри в очередной раз чувствует себя побежденной. К тому же Фрэнсис только что получила главную роль в телесериале, и это придает ей — по крайней мере в нашем доме — нечто вроде божественного статуса. Конечно, мне немного страшно

208

представлять это высшее существо моим очаровательным, но беспомощным родителям, однако вообще-то у меня нет другого выбора. Мне достаточно трудно переделывать самого себя, не переделывая при этом собственных родителей. Но с маленькой аудиторией Фрэнсис справляется не хуже, чем с большой, и своим очарованием ей удастся добиться от них игры, вполне приемлемой для актеров второго состава. Хотелось бы только знать, сколько продлится вся эта пьеса. Если я собираюсь строить долгие и прочные отношения с Фрэнсис, то строиться они должны не на тех основаниях, которые завещаны мне моими родителями. Потому что под внешним обликом благополучной семьи, покоящейся на твердой почве, скрывается вулкан, постоянно грозящий перевернуть все семейное здание вверх дном и сбросить его в море.

В то время я считал, что смогу отказаться от нежелательного наследия своей семьи при помощи силы воли или честолюбия, а Фрэнсис поможет мне в этом превращении. Я попросту не хотел верить, что нельзя оставить за бортом то, что я перенял от своих родителей.

1975 год закончится на хорошей и плохой ноте одновременно. Фил Сатклифф выберет нас как одну из групп, которая наверняка прославится в наступающем году. «Приготовьтесь узнать в 1976 году» — гласит заголовок, и среди дюжины других многообещающих групп значится имя нашей:

Last Exit. Плохие же новости заключаются в том, что Джон Хедли, герой моего детства, ушел из нашей группы и устроился на работу в театр Sunderland Empire. Тот факт, что он сидит в оркестровой яме и аккомпанирует мюзиклу «Кот в сапогах», только добавляет абсурда этому горькому и печальному событию.

Вот так дела! Серьезный общенациональный журнал выбрал нас среди тысяч музыкальных групп, предвещая нам успех, а наш гитарист отправился аккомпанировать детскому мюзиклу. Невозможно поверить. Но я не могу осуждать

209

Джона. Слишком уж хорошие деньги ему обещали, а заработков в Last Exit едва хватает на жизнь человеку, которому надо выплачивать ипотеку и расплачиваться за купленный автомобиль. И тем не менее у меня внутри чувство опустошенности и страха. Неужели пузырь лопнул и мечта, которую мы так долго лелеяли и так упорно воплощали в жизнь последние несколько лет, так никогда и не сбудется?

К счастью, Джерри выводит меня из подавленного состояния. Если я впал в отчаяние и не знаю, что делать дальше, то Джерри взбешен и убежден, что возникшее перед нами препятствие не только не губительно для нашего общего дела, но открывает новые возможности. У нас по-прежнему есть наш зал в «Госфорте», и сегодня вечером мы будем выступать там в качестве трио. «У нас получится, чего бы нам это ни стоило».

В моей музыкальной карьере было много памятных выступлений, но самые запоминающиеся из них происходили, как правило, в условиях, весьма далеких от совершенства, а то и попросту неблагоприятных, когда приходилось играть не на жизнь, а на смерть, преодолевая неожиданные препятствия.

Выступления с Last Exit в составе трио подготовили меня к моей дальнейшей работе в группе Police. Играя в составе трио, я научусь ценить пустое пространство кристальной чистоты, существующее между музыкальными частотами, которое более крупные оркестры вынуждены заполнять. Состав группы, ограниченный тремя инструментами, требует от каждого музыканта более напряженного труда и большей ответственности. К тому же это помогает помнить о великих предшественниках, таких как трио Хендрикса и группа Cream. Потому что такие ограничения напоминают о главном принципе, о символе веры из катехизиса маленьких групп: «чем меньше, тем больше».

Выступление нашего трио обернулось в тот вечер потрясающим, невероятным триумфом. Нам удалось зажечь наших слушателей, и я подумал, что для того, чтобы про-

210

держаться в этом бизнесе больше пяти минут, мне придется быть стойким, учиться не падать духом и уметь приспосабливаться к новой ситуации.

Мы будем выступать в качестве трио около двух месяцев, но я привык сочинять песни, ориентируясь на гитару, вдохновляясь ее звучанием. Поэтому многое из написанного трудно переложить для клавишных.

Мне совершенно не хочется самому исполнять партию гитары, я дорожу своей ролью басиста. И тогда, поразмыслив обо всем серьезно, мы решаем принять в группу нового человека.

Не желая просить Джона о возвращении после того, как он сбежал в театр, мы с Джерри принимаемся искать ему замену. Наш выбор останавливается на Терри Эллисе, солидном и уважаемом джазовом гитаристе, который на десять лет старше меня и Джерри, но он, безусловно, в состоянии оправдать наши надежды и как актер, и как музыкант, способный играть в любом стиле. Несмотря на то что Терри, конечно, соответствует нашим требованиям, его включение в наш маленький коллектив в значительной степени приближает нас к джазу и уводит от рок-н-ролла. Если Джон был неистовым и свободным музыкантом, который мог сыграть джаз, если ему этого хотелось, то Терри спокойный и рассудительный исполнитель, с некоторым снисхождением относящийся к рок-н-роллу. С его появлением во мне вновь пробуждается интерес к классической гитаре. Я надеюсь, что наша группа приспособится к его утонченному стилю, а он привыкнет к нашей манере исполнения. Тогда наша музыка станет сочетанием юной страсти и спокойной изысканности. И мечта не умрет.

Съемки сериала, в котором играла Фрэнсис, закончились, и, подыскивая себе новую работу, она весьма успешно берет на себя обязанности нашего менеджера, развернув бурную деятельность по содействию нашей группе. Она обзванивает все основные звукозаписывающие компании Лондона и договаривается о встрече с теми сотрудниками

211

этих фирм, которые заведуют подбором артистов и репертуара. Вооружившись новой, гораздо более удачной, чем предыдущая, кассетой Last Exit, она использует все свое обаяние, чтобы открыть для нас двери Island Records, Chrysalis, Pye, Charisma, Virgin, EMI, A&M, Arista, Decca, а также издательств и фирм по распространению билетов. Кроме того, она рассылает наши кассеты по пабам и клубам с живой музыкой, расположенным в окрестностях мегаполиса. Это гигантская работа, которую Фрэнсис проделывает одна и совершенно бесплатно. И это при том, что ей еще нужно успеть на свои собственные встречи и прослушивания. Разговаривая с ней по телефону из Ньюкасла, я слышу в ее голосе радостное возбуждение и решимость. Ее воодушевляет сложность задачи, которую она взялась решать. Но почему успешная молодая актриса решила посвятить себя малоизвестному музыкальному коллективу, живущему в трехстах километрах от столицы?

Частичный ответ заключается в том, что она верит в нас. А если мы не сможем ничего добиться или, по крайней мере, не попытаемся добиться чего-то в Лондоне, тогда наши с ней отношения едва ли имеют какое-то будущее при необходимости постоянно преодолевать такие расстояния между двумя городами. Отчасти же дело может быть в том, что она любит меня и, если нашим отношениям суждено развиваться и дальше, не хочет оказаться рядом с музыкантом-неудачником. Кроме того, ей, вероятно, нравится играть эту роль. Фрэнсис не похожа на большинство просителей, которые в огромном количестве умоляюще скребутся в двери звукозаписывающих компаний. Если она, такая эффектная женщина, верит в нас, значит, в нас, музыкантах, наверное, что-то есть, пусть наши кассеты и не производят сногшибательного впечатления. Некоторые компании проявляют достаточный интерес (возможно, скорее к ней, чем к нам), чтобы предложить прислать своего представителя в Ньюкасл или прийти на наше выступление, если мы даем концерты в Лондоне, или, по крайней мере, выра-

212

жают желание послушать другие наши кассеты. Дэйв Ди, бывший полицейский, а затем солист групп Dave Dee, Dozy, Beaky, Mick & Tich, известный такими хитами шестидесятых, как «Bend It» и «Zabadak», ныне заведует подбором музыкантов и репертуара в Atlantic Records. Наша кассета показалась ему достаточно интересной, и он изъявил желание услышать и другие наши работы.

Фрэнсис позвонила нам и сообщила адрес Atlantic Records, объяснив, что мы должны выслать туда кассету с самыми новыми песнями, после чего она организует нам личную встречу с сотрудниками компании. Мы с Джерри с радостью отправляем в Лондон кассету и через несколько дней получаем неожиданный ответ. Он гласит:

Парни!

В следующий раз, когда вы захотите, чтобы я послушал вашу музыку, не забудьте прислать саму кассету. Весьма трудно судить о музыкальных достоинствах пустой коробки.

С наилучшими пожеланиями. Дэйв Ди.

Мы с Джерри слишком смущены, чтобы послать еще одну кассету.

Одна из компаний, куда Фрэнсис отсылает нашу кассету, — компания Sherry/Copeland. Эта компания сыграет важную роль в моей дальнейшей жизни, но на этот раз мы не получаем ответа.

Начинается вечер, и я стою в будке телефона-автомата на Хитон-Холл-роуд. Я только что положил трубку после разговора с Фрэнсис, которой я звонил в Лондон. Я смотрю на свое отражение в маленьком зеркале над телефонным аппаратом. Мне кажется, что за одну минуту я стал старше на несколько лет. Фрэнсис только что сказала мне, что через семь месяцев я стану отцом, и мне ясно, что, если я вообще намерен разбираться со своими чувствами, самое

213

время сделать это сейчас. Но я слишком ошеломлен и смущен, чтобы принимать какие-либо решения. Я продолжаю смотреть на себя в зеркало, недоумевая, что я должен чувствовать в такой ситуации. Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что в тот момент я узнал о приближении одного из самых прекрасных событий моей жизни — о скором рождении моего первого ребенка, этом чуде, дарованном его матери и мне, но как я мог тогда догадаться об этом? По стеклам телефонной будки начинает барабанить дождь, но я утрачиваю ощущение реальности. Я возвращаюсь домой, и ничто больше не кажется мне настоящим: ни моя жизнь, ни мои устремления, ни кирпичная кладка стены, ни шифер крыши, ни дождевая вода на тротуаре. Мне кажется, что я смотрю на себя с огромного расстояния, и в душе у меня нет ни одной эмоции.

Я стану ездить в Лондон каждые свободные выходные, стараясь более подробно представить себе очертания будущего, которое нас ожидает. В понедельник утром я буду во весь опор мчаться обратно на север, чтобы, проехав триста миль, все-таки успеть к школьному звонку, который звенит в девять часов. Я разрываюсь между своими мечтами о побеге и надвигающейся суровой действительностью, которая угрожает или поймать меня в свой капкан, или забросить в еще одну

неведомую вселенную. Но во мне есть какая-то упрямая жилка фаталиста, ощущение, что жребий брошен и что я приму все, уготованное мне судьбой. Фрэнсис, как ни странно, в конце концов соглашается выйти за меня замуж, и теперь я должен выстоять, я не имею права терять присутствие духа.

Несмотря на то что пара-тройка представителей звукозаписывающих компаний действительно приезжает в Ньюкасл, какой бы приманкой мы ни размахивали перед их носом — в виде песен, мастерского исполнения и каких бы то ни было обязательств, — на все это так никто и не клюет. Они с любопытством обнюхивают наживку, но не более того. Кроме того, в музыкальном мире наметились новые тенден-

214

ции. Наши настойчивые усилия добиться признания в большом городе совпадают со сменой основного течения в музыкальных вкусах нации. Это полемическая и мощная реакция на затихание всеобщего увлечения поп-музыкой, доминировавшей в семидесятые годы. Во главе нового движения такие анархические группы, как Sex Pistols, Damned, Eddie & Hot Rods. Эти группы исполняют рок-н-ролл в его агрессивном, изначальном виде и ориентируются на трехаккордные американские группы-молотилки, такие как New York Dolls, Stooges и Ramones. Между тем Last Exit, только что принявший в свои ряды «утонченного» джазового гитариста, так же далек от этого нового направления, как кучка неотесанных деревенщин, отчаянно пытающаяся произвести в городе запоздалый фурор, нарядившись по прошлогодней моде. И хотя я отвык любить такого рода музыку, всегда играя с более старшими и более изысканными музыкантами, я каждой клеткой своего тела чувствую сильнейшую энергию, исходящую от групп нового типа. Агрессия, которая есть в такой музыке, возможно, представляет собой не более чем грубый актерский трюк, но это вполне эффективное средство для борьбы со спокойным самодовольством, которое, словно дымовая завеса, повисло над всем музыкальным бизнесом.

В этой новой атмосфере нам трудно заинтересовать собой звукозаписывающие компании, которые, кажется, считают нашу музыку слишком сложной для нынешних вкусов. Они вежливо заверяют нас, что наша музыка достойна высокой оценки, но все-таки мы — не то, что они ищут. Единственная компания, которая проявляет к нам искренний интерес, — это Virgin Publishing, часть расцветающей империи Ричарда Брэнсона. Начальнице издательского отдела этой фирмы, маленькой блондинке по имени Кэрол Уилсон, понравилась песня «I Burn for You», нежный вальс, который я написал для Фрэнсис и который имел такую популярность среди наших слушателей в отеле «Госфорт». Это ласковая романтическая песня, которая с таким же

215

успехом могла бы быть мадригалом, исполняемым под лютию — настолько она далека от современной моды на хриплые гимны, кипящие недовольством. Несмотря на это, Кэрол все-таки хочет, чтобы мы приехали в Лондон и записали несколько песен с перспективой быть включенными в издательский план компании, что, возможно, повлечет за собой заключение контракта со студией звукозаписи.

Нечего и говорить, что мы на седьмом небе от счастья. Оплаченной дороги до Лондона, перспективы записываться на большой студии, да и просто серьезного отношения к нам со стороны еще одного столичного жителя вполне достаточно, чтобы вскружить нам головы. Запись должна состояться за четыре дня до моей свадьбы — как будто судьбоносно совпали две родственные романтические мечты, которые я лелеял вот уже более года.

Как оказалось, студия Pathway в Ислингтоне, в Северном Лондоне, — отнюдь не цитадель высоких технологий, как мы воображали себе, мчась на юг по шоссе M1 во взятом напрокат фургоне. В сущности, она мало чем отличается от знакомой нам студии в Уоллсенде. Pathway — это крошечная комната с пультовой еще более скромных размеров. Унылые обрывки звукоизоляционной обшивки неряшливо свисают со стен, а грязный потертый ковер заляпан пятнами и прожжен окурками. Мы сразу же чувствуем себя как дома и немедленно приступаем к работе, записывая по десять песен в день. Мы просто играем свою музыку так, как будто даем живой концерт, совершенно не используя многодорожечную запись для того, чтобы обработать звук. Получается сырая, правдивая музыка, но ей явно не хватает студийного блеска, истинной силы и густоты. Инженер-звукооператор несколько удивлен, что нам за столь короткое время удалось записать такое количество песен, но мы со своей самоуверенностью и провинциальными представлениями страстно хотим продемонстрировать многогранность своего творчества. Если бы мы были более опытными, мы догадались бы, что разнообразие — это со-

216

всем не то, что ценится в индустрии звукозаписи. Здесь ищут чего-то единственного в своем роде, неповторимо свежего. Мы еще не успели понять, что многосторонность хороша для ночных клубов и музыкантов-поденщиков, но не для популярных артистов.

Следующий день приносит нам сразу и удачу и неудачу. Несмотря на несовершенство записанных нами кассет, Кэрол удается расслышать определенные достоинства в наших песнях, и она предлагает нам заключить издательский договор. Это договор «пятьдесят на пятьдесят», что означает: звукозаписывающая компания берет себе половину прибыли, которую приносят записанные песни. Например, прибыль, полученная от продажи кассеты, делится пополам между исполнителем и автором песен. А затем издатель берет себе половину доли автора. Поскольку мы впервые сотрудничаем со звукозаписывающей компанией, все это кажется нам не очень важным. Единственное, чего мы хотим, — это чтобы кто-нибудь помог нам выбиться в люди, и если для этого необходимо отдать пятьдесят процентов не существующей пока прибыли, то пусть так и будет. Нам говорят, что это стандартная форма, и поскольку ни один из нас не видел издательского договора никогда прежде, мы вполне довольны, считая, что делаем важный шаг в сторону осуществления своей мечты.

Чтобы отпраздновать начало сотрудничества, Кэрол приглашает нас отобедать в маленьком ресторане в Ноттинг-Хилле, прямо за углом студии Virgin, на Портобеллороуд. Она говорит, что после обеда отнесет наши пробные кассеты в отдел звукозаписи, и мы все ощущаем уверенность, что при поддержке издательского крыла компании звукозаписывающее крыло, несомненно, отнесется к нам с вниманием, если даже не подпишет договор немедленно. Мы наивно предвкушаем заключение со звукозаписывающей компанией такого контракта, который позволит нам перенести все наше предприятие в Лондон, найти подходящее место для жизни, купить фургон и новое оборудование.

217

Только звукозаписывающая компания может обеспечить нас этим. Единственное, что может предоставить нам издательский отдел на условиях «пятьдесят на пятьдесят», — это бесплатное пользование студией Pathway.

Мы возвращаемся в офис во второй половине дня, и Кэрол сообщает нам плохие новости. Звукозаписывающая компания отказалась работать с нами. Мы — это не то, что им нужно. Кэрол выглядит искренне расстроенной, но мы принимаем известие довольно бодро, как будто ожидали чего-то подобного. Внезапно все наши надежды начинают казаться явно преувеличенными. Кэрол обещает, что, если мы подпишем издательский договор, она будет продолжать содействовать нам. Она попытается найти возможности для наших выступлений в Лондоне и обратится в другие звукозаписывающие компании с просьбой послушать наши демонстрационные кассеты. Кроме того, она советует нам попросить нашего юриста просмотреть договор, прежде чем мы подпишем его. Всю долгую дорогу до Ньюкасла мы сжимаем издательский договор, как нечто вроде военного трофея. Деревенские пейзажи быстро исчезают за окнами, подобно нашим грандиозным надеждам, и Джерри начинает тихо смеяться.

— Что смешного? — спрашиваю я.

— Мне смешно, что Кэрол могла подумать, будто у нас есть такая штука, как этот чертов юрист. Мне не хватает даже на ночной горшок, не то что на этого чертова юриста. За кого, черт возьми, она нас принимает?

Я киваю в знак молчаливого согласия, как и Джерри, начиная все больше проникаться реальностью.

— У меня есть юрист, — довольно напыщенно заявляет Ронни с заднего сиденья фургона. Говоря это, он допивает третью бутылку пива Carlsberg. — Я отнесу ему договор прямо в понедельник утром, и он как следует посмотрит его.

— Ерунда! — говорит Джерри. — Это все равно что выбрасывать деньги на ветер. Пей лучше свое пиво и не возникай.

218

— Это совсем не ерунда, — угрюмо отвечает Ронни, — это деловая хватка, которая у вас обоих начисто отсутствует. Что ты об этом думаешь, Терри?

Терри, еще один умудренный опытом старец, спит как дитя, тесно прижавшись лицом к окну фургона.

Уже четыре часа я за рулем, мы почти достигли конца шоссе М1, до Ньюкасла нам осталось не более ста миль. В этот момент просыпается Терри.

— Что ты об этом думаешь, Терри?

— О чем?

— Об этом чертовом контракте.

— Я не знаю. А ты что думаешь, Стинг?

— Ну, я только что представил себе, что через шесть лет, когда мы продадим миллионы кассет по всему миру, договор «пятьдесят на пятьдесят» превратится в миллионы и миллионы фунтов, доставшихся Virgin Publishing всего лишь за несколько бесплатных часов в Pathway Studios, и нам придется подавать в суд на Ричарда Брэнсона и тратить при этом большие деньги, чтобы только вернуть себе наши бесценные авторские права.

— Заткнись, Стинг, — раздраженно говорит Джерри. Наш спор длится весь остаток пути, но в конце концов

мы все сходимся на том, что нищие не выбирают, что никто другой все равно не обратит на нас внимания и что нам еще повезло, так как в Лондоне есть кому за нас похлопотать. Мы соглашаемся на предложение Ронни показать юристу наш контракт, что он и обещает сделать в ближайший понедельник после моей свадьбы.

Однако Ронни забывает сообщить нам, что его юрист ни разу в жизни не видел договоров, связанных с музыкой, и, будучи прекрасным специалистом по сделкам с недвижимостью, имеет столько же опыта в обсуждении условий и процентов, обозначенных в издательском договоре, сколько в распутывании таинственных сложностей церковного права. Итак, когда Ронни выносит наш контракт на суд своего гениального правоведа, тот с любопытством

219

просматривает его, пожимает плечами и заявляет, что не находит там ничего подозрительного. И вот, ободренные и обнадеженные советом лучшего из юристов, который взял за консультацию всего лишь двадцать фунтов, абсолютно убежденные, что нас не обманывают, мы по всем правилам подписываем контракт «пятьдесят на пятьдесят». Продолжится эта история уже в суде.

В последний вечер перед свадьбой мы устраиваем небольшую встречу в гостиной старого отеля «Гранд» на берегу моря. Гости, которых пригласила Фрэнсис, поселились в этой гостинице на время праздника. Это Джо Томелти с женой и несколько друзей-актеров из Лондона. Джо сидит у горящего камина в большом кожаном кресле. Он выглядит опытным и бывалым, уверенно опирается на свою трость, румяный и бодрый, с широкой улыбкой, копной седых волос и такими же пронзительными темными глазами, как у его дочери. Лена кажется более сдержанной, даже немного застенчивой, и начисто лишена актерских черт.

Мои родители смотрятся как нельзя лучше, хотя и выглядят до смешного молодыми, как юные актеры, играющие пожилых людей, и меня пронзает мысль, что они всегда выглядели именно так. Разумеется, они на целое поколение младше, чем родители Фрэнсис, но я с грустью замечаю, что их желание выглядеть благополучной семьей шито белыми нитками.

Мой симпатичный младший брат Фил наблюдает происходящее с саркастичной отстраненностью елизаветинского распутника, присутствующего на театральном представлении. Для него это всего лишь любопытное, но едва ли увлекательное зрелище. Может быть, он сомневается, что я справлюсь? Он ничего не говорит и потягивает свое пиво. Он пьет за мое здоровье, молча поднимая бокал, когда я смотрю на него, и слегка усмехается.

Мой шафер — Кит Галлахер. Нашей дружбе уже больше десяти лет. Уйдя из школы в пятнадцать лет, он пошел работать подмастерьем в компанию Parson, огромную фирму

220

в Байкере, занимающуюся инженерным делом. Он начинал с должности простого рабочего, закончил вечернюю школу и в конце концов достиг высокой квалификации в машиностроении. Это человек, который поистине всего добился сам. Уже много лет он является моим героем и главным вдохновителем моих музыкальных устремлений. Кит всегда верил в меня, даже тогда, когда больше никто не верил, вот почему я выбрал его своим шафером. Вот и теперь, когда я, первый среди моих друзей-ровесников, вступаю в брак, Кит снова поддерживает меня, как некоего начинателя.

Джерри и все члены нашей группы тоже присутствуют здесь, а также некоторые музыканты из Phoenix и Big Band. Мы собираемся вокруг пианино, и я пою несколько песен для моей невесты. Затем я возвращаюсь в дом своих родителей, абсолютно трезвый.

Церковь св. Павла — это обычная приходская церковь, окна которой выходят на берег реки Тайн, которая непоколебимо несет свои воды в грозную, волнующуюся пучину Северного моря. Рядом с церковью у реки стоит памятник, поставленный в честь местного героя, великого адмирала Коллингвуда, который был заместителем главнокомандующего при Нельсоне, во время

Трафальгарской битвы. Сегодня великолепный ясный северный день, дует легкий юго-западный морской ветер и небо похоже на громадный полупрозрачный голубой купол. У меня в ушах звучит главное наставление Нельсона, когда мы с Китом целеустремленно и со значительным видом входим на церковный двор. Оно гласит, что Англия ждет от каждого человека достойного исполнения своего долга; и мы ее не подведем.

Нашу свадьбу нельзя назвать пышной, но церковь выглядит очень красиво, украшенная весенними цветами и освещенная лучами утреннего солнца, проникающими сквозь оконные витражи. На мне синий вельветовый костюм с галстуком, я взволнован и счастлив. В кармане у Кита лежит кольцо, которое я неделю назад купил на рынке в Портобелло. Я знаю, что кольцо в полной сохранности,

221

потому что специально попросил Кита проверить карманы, пока мы ехали в машине. При этом Кит почему-то выглядит даже более взволнованным, чем я, как будто ему, а не мне, предстоит пройти этот странный ритуал.

Джерри исполняет на старом церковном органе несколько двухголосных инвенций Баха, которые он старательно репетировал всю предыдущую неделю. Он изо всех сил давит на педали, чтобы сохранить полноту звука, и лицо его исполнено честолюбивой решимости доиграть до конца, не сделав ни одной ошибки.

Церковь заполнена на треть. Родственники и друзья Фрэнсис стоят с одной стороны алтаря, мои — с другой. Когда мы с Китом шагаем по центральному проходу, я замечаю во втором ряду знакомого пса по кличке Баттонс. На нем — большой ошейник из синего вельвета, и морда у пса такая несчастная, словно кто-то украл у него сахарную косточку. Я сочувственно глажу его по голове, но он угрожающе рычит на меня, и Лена пытается его утихомирить.

Моя мама уже плачет и одновременно пытается улыбнуться. Ее лицо опухло, а глаза блестят от слез. Отец устремил бесстрастный взгляд на распятие над алтарем. Бабушка светится от удовольствия, что ей представился случай надеть новую шляпку, а старина Том выглядит недовольным и, видимо, предпочел бы сейчас оказаться в каком-нибудь другом месте. Тем не менее и он сделал над собой усилие: на голове его красуется аккуратный пробор.

Мы с Китом ждем, и в этот момент я принимаю решение, что приложу всю силу воли, чтобы наш с Фрэнсис брак не повторил историю брака моих родителей. Несгибаемый Джерри принимается за очередную прелюдию, но она неожиданно обрывается именно в тот момент, когда невеста и ее отец появляются в дверном проеме. Наш незадачливый органист, не растерявшись, на ходу импровизирует величественный марш, под который они идут к алтарю. Фрэнсис одета в простое белое платье, а ее темные волосы укра-

222

шены скромными цветами. Она смотрит мне прямо в глаза. Теперь уже все присутствующие повернулись к входящим. Мама начинает плакать еще сильнее. Лена сочувственно смотрит на нее с другой стороны центрального прохода. Джо Томелти решительно шагает рука об руку со своей дочерью, излучая благожелательность на всех собравшихся.

Священник проводит церемонию на одном дыхании, и, если не считать маленькой заминки, когда Кит пытается нащупать кольцо в своем кармане, все проходит гладко. Фрэнсис произносит свои обеты с уверенностью актрисы, и я стараюсь ей соответствовать. Когда мы, уже в качестве мужа и жены, направляемся по центральному проходу к выходу из церкви, Джерри больше не может сдерживаться и радостно начинает «The Tokyo Blues», оскорбив религиозные чувства присутствующих, но страшно порадовав меня.

Мы скромно отмечаем событие в ресторанчике через дорогу, и Джо произносит короткую речь со своим сценическим ирландским акцентом: «Мне сказали, — говорит он, — что, если мне когда-нибудь придется произносить подобную публичную речь, я должен буду встать, сказать и заткнуться!» Сказав это, он немедленно садится снова.

После нескольких речей с наилучшими пожеланиями, произнесенных людьми, не привыкшими говорить на публике, нам пора уезжать. Я, Фрэнсис и ее пес садимся в машину, а все остальные машут нам, стоя на тротуаре, словно мы отправляемся в атлантический вояж. На самом деле нам предстоит проехать шестьдесят миль на север к замку Бамбург. Одна ночь в маленьком отеле — это все, что мы можем себе позволить в качестве медового месяца. Зато из окон нашей комнаты виден величественный замок на древней скале вулканического происхождения, возвышающийся между спокойным свинцового цвета морем и песчаными дюнами. Замок был построен саксонским королем по имени Ида. Именно здесь Роман Поланский снял своего «Макбета». Отсюда всего несколько миль до священного острова

223

Линдисфарн. Крепость, возвышающаяся на вершине скалы, — драматический символ мощи и стойкости, а также жестоких поворотов истории. Вот почему это, вероятно, не самое романтическое место для начала брака. Тем не менее, этот образ навсегда останется со мной, а его двусмысленность станет яснее с годами. Кроме того, Бамбург — это родина Грейс Дарлинг, еще одной морской знаменитости. Она рисковала своей жизнью, во время ужасного шторма выйдя в открытое море, чтобы спасти оставшуюся в живых команду парусника, разбившегося о камни к югу от здешних островов. В девятнадцатом веке каждую годовщину этого события отмечали, как праздник, а Грейс превратилась в олицетворение женского героизма. Маленькая лодка по-прежнему находится в местном музее и выглядит слишком хрупкой, чтобы противостоять морской стихии и выдержать сильнейший шторм. Образ этой лодочки тоже останется со мной навсегда.

Мне странно ощущать нас мужем и женой, как будто мы вдруг снова стали чужими людьми. Мы снова чувствуем какое-то смущение, страх, недоверие друг к другу, несмотря на то, что в церкви и в присутствии членов наших семей мы играли свои роли с такой уверенностью. Мы проводим весь день, гуляя по древнему церковному двору, рассматриваем старые, посеревшие от времени и дождей надгробные камни, окруженные кустами сирени, подсчитываем время жизни лежащих здесь людей. Некоторые из них прожили трагически мало, другие дожили до старости. Здесь лежат супруги, которые умерли в один год, друг за другом, как будто тому из них, кто остался один, не имело больше никакого смысла жить. Жизнь кажется такой случайной, такой преходящей. Мы оба осознаем, что игры закончились, что брак — это страшная ответственность и что нам придется быть очень внимательными друг к другу. Туча ненадолго закрывает солнце, поднимается холодный, северо-восточный ветер, который срывает цветки с кустов сирени и загоняет нас в дом.

224

7.

Я, наконец, принял решение, что работаю в школе последний семестр, а то, что к концу года должен родиться наш первый ребенок, еще больше убеждает меня в необходимости перебраться в Лондон. Наверное, люди с меньшим драйвом, чем Фрэнсис и я, по-другому отреагировали бы на новость о скором появлении ребенка. Наверное, нормальная супружеская пара сделала бы выбор в пользу стабильности, защищенности и надежной крыши над головой. Вместо этого беременность Фрэнсис вызывает во мне противоположную реакцию. Меня неумолимо тянет в дорогу, я воспринимаю случившееся как призыв к оружию, и если раньше меня пугала ответственность, которую накладывает на человека отцовство, то теперь мне кажется, что сейчас самое время довериться судьбе и вооружиться бесстрашием.

225

К тому же нельзя забывать, что время идет неумолимо, и если мы не совершим прорыв в этом году, то навсегда застрянем на одном месте.

Между тем нашей группе предложено участвовать в очередной постановке Университетского театра. Это снова рок-мюзикл на библейский сюжет, на сей раз с пророческим названием «Адское пламя». В нашей группе его очень быстро сокращают до простого: «Ад». Сюжет строится вокруг вечного вопроса о борьбе добра со злом. Среди героев мюзикла есть как добрые, так и падшие ангелы. На добрых ангелах — роскошные костюмы из перьев и пуха. У них голые ноги и крылышки на лодыжках. Что касается падших ангелов, то они одеты по моде крутых байкеров. У них тоже открытые ноги в гигантских черных ботинках. Предводитель падших ангелов — актер-гей, играющий роль Люцифера. Он, кривляясь, двигается по сцене и всеми силами старается вовлечь хороших ангелов в некое действие, напоминающее мне дискотеку для гомосексуалистов. Однако у хороших ангелов есть свой харизматический лидер. Его играет тоже голубой, кривляющийся лишь немногим более пристойно, чем его сатанинский напарник. Эта новая версия небесной жизни противна любой логике и здравому смыслу, а также не имеет ничего общего с традиционной моралью. Бога играет голубой нигериец по имени Крис шести футов ростом. Он сидит на возвышении, над головами остальных актеров, и грозным басом поет: «Я есмь, я есмь», но, к сожалению, часто фальшивит. Почему всю эту псевдорелигиозную бессмыслицу необходимо представлять в виде двух беснующихся дискотек, хорошей и плохой, я так никогда и не узнаю. А между тем мы заключили контракт на шесть недель выступлений. И, хотя мюзикл «Рождение рока» никак не назовешь гениальным произведением, чудовищное фиаско, которое мы теперь

наблюдаем, ставит «Рождение рока» в один ряд с шедеврами Верди.

После первой недели репетиций я, как начинающая проститутка на вторую ночь работы, осознаю, что делаю это

226

исключительно из-за денег. Мой отец всегда предостерегал меня от опасности оказаться в яме. Конечно, он имел в виду шахту, а не оркестровую яму или глубины ада, хотя между этими местами есть определенное сходство. Однако деньги не пахнут. К тому же шестьдесят фунтов в неделю вдобавок к моему учительскому жалованию составляют приличную сумму, а ввиду скорого рождения нашего ребенка представляется весьма благоразумным отложить какие-то деньги про запас. Тем более, что скоро я собираюсь увольняться со своей единственной постоянной работы.

Фрэнсис отказалась от своей лондонской квартиры и переехала в наш с Джерри холостяцкий хаос, но присутствие женщины очень скоро послужило на пользу нашему жилищу. Я выкрасил стены нашей спальни белой краской, а пол — голубой. Фрэнсис купила новое постельное белье и новые занавески. Квартира приобрела новый вид, как будто только что после ремонта, и мы начали понемногу покупать мебель, потому что старую мы по глупости сожгли прошлой зимой, когда у нас закончился уголь. Однажды у нас произошла весьма неловкая встреча с хозяйкой, которая в одно воскресное утро чудесным образом застала нас дома впервые за последние два года, потому что именно сегодня отменилось мое обычное дневное выступление с биг-бэндом. В самом деле, я не видел хозяйку с тех самых пор, как мы с Меган притворились мужем и женой, чтобы она согласилась сдать квартиру. Потом я всегда оставлял плату за квартиру наверху, у Джима и Стэф. Домовладелица, которая действительно выглядит в точности как лидер оппозиции Ее Величества миссис Тэтчер, желает по прошествии столь долгого времени увидеть свою собственность. Слава Богу, что теперь это место выглядит лучше, чем несколько месяцев назад. Кажется, хозяйка удовлетворена осмотром, и я уже собираюсь вежливо с ней попрощаться, когда в квартиру входит Фрэнсис, которая выходила на несколько минут купить газету и представляется моей женой. Домовладелица, мягко говоря, смущена. Фрэнсис абсолютно не похожа на Меган. В сущности, трудно найти

227

более непохожих женщин. Фрэнсис продолжает обезоруживающе улыбаться, а домовладелица со все возрастающей озадаченностью переводит взгляд с нее на меня и обратно.

— Она покрасила волосы, — говорю я, чтобы предложить хоть какое-то объяснение.

Теперь озадаченный вид уже у Фрэнсис:

— Нет, я не...

— До следующего месяца, миссис Тэтч...ер, хорошо? — Я быстро сбегая по лестнице и мне удастся закрыть за ней дверь прежде, чем она успевает возразить и тем самым вывести ситуацию из-под моего контроля. Фрэнсис все еще смотрит на меня странным взглядом, когда сквозь новые занавески я замечаю, что домовладелица остановилась на дорожке, ведущей от дома, и поворачивается, как будто раздумывает, не вернуться ли ей назад.

Пожалуйста, не надо...

К счастью, она меняет свое решение и все-таки садится в машину, покачивая головой и бросая недоуменные взгляды в сторону дома. Потом она уезжает.

Джерри, который до этого момента мирно спал, даже не являясь при этом официальным жильцом нашей квартиры, появляется в гостиной в одном из своих немислимых халатов и чалме из шарфа, обмотанного вокруг головы. Он выглядит, как призрак Боба Марли.

— Кто это был?

— Миссис Тэтчер.

— Черт, я совсем забыл.

— И я тоже.

Фрэнсис все еще улыбается, но выражение ее лица говорит о том, что она ждет каких-то объяснений.

Мы с Джерри отвечаем хором, как будто сговорились: «Только не задавай никаких вопросов!»

«Адское пламя» будет пожирать нас до середины июня, пока мы не рассоримся с актерами, которые считают нас виноватыми в том, что у них не получается двигаться в такт

228

музыке. Они начинают топтать по сцене у нас над головой своими ногами, у одних — крылатыми, у других — обутыми в тяжелые ботинки, доказывая, что это у нас, а не у них не получается

держат темп. Но так как нами руководит звукорежиссер с белой дирижерской палочкой и метрономом, едва ли мы способны делать больше того, что делаем. Теперь, когда актеры демонстративно перестали с нами разговаривать, а мой роман с театром подошел к концу, я осознаю, что последний раз работаю в оркестровой яме.

Мы возвращаемся на свое старое место в отеле «Госфорт», где играем по средам, но теперь мы, кроме того, начинаем выступать по понедельникам в отеле «Ньютон-парк». Энди Хадсон стал для нас кем-то вроде ангела-хранителя, обеспечив нам несколько выступлений на Ньюкаслском фестивале. Самое серьезное из них — выступление на разогреве публики перед Аланом Прайсом в Сити-Холле. Представители нескольких лондонских фирм обещали приехать, чтобы посмотреть, как мы работаем. Фрэнсис с помощью Кэрол Уилсон продолжает разыскивать звукозаписывающие компании, которые заинтересовались бы сотрудничеством с нами.

Роль местной музыкальной группы, сопровождающей выступление знаменитости, незавидная. Вы как будто превращаетесь в представителей какого-то древнего, додемократического социального типа, который, казалось бы, давно упразднен вместе с рабовладельческим строем. Попав в эту социальную прослойку, вы начинаете чувствовать себя низшей кастой, кем-то вроде неприкасаемых, убогих незаметных людей, которых никто ни во что не ставит. Однако мало кто из артистов, добившихся большого успеха, не испытал в свое время этого унижения, подвергая такому жестокому испытанию свое чувствительное честолюбие с единственной целью — постоять в свете рампы и на несколько минут привлечь к себе внимание зала.

Суровые факты тем не менее таковы: сто процентов слушателей пришли смотреть совсем не на тебя, а преданность

229

и любовь тех, кто заплатил за вход, относится исключительно к приезжей звезде. Эта невероятная восторженность, очень лестная для звезды, одновременно исключает малейшую возможность того, что кто-нибудь заинтересуется и будет слушать местную группу. Скорее всего, все зрители будут спокойно потягивать легкое пиво в баре, пока вы будете уныло тянуть свои прочувствованные песни в пустом зале с глухой акустикой.

Как низшую касту вас будут редко допускать к общению со знаменитостью и даже с ее приближенными, но вам неизбежно придется иметь дело с гастрольными администраторами из свиты приезжей звезды, если вы хотите, чтобы вам удалось вовремя разместить свое музыкальное оборудование на сцене и вовремя его убрать. Гастрольные администраторы, которые по большей части «злы, грубы и немногословны», если воспользоваться цитатой из Гоббса, знают, что и они тоже принадлежат к низшей касте, но все же их положение не такое низкое, как ваше. Эта разница позволяет им проявлять по отношению к вам свойственное только людям умение делать жизнь ближнего еще более невыносимой, чем своя собственная. Я видел, как оборудование без церемоний сбрасывали со сцены, как его сметали в сторону, словно какой-то сор. В таких ситуациях мне доводилось слышать слова, в возможность которых я никогда не поверил бы прежде: «Убери отсюда это дерьмо», — и усилитель, ради которого я столько пахал и так долго откладывал деньги, летит куда-то за кулисы, а на сцену аккуратно выносят новехонькое, по последнему слову техники оборудование приезжей знаменитости. И подобно тому, как в средние века власти предержащие подчиняли себе народ, торгуя индульгенциями, эти несчастные крепостные администраторы норовят проявить свою ничтожную власть именно тогда, когда вам нужно проверить свое оборудование.

Начинать выступление, не проверив предварительно, исправно ли ваше оборудование, столь же безрассудно, как выпрыгивать из самолета, не проверив, в порядке ли пара-

230

шют. Оборудование должно работать, вы должны быть в состоянии слышать себя и остальных членов группы. Настройка всего этого занимает определенное время.

Обычно оборудование приезжей звезды появляется где-то в середине дня. Гастрольные администраторы знаменитости начинают с демонстративной важностью возиться с этим последним словом техники, чудесными устройствами, которые словно прибыли из будущего. Они продолжают с важным видом устанавливать эту удивительную технику, пока, наконец, не соблаговолит появиться звезда, чтобы проверить исправность оборудования и звук. Звезда неизменно опаздывает, если появляется вообще, и крепостные — прямо по Гоббсу — продолжают делать вид, что настраивают оборудование, буквально до последней минуты перед началом концерта, а у вас практически не остается времени, чтобы убедиться, что ваши старомодные устройства по крайней мере работают. Это далеко не самые благоприятные условия, если вы

хотите подготовиться к ответственному выступлению, которое должно впечатлить представителей звукозаписывающих компаний.

На этот раз приезжая знаменитость — Алан Прайс, бывший клавишник группы Animals — все-таки прибыл и начал проверку своего драгоценного оборудования. Он безупречно одет в строгий льняной костюм, у него сдержанный, космополитичный и абсолютно непрístupный вид. Конечно, всем известно, что он родом из наших мест, что вырос он в городке Джарроу, но он уже много лет не живет здесь. (Если вы помните, именно его место за столом я унаследовал в офисе налогового ведомства.) Мистер Прайс — отличный музыкант, и вот он начинает готовить свою группу к выступлению. Он изменяет некоторые аранжировки, проверяет динамики и микрофоны, репетирует новый номер. Мы терпеливо ждем за кулисами, сидя на своем собственном оборудовании, а тем временем неумолимо надвигается час начала выступления. Алан Прайс еще раз повторяет новый номер, после чего возникают какие-то проблемы

231

с его синтезатором, и, прежде чем группа снова приступает к репетиции, идет долгая возня с починкой синтезатора. Разумеется, никому нет дела до наших потребностей, а часовая стрелка безжалостно приближается к назначенному часу. Когда Алан Прайс и его ребята в очередной раз приступают к репетиции нового номера, мы с Джерри начинаем нетерпеливо ерзать на своих потрепанных динамиках. Крепостные приезжей знаменитости смотрят на нас с самодовольным видом, который должен выражать, что они ничем не могут нам помочь. «Мастер работает, ему нельзя мешать», — как будто говорят они каждым своим движением. Но вдруг я становлюсь свидетелем сцены, которую никогда не забуду.

Фрэнсис, которая неделю назад приехала из Лондона и в этот момент наблюдала репетицию мистера Прайса из зрительного зала, внезапно встает со своего места и уверенно направляется к сцене на своих высоких каблуках. Ее беременность все еще не видна, и она выглядит очень поделовому, когда смотрит на свои часы, поднимаясь на сцену по ступенькам. Ее вид ясно говорит о том, что если подчиненные звезды даже помыслят о том, чтобы преградить ей дорогу, они сделают тем самым ужасную ошибку. Мы с Джерри не можем поверить своим глазам, и не меньше нас поражены подчиненные Алана Прайса. Мы все застыли с открытыми ртами. У нее такой впечатляющий, изящный, элегантный вид, что ее просто невозможно грубо прогнать. Когда она приближается к пианино, которое стоит в центре сцены, на ее лице появляется непроницаемая маска уверенного в себе обаяния, и когда мистер Прайс наконец поднимает голову, я вижу по его лицу, что в первый момент он шокирован, а потом всерьез заинтригован.

— Что, черт возьми, она делает? — спрашивает Джерри, едва дыша.

Я так напуган, что не в состоянии что-либо ему ответить. Мистер Прайс известен своей вспыльчивостью. Вот и теперь он старается изобразить сердитый вид, но у него

232

попросту не получается — таким всепобеждающим обаянием обладает Фрэнсис. Она говорит тихо, мы не можем слышать ее, но видим, как она уверенным жестом указывает на свои часы, а потом на нас, ожидающих своего часа на краю сцены. Внезапно мистер Прайс превращается из разгневанного начальника в покладистого школьника, который желает угодить учителю. Он закрывает крышку фортепьяно и велит своему оркестру уйти со сцены, чтобы мы смогли проверить свое оборудование. Угрюмые администраторы закрывают свои бесценные приборы черными чехлами, а мы с Джерри радостно выносим на сцену хаммондовский электроорган. Мы чуть не танцуем от радости, когда гордо устанавливаем свое оборудование перед пианино мистера Прайса. Тем временем Фрэнсис возвращается на свое место, и я благодарно шепчу ей со сцены одними губами: «Спасибо, я люблю тебя».

Как и ожидалось, мы играем для фактически пустого зала, но в числе зрителей присутствует несколько представителей звукозаписывающих компаний. Люди из Island Records, Virgin и A&M сидят вместе с Фрэнсис в первом ряду. Мы играем очень хорошо, мне удастся не обращать внимания на пустые места, и я пою, стоя в луче рампы и воображая, что передо мной семидесятитысячная толпа зрителей. Отрезвление наступает только когда я замолкаю, и раздаются жидкие, почти неслышные аплодисменты.

Мы уходим со сцены, довольные тем, что сделали все от нас зависящее, а зал тем временем наполняется в ожидании основного зрелища. Через несколько минут за кулисами появляется Фрэнсис с представителями звукозаписывающих фирм.

Мы получаем сдержанные поздравления по поводу нашего выступления, которых тем не менее достаточно, чтобы дать нам понять: мы его не провалили.

«Вы определенно делаете успехи», — говорит один. «О, да, явные успехи», — говорит другой. «Несомненно», — говорит третий.

233

Затем воцаряется неловкая тишина, которая несколько затягивается, но никто не решается ее прервать. Все начинают проявлять несвоевременный интерес к своим шнуркам и плакатам на стенах, пока, наконец, человек из компании Island не произносит: «Однако, — мы напрягаемся, — вам все-таки не удалось по-настоящему завести аудиторию, не правда ли?»

— Вы и были этой чертовой аудиторией! — говорит Джерри.

— Да, — рассеянно отвечает он, — это были мы.

До конца школьной четверти остается лишь несколько недель, когда я сообщаю доброй сестре Рут, что больше не буду работать в школе. Она немного обескуражена, увидев мое заявление об увольнении, хотя некоторое напряжение между нами появилось еще раньше, в течение четверти, когда моя работа в мюзикле «Адское пламя» постоянно мешала исполнению учительских обязанностей. Сестра Рут неизменно шла мне навстречу, к большому раздражению со стороны других учителей и, вероятно, ожидала в ответ некоторой признательности. Мне всегда бросалось в глаза, что в ее характере есть что-то шаловливо детское, и то напряжение, которое существовало между ней и остальными учительницами — замужними женщинами, имеющими детей, — в значительной степени проистекало от разницы характеров и жизненного опыта. Она ощущала себя гораздо более счастливой в компании детей, чем в обществе коллег, и то же самое можно было сказать обо мне самом. Последние два года я пытался объяснить ей, что не считаю профессию учителя делом своей жизни, что музыка является моей истинной страстью, но она никогда не могла понять, как музыка может быть чем-то большим, чем просто увлечением. Все это время она потворствовала моим фантазиям, потому что хорошо относилась ко мне, а возможно, потому, что мое необычное поведение казалось ей забавным и хотя бы немного избавляло ее от одиночества. Когда же

234

добрая сестра Рут осознала, что я всерьез решил уйти из школы, несмотря даже на скорое рождение моего ребенка, она решила предъявить свой последний аргумент. Грустно покачивая головой с выражением человека, который уже не знает, что сказать, она напоминает мне:

— Но тогда вы не будете получать пособие.

Я смотрю в окно, на поле для спортивных игр, на фургоны и грузовики, мчащиеся по шоссе в южном направлении. Какое-то время я не говорю ни слова.

— Простите, сестра. Я действительно хочу так поступить. В этот день мне очень весело с детьми, и в четыре часа

я отправляюсь обратно в Ньюкасл. Окна моего автомобиля открыты, и я пою во весь голос. Мое и без того приподнятое настроение становится еще лучше, когда во время вечерней репетиции нашей группы Ронни объявляет нам новости. Он раздобыл нам работу на лето. Мы будем играть на круизном судне компании P&O, и это позволит накопить немного денег для последнего прорыва в сторону Лондона, который мы планируем на конец этого года.

8.

Круизный теплоход «Ормана» отправляется из Саутгемптона семнадцатого июля, на следующий день после того, как я заканчиваю свою работу в школе. Мы будем развлекать пассажиров теплохода, называясь при этом не Last Exit, а трио Ронни Пирсона. Разумеется, это не означает никакого карьерного роста. Мы будем играть известные мелодии, ресторанный репертуар и старомодную танцевальную музыку, с которой мне довелось так близко познакомиться во время одного давнего выступления в компании двух старцев. Как бы то ни было, за все это обещают очень хорошие деньги, и Фрэнсис прекрасно понимает, что, хотя нам и придется надолго расстаться друг с другом, но теперь, когда она не работает, — ее муж просто обязан выйти в море и принести домой семейное пропитание. С тех пор как Фрэнсис забеременела, она из строгой вегетарианки превратилась

237

в неистовую плотоядную хищницу, так что мой заработок будет очень кстати. Я понемногу начинаю осознавать тот факт, что скоро у нас действительно будет ребенок, и мне очень трудно скрыть тревогу за наше будущее. Мы договариваемся встретиться в Лондоне, когда я закончу свою работу.

Ронни много раз работал на таких кораблях по всему миру. Он предупреждает, что мы должны

быть всегда хорошо одеты и очень вежливы с пассажирами. Мы с Джерри недоумеваем, почему он решил обратиться к нам с этим предупреждением. Но так как мы временно перестали быть группой Last Exit, превратившись в трио Ронни Пирсона, мы даем обещание соответствовать высоким требованиям нашего начальника.

— Капитан, вы можете протащить нас под килем или заставить пройти по перекладине мачты, но мы вас не подведем, — бодро чеканит мы, отдавая честь, и кланяемся Ронни в знак шуточного почтения.

Ронни совершенно не впечатлен нашим подражанием одноному Сильверу из «Острова сокровищ» и заявляет нам, что это серьезная работа за солидные деньги.

— Слушаемся, капитан! — рявкуют мы в ответ.

Итак, мы проходим медицинский осмотр, получаем страховые документы и становимся официальными членами Британского торгового флота.

«Ориана» была построена в 1957 году. Это судно водоизмещением сорок две тысячи тонн и примерно 360 метров длиной. Оно вмещает более двух тысяч пассажиров. Верхняя часть корабля выкрашена в сливочно-белый цвет. В этой машине шестнадцать этажей, семнадцать кают-компаний, одиннадцать прогулочных палуб, несколько бассейнов и один теннисный корт. Все это хозяйство обслуживает девятьсот членов экипажа, в том числе и мы.

Когда я вхожу по трапу на борт корабля с гитарным футляром в руке, настроение у меня приподнятое. Если бы только папа увидел меня сейчас! Он наконец-то смог бы гордиться мной.

238

Корабль похож на огромный плавучий город, разделенный на классы. Верхние палубы предназначаются только для пассажиров первого класса и старших офицеров; нижние палубы — для пассажиров второго класса, палубных матросов, обслуживающего персонала, поваров и уборщиков, а под всем этим скрываются обитатели огромного машинного отделения.

Мне отводят маленькую каюту в недрах корабля с одной койкой, без иллюминатора, с голыми металлическими стенами. Маленький человек с острова Гоа, что в Южной Индии, делает уборку в моей каюте и стирает мои вещи. Его зовут Майкл. Он рассказывает мне, что компания R&O сотрудничает с жителями острова Гоа и что он копит деньги на покупку гостиницы на своем родном острове. При этом ни ему, ни его соотечественникам не позволено подниматься на верхние палубы во время путешествия. Что касается музыкантов, то они имеют право совершенно свободно ходить по всему кораблю. Иногда мы начинаем с того, что играем за ужином у капитана, когда тот принимает гостей, а заканчиваем вечер на одной из нижних палуб, развлекая пассажиров второго класса.

Ронни берет на себя обязанности солиста, чему я очень рад, потому что репертуар мне почти не знаком. Я с большим удовольствием играю на своей бас-гитаре, хотя однажды, когда мне случилось допустить ошибку в одной из песен, Ронни набросился на меня и заявил, что я недостаточно серьезно отношусь к работе. Я прислушиваюсь к его замечанию, но он и вправду начинает вести себя, как капитан Блай.

Мы играем примерно по три раза в день в разных местах корабля, переносим свое оборудование из ресторанов в холлы, из холлов — на танцплощадки, а оттуда — в ночные клубы. Между выступлениями я провожу время за чтением, разыскав какое-нибудь укромное место на палубе. Я решил одолеть «Моби Дика» Мелвилла. С одной стороны, это достаточно «морская» книга, с другой — достаточно

239

непростая, чтобы растянуть ее на все путешествие. Я прочитываю один абзац, а потом принимаюсь мечтательно смотреть за борт, наблюдая, как свинцовые волны Ла-Манша постепенно переходят в голубизну Бискайского залива.

Именно здесь, в Бискайском заливе, нас застигает первый шторм. Весь день море выглядит беспокойным, но к вечеру начинается настоящее волнение. Корабль переваливается с одного бока на другой, и время от времени его резко бросает вперед. Мне повезло, что я никогда не был подвержен приступам морской болезни, но мы имеем несчастье играть в этот момент в зале для танцев на корме корабля, прямо над корабельными винтами, где качка сильнее всего. Ударная установка Ронни стоит на маленьком коврике, и пока мы играем, она ездит вперед-назад по гладкому деревянному полу по мере того, как весь корпус корабля переваливается с бока на бок. Мне самому удается раскачиваться вместе с бас-гитарой в такт корабельной качке, а Джерри привязал свой синтезатор, чтобы тот оставался на месте, но бедный Ронни практически не справляется со своей ударной установкой, которая двигается по всей сцене. Стоит ему потянуться

за микрофоном, чтобы начать петь, микрофон или удаляется от него, или, напротив, с бешеной скоростью несется ему навстречу, угрожая угодить прямо в лицо, которое, по понятным причинам, то заливается краской стыда, то зеленеет от морской болезни. Тем фактом, что Ронни вообще может играть в подобных обстоятельствах, он обязан только своим способностям ударника и бывалого моряка. Я не знаю, как долго еще мы сможем это выдержать. Временами я уверен, что слышу, как винты под нашими ногами страшно режут, поднимаясь над поверхностью воды. Несколько особенно храбрых пар, пытавшихся танцевать фокстрот, отказываются от своей затеи, и танцплощадка пустеет.

Старший стюард наблюдает за нашими мучениями из угла комнаты с выражением угрюмой издевки на лице. Потом он встает и направляется к нам через танцплощадку,

240

не обращая никакого внимания на чудовищную качку. Это выглядит чем-то сверхъестественным. Он шагает так, словно находится на суше, и стоит перед нами так невозможно, как будто остановился посреди Оксфорд-стрит. Это обстоятельство в сочетании с мрачным выражением его лица вызывает у меня легкую тошноту.

— Ладно, можете не играть, все равно никто не слушает. Он уже собирается уходить, когда его взгляд падает на мои ноги.

— Что это у тебя на ногах? Я тупо смотрю вниз:

— Теннисные туфли, сэр.

На его лице появляется зловещая усмешка, которая была бы вполне уместна на лице капитана Ахава при виде преследуемого им белого кита, но кажется странно неподходящей лицу старшего стюарда при виде пары теннисных туфель.

— И почему же мы их надели? — спрашивает он, одновременно убеждаясь, что все остальные обуты, как и положено, в черные туфли.

— Они удобнее, сэр.

— Мне нет никакого дела до того, удобные они или нет. Если я еще раз увижу их на тебе во время работы, я высажу тебя в Гибралтаре.

— Да, сэр.

Он уходит, пересекая танцплощадку таким же сверхъестественным образом, как и прежде. Теперь на меня обращается сердитый взгляд Ронни.

— Я же говорил тебе, что ты недостаточно серьезно относишься к работе. Теперь у него на нас зуб.

Весь остаток вечера корабль продолжает кидать из стороны в сторону, и я провожу беспокойную ночь в своей каюте. Мне снятся китобойное судно «Пекод» и белые теннисные туфли.

К утру шторм почти прекращается и я отправляюсь прогуляться по верхней палубе. Мне нравится в море. Мне нравится постоянное движение вперед, нравится думать, что

241

путешествие не кончится никогда. Воздух становится все теплее по мере того, как мы продвигаемся на юг, и я думаю о Фрэнсис, которая осталась там, в Англии. Когда она вышла замуж за такого, как я, ей пришлось от многого отказаться. Я думаю о ребенке, который растет у нее внутри, и о том, каким он будет. Я думаю о том, каким я буду отцом. Я не хочу, чтобы между мной и моим сыном установились такие же отношения, какие были у меня с моим собственным отцом. Мой отец угодил в ловушку — вот в чем все дело. Если я никогда не позволю себе попасть в такой же капкан, моя жизнь будет другой. Но потом я начинаю думать, что все эти рассуждения — безумие. Я просто должен продолжать движение и все — как этот корабль.

От размышлений меня отрывает Джерри, который направляется прямо ко мне. Он выглядит обеспокоенным.

— Ронни по-настоящему зол на тебя, — говорит он, нервно затягиваясь.

— Я знаю, — говорю я в ответ.

— Старший стюард вызвал его к себе в кабинет и сообщил, что сегодня мы не будем играть на верхней палубе. Он хочет, чтобы мы сыграли в кают-компании.

— Вот как?

— Ронни считает, что это нечто вроде наказания.

— Почему?

— Не знаю.

В этот вечер, когда далеко за бортом мерцают огни западного берега Испании, мы перетаскиваем

свое оборудование с палубы на палубу, все ниже и ниже, а потом несем его по узким лестничным пролетам, где уже нет дневного света, по длинным стальным коридорам с глухими переборками, пока, наконец, не попадаем в шумную, душную преисподнюю, имя которой машинное отделение. Мы идем по шаткому мостику над шестью массивными турбинами, построенными компанией Parson в Ньюкасле. Их совокупная мощность — восемьдесят тысяч лошадиных сил. Странно и нелепо выглядят музыкальные инструменты в машинном

242

отделении. Музыка и техника попросту не сочетаются друг с другом. Мы — чужаки в неведомой стране. Истопники смотрят на нас, подняв свои потные, ничего не выражающие лица, пока мы неловко пробираемся по узкому, ненадежному мостику с синтезатором наперевес. На той стороне мостика располагаются помещения для экипажа и обслуживающего персонала, а кают-компания представляет собой мрачную комнату с крошечной сценой у дальней стены. За одним столом жители острова Гоа увлеченно играют в карты, рядом двое каких-то парней бросают дротики в мишень. Когда мы вваливаемся в комнату со своим синтезатором, все бросают свои занятия, и десятки глаз устремляются на нас. На несколько секунд воцаряется тишина и возникает некоторое напряжение, но потом, словно по команде, все возвращаются к своим играм, словно нас не существует в природе.

— Милое местечко, — говорит Джерри, пытаясь выдавить из себя нечто вроде иронии, а сам тем временем оглядывается вокруг в тусклом свете голой электрической лампочки, свешивающейся с низкого металлического потолка.

— В Сандерленде нам доводилось играть в клубах и похуже, — напоминаю я ему.

Мы устанавливаем пианино, а затем проделываем обратный путь за ударной установкой. Мы снова проходим через машинное отделение, идем по длинным коридорам с переборками, поднимаемся по лестницам, пролет за пролетом, пока в наши легкие не врывается наконец свежий воздух верхних палуб.

К моменту нашего возвращения помещение кают-компании преобразуется. Голая электрическая лампочка заменяется крутящимся зеркальным шаром, какие бывают на дискотеках, и, несмотря на то, что вид у комнаты все еще мрачный, несколько светильников, мерцающих красным и синим светом, придают этому месту что-то праздничное и делают его похожим на пещеру. Пока мы настраиваем свои инструменты, люди с острова Гоа продолжают невозмутимо

243

играть в карты, не проявляя к нам ни малейшего интереса, но понемногу начинают прибывать остальные члены экипажа. Они выстраиваются вдоль стен кают-компании с бокалами в руках, и я замечаю, что среди них есть несколько женщин. Во всяком случае, мне кажется, что это женщины — ведь в комнате темно.

Мы начинаем с мелодичной музыки, чтобы немного разрядить обстановку, и исполняем джазовый вальс «Way Down East», сочинение Ларри Адлера. Это музыка для Джерри, и мне всегда нравилось, как он ее исполняет. Несколько пар начинают танцевать на площадке перед сценой. Только теперь я замечаю, что тела женщин, присутствие которых так порадовало меня некоторое время назад, испещрены татуировками, что у всех у них гигантские бицепсы и мускулистые бедра, странно выпирающие из-под китайских платьев с огромными разрезами, украшенных изображениями драконов, а ноги, обтянутые чулками, опираются на высоченные каблуки-шпильки. Среди них есть блондинки и брюнетки, а также одна странная рыжеволосая с тщательно сделанным макияжем, накладными ресницами, экстравагантными серьгами и чувственными красными губами.

Ронни выглядит так, будто он только этого и ожидал, и демонстрирует нечто вроде чопорного стоицизма, аккуратно прикасаясь палочками к своему драгоценному барабану, как надутый шеф-повар, взбивающий яйцо. Он все еще дуется на меня. Он думает, что это из-за меня мы все оказались здесь, хотя могли бы в это время развлекать гостей капитана в ресторане первого класса. Я давно уже привык к легкомысленному театральному сброду, я полюбил его эксцентричный юмор, искреннее актерское веселье, но здесь я увидел что-то другое, что-то куда более мрачное. Несмотря на женскую одежду и косметику, эти типы выглядят по-настоящему опасными. Ни один нормальный человек не стал бы с ними связываться из страха остаться с поломанными руками или ногами. Одна из пар,

244

танцующих прямо перед сценой, начинает немного меня волновать. На нем — старомодный наряд, состоящий из свитера с белыми и голубыми полосами, брюк-клеш и белого шейного

платка. Его лицо прорезано зловещим, жутким на вид шрамом, который начинается от носа, пересекает подбородок и тянется к мочке уха. «Она» одета в красное атласное платье в духе Сьюзи Вонг, на голове у нее темно-рыжий парик, лак на ногтях, а на ногах — черные чулки и красные туфли на высоких каблуках. Эти двое медленно танцуют прямо передо мной, и каждый раз, когда «она» поворачивается ко мне, на ее лице появляется похотливая гримаса — полужакрытые глаза и раздутые ноздри, как будто она пытается уловить мой запах. Когда поворачивается ее дружок, он устремляет на меня мрачный взгляд из-под своей единственной черной брови, и его шрам выглядит синевато-багровым, таким же, как тонкая, злая полоска его губ. Они продолжают танцевать, по очереди суля мне совращение и разрушение, как кружащийся двуликий Янус. Какая-то часть меня подозревает, что это привычная для них сцена, которую они разыгрывают, чтобы завести друг друга, другая часть меня готовится к битве, но вдруг краем глаза замечаю старшего стюарда и его сальную улыбку. Он сидит в дальнем углу комнаты и явно наслаждается зрелищем. Остальные члены группы, кажется, не замечают моего затруднительного положения. Я спрашиваю у Ронни разрешения спеть следующий номер, он соглашается, и мы начинаем «Friend of Mine» Билла Уизерса.

Я пою, потому что давно знаю по опыту, что пение помогает мне чувствовать себя бесстрашным, как будто нечто в самом акте воплощения песни голосом заставляет меня ощущать себя непобедимым. Кроме того, у меня в руках бас-гитара, и если начнется драка, она послужит мне таким же хорошим оружием, как до того служила инструментом. Тем не менее неспешная песня и теплые, лирические чувства, которые она навеивает, внезапно меняют атмосферу в комнате. Все начинают раскачиваться и пританцовывать,

245

а угрюмые любовники, топчущиеся перед сценой, кажется, наконец, чувствуют себя счастливыми. Люди с острова Гоа продолжают играть в карты, но, судя по всему, нам удалось пронять аудиторию, как во время лучших выступлений Last Exit. Старший стюард уползает обратно, на верхнюю палубу, а мы даем лучший концерт этого круиза.

Вскоре мы оказываемся в Средиземном море и держим курс прямо на восток через Гибралтар, мимо Геркулесовых столбов, Балеарских островов, юга Сицилии, а потом мимо греческих островов. Я сижу на палубе, в своем тихом углу, и смотрю на мифические острова, как будто это мираж, созданный падающим светом между золотыми морскими волнами и небом. Я думаю об Одиссее, который ищет дорогу к дому, и его жене Пенелопе, которая отвергает женихов и терпеливо ждет вместе со своим единственным сыном Телемаком, но мои раздумья внезапно прерываются объявлением по громкоговорящей связи, что ровно в семь часов вечера в холле второго класса состоится игра в бинго, после чего выступит таинственная Мадам Калипсо, женщина-змея со своим одноглазым питоном.

Выступив с таким успехом в кают-компании, где нам удалось показать свое истинное лицо, лицо Last Exit, мы чувствуем себя более уверенно, чтобы предпринять еще одну попытку. За день до того, как мы бросим якорь в турецком порту Измир, нам предстоит играть в большом танцевальном зале на корме корабля. Там будет большая и неоднородная толпа людей с большим количеством молодежи, так что можно рискнуть показать себя в истинном свете. Ронни находит это вполне логичным и соглашается изменить обычный план выступления.

Мы играем свежо, энергично, раскованно. При этом мы не играем громче, чем обычно — это только кажется. Скучающую, безразличную толпу охватывает искренний восторг. Особенно радуется молодежь у самой сцены, а потом веселое настроение распространяется по всему помещению. Мой голос в отличном состоянии, потому что большую

246

часть путешествия я лишь подпевал Ронни, в результате чего мои связки только окрепли. Я опять чувствую себя бесстрашным и непобедимым — чувство, из-за которого меня столько раз упрекали в высокомерии, но это лишь радость от пения, и сегодня мой вечер.

Мы играем сорок минут, и нам отвечают бурными аплодисментами, но во время перерыва старший стюард опять наносит нам визит. Он снова зол, потому что на мне по-прежнему мои теннисные туфли. Он показывает на группу пожилых дам за большим столом под хрустальной люстрой.

— Ты, Мистер Теннисные Туфли, ты больше не будешь сегодня петь, — угрожающе шипит он. — Ты оскорбляешь своим видом вон тех пожилых леди. — Сказав это, он обращает самую подобострастную и гнусную из улыбок к недовольным пожилым тетушкам, которые сидят под своей люстрой и кивают в знак согласия.

Мы снова надеваем маску оркестра, добросовестно развлекающего пассажиров теплохода. Молодая часть аудитории немедленно исчезает, и я решаю про себя, что в следующий раз, когда я буду петь на корабле, это будет, черт возьми, мой собственный корабль.

9.

«Одиссей» возвращается в конце лета, и беременность «Пенелопы», ждущей его в саутгемптонском порту со взятым напрокат фургоном, теперь очень хорошо видна. Это был один из самых жарких летних сезонов за весь период метеорологических наблюдений, и, должно быть, ей было тяжело носить весь этот дополнительный вес, но она прекрасно выглядит и очень рада меня видеть. Мы возвращаемся в Лондон, останавливаемся у ее подруги Пиппы в Баттерси, а на следующий день отправляемся в Ньюкасл, решив, что лучше всего перебраться в Лондон в начале нового года, хотя у меня нет ни малейшего представления, на что мы будем жить.

Наш последний сезон в Ньюкасле заполнен многочисленными выступлениями, география наших гастролей непрерывно разрастается, и порой нам случается играть в таких

249

удаленных местах, как Шеффилд и Лидс. Кэрол Уилсон даже организовала нам несколько лондонских выступлений: в баре отеля «Нэшвилл» в Западном Кенсингтоне, в Лондонской школе экономики и в «Dingwalls» в Кэмдене. Однако, хотя остатки корабельного заработка пока позволяют нам держаться на плаву, денег мы зарабатываем немного. Суровая реальность заключается в том, что у меня больше нет постоянного заработка, а Фрэнсис не может работать вовсе.

Впервые в жизни я всерьез начинаю вести дневник, пытаюсь, вероятно, как-то возвысить свои страхи и беспокойства до уровня прозы или поэзии. Мне кажется, что изложенные на бумаге, они превращаются просто в истории из прошлого, которые рассказывают, когда все плохое уже позади. Но чувствую я себя при этом как новобранец во время первого в своей жизни сражения. И, хотя местами в моих текстах слишком много пафоса, мне совсем не стыдно за их содержание.

Длинная осень позади, и сегодня вечером в воздухе ощущается жгучий балтийский холод. Наш ребенок зашевелился в материнском животе, а я слушаю гудение ветра в телефонных проводах над крышей дома и замечаю первые, еще хрупкие зимние звуки.

Наш сын, кажется, полон решимости прийти в этот мир, а мир еще не готов. И никак нельзя убедить его, что еще не время.

А, между тем, всего через три улицы от нас и только неделю назад какой-то мальчик был до смерти избит бандой скинхедов. Я думаю, они выбрали свою жертву наугад, и, придравшись к чему-то выдуманному и незначительному, оскорбленные его одиночеством, тем, что он отличается от них, толкнули его на землю и начали бить ногами по голове, как по футбольному мячу. Они навалились всей кучей, страхась убивать в одиночку, боясь остановиться, боясь задуматься о том, что делают, не слыша его криков, потому что их за-глушают слова безумной песни. Они нараспев твердят свои ужасные лозунги, нанося удар за ударом. Они выбивают ему глаз и половину зубов, превратив лицо в кровавое месиво, и какая-то кость пронзает лобные доли его мозга, они ломают ему ключицу, как хрупкую ветку, и продолжают,

250

продолжают бить, пока не открывается дверь какого-то дома или не проезжает машина, и тогда они бросаются бежать всей сворой, как собаки. Отстающие, которые не успевают за остальными в своих клоунских ботинках, рассыпаются по аркам и подворотням. Они пробегают мимо нашего дома, потом по железнодорожному мосту, где беспечно замедляют шаг, успокаивают дыхание, где к ним возвращается их дерзкий, наглый вид, и они осторожно расползаются по домам, по одному или по двое, а тем временем жизнь медленно утекает из тела их жертвы, и «скорая помощь» приезжает слишком поздно. Я не могу сдержать слез.

И все же мой мальчик уверенно нацелился в этот мир, спокойный, как артиллерийский снаряд, ожидающий своего часа, не спрашивая, готовы мы или нет.

В помещении отеля «Ньютон-парк», где мы выступаем, всего лишь несколько посетителей, которые поодиночке расселись по разным углам комнаты. По понедельникам всегда бывает так, но сегодня я совершенно не в себе и очень обеспокоен. Мне никак не удастся почувствовать музыку, а пение не способно вселить в меня обычную смелость.

Схватки начались сегодня днем. Сначала они были слабыми, а потом все сильнее и сильнее. Я привез Фрэнсис в Центральную больницу на Вест-роуд. Она выглядит спокойной и уверенной и, кажется, с радостью готова отпустить меня на работу, но я-то знаю, что это актерская привычка демонстрировать внешнюю невозмутимость, какая бы буря не происходила в это время у тебя внутри. Поэтому хотя Фрэнсис убеждает меня, что все будет в порядке, я чувствую сильное беспокойство. Дежурная сестра заверяет меня, что раньше полуночи все равно ничего не

произойдет, и выдворяет меня из комнаты как досадную помеху. После выступления ребята освобождают меня от моих обязанностей по перевозке оборудования, чтобы я мог поехать прямо в больницу. Я испытываю страх и радостное волнение одновременно и, как всегда, чтобы успокоиться, пытаюсь перенестись мыслями в будущее. Я делаю так в моменты стресса, представляя текущие трудности частью

251

истории, воспоминаниями, которым предаются, когда все самое трудное уже миновало. Я пытаюсь вообразить, как чувствует себя Фрэнсис с этим неведомым существом внутри ее тела. Уверена ли она, что хочет этого? Боится ли она? Или инстинкт взял свое? Может быть, в женском теле вырабатываются какие-то химические соединения, которые обеспечивают необходимое спокойствие и стоическое смирение с неизбежным, как будто акт рождения это своего рода смерть для той, которая рождает, отказ от собственного «я»? Но я всего лишь мужчина и могу только строить предположения о том, откуда берется такая смелость. Истины я не узнаю никогда.

Дорогу до больницы я знаю так хорошо, что мог бы доехать до нее с завязанными глазами. Целых семь лет я добирался этой дорогой до школы, а теперь — глядите-ка — вот-вот стану отцом.

Сестра заставляет меня какое-то время ждать в приемном покое. Судя по всему, она привыкла обращаться с мужчинами, как с надоедливymi детьми. Наконец, занавески, закрывающие кровать Фрэнсис, отодвинуты, и мне позволяют войти. Пока ничего не произошло, если не считать того, что схватки на время прекратились, но Фрэнсис — в отличной форме. Она говорит, что я выгляжу утомленным, и мне немного стыдно, что это она проходит через такое суровое испытание, а утомленным выгляжу я. Она улыбается, говорит, чтобы я шел домой, немного поспал, а с утра пораньше пришел навестить ее. Сестра заверяет меня, что до завтрашнего дня ничего нового не случится. Я ухожу из больницы, чувствуя себя бесполезным и подавленным. Я испытываю благоговение перед женщинами.

Когда я возвращаюсь домой, наше оборудование уже аккуратно сложено в прихожей, а Джерри с задумчивым видом потягивает пиво, сидя в кресле у камина. Он предлагает мне второе кресло, а я сообщаю ему последние новости из больницы. Потом мы сидим молча, погруженные каждый в свои мысли, и смотрим на огонь. Вероятно, потому,

252

что через пару месяцев мы с Фрэнсис перебираемся в Лондон, Джерри довольно оптимистично относится к непрестанному росту населения нашей квартиры. Ведь сначала здесь были только мы двое и музыкальное оборудование, потом появилась Фрэнсис со своим псом, а теперь еще и ребенок. Я уверен, что Джерри, так же, как и я, рад прикосновениям женских рук к нашему хозяйству, которое Фрэнсис за последнее время привела в порядок, но вскоре нашей квартире грозит перенаселение, и мы вынуждены будем идти на компромиссы. Однако ни одно из этих соображений не высказывается вслух. Мы просто сидим и, как всегда, потягиваем свое пиво при свете камина.

Мы с Джерри — странная пара. Мы близки, но не слишком. Мы хорошие друзья, но нас нельзя назвать неразлучными. Нас свела вместе наша общая цель, общая страсть к музыке. Нам было удобно вместе, потому что мы дополняли друг друга, но всегда между нами существовало какое-то легкое напряжение. Я знаю, что во мне есть вещи, которые невыносимо его раздражают, так же, как и у него есть качества, которых не переношу я. Мы разные — вот и все. Мы по-разному думаем, по-разному реагируем. Сколько раз мой мечтательный оптимизм по поводу будущего вдребезги разбивался о его резкую, приземленную прямооту. Наши жизненные программы совпадали в течение очень долгого времени, но теперь они начинают расходиться.

Для меня наши отношения начались как своего рода ученичество, но теперь что-то меняется. Как музыкант Джерри, без сомнения, превосходит меня, и вряд ли я вообще когда-либо достигну его уровня в музыке. Джерри только наполовину шутит, когда говорит, что если бы он умел петь, то просто выгнал бы меня из группы. Однако он, пусть нехотя, но все же отдает должное песням, которые я пишу последнее время. Признает он и то, что мне все чаще удается найти для них адекватную манеру исполнения. Мой успех вызывает в нем радость и досаду одновременно. Мне нравится состязательный дух, который царит в наших отношениях,

253

но, вполне вероятно, я чувствую так только потому, что чаще оказываюсь победителем. Было бы мое отношение таким же, если бы дело обстояло совсем наоборот? Сомневаюсь. Однако, какими бы сложными ни были наши отношения, мы сохраняем взаимное расположение и по-прежнему нуждаемся друг в друге. И вообще: мы скоро будем жить в Лондоне и постараемся сделать все,

чтобы нас заметили, а остальное не имеет значения.

Проснувшись на следующее утро, я сразу понимаю: что-то не так. Свет в комнате какой-то не такой, и чувствую я себя как-то странно. Я всегда просыпаюсь вовремя. Мой отец-молочник и утренняя доставка молока, в которой я с детства принимал участие, навсегда отучили меня подолгу валяться в кровати. Я встаю вместе с первыми лучами солнца. Просто немыслимо, чтобы я проспал, и все-таки сегодня что-то не так. Я медленно поворачиваю голову, чтобы посмотреть на часы, которые лежат на столике у кровати. Я пристально вглядываюсь в циферблат и не верю своим глазам. Я на всякий случай встряхиваю часы и смотрю на них снова. Стрелки показывают без пяти час. В первую секунду у меня возникает мысль, что сейчас час ночи, но постепенно пробуждающаяся в моем сознании логика открывает очевидное, и меня пронзает страх перед ужасным положением, в котором я оказался. Я проспал двенадцать часов подряд, возможно, впервые в жизни и, почти наверняка, пропустил рождение собственного ребенка.

Я вскакиваю с кровати и бросаюсь в комнату Джерри. Она пуста. Я кидаюсь обратно, одеваюсь и бегу вверх по лестнице, чтобы воспользоваться телефоном Джима и Стэф (у нас все еще нет своего собственного). Я стучу в дверь, но никто не отвечает. Разумеется, они на работе. Я со всех ног мчусь к телефонной будке в конце улицы и лихорадочно набираю номер больницы. Мои пальцы с трудом попадают в отверстия старомодного телефонного диска. Целую вечность никто не берет трубку. Наконец я слышу:

— Центральная больница. Чем могу помочь?

254

— Соедините, пожалуйста, с родильным отделением.

— Соединяю. Еще одна вечность.

— Родильное отделение.

Это та самая сестра, которая считает, что все мужчины — никчемные чурбаны.

Я делаю глубокий вдох:

— Это я.

— И кто же вы такой? — Я уверен, что она поняла, кто звонит, но хочет подразнить меня, как рыбу, перед которой на крючке висит приманка.

— Это муж Фрэнсис.

— Ах вот как! — Теперь она имеет полное право мучить меня, как рыбак, который хочет, чтобы его добыча обессилела, прежде чем он ее вытащит.

— И где же вы были, молодой человек, пока ваша жена так усердно трудилась?

Я больше не могу этого выносить:

— Сестра, пожалуйста, скажите, у нас родился ребенок? Как чувствует себя Фрэнсис?

— У нас родился?..

— Да! — я ощущаю загиб крючка в своем упрямом рту. Она не позволяет мне закончить предложение и взять

нить нашего разговора в свои руки. Она отвечает резко:

— У вас очень здоровые жена и сын, но никакой вашей заслуги в этом нет. А сами-то вы где?

Я пропускаю ее вопрос мимо ушей:

— А Фрэнсис? Она в порядке?

— В полном порядке.

— Можно мне прийти навестить их?

— Вы знаете, что время посещений начинается с семнадцати тридцати.

— Ну, пожалуйста, сестра!

Теперь, когда я измучен и унижен до крайности, **она** позволяет себе проявить щедрость:

— Приезжайте немедленно!

255

Я мчусь через весь город к больнице, огибаю парк, бегу по коридору, прорываясь сквозь двери родильного отделения, словно ковбой в салуне, и вдруг передо мной открывается сцена, радостная и обидная одновременно. Мой брат стоит посреди комнаты с ребенком на руках и со своей обычной злорадной усмешкой на лице, как будто это он, а не я, стал отцом. И в самом деле: во-первых, я опоздал на полдня, а во-вторых, ребенок, как две капли воды, похож на него. У меня нет никакого настроения выслушивать его насмешки и намеки, и я поворачиваюсь к Фрэнсис.

Слава богу, она рада видеть меня. Мой брат отпускает ребенка, и я пытаюсь объяснить свое опоздание:

— Прости меня. Я не знаю, что со мной произошло. Я проспал, чего никогда со мной не бывает.

— Ничего страшного. Посмотри на своего сына. У него красивые глаза.

— Да, он красивый, — заявляет мой брат с другого конца комнаты, — совсем как я!

Впоследствии я долго пытался понять, почему человек, который никогда никуда не опаздывает, и редко залеживается в постели после восхода солнца, проспал одно из самых важных событий собственной жизни — рождение своего первого ребенка. Мне нужно было спать в коридоре. Мне не нужно было верить, когда мне говорили, что все произойдет еще не скоро, и я должен уйти. Ребенок родился лишь через несколько часов после моего ухода, в час тридцать ночи. Если бы только у нас был телефон!

Возможно, я был по-настоящему потрясен, выведен из себя, и детская часть моего сознания погрузилась в сон, оставаясь в его плену до тех пор, пока не стало поздно. Может быть, Фрэнсис и простила меня, но я сам так и не простил себе этого до конца.

Вечером следующего дня мы приносим малыша домой в заново выкрашенную комнату, и пока его мама спит, я смотрю на своего маленького сына, уютно устроившегося в теплой детской кроватке. Я восхищаюсь удивительным

256

совершенством крошечных ноготков на его пальчиках и очертаниями его детских ладошек, словно в деталях разглядываю произведение искусства. Я люблю на границу между нежной, полупрозрачной кожей его губ и влажной внутренностью маленького открытого рта. Но меня преследует мысль о мертвом мальчике на улице. Я пытаюсь выбросить эту мысль из головы, когда смотрю на своего сына, но она возвращается снова и снова. Ведь, должно быть, когда-то и тот мальчик выглядел именно так.

Я вижу нежные голубые прожилки на его закрытых веках, слышу его легкое дыхание и стук сердца, наблюдаю, как почти незаметно поднимается и опускается его грудная клетка. Я думаю о том, как мне защитить его, я представляю себе шайку хулиганов, которые, как убегающие от преследования собаки, мчатся через мост. Должно быть, они когда-то тоже выглядели вот такими, беззащитными и совершенными. На стеклах появляются капли дождя, и я задергиваю занавеску, оставляя за ней темную улицу.

Поднося новорожденного младенца к своему лицу, моя мама счастлива, как будто сегодня Рождество. Отец закатывает глаза к небу, когда она начинает бессвязно ворковать над ребенком, который, как маленький пьяница, клует носом у нее на руках. Он и сам, конечно, безумно рад, просто иначе это выражает. К тому же ему требуется время, чтобы привыкнуть к новой для него роли дедушки.

— По моему, я слишком молод для того, чтобы быть дедом, правда?

— Конечно, папа!

Мне ровно столько же лет, сколько было ему, когда я родился, и мы смотрим друг на друга, как в зеркало. Он видит во мне себя молодого, а я, глядя на него, вижу старшую версию самого себя. Его виски уже начинают седеть, а волосы на затылке сильно поредели, но он все еще очень крепкий мужчина. Его работа помогла ему сохранить подтянутый, атлетический вид, который, не будь ее, отец давно

257

бы уже утратил. Кажется, он не в обиде, что мы назвали нашего сына Джо, в честь отца Фрэнсис. Дело в том, что имя Эрнест слишком эдвардианское, хотя маленькая девочка, родившаяся на соседней кровати, получила имя, с которым ей придется нелегко. Единственную во всем роддоме, ее назвали Честити Фосетт.

С первой минуты все обожают Джо. Его появление позволило нам покинуть наши окопы и впервые в жизни превратиться в дружную, любящую семью, сплотившись вокруг ребенка, словно вокруг племенного тотема. Мой маленький сын стал проводником нашей любви друг к другу, которую мы всегда с таким трудом проявляли и принимали. Возможно, Джо стал еще и талисманом, предвестником перемен, потому что вскоре после его рождения произошла встреча, которая, в конце концов, внесет значительные изменения в нашу жизнь.

Last Exit поджидает подходящего момента для перемещения в Лондон. Мы с Джерри все больше и больше проникаемся оптимизмом по поводу наших планов. Через два дня после рождения Джо у нас начинается целая неделя непрерывных выступлений. Помимо наших привычных мест, мы играем в городке Редкар, аккомпанируя группе Colosseum Йона Хайзмана, и очень хорошо справляемся с этой работой. Затем следует очень успешное выступление в Университете Ньюкасла, в пятницу мы играем на танцевальном вечере в Политехническом институте, а в воскресенье — в колледже св. Марии. В конце этого последнего выступления, которое проходит в

столовой колледжа, появляется наш единственный союзник из мира музыкальной прессы, Фил Сатклифф. Он стоит в дальнем конце помещения с каким-то незнакомцем. По завершении нашей основной программы и нескольких номеров, которые мы исполняем на бис, они подходят к нам, и я знакомлюсь со спутником Фила, высоким американцем по имени Стюарт Коупленд, ударником известной лондонской

258

группы Curved Air. У него длинные русые волосы, симпатичное лицо с несколько грубоватыми чертами, выступающая челюсть и очень уверенные манеры. Фил недавно написал о выступлении Curved Air в «Mayfair Ballroom» и предложил Стюарту посмотреть на интересную провинциальную группу.

Фил отправляется засвидетельствовать почтение остальным членам группы, оставив меня наедине с американцем. Я не могу отделаться от ощущения, что тот оценивает меня. Он говорит, что наше выступление произвело на него сильное впечатление, и просит меня позвонить ему, если я в ближайшее время окажусь в Лондоне. Я польщен, но от моего внимания не ускользает, что он не делает таких же комплиментов остальным членам нашей группы. Я кладу записку с номером телефона в карман, а потом Фил с американцем исчезают в ночи. Когда мы собираем и упаковываем оборудование, ребята спрашивают меня, кто был этот высокий парень, то я рассказываю им, ни словом не упомянув о телефонном номере. Я сам не знаю, почему. Просто у меня возникает какое-то эгоистическое чувство, что этого делать не следует.

Вернувшись домой, мы застаем Фрэнсис за кормлением малыша, и, как только Джерри отправляется в постель, я рассказываю ей о высоком американце и его телефонном номере. Она говорит, что это номер в Мэйфэйр, богатом районе с роскошными квартирами. Я аккуратно переписываю номер в записную книжку, как будто это таинственный шифр, который мне предстоит разгадать.

На следующей неделе мой друг и шафер Кит женится на Пэт, девушке, с которой он дружит с детства, так что теперь моя очередь быть его шафером. С характерной для него предусмотрительностью он устроил свою последнюю холостяцкую вечернику за два дня до свадьбы. Дело в том, что если не считать места проведения этого мероприятия, из всего вечера мне запомнилось только одно: я играю на пианино вслепую, лежа на полу с лицом, прижатым к педалям

259

и вытянутыми вверх руками. Говорят, я проделал это вполне успешно, но объективность оценки вызывает сомнение, потому что в тот момент среди присутствующих не было ни одного трезвого человека, а с тех пор я ни разу не пытался повторить подобный трюк.

Дневниковая запись. **Воскресенье, 12 декабря 1976 года**

Катастрофа. Сегодня вечером Терри объявил, что ему предложили девять недель работы в мюзикле «Дик Уиттингтон»¹⁶ в Sunderland Empire. С этими гитаристами и их дурацкими мюзиклами просто какое-то проклятье: сначала Джон, теперь Терри. Нам, конечно, удалось продержаться, когда ушел Джон, но как уход Терри повлияет на наш переезд в Лондон? «Дик Уиттингтон» будет идти до февраля, и все это выглядело бы смешно, если бы не было так трагично. «Уже полночь, а Дика все еще пет».

Мой первый порыв — попытаться удержать Терри, но, справившись с разочарованием первых минут, Джерри напоминает мне, что если Терри накопит немного денег, он с большей вероятностью решится на переезд в Лондон. Я заявляю Джерри, что в первых числах нового года паша группа будет в Лондоне, с Терри или без него.

¹⁶ «Дик Уиттингтон» — комедия, написанная на основе биографии знаменитого мэра, правившего Лондоном в пятнадцатом веке. Легенда повествует об Уиттингтоне как о бедном сироте, который приходит в Лондон, потому что кто-то сказал ему, будто улицы в Лондоне вымощены золотом. Единственное его имущество — черная кошка, и ему приходится мыть посуду в доме богатого купца. Не в силах выносить грубое обращение, он бежит прочь из Лондона, но слышит звук колоколов церкви св. Марии, которые призывают его вернуться. Он повинуетеся и в конце концов становится самым богатым человеком в городе и его мэром. Настоящий Дик Уиттингтон не был сиротой, а был очень успешным бизнесменом, который много сделал для Лондона. Он умер в 1423 году и завещал использовать свое огромное состояние на благотворительные и общественные нужды.

В спектакле его обычно играет женщина-актриса в очень высоких сапогах, а женские роли исполняют актеры-мужчины в женской одежде. Я понятия не имею, почему. — *Прим. авт.*

260

В январе 1977 года Last Exit дает свой последний концерт в Ньюкасле в баре Университетского

театра. Это триумф, исполненный горечи и сладости одновременно, кульминация двух лет творческих усилий, репетиций, смены аранжировок, сочинения новых песен, споров, ссор, примирений, экономии на еде и одежде, чтобы скопить денег на новое оборудование, которое потом приходится с великими трудами грузить в фургон и выгружать из фургона, втаскивать по ступенькам и спускать вниз, поднимать на сцену, устанавливать и снова разбирать, ремонтировать, когда оно ломается, скитаться по всему северу Англии, проводя в пути бессонные ночи, а потом, без всякой надежды заработать, мчаться в Лондон только для того, чтобы два часа играть и петь перед публикой в попытке убедить людей, что и у нас есть шанс, что и мы можем быть конкурентами в этом соревновании, что стоит верить в нашу мечту и что мы сможем воплотить ее в жизнь. Мы понимаем, что сегодня вечером для нас заканчивается целая эпоха. В нашем родном городе мы сделали все, что могли, и теперь одно из двух: или мы достигнем чего-то большего, или перестанем существовать как музыкальная группа. Вечер только начинается, бар еще пуст, когда мы настраиваем свое оборудование у стены под большими черно-белыми афишами текущего спектакля. На главной сцене сейчас идут «Сыны света» Дэвида Радкина. Между нами чувствуется какое-то невысказанное напряжение, пока мы занимаемся проводами и штепсельными вилками, заменой струн и сборкой ударной установки. Сегодня вечером Терри не работает в своем мюзикле, и, хотя пройдет еще шесть недель, прежде чем он освободится окончательно, подразумевается, что сразу после этого он придет в Лондон вместе с Ронни, и мы сможем еще на шаг приблизиться к исполнению своей мечты. Неловкость, которую ощущаем мы с Джерри, происходит от того, что мы так до конца и не верим в эту возможность, как будто наши старшие товарищи в душе смеются над нами и нашими

261

фантазиями, но не признаются, надеясь, возможно, что мы опомнимся, осознаем, как хорошо можно устроиться здесь, на месте, сделаем выбор в пользу стабильности и защищенности и забудем свои мечты об отъезде и славе.

Таким образом, если мы с Джерри намерены сегодня вечером попрощаться со своими друзьями и поклонниками, Ронни и Терри надеются, что убедят нас остаться. Как только оборудование установлено, мы вчетвером садимся за столик в углу бара, потягиваем пиво и молча размышляем каждый о своих планах, а тем временем вокруг нас собирается толпа. Ожидание буквально чувствуется в воздухе. Сегодня будет потрясающий вечер, и не важно, что случится потом. Помещение наполняется до отказа, и уже невозможно здороваться с каждым входящим по отдельности. В дальнем конце комнаты я замечаю своего брата, который приветствует меня одним из своих сардонических молчаливых тостов, всегда выражающих искреннюю поддержку, но не лишенных легкой насмешки. Мой брат любит меня, в этом я не сомневаюсь, ему не обязательно говорить мне об этом, да он никогда и не станет этого говорить, но сам факт, что сегодня вечером он здесь, значит для меня больше, чем тысяча слов.

Пора начинать. Я проверяю микрофон, нервно постукивая по нему, чтобы призвать присутствующих к тишине. «Леди и джентльмены, — начинаю я, может быть, слишком официально, но какую-то пояснительную речь мне все равно необходимо произнести. — Сегодня особенный вечер для нас и, к сожалению, в следующий раз мы выступим здесь, вероятно, очень нескоро. Завтра мы уезжаем в Лондон. Посмотрим, сможем ли мы найти свою дорогу в тумане». Раздается несколько одобрительных возгласов, ободряющих свистков и множество бокалов поднимается в нашу честь. Я не могу не заметить, что Рон и Терри при этом безучастно смотрят в стену.

Мы начинаем свою программу. «The Tokyo Blues», как всегда, воодушевляет аудиторию, а еще через несколько песен аплодисменты гремят так, что становится ясно: это

262

будет отличный вечер. Рон и Терри, возможно, думают, что чем успешнее мы выступим, тем меньше нам захочется уезжать от такого успеха, но нас с Джерри атмосфера, воцарившаяся в зале, только побуждает к новым свершениям, убеждает нас, что мы способны на многое, как будто наши слушатели от всего сердца желают, чтобы наше путешествие на юг оказалось успешным. Это действительно очень воодушевляет, когда тебя так поддерживают в твоей безумной идее, и я принимаю твердое решение, что никогда не подведу этих людей, которые верят в меня.

Уходя со сцены, мы оставляем ликующую, шумную толпу, взволнованную и охрипшую. Люди кричат, требуя продолжить выступление, и не хотят отпускать нас со сцены. Обе конфликтующие партии внутри нашей группы одинаково могут праздновать победу, однако расставание по-прежнему кажется мне самым разумным планом действий.

— Отличное выступление! — говорит Рон, размонтируя свою ударную установку.
 — Отличное выступление, Рон, — соглашаюсь я, но больше никто не произносит ни слова.

На следующий день местное телевидение предоставляет нам кусочек эфирного времени, чтобы мы попрощались с Ньюкаслем и всей северной Англией. Мы исполняем мою песню довольно иронического содержания «Don't Give Up Your Daytime Job». Это наше первое выступление на телевидении, и я так нервничаю, что забываю второй куплет, поэтому дважды пою первый и плавно перехожу к третьему. Когда все заканчивается, я прощаюсь со всей группой, и мы договариваемся встретиться, как только они смогут выбраться в Лондон. Джерри устремляет на меня пристальный взгляд, но мысленно я уже на полпути в Лондон, и ничто не может меня остановить.

Ночь. Мы двигаемся в южном направлении по шоссе М-1. В машине Фрэнсис, я, маленький Джо, спящий в своей корзинке, и собака. Наш багаж — пара сумок с одеждой

263

и плетеное кресло-качалка Фрэнсис. Это все наше имущество. У нас нет работы, нет дома, почти совсем нет денег, но мы в приподнятом настроении, потому что, наконец, свершилось то, что мы планировали целый год. У меня такое чувство, что настоящая жизнь начинается только сейчас и что все, что было прежде — не более чем беспорядочные метания в стремлении вырваться в эту новую жизнь. С каждой милей, остающейся за нашей спиной, я все больше удаляюсь от своего прошлого, от смутения и одиночества моих детских лет, от эмоций, которые не находят себе выхода, от ничего не значащих занятий и фальстартов. Теперь, мчась на юг по ночному шоссе, я пытаюсь представить себе свою новую жизнь. Однако во мне растет подозрение, что остальные члены группы совершенно не намерены следовать за мной. Разумеется, они будут следить за тем, как складывается моя жизнь в мегаполисе, но, я думаю, никто, кроме Джерри, не решится скитаться по трущобам большого города и рисковать своей жизнью, оторвавшись от собственных корней. Я не могу винить их за это. Они тяжело трудились для того, чтобы достичь той степени защищенности и уверенности в будущем, которую имеют сейчас. Кроме того, ни у кого из них нет такого ангела-хранителя и союзника, какого я имею в лице Фрэнсис. Я спрашиваю себя, чего на самом деле я хочу достичь. Я, конечно, хочу зарабатывать на жизнь исключительно музыкой, но, кроме того, я мечтаю добиться признания как певец и автор песен, я хочу, чтобы мир узнал мои песни и мои мелодии так же, как он когда-то узнал и признал песни Beatles. Я хочу сделать это по-своему, я хочу быть неповторимым, и если для этого нужно быть одиноким, да будет так. Я стану сильнее, и даже если никто не будет знать, кто я такой, я узнаю самого себя.

Моя жена уснула на моем плече. Малышу нет никакого дела до приключений, которые ждут нас впереди, а собака, без сомнения, удивляется, куда это, черт возьми, мы едем в такой поздний час, когда за окнами автомобиля сгущается тьма, а встречных автомобилей становится все меньше.

264

10.

Пиппа Маркхэм — самая близкая подруга Фрэнсис. Они вместе учились на актеров и вместе начинали работать, но в последнее время Пиппа взялась делать карьеру продюсера. Она любезно предоставила нам комнату в своей квартире на Принс-оф-Уэльс-драйв в Бэттерси, в одном из многоквартирных домов квартала, тянувшегося вдоль южной стороны парка. Она живет на последнем этаже, в задней части здания, поэтому не может любоваться видом на парк. В сущности, из ее окон вообще почти ничего не видно, но двухкомнатная квартира Пиппы выглядит уютной и со вкусом обставлена. Мы благодарны, что у нас есть крыша над головой на то время, пока мы будем заниматься поисками собственного жилья, которое собираемся снимать.

На следующее утро после нашего прибытия в Лондон я, по своему обыкновению, просыпаюсь рано, и после того,

265

как наш малыш получает утреннюю порцию молока, выношу его в корзинке погулять на яркое январское солнце. Мы переходим мост, ведущий в Челси, высоко над нашими головами кружат чайки, и крики этих морских птиц напоминают мне о родных местах. Джо спит, но я все равно разговариваю с ним. Кажется, в этот ранний воскресный час никто в городе еще не проснулся, и мы медленно проходим вдоль безлюдного бульвара Чейни-Уолк.

Чуть в стороне от дороги стоят прекрасные дома в георгианском стиле с потрясающими видами на Темзу и парк Бэттерси, раскинувшийся внизу.

— Не беспокойся, сынок, все будет хорошо, когда-нибудь мы тоже будем жить в таком доме,

благополучно и счастливо.

Но мой сын не слушает. Он спит, громко сопя носом, и единственный слушатель моих разговоров — я сам. Мне интересно, как чувствуют себя люди, глядящие на реку из своих библиотек, обставленных мебелью темного дерева, из гостиных, стены которых завешены картинами. Правда ли, что они счастливее меня? Правда ли, что в их жизни нет трудностей и неприятностей? Я сомневаюсь, что это так, не завидую им и не грущу, но меня не покидает мысль, где же нам, в конце концов, удастся найти жилье.

За пятнадцать фунтов мы заключаем договор с кенсингтонским агентством недвижимости. Каждое утро в девять часов мы звоним в агентство, и нам дают список сдаваемого жилья в пределах той суммы, которую мы можем себе позволить (а позволить себе мы можем лишь очень немного). Это изматывающий и удручающий труд — искать жилье, когда у тебя совсем мало денег и ребенок на руках. Вы проводите целые часы, пересекая Лондон из конца в конец только для того, чтобы обнаружить, что квартира уже сдана или что вам придется делить ваше будущее жилье в духе произведений Диккенса с семейством грызунов, а все автомобили, припаркованные на улице — просто искореженные жестянки.

Однажды вечером я медленно ползу в транспортном потоке на Парк-Лейн, возвращаясь в Бэттерси после оче-

266

редного неудачного осмотра квартиры, которая на сей раз находилась в северной части Лондона. У меня с собой телефонный номер, который месяц назад дал мне американский ударник, и, зная, что я проезжаю по Мэйфэйр, я решаюсь свернуть на обочину и набраться смелости позвонить ему. На углу Грин-стрит я вижу пустую телефонную будку, а рядом с ней — место для парковки. Я выхожу из машины и при свете фонаря разыскиваю телефон американца, нацарапанный в моей записной книжке. Телефон звонит и звонит, и я беспокоюсь, что он не узнает меня или окажется, что он в отъезде, на гастролях, но, наконец, в трубке раздается сонный женский голос. Я спрашиваю, дома ли Стюарт, и женщина просит меня подождать у телефона. Она возвращается примерно через минуту, причем мне кажется, что прошло гораздо больше времени, и я слышу:

— А кто это?

Я говорю, что меня зовут Стинг.

— Стинг? — спрашивает она, судя по всему, не веря, что у человека может быть такое имя.

— Да, Стинг, меня так зовут.

Она говорит мне, чтобы я не клал трубку. Проходит еще одна долгая минута, после чего я слышу тяжелые, шумные шаги человека, сбегающего по лестнице. Кажется, что он перешагивает сразу через две или три ступеньки.

Это Стюарт.

— Привет, как дела? — говорит запыхавшийся голос на том конце провода.

— Это Стинг, басист из Ньюкасла, — говорю я ему, все еще сомневаясь, что он меня помнит.

— Где ты? Ты в Лондоне?

— Да, в общем-то, я в Мэйфэйр, — говорю я с некоторым смущением.

Мне приходит в голову, что гораздо лучше было бы позвонить от Пиппы, вместо того чтобы выглядеть каким-то бездомным бродягой с улицы.

— А где именно?

267

— В телефонной будке на... Грин-стрит.

— Да нет, дорогой, это мы на Грин-стрит, дом 26, верхний этаж. Заходи.

Теперь я уже по-настоящему смущен. Он может подумать, будто я выследил его.

— Хорошо. Сейчас, — говорю я, глядя вверх на ряд георгианских домов, громоздящихся над улицей в тусклом свете уличной лампы.

Вся эта затея сразу представляется мне крайне неудачной. Надо просто взять и поехать домой, к Фрэнсис и малышу. То, что я делаю — очередное сумасбродство. Я теряю время, а этот парень пригласил меня просто из вежливости. С другой стороны, на следующей неделе в Лондон приедет наша группа из Ньюкасла, чтобы дать здесь один концерт, и, возможно, сейчас мне удастся договориться еще о каком-нибудь выступлении. Я смотрю на темную улицу, на автомобили, проезжающие по Парк-Лейн на юг. Я думаю о том, правильно ли я поступаю. Потом я направляюсь в сторону массивных зданий на той стороне улицы и чувствуя, что мои нервы понемногу успокаиваются, пытаюсь разглядеть сквозь туман номера домов.

Дом номер 26 — это внушительное здание восемнадцатого века с колоннадой у входа. Сквозь

витражи входной двери я заглядываю в холл и нажимаю на кнопку, которая по всем признакам должна быть звонком на последний этаж. Дверь издает жужжащий звук и непостижимым образом открывается. Я вхожу и поднимаюсь по импозантной, покрытой дорогим ковром лестнице на четвертый этаж, где из-за приоткрытой двери доносятся нестройные звуки музыки.

Переступив порог тускло освещенной квартиры, я вижу бородастого человека с длинными, темными волосами. Он сидит со скрещенными ногами и играет на бас-гитаре, присоединенной к маленькому портативному усилителю. Я немедленно замечаю, что играет он не очень хорошо, и звук, который он производит, больше напоминает жужжание насекомого, бьющегося о стекло, чем нормальное звучное

268

рокотание инструмента. Абсолютно безразличный к моему присутствию, он сидит в самом центре сооружения, напоминающего восточное святилище, с закатившимися глазами, как человек, находящийся в трансе, или безумец.

Я начинаю рассматривать комнату. Здесь много восточных вещей: кальян, цветные восточные ткани, чеканка, арабские мечи и кинжалы, шелковые покрывала и подушки, на которых пристало бы возлежать обитательницам гарема. В комнате ощущается легкий запах благовоний и пачулей. Через открытую дверь в другую комнату я вижу очень красивую девушку с длинными рыжими волосами. Очаровательно надув губы, она рассеянно перебирает струны маленькой гитары и тихонько мурлычет что-то себе под нос, как будто тоже погружена глубоко в себя. Должно быть, именно ее голос я слышал в телефонной трубке, но, помимо всего прочего, ее лицо кажется мне удивительно знакомым.

Я не могу разобрать, что именно она играет, но, в любом случае, эта музыка не имеет никакого отношения к партии баса, которая звучит рядом, равно как и к беспорядочному грохоту ударной установки, который доносится сверху. Все это приводит меня в сильное замешательство.

Вдруг из комнаты, похожей на кухню, появляется еще одна женщина. Она очень крупная, с длинными черными волосами и мускулистыми ногами, в сияющих туфлях на высоких каблуках. У нее огромные руки, которыми она изо всех сил зажимает уши, а, проходя мимо, задевает меня так, что я едва не скатываюсь вниз по лестнице. Она явно недовольна тем, что происходит в квартире, и устремляет на меня сердитый, угрожающий взгляд, потому что я — единственный из присутствующих, кто обращает на нее хоть какое-то внимание. Мои неуверенные извинения заглушает звук громко захлопнутой двери, когда эта мрачная дама скрывается в спальне. Я попал в какое-то странное место.

Рыжеволосая девушка вяло улыбается мне, глядя на меня сонными, полужакрытыми глазами, и я воспринимаю эту улыбку как разрешение подняться на верхний этаж.

269

Я заинтригован внешним видом этого места и напуган царящей здесь какофонией, которая становится громче и громче. Я поднимаюсь этажом выше и вхожу в комнату, освещенную голый лампочкой, свисающей с потолка, и заставленную мебелью в белых чехлах, похожей на сборище привидений. Окна закрыты частями разобранного буфета, видимо, для того, чтобы обеспечить хоть какую-то звукоизоляцию. Мой знакомый высокий американец играет в углу комнаты на гигантской ударной установке. Он улыбается с мрачной решимостью человека, стреляющего из автомата, в то время как его мускулистые руки молотят по тарелкам, а поверхность барабана трещит, как будто по ней хлещут кнутом. Цимбалы раскачиваются из стороны в сторону на своих металлических опорах, а правая «нога» музыканта ударяет по полу, как отбойный молоток и сотрясает всю комнату. Если этот концерт был устроен специально, чтобы впечатлить меня, то затея, несомненно, сработала. Играя на ударных, Стюарт Коупленд демонстрирует прямо-таки животную грациозность, и там, где Ронни делал упор на свой опыт и великолепную технику, Стюарт выглядит олицетворением абсолютной мощи. Он исполняет еще шестнадцать тактов, прежде чем устремляется через всю комнату поприветствовать меня.

— Привет! Ты давно приехал в Лондон? — спрашивает он, протягивая свою огромную правую руку и награждая меня энергичным рукопожатием.

— Пару дней назад, — отвечаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал достаточно непринужденно и одновременно приходя в себя после такого неординарного приветствия.

— Возьми вон там бас-гитару и давай играть.

— А мы не мешаем всем этим людям, которые этажом ниже? — спрашиваю я.

— Нет, это мой брат Ян и Соня. Они не будут против. В этот момент я осознаю, что рыжеволосая девушка,

которую я видел внизу, это Соня Кристина, юная красавица и солистка рок-группы Curved Air, образованной в начале семидесятых годов. Несколько лет назад я видел, как они

270

играли с группой Who. Электрические скрипки и гитары, на которых исполнялась психоделическая поп-музыка, фолк-рок и напыщенные произведения Вивальди, сыгранные, казалось, только для того, чтобы заверить слушателей, что все члены группы посещали музыкальный колледж. Но Соня была по-настоящему красива, в ней было что-то нездешнее и недоступное, и я мысленно принимаю решение еще раз взглянуть на нее по пути обратно.

— А твой брат, он басист? — спрашиваю я, стараясь как можно больше узнать об обитателях этого места, прежде чем вступать с ними в какие бы то ни было отношения.

Стюарт сразу понимает, чего я хочу:

— Нет, нет, он агент, он играет просто для удовольствия. — Потом он доверительно добавляет: — После Вьетнама он стал довольно странным. Он только сейчас начинает выбираться из своей скорлупы.

Я вежливо киваю, вспоминая странного человека, которого я видел этажом ниже и пытаюсь представить, как же он выглядел до того, как выбрался из своей скорлупы.

Я беру бас-гитару, не зная, будем ли мы играть просто так или меня пригласили на прослушивание.

— А вторая женщина, кто она? — спрашиваю я, не в силах унять свое любопытство.

— Это Джордж. Лучше не спрашивай, — говорит мой новый друг, закатывая глаза к небу. — Ну, что будем играть?

— Мне понравилось то, что ты играл, когда я вошел, — отвечаю я, включая бас-гитару в сеть и настраивая ее.

Он начинает в очень быстром темпе, а я просто берусь за свой инструмент и наблюдаю за тем, куда же выведет меня импровизация Стюарта. Гитарные аккорды и раскаты пытаются угнаться за темпом ударных, которые бушуют как автоматные очереди, и звук моей бас-гитары извивается, как питон, сквозь ритмические джунгли и всплески цимбал.

Даже в эти первые моменты нашего знакомства становится ясно, что между нами есть какая-то связь, какое-то взаимопонимание, какое-то взаимное признание, некая

271

согласованность и одновременно напряжение между нервным пульсом его ударной установки и приглушенным, изменчивым рокотанием гитары. Мы похожи на двух танцоров, ищущих странной и неожиданной гармонии в скольжении своих шагов, или на любовников с их продиктованными природой ритмами, или на гребцов, плывущих по быстрой реке и пытающихся синхронизировать веселые удары. Такое взаимопонимание и согласие встречается не часто, и я очень быстро понимаю, что этот парень — самый потрясающий ударник из тех, с кем мне когда-либо доводилось работать. Может быть, даже слишком потрясающий. Я понимаю также, что ритм этот человек будет менять так же легко и быстро, как падает с полки неприкрепленный багаж в резко тронувшемся поезде, и какую бы музыку мне ни довелось играть в этом ураганном темпе, она в любом случае не будет простой и нежной — это будет дикая гонка со страшным грохотом.

Мы играем более часа и заканчиваем свой концерт в состоянии усталости и смятения, как утомленные любовники. Мы измождены, возбуждены, и ни один из нас не знает, как вести себя дальше. Стюарт говорит со мной о Хендриксе и Cream, а также о том, как он всегда хотел играть в трио. Что взаимодействие между музыкантами трио и более высокая ответственность, лежащая на каждого из троих — это та проблема, решение которой его особенно занимает. Что чем меньше, тем больше. Что истинное искусство рождается из ограничения и самоограничения, когда необходимы импровизация, инновации и творческое решение задач. Спонтанная, стремительная скороговорка речи Стюарта напоминает его манеру играть. Он рассказывает мне, как вдохновили его ребята, играющие панк-рок, как эти неопытные музыканты отбросили всякое изящество и технику ради первозданной, концентрированной энергии, он говорит, что хочет быть частью этого направления, что оно, подобно волнам прилива, сметет в сторону все остальное. Я сознательно не напоминаю ему о том, что группа, в которой он работает сейчас — стилистически прямая противо-

272

положность тому, что он описывает в качестве своей цели, что она являет собой олицетворение движения хиппи, а красавица Соня Кристина с ее длинными рыжими волосами — звезда ушедшей эпохи. Он же, в свою очередь, вежливо умалчивает о том, что моя собственная группа — не более чем компания провинциальных музыкантов, настолько далекая от общепринятой стилиевой шкалы,

что и вовсе не достойна упоминания.

Несмотря на некую странность идеи о том, чтобы мы двое организовали группу в стиле панк-рок (а именно это является невысказанным подтекстом всех наших разговоров), в этом все же есть что-то восхитительно заманчивое. И мне, и ему пойдет на пользу этот компромисс, а возможно, он даже откроет для нас ворота крепости под названием музыкальный бизнес. Стюарт хочет назвать нашу будущую группу Police. Я с первого же момента испытываю отвращение к этому названию, но не высказываю никаких возражений. Он ставит мне пару песен собственного сочинения, грубо записанных на домашнем магнитофоне. Эти песни мелодически и по содержанию сделаны в соответствии с новым направлением, и, хотя они кажутся мне заурядными и пустыми, я восхищаюсь их бешеной энергией, дерзким американским духом человека, который уверен, что добьется своей цели. Потом Стюарт показывает мне записку о самом себе в журнале *Sounds*. Там помещена его фотография за гигантской ударной установкой, а под фотографией — строчки якобы из письма какого-то фаната: «Кто этот новый блестящий ударник, играющий с Curved Air, и что у него за инструмент?» Далее следует биография Стюарта и рассуждения о его ударной установке от фирмы Тама.

— Знаешь, кто написал это письмо? — спрашивает Стюарт риторически, и прежде чем я успеваю пожать плечами, уже отвечает себе сам, улыбаясь, как большой довольный кот. — Это я написал. Поэтому мою фотографию поместили в газете. К тому же я получил бесплатную ударную установку от фирмы Тама.

273

Эта вульгарная, бесстыдная самореклама одновременно ужасает и завораживает меня, но она явно сработала — с этим не поспоришь. Тогда я впервые стал свидетелем того, что позднее, когда я познакомлюсь с остальными членами клана Коуплендов, окажется семейной чертой. Эти ребята умели сделать себе рекламу, и мне, как никому другому, это их умение принесло пользу. По стечению обстоятельств, письмо Стюарта было напечатано в том же номере *Sounds*, что и статья Фила Сатклиффа, в которой упоминался Last Exit. Статья Фила называется «Сделай это» и занимает три страницы. Это доброжелательная, хорошо написанная статья, но в ее названии чувствуется очевидная ирония, потому что в тексте говорится о непреодолимых преградах, встающих на пути даже хороших провинциальных групп, пытающихся найти точку опоры в музыкальном бизнесе. В сравнении со взрывной мощью саморекламы Стюарта, мы выглядим, как размокшие петарды после дождливой праздничной ночи.

Итак, я оказался перед выбором: союз с потрясающим ударником, чья бешеная энергия выходит далеко за пределы его музыкальных занятий, но чью художественную программу я разделяю только наполовину, или верность группе, о которой неизвестно даже, решится ли она перебраться в Лондон, и чьи шансы на успех ничтожны.

Но мне не хочется петь немелодичные, шумные песни. Я пою нежные песни о любви. Именно они удаются мне лучше всего. И все-таки я понимаю, что в этом хаосе для меня есть шанс приспособить то, чем я привык заниматься, к актуальному музыкальному направлению, не нарушая при этом цельность и гармонию собственных песен. Я могу занять некую оборонительную позицию, а когда пыль уляжется, начать отстаивать свои истинные убеждения.

Я еще не знаю, придерживается ли Стюарт той же стратегии переходного периода, что и я, но принимаю решение подавить собственное недовольство, вступить в поле действия этой новой, мощной энергии и посмотреть, куда она

274

нас приведет. Но прежде чем мы возьмемся за работу, нам необходимо найти третьего музыканта, а Стюарту, кроме того, нужно незамедлительно подстричься.

Я возвращаюсь в Бэттерси, к жене и сыну, а голова моя идет кругом от мыслей о музыке, верности, честности, деньгах и, что важнее всего, о том, где мы будем жить.

Следующим вечером мы с Фрэнсис отправляемся в Саутгейт, в северную часть Лодона, по адресу, который мы получили от агентства недвижимости. Саутгейт находится далеко от центра города, но мы уже не надеемся найти что-то поближе. Джо спит на заднем сиденье, а собаку мы оставили у Пиппы, в Бэттерси, на случай, если хозяева квартиры не терпят животных. Сегодня морозный вечер, по лобовому стеклу барабанит ледяной дождь со снегом, а несчастных пешеходов то и дело окатывает водой из-под колес проезжающих автомобилей, и все это зрелище дрожит и ломается в свете фонарей и витрин магазинов.

Квартира располагается над целым этажом магазинов, а вход в нее находится с тыльной стороны здания. Мы находим место для стоянки, с ребенком в корзинке проходим по обледелому двору

и поднимаемся в темноте по скользким ступеням. Фрэнсис нерешительно звонит в дверь, мы замерзли и нервничаем, а наш ребенок, которому недавно исполнился месяц, выглядит таким беззащитным. Дверь открывается, и нас заливают потоками теплого света, мы словно попадаем на небеса после ледяного ветра и дождя. Мы одеты в свою лучшую одежду, а на лицах у нас застывшие улыбки. Я ищу, куда бы мне поставить корзинку с ребенком.

Женщину, которая открыла нам дверь и которая живет в этой квартире уже два года, зовут Фредди. У нее короткие темные волосы, она одета в широкие брюки и мужскую рубашку. Кажется, она сразу проникается к нам расположением, особенно к Фрэнсис, и после нескольких чашек горячего чая и пары кусочков слоеного пирога показывает нам квартиру. После крошечной гостиной Пиппы эта двухэтажная квартира кажется нам огромной. В ней пять

275

хороших, просторных комнат, окна которых выходят на Хай-стрит, и за шестнадцать фунтов в неделю это самое лучшее место из всех, что мы видели. В одной из комнат сможет, если захочет, поселиться Джерри, да и малышу здесь, кажется, очень удобно.

Фредди спрашивает нас, чем мы занимаемся. Она заинтригована тем, что Фрэнсис — актриса, но Кэрол Уилсон предупредила меня, чтобы я не говорил, что я — музыкант, и я заявляю, что я — менеджер по авторскому праву и работаю в Virgin Music за головокружительную зарплату в пять тысяч фунтов в год. По рассказам, такая уловка помогла многим музыкантам обеспечить себе крышу над головой. И в самом деле, Фредди говорит, что завтра представит нас хозяину квартиры, и если мы сможем предоставить ему справку о зарплате, она полагает, что все пройдет без проблем.

Мы выходим из теплой квартиры в темноту и жуткую погоду, успокоенные, что теперь у нас будет свое место и почти уверенные, что как-нибудь нам удастся наскрести еженедельную ренту. Как бы то ни было, я все-таки должен сходить на биржу труда и записаться на пособие по безработице. Необходимость посещения биржи каждую среду ввергнет меня в глубочайшую из депрессий. Я ненавижу отмечаться здесь, стоять с сотнями таких же, как я, дееспособных, но отколовшихся от общества людей, в длинных, беспорядочных очередях, где обезличивающая, бесчеловечная бюрократическая машина заставляет нас чувствовать себя еще более бесполезными. Но, подобно большинству остальных, собравшихся в этом шумном зале, я, в сущности, не имею выбора. У нас есть ребенок, которого нужно кормить, и нам необходимы деньги, чтобы платить за жилье. У меня нет другого выхода, как пропустить себя сквозь эту систему, перенося заполненные бланки из кабинета в кабинет, где на них поставят печать и сложат в соответствующие папки.

Мои документы должны вскоре прибыть из Ньюкасла, и меня охватывает беспокойство, что незадекларированные

276

гроши, которые я получил за одно из случайных выступлений с Last Exit, могут испортить мне все дело, если их сочтут неучтенным доходом. Каждую неделю я стою в очереди, ожидая момента, когда мне удастся попасть в офис и получить пособие по безработице. Очередь передо мной растягивается, как извивающаяся змея. От грязной стеклянной двери она тянется к ряду зарешеченных окон, а за этими окнами, которые словно призваны уберечь местных сотрудников от заражения каким-то инфекционным заболеванием, сидят ряды служащих с утомленными землистыми лицами, скучающие и так же безразличные к происходящему, как люди в очереди. Человек, стоящий передо мной, читает *Daily Mirror*. Мне виден заголовок, который гласит: «Мать девяти детей арестована за мошенничество с социальным пособием». Можно подумать, она не имела права на это пособие. Наконец я подхожу к окну, протягиваю свой талон на пособие по безработице, расписываюсь, и мне сообщают, что чек на 18 фунтов 50 пенсов будет выслан по указанному мной адресу. Я говорю «спасибо», но не получаю никакого ответа от человека с той стороны. Но, по крайней мере, на следующей неделе мне не придется проходить через все это снова.

Даже в этих затруднительных обстоятельствах я по-прежнему не сомневаюсь, что совершил правильный шаг, приехав в Лондон. Этому ощущению собственной правоты нет никакого разумного объяснения, но я уверен, что приз ждет меня именно в Лондоне. Я знаю, что в центре этого лабиринта, этого многомерного социоэкономического, психокультурного, загадочного, искусно выстроенного объекта находится сверкающий, неповторимый приз под названием «успех». Возможно, он труднодостижим, но при этом обладает такой невероятной силой притяжения, что все остальное в сравнении с ним становится незначительным. Успех и счастье —

это одно и то же, не правда ли?

Уильям Блейк сказал, что «человек, упорствующий в своем безумии, рано или поздно станет мудрецом», но

277

в то время, даже предприняв переезд, я находился в слепом неведении относительно того, что попал в наркотическую зависимость от мысли, что все трудности рассеются в лучах грядущего успеха, я не чувствовал, что меня неумолимо втягивает в самый центр водоворота, все глубже и глубже. Мне только еще предстоит узнать, как опасна такого рода зависимость.

Подошло время давно запланированного выступления группы Last Exit в Лондоне. Я не видел ребят уже больше месяца и соскучился по ним, хотя порадовать их мне особо нечем. Переезд в квартиру в Саутгейте сорвался в последнюю минуту. Мы решили, что хозяин заподозрил что-то неладное по поводу моей работы в Virgin Music, и поменял замки уже после того, как Фредди прислала нам ключи. Мы совершили поездку через весь город в машине, переполненной нашими пожитками и радужными надеждами только для того, чтобы обнаружить закрытую дверь. Напрасно мы стучали в нее — только эхо глухо отдавалось в пустой квартире, а ключ не подходил к замку. Мы испытали унижение, поражение и почувствовали злость, а единственным положительным следствием случившегося стало то, что в тот вечер я написал песню. Это было злое и шумное сочинение под названием «Домовладелец», услышав которое Стюарт покровительственно меня похвалил.

— Молодец, парень! Так держать.

Итак, мы продолжаем пользоваться гостеприимством Пиппы. Она проявила к нам такое участие, но мы же не можем жить здесь вечно. Я получаю пособие по безработице и не работаю с тех самых пор, как мы приехали сюда, но когда, наконец, приезжает Last Exit, я пытаюсь представить ситуацию в наилучшем виде и притвориться, что все идет по плану. Мы вчетвером сидим в машине около паба «Красная корова» в Хаммерсмите.

— Как дела, Стинг?

— Отлично!

278

— Уже нашли, где жить?

— Пока ищем.

Ронни и Терри едва заметно переглядываются, и хотя в их взглядах нет явного скепсиса, все же что-то обидное в них есть.

В это время Джерри выходит из паба с сигаретой в руке и с таким видом, от которого могло бы скиснуть молоко:

— Черт возьми, выступление отменили.

На следующий вечер в одном из клубов Бристоля, куда мы добирались целых четыре часа, мы обнаруживаем, что нас заменили другой группой. Наши дела явно не клеятся. Как же я смогу перетащить своих друзей в Лондон, если здесь их не ждет ничего, кроме разочарований и неопределенности. Однако на следующий вечер в клубе «Nashville Rooms» в Западном Кенсингтоне мы торжествуем, играя так, что наше оборудование едва не разлетается на кусочки, и возвращаем покинувшее нас присутствие духа. Мы — чертовски хорошая группа, но сколько бы представителей звукозаписывающих компаний ни прослушивало наши выступления, мы не получаем от этих людей ничего, кроме покровительственного похлопывания по спине.

Ребята отправляются в своем фургоне обратно на север, а я снова остаюсь сам по себе с ребенком на руках. Мне кажется, они уже начинают сочувствовать мне как законченному неудачнику. Я машу им вслед, стараясь выглядеть как можно бодрее, но оглядывается только Джерри.

Шикарная квартира Стюарта в Мэйфэйр, которая так впечатлила меня в первый приход, на проверку оказалась временным жилищем. Стюарт, Ян и Соня прожили там всего лишь несколько месяцев. На самом деле, квартира принадлежит американской даме по имени Марсия Макдональд, которая работает пресс-секретарем Мохаммеда Али. Она сдала квартиру своему другу, который впоследствии отказался освободить ее в срок. Этот друг и есть Джордж, высокая женщина, едва не сбросившая меня с лестницы во

279

время моего первого визита. По совету сэра Майлза Коупленда, отца Стюарта и Яна и, одновременно, друга хозяйки квартиры, в квартиру были подселены братья Коупленд, которые должны были сделать жизнь Джорджа (или Джорджины, как она предпочитала себя называть) как можно более невыносимой, а Марсия смогла бы снова получить квартиру в свое полное

распоряжение. Если все это предприятие до смешного напоминает закрученную интригу ЦРУ, так это потому, что стратегия была разработана самим сэром Майлзом Коуплендом, полновластным главой клана.

Та сцена, свидетелем которой я стал во время первого своего посещения, представляла собой отпрысков семейства Коупленд, занимающихся семейным бизнесом, то есть разворачивающих широкомасштабную кампанию по применению психологических методов ведения войны, в том числе шумных вечеринок, продолжающихся целую ночь, и отвратительной какофонии. Вскоре после моего первого появления в квартире Джорджина не выдержит и уйдет, и станет ясно, что, на первый взгляд ненормальное поведение братьев Коупленд, на самом деле было вполне действенным. Однако, успешно выполнив свою миссию, братья столкнулись с необходимостью покинуть свое роскошное место жительства, и теперь их дни в чудесной квартире сочтены.

Однажды утром в один из этих последних дней Стюарт позвонил, чтобы сказать, что он нашел для нас гитариста. Стюарт хотел узнать, смогу ли я прийти послушать его. Я говорю ему, что мне придется прихватить с собой малыша, потому что у Фрэнсис сегодня прослушивание. И вот я уже волоку Джо в его корзинке на пятый этаж в комнату для репетиций.

Стюарт сидит за барабанной установкой в темных очках и кожаном пиджаке. Поскольку в комнате совсем нет солнца и довольно тепло, я несколько озадачен его внешним видом, пока не замечаю, что в другом углу комнаты на изыс-

280

канно белом фоне чехла, прикрывающего комод, сидит еще один человек в непроницаемых черных очках, черной безрукавке и кожаных брюках. Насколько я могу судить, выражение закрытых очками глаз у обоих отличается мрачной серьезностью — так, я полагаю, выглядят террористы, позируя перед камерой после совершения какого-нибудь ужасного теракта. Должно быть, это какой-то новый имидж, потому что в комнате явно ощущается атмосфера ясной и четкой позиции, и когда я появляюсь в дверях в своих обычных джинсах и с ребенком на руках, сразу возникает некоторая дисгармония между мной и террористической эстетикой черной кожи на фоне белой ткани.

— Это Генри, — говорит Стюарт, сохраняя свой зловещий вид и явно смирив при этом свое естественное волнение.

— Привет, Генри.

— Генри с Корсики. Он не очень хорошо знает английский.

Я мысленно представляю себе, насколько более органично выглядел бы Генри веке в девятнадцатом где-нибудь на природе в живописном костюме горного разбойника с саблей и пистолетами, лежащим в засаде среди холмов над городком Бастией в надежде подстеречь и ограбить какого-нибудь незадачливого путешественника.

Генри Падовани — наш новый гитарист, и когда мы впервые начинаем играть вместе, становится ясно, что Стюарт пригласил его не за виртуозную игру. Он знает лишь несколько аккордов, зато как круто он выглядит в своих кожаных штанах. Стюарт обучил его двум своим песням — «Nothing Achiving» и «Fall Out» для студийной записи, которую он планирует сделать в ближайшее время. Генри играет их неплохо, но когда он начинает импровизировать, кажется, ему немного не хватает фантазии. После того, как рассеялись мои первоначальные подозрения по поводу нашего нового гитариста, оказалось, что это довольно очаровательное существо, вежливое, дружелюбное, стремящееся учиться, а также обладающее забавной манерой изъясняться

281

по-английски. Однажды он внезапно перестает играть, явно из-за каких-то проблем с гитарой, и спрашивает меня: «Пожалуйста, давай мне веревку?»

— Веревку? Зачем тебе понадобилась веревка?

— *Oui, c'est ça*, веревку. — Он выхватывает запасной провод для электрогитары из моего гитарного футляра, показывая, что это и есть та «веревка», которая ему нужна, и с этого дня мы начинаем называть гитарные провода «веревками».

Джо, который безмятежно проспал все то время, пока мы гремели и шумели, наконец, проснулся и стал требовать, чтобы его покормили. Генри пытается заслужить мое расположение, предложив помочь мне разогреть молоко, и мы делаем перерыв, пока малыш до последней капли не выпивает содержимое бутылочки. Я кладу моего маленького сына обратно в корзинку, и когда мы возобновляем свой несусветный шум, он немедленно засыпает снова. Уверяю вас, что если бы вместо импровизации в стиле хэви-метал мы играли бы «Колыбельную» Брамса, он не мог бы спать более сладко.

Новый гитарист понемногу осваивается, и однажды, когда мы заканчиваем одну из своих наиболее успешных репетиций, он говорит с воодушевлением:

— Здесь же было несколько моментов по-настоящему? Мы глубокомысленно киваем:

— Да, несколько моментов по-настоящему.

Впредь все наши музыкальные удачи будут называться «моментами по-настоящему».

Так родилась группа Police, при помощи нескольких «моментов по-настоящему», детской бутылочки, пары мощных аккордов и кожаных штанов.

11.

За те недели, что прошли в поисках жилья, мы с Фрэнсис вконец измучились. И тем не менее, весь наш результат — это ноющие от усталости ноги, расстроенные нервы и огромный счет за бензин, потому что нам приходилось постоянно колесить из конца в конец огромного Лондона. Мне уже начинает казаться, что моя затея безнадежна, когда боги вдруг вознаграждают нас, проявив немного олимпийской щедрости. Одна из подруг Фрэнсис, актриса, на целый сезон уезжает работать в Эдинбург. Ее зовут Миранда, и она снимает комнату на последнем этаже дома в Бэйсуотер. Зная о нашем затруднительном положении, она позволяет нам пожить пару месяцев в своей комнате, которая в ее отсутствие будет пустовать.

Мы проезжаем через Гайд-парк и останавливаемся около элегантного дома на Барк-плейс, неподалеку от Бэйсуотер-

283

роуд. Это шикарный дом, и мне трудно представить себя даже просто входящим в него, не говоря уж о том, чтобы в нем жить. Когда-то дом принадлежал лорду и леди Даннетам (мне неизвестно, кто это такие), но теперешняя его хозяйка — оперная певица по имени Пенни. В доме четыре этажа с большими просторными комнатами, наполненными скульптурами и картинами, правда, наша комната на верхнем этаже — самая маленькая. В парадной гостиной на первом этаже стоит большое пианино (к счастью, настроенное), а двустворчатые окна до самого пола выходят в маленький сад, где растет огромное буковое дерево. Окна нашей спальни смотрят прямо в гущу верхних ветвей этого чудесного дерева, и легко представить себе, что ты живешь прямо в его кроне. Наверное, это самое зеленое место из всех, где мне доводилось жить до этих пор.

Бэйсуотер — это самый центр Лондона, мы будем жить в минуте ходьбы от Гайд-парка, а также магазинов и ресторанов на Куинсвэй, главной артерии города, на которой жизнь бьет ключом круглые сутки. Короче говоря, это отличное место для пары, которая хочет жить и работать в мегаполисе, и ощущать на себе его чары. Греки, русские, турки, итальянцы, индийцы и пакистанцы — все сосуществуют в этом бурлящем котле красочной уличной жизни. Здесь есть казино, круглосуточный супермаркет и, говорят, один-два высококлассных борделя. Вот в этом месте мы и будем жить в ближайшее время. Мне кажется, что это невероятное везение — попасть сюда, пусть и ненадолго. Поскольку последнее время мы не могли планировать жизнь дольше, чем на неделю, два месяца кажутся вечностью. Но мы не можем позволить себе долго толочь в ступе воду. Что-то должно произойти, и, слава богу, у Стюарта есть план.

Мы собираемся записать две его песни: «Nothing Achiving» и «Fall Out». При этом я буду играть на гитаре и петь, а Стюарт будет играть на ударных, а также исполнять большую часть партии гитары, потому что у него получается лучше, чем

284

у Генри. Потом мы планируем размножить свою запись на фабрике RCA в Дареме и вручную разнести тираж по музыкальным магазинам. Такой напор и такая находчивость Стюарта вдохновляют меня, представляя собой явный контраст с постоянным трусливым откладыванием, таким характерным, как мне казалось, для звукозаписывающей индустрии того времени. Для меня энергия Стюарта — настоящий глоток свежего воздуха, и я заражаюсь этой энергией, хотя музыка, которую мы будем играть, не очень мне близка.

Мы устраиваем небольшую фотосессию на крыше временного жилища Коуплендов в Мэйфэйр. Стоит пасмурный февральский день, на улице пронизывающий холод. Стюарт и Генри смотрятся в своих темных очках не то хулиганами, не то крестинами. Что касается меня, то я выгляжу угрюмым и хочу, чтобы все закончилось как можно скорее.

Примерно в это время я впервые встречаюсь с Майлзом Коуплендом, человеком, который станет нашим менеджером, вдохновителем и продюсером. Майлз Эйкс Коупленд III — самый старший из братьев Коупленд. Этот внушающий трепет, умный, самоуверенный и очень серьезный человек еще тогда считался резким, высокомерным и беспощадным. Он сразу понравился мне, хотя

прошел еще год, прежде чем он запомнил мое имя и начал принимать какое-либо участие в моей карьере. В то время он был занят чем-то другим. Для того, чтобы понять что-то о Майлзе, и, в общем-то, об остальных братьях Коупленд, важно узнать немного об их отце, Майлзе-старшем (вдохновителе психологической военной кампании, которая развернулась в квартире на Мэйфэйр). Майлз-старший, один из отцов-основателей ЦРУ, был тайным агентом на таких ответственных участках, как Ливан, Сирия и Египет, работая в Управлении стратегических служб, организации, из которой после войны образовалось Центральное разведывательное управление. По его собственному признанию, ему приходилось свергать правительства, давать санкции на политические убийства и служить

285

«кукловодом» многих фиктивных и коррумпированных режимов по всему Ближнему Востоку. Он уволился из разведки и занялся политикой, лоббируя интересы Вашингтона, а также написанием книг о таинственном и запутанном мире разведки. Ким Филби, английский предатель и советский шпион, был другом семейства Коуплендов, а также их соседом в пригороде Бейрута, где Коупленды одно время жили. Стюарт всегда намекал, что Филби был объектом наблюдения и подозрений своего отца еще задолго до того, как начал работать на Россию, но моя любимая история о Майлзе-старшем — вот эта.

Когда в 1947 году в пещере неподалеку от древнего поселения Кумран были найдены свитки Мертвого моря, их прислали в офис ЦРУ в Дамаске. Майлз-старший и его коллеги-шпионы ничего не могли разглядеть в тесном, плохо освещенном помещении офиса, поэтому они взяли первый из подвернувшихся им свитков и отнесли его на крышу здания, чтобы получше разглядеть. Но не успели они развернуть таинственный двухтысячелетний документ на ровном, выжженном солнцем бетоне, как порыв сильного ветра вырвал свиток у них из рук, и хрупкий пергамент взлетел над крышами Дамаска, где и рассыпался без следа на миллион маленьких кусочков. Майлз-старший и ребята из ЦРУ вернулись в офис в некотором замешательстве. После этого драгоценные свитки были переданы в более бдительные и осторожные руки профессиональных археологов. Мне всегда не давала покоя мысль, что же было написано на том свитке.

Майлз-старший растил и учил своего старшего сына в надежде сделать из него бизнесмена, желательно, нефтепромышленника, и Майлз-младший стал бы им, если бы не заболел рок-н-роллом, руководя местной музыкальной группой в Бейруте, где его младший брат, Стюарт, был ударником. После того как семья Коуплендов переехала в Лондон, Майлз с переменным успехом занимал должность импресарио в таких музыкальных коллективах, как Wishbone Ash, Caravan и Climax Blues Band.

286

Как старший отпрыск династического клана, Майлз Эйкс Коупленд III неудержимо стремился создать империю, которая включала бы в себя управленческие кадры, гастрольные агентства, издательства и звукозаписывающие компании. Предполагалось, что все эти учреждения будут представлять собой нечто единое и сплоченное, спаянное общей идеей и обладающее корпоративным духом, так или иначе свойственным всем империям. Именно благодаря этой деятельности Майлза стала возможной запись двух песен Стюарта, которая предстоит нам в ближайшее время.

Вечный оптимист, Майлз собрался с силами и сделал эффектный прорыв в мир бизнеса, а к моменту нашей первой с ним встречи уже добился определенных результатов. У него появился скромный офис в Dryden Chambers неподалеку от Оксфорд-стрит, где он руководил целым букетом маленьких многообещающих групп, играющих панк-рок, в том числе Chelsea и Cortinas, а также более солидной группой из Депфорда под названием Squeeze. Кроме того, он предоставил офис официальному хроникеру панк-рока Марку П., редактору *Sniffing Glue*, который собирался со временем стать артистом. Планы Стюарта переквалифицироваться в джаз-рокового музыканта, в общем-то, не интересовали Майлза. В тот момент он задумал записывать и издавать тех, кого считал по-настоящему перспективными: Chelsea, Cortinas и Марка П.

— Послушай, Стюарт, — кричал он, по своему обыкновению, в нос и сильно растягивая слова, причем достаточно громко, чтобы его было слышно в коридоре, за дверями офиса. — Джин Октябрь — это я понимаю. Конечно, он не станет петь за просто так, но он владеет этим уличным стилем, он настоящий панк-рокер. А у тебя в группе — этот парень, как его, Смиг? Он ведь, черт возьми, джазовый певец.

— Его зовут Стинг, — с обидой отвечал Стюарт.

— Ну, да, конечно, конечно! — отвечал Майлз, отмахиваясь от младшего брата.

287

Послушав наш сингл, Майлз воодушевился несколько больше, но все же недостаточно для того, чтобы стать нашим продюсером. Однако Стюарту было разрешено пользоваться звукозаписывающей аппаратурой в Dryden Chambers, хотя и на положении бедного родственника. Ян, средний из братьев, продюсер, непрофессиональный басист, а также ветеран вьетнамской войны, за несколько первых месяцев, прошедших со времени моего знакомства с этой удивительной семьей, стал моим любимым Коуплендом. Он был не так одержим стремлением к успеху, как другие два брата, и исповедовал простую, беззаботную философию человека, который побывал в смертельно опасных условиях и выжил. Насилие, свидетелем которому он был и в котором сам принимал участие во время службы в американской пехоте, как будто помогло ему шире взглянуть на то, что важно, а что не важно в жизни. Кажется, очень немного по-настоящему волновало его. Его отличное чувство юмора стало для меня надежной константой, чем-то, на что можно было положиться, по контрасту с истерическим темпераментом двух других братьев. Он называл меня Лероем, потому что так он называл всех. Стараясь быть последовательным, он называл Лероем даже самого себя. В его компании я буду проводить время с гораздо большим удовольствием, чем в компании остальных, слушая его полные самоиронии и юмора, а часто страшные рассказы о вьетнамской войне.

«Черт, Лерой, я попал радистом в пехоту прямо перед вьетнамским Новым годом. Первый раз, когда нас послали в разведку, весь взвод сразу скис. Мы просто наложили в штаны. Помнится, мы ходили вокруг лагеря, пока не настало время возвращаться. Черт знает, что случилось бы, если бы на наш лагерь напали.

Самым смелым, что я совершил за время службы, был уход в самоволку однажды вечером, когда мы с приятелем отправились во вьетнамский публичный дом. Оказалось,

288

что солдаты вьетнамского сопротивления пользовались тем же самым местом, и мы еле-еле успели выскользнуть через черный ход, когда они подъехали к парадной двери. Но девушки не сказали про нас ничего: деньги есть деньги».

Несмотря на свою скромность, Ян вернулся из Вьетнама с Бронзовой Звездой и четырьмя медалями. Он поехал бы туда снова, если бы перед самым отъездом из Лондона ему не предъявили несправедливое обвинение в хранении и перевозке наркотиков. Если бы судьи признали его вину, он не смог бы вернуться в американскую армию из-за судимости, и, кроме того, вероятно, надолго попал бы в тюрьму. Его оправдали, но затянувшееся судебное разбирательство сделало невозможным его возвращение в опустошенную войной страну. Возможно, это сохранило ему жизнь.

В конце концов, Ян станет моим персональным продюсером. Много лет спустя я буду выступать в городе, который когда-то назывался Сайгон, а теперь носит имя Хо Ши Мина, а Ян поедет со мной, чтобы еще раз взглянуть на места, где он видел столько смерти и разрушений.

В течение следующих двадцати пяти лет очень тесные и сложные отношения будут связывать меня с братьями Коуплендами. Дело дойдет до того, что эти братья станут для меня неким суррогатом моей родной семьи со своими радостями, но и с нескончаемыми спорами и размолвками.

Мне не хочется думать, что у нас нет совсем никаких шансов закрепиться в Лондоне, и вот однажды мы видим в *Evening Standard* объявление: «Стань владельцем своей собственной квартиры за тридцать фунтов в неделю». В объявлении указан адрес неподалеку от нашего нынешнего пристанища, на Лейнстер-сквер, в Бэйсуотер. Со своей близостью к центру и волшебным очарованием Бэйсуотер стал важным ингредиентом в нашем весьма неопределенном, но очень оптимистическом рецепте успеха. Мы звоним по указанному телефону и следующим вечером идем осматривать еще не завершенные квартиры.

289

Некая строительная компания взялась переделывать и подновлять целый квартал домов в центре города, и квартиры в этих домах будут готовы в течение нескольких месяцев. Предлагается шесть квартир в полуподвальном этаже. В каждой — просторная гостиная, спальня и кухня. Это красивая фантазия, но я не верю, что мы можем быть приняты. Да и чем мы будем обставлять новую квартиру? Если не считать кресла-качалки, которое мы привезли с собой из Ньюкасла, у нас нет никакой мебели.

Я стою в полуподвальной квартире с пустыми квадратами окон, без дверей, с одним только бетонным полом, но в моем воображении я вижу, как прекрасно все это будет выглядеть с коврами

на полу и с занавесками, с креслом и диваном, с камином и книжными полками. Кроме того, меня очень вдохновляет идея жизни ниже уровня улицы, как будто это землянка или пещера, где мы сможем строить планы о покорении города, но в то же время чувствовать себя защищенными в стенах своего собственного жилища. Фрэнсис говорит мне, что, судя по всему, большинство потенциальных владельцев этих квартир — актеры, то есть люди, ничуть не более состоятельные, чем мы. Итак, мы подаем заявление и начинаем ждать.

А между тем от Last Exit не приходится ожидать ничего хорошего. Теперь стало очевидно, что Ронни и Терри не имеют ни малейшего желания перебраться в Лондон. Я опасаясь, что Джерри тоже уклоняется от наших прежних планов, и пишу в Ньюкасл страстное письмо, заверяя группу в своей преданности, но уточняя, что эта преданность относится к группе, которая решит приехать в Лондон и попытать счастья, а не к группе, которая трусливо сидит дома. На это письмо отвечает только Джерри. Он звонит и сообщает мне, что приедет в Лондон, поселится у своих друзей где-то на юге столицы и посмотрит, как у него пойдут дела. Именно в этот момент я признаюсь ему, что работаю со Стюартом и являюсь, пусть не совсем по своей воле, солистом группы, играющей в стиле панк-рок. Сказав об этом,

290

я чувствую невысказанное осуждение в той тишине, которая воцаряется в телефонной трубке, но потом Джерри говорит, что приедет в любом случае. Кажется, Last Exit наконец дождался до того, чтобы соответствовать своему имени. Тем временем в штабе вновь образованной группы Police на Грин-стрит складывается несколько удручающая обстановка. Коупленды пытаются как-то договориться с владелицей квартиры, но все идет к тому, что роскошные апартаменты вот-вот уплывут у них из рук. И все-таки мы продолжаем репетировать здесь до последнего.

После того как появление целого букета новых британских групп изменило сценическую ситуацию в Британии, Майлз, неутомимый строитель империи, решил привезти из Нью-Йорка целый ряд американских музыкальных коллективов. Это были Джонни Тандер и Heartbreakers, Уэйн Каунти и Electric Chairs, а также Черри Ванилла. В конце шестидесятых Черри Ванилла работала с Энди Уорхоллом, а потом стала пресс-секретарем Дэвида Боуи. Она прибыла в Англию со своими медно-красными волосами, американским гитаристом итальянского происхождения по имени Льюис, пуэрториканским пианистом по имени Зекка и менеджером по имени Макс. Этот Макс совсем не тянул на менеджера, являя собой утонченного, тихого человека с пушистыми седыми волосами, в профессорских очках, беззаветно преданного Черри. С Льюисом Черри связывали еще и личные отношения, несмотря на то, что она была на добрых десять лет старше его. Своего ударника и басиста они оставили в Нью-Йорке, потому что Майлз обещал предоставить отличную замену этим двум членам группы на месте, в Англии. Он имел в виду Стюарта и меня. Экономия денег на авиабилетах и проживании в гостинице имели огромное значение для Майлза.

Стюарт дал согласие быть ударником для Черри Ваниллы (и предложил меня в качестве басиста) с тем, чтобы наша группа Police выступала вместе с группой Черри вторым номером программы. Такое положение дел, кажется, устроило

291

всех. Стюарт и я с удовольствием готовы давать по два концерта за вечер. Мы вполне способны потянуть затраты на переезды с места на место и даже надеемся заработать немного денег.

Начинаются интенсивные репетиции. Мы целый день разучиваем программу Черри, а потом до самого утра стараемся натаскать Генри на исполнение наших собственных песен. Мы измучены и утомлены до крайности, но всеми силами рвемся в бой. Льюис и Зекка — отличные музыканты, они хорошо обучены и очень профессиональны. Черри, которая в одной из своих песен поет, что она родом с Манхэттена, а на самом деле родилась в Квинсе, полна удивительных противоречий. При первой встрече с ней она кажется застенчивой католической девушкой, только что покинувшей стены монастыря, но то, что она делает на сцене — это неистовый шквал ударов, лязга и скрежета, сопровождающий дерзкие, бесстыдные тексты, исполняемые в сладострастно тягучей манере Мэй Уэст с интонацией уличной проститутки. Ее сценический костюм — это пара черных трико, обтягивающих ее круглый зад, и безрукавка со словами «Лизни меня», какой-то светящейся краской выведенными на ее пышной груди. Все это кажется мне несколько чрезмерным, но я не очень страдаю от того, что присутствую на сцене. Что-то похожее я чувствовал, когда мне доводилось аккомпанировать стриптизершам в клубах на севере Англии.

Первый номер в концертной программе Черри — это собственно джазовая мелодия с «гуляющей» партией баса. Такая музыка безусловно смутит, если не приведет в ярость, воинствующих панков,

поклонников Roxу Music. Я заинтригован, и впервые с тех пор, как приехал в Лондон, чувствую, что играю настоящую музыку, даже если это всего лишь фарс, маскирующийся под «новую волну».

Теперь у Police уже около десятка песен, и все они, за исключением « Landlord», написаны Стюартом, потому что я так и не набрался смелости и энтузиазма, чтобы предложить еще что-нибудь свое, но эти десять избранных песен исполняются

292

с такой бешеной скоростью, что вся наша программа длится не более десяти минут, причем за это время мы успеваем даже сыграть на бис. Но это десять изматывающих минут, когда я выкрикиваю слова с максимально возможной для меня скоростью под аккомпанемент не очень умелых аккордов Генри и хаотичный панический ритм барабанов Стюарта. Он — потрясающий ударник, из него ключом бьет энергия, как будто работает целая электростанция, но ему действительно необходимо немного расслабиться. Каждая песня представляет собой сумасшедшую гонку по направлению к последним аккордам. Стюарт играет на своей ударной установке так, словно хочет, чтобы она разлетелась на части, а барабаны раскатились бы по самым дальним углам клуба. Меня преследуют мысли о том, что все, что мы делаем — недостаточно музыкально, но Стюарт начисто лишен подобных сомнений. Ему кажется, что все отлично, и, разумеется, я буду держаться за его фалды как можно дольше, потому что едва ли у меня есть другие способы чего-то добиться в Лондоне.

Полный постоянного беспокойства о своем будущем, я начал молиться. Какие бы сомнения по поводу религии ни одолевали меня в детстве, я сохранил веру в существование тонкой связи между мной и духовной сферой. Я верил, что в конце концов буду прощен и принят обратно в лоно религии, как будто мои религиозные головоломки поняты, как будто за ними признано право на существование. И вот, каждый раз, когда я, проснувшись среди ночи, начинал повторять молитвы, я получал успокоение. Если пятьдесят раз прочесть молитвы по четкам и прибавить к ним пятидесятикратное повторение молитвы к Деве Марии, то, несмотря на то, что от долгого повторения слова молитв обесмысливаются, они начинают действовать как успокаивающая мантра на мой взбудораженный ум, удрученный постоянными волнениями о будущем.

Когда я был ребенком, мне всегда было легче вызвать в своем воображении женское божество. Хорошо, что

293

у церкви в ее патриархальном женоненавистническом порыве хватило мудрости не запретить поклонение божеству в женском обличье. Мария Звезда Морей стала моим детским идеалом. Она плыла над волнами, окутанная своим голубым покрывалом. Ее голову, слегка склоненную к плечу, окружал звездный ореол, а ее глаза были скромно потуплены, как бы в задумчивости. На ее лице светилась нежная улыбка, обещающая бесконечное терпение и сострадание. Она казалась мне тем самым существом, которое могло вступить за меня на небесном суде. Мой любимый детский гимн заканчивался так:

Дева, самая чистая моря звезда,

Помолись за странника, помолись за меня.

Потом у меня возникнет недоумение по поводу непорочного зачатия. Я буду богохульно удивляться, почему, сотворив удивительный, священный механизм секса, Бог посчитал правильным обойти его, когда послал Христа в мир, и тот остался незапятнанным этим божественным изобретением. По мне, так это чудо уже излишне.

Как бы то ни было, я молюсь каждую ночь, прося только одного: чтобы Бог или Дева Мария сохранили нас от несчастий. Просить о собственном жилье для нашей семьи кажется мне слишком корыстным, и я боюсь, что такую просьбу на небесах попросту не примут всерьез.

И тем не менее, какое-то чудо все-таки происходит, потому что строительная компания принимает наше заявление, предоставив нам квартиру в полуподвальном этаже по адресу Лейнстер-сквер, 28. Мы с Фрэнсис танцуем от радости, а я мысленно благодарю Деву Марию за помощь. Теперь все, что нам нужно — это внести задаток — тысячу сто фунтов, а также заплатить взнос за первый месяц. Отец Фрэнсис дает нам займы пятьсот фунтов, а мой отец обещает дать двести, но у нас есть еще пара месяцев в запасе, прежде чем квартира будет готова, поэтому нам просто нужно заработать немного денег и начать их откладывать.

294

12.

Наше первое выступление с Черри Ваниллой должно состояться в Уэльсе, в городе Ньюпорт, в помещении маленького, захудалого ночного клуба под названием «У Александра», который расположен рядом с железной дорогой. На дворе март, и каждый раз, когда груженный углем поезд, шумя и лязгая, проносится мимо, поднимается злой холодный ветер, который гонит обрывки газет вдоль по узкой аллее, отделяющей здание клуба от железнодорожной насыпи. Внутри клуба холодно, сыро и грязно, здесь стоит едкий запах застоявшегося дыма и затхлый дух пролитого пива.

Я и Стюарт приехали сюда через всю страну вместе с Крисом, нашим гастрольным администратором, в фургоне «форд». Мы устанавливаем наше оборудование и микрофоны на крошечной сцене, прожженной сотнями окурков,

295

липкой от всевозможных напитков и пролитого пота. Нам предстоит сыграть в нескольких десятках таких клубов по всей стране, и всюду нас будут ждать гримерные размером с туалет, чьи стены испещрены самовосхваляющими надписями и мальчишескими непристойностями наших собратьев-музыкантов, обиженных тем, что судьба завела их в эти обветшалые стены, и согреваемых смутной надеждой, что где-то впереди их ожидают успех и слава.

Остальные члены группы прибывают уже после того, как мы разместились на сцене, и, хотя американских гостей обстановка клуба явно не впечатляет, они не тратят времени на напрасные жалобы. У меня возникает впечатление, что именно в таких местах они привыкли играть у себя дома, в Америке. Потом американцы отправляются в гримерную, а я принимаюсь разбирать свой усилитель, который, кажется, опять сломался. Я по очереди вынимаю каждую деталь усилителя, осторожно встряхиваю все детали у самого своего уха, чтобы убедиться, что все в порядке, а потом аккуратно размещаю их по своим гнездам. Эта процедура, в которой нет ничего научного, тем не менее срабатывает, и лампочки усилителя начинают обнадеживающе светиться красным. Клуб постепенно наполняется, и цветные огоньки над сценой создают некое подобие праздничной обстановки, скрывая нищету и убожество тем же согревающим красным светом, каким светятся лампочки моего усилителя. Все говорит о том, что сегодня будет хороший вечер.

Выступление Police начинается без десяти одиннадцать, а ровно в одиннадцать мы уже заканчиваем. Мы проделываем все с такой бешеной скоростью, не оставляя даже промежутков между песнями и не давая зрителям возможности ни осудить, ни оценить нас, как будто их отношение нас не волнует, и стремительно исчезаем прежде чем кто-либо успевает понять, что это было. Мы врываемся в гримерную с диким смехом, словно только что совершили удачное ограбление. Льюиса и Зекку наше выступление вполне впечатляет. Льюису особенно понравилось мое пение.

296

— Эй, — говорит он мне, — когда-нибудь ты станешь настоящей звездой.

— Ну, да уж, конечно, — сомневаюсь я, но что-то внутри меня отчаянно хочет верить ему, каким бы невероятным все это ни казалось.

Наступает получасовой перерыв, и Генри исчезает где-то в дальнем конце клуба, у стойки бара, а мы тем временем снова выходим на сцену, на этот раз с группой Черри. Черри — настоящий динамит, она как будто сбрасывает на слушателей бомбу, зажигая аудиторию каждым неистовым звуком, каждым недвусмысленным намеком и каждым взглядом. Возможно, в этот вечер мы по неопытности сделали несколько ошибок, но играли мы достаточно хорошо, чтобы эти ошибки благополучно потонули в море всеобщего одобрения. Это было совсем неплохое начало. Выпив за удачное выступление несколько кружек пива в пустеющем клубе, мы разбираем оборудование, грузим его в фургон и в два часа ночи пускаемся в обратный путь. Я возвращаюсь домой в семь часов утра, предварительно развезя по домам всех остальных. В кармане у меня лежит сегодняшний заработок. Шесть фунтов и пятьдесят пенсов.

Мы продолжим в этом же духе, играя в клубах по всей стране, примерно за те же деньги. Мы будем останавливаться во вшивых отелях, когда до дома будет слишком далеко, мы будем питаться плохим кофе и сосисками на заправочных станциях. Иногда все идет хорошо, и тогда вся затея кажется стоящей наших усилий, иногда нас преследуют неудачи.

Однажды ночью, после одного на редкость ужасного выступления, которое оказалось провальным и для Police, и для Черри Ваниллы, я, оставшись один в нашем фургоне, ставлю старую кассету Last Exit. Она, конечно, не совершенство, но на меня накатывает страшная ностальгия, я вдруг

понимаю, как сильно я скучаю по Джерри и остальным ребятам, и впервые начинаю думать, не совершил ли я ужасную ошибку, перебравшись в Лондон. Мой голос

297

износился и погас от чрезмерно частого использования. Я играю музыку, которая мне, в сущности, не близка, с людьми с которыми имею очень мало общего, и мне очень трудно объяснить даже самому себе, ради чего я здесь.

Фрэнсис и я женаты уже год, и это был очень тяжелый для нее год: постоянное чувство незащищенности, нестабильности нашей жизни, постоянные прослушивания в театральных постановках, в мюзиклах и на телевидении, а к тому же еще необходимость заботиться о малыше. Потом она, конечно, наверстает все упущенное в своей актерской карьере, играя главные роли в Royal Shakespeare Company и Национальном театре, но те первые годы, которые мы провели вместе, были трудными и полными тревог.

Но даже если это только поговорка — что те, кто рискует своей жизнью, хранимы свыше — и этого было бы достаточно, чтобы поддержать нас до тех пор пока нам не начнет наконец везти. И в самом деле, Фрэнсис предлагают роль в сериале под названием «Выжившие», который намеревается снимать BBC. Это будет фильм о героических подвигах группы людей, выживших после ядерного взрыва, и хотя это не совсем та работа, о которой мечтала Фрэнсис, все же это работа, и мы оба счастливы, что она добавит немного денег к нашему постоянно сокращающемуся банковскому счету.

Вскоре после этого звонит бабушка Агнес, чтобы сказать, что отец болен, и у него постоянно случаются обмороки. Я звоню отцу, но он говорит, что его мать, как всегда, драматизирует ситуацию и беспокоиться не о чем.

— Ты уверен, папа?

— Да, конечно.

Отец никогда в жизни не болел, но Агнес не стала бы звонить, если бы в самом деле не случилось что-то серьезное. Я знаю, что заставить моего отца против его воли пойти к врачу практически невозможно. Я принимаю решение поехать и посмотреть на все своими глазами, как только смогу.

298

В начале мая мы переезжаем в нашу полуподвальную квартиру на Лейнстер-сквер. У нас есть спальня, где вместе с нами спит и наш малыш, кухня, ванная и огромная гостиная, в которой пока только голые полы и окно без занавесок. Сквозь это окно мы видим лестничный пролет, который ведет вверх из нашего полуподвального углубления, огороженного сверху кованой металлической оградой, и ноги прохожих, шагающих по тротуару над нашими головами. Взнос за первый месяц вот-вот будет заплачен, а большая часть второго взноса уже лежит в банке. Я невероятно горд и полон решимости, что квартира останется нашей.

В начале лета Черри теряет голос и заболевает, поэтому европейские гастроли, которые запланировал Майлз, приходится отменить. Позднее мы снова воссоединимся с группой Черри Ваниллы, но пока, благодаря вечному стремлению Майлза сэкономить, мы оказываемся среди музыкантов Уэйна Каунти и Electric Chairs и отправляемся в трехнедельную поездку по Голландии и Бельгии.

Уэйн Каунти — певец родом из маленького городка, расположенного в протестантской части США. Не удержавшись в родном городе из-за своих странностей, он поселился в богемном и свободном Манхэттене. Ко времени моего знакомства с ним, он еще не определился со своей сексуальной ориентацией, и хотя вскоре он назовет себя Джейн и во всех отношениях станет женщиной, в 1977 году это превращение еще окончательно не завершилось. Его миниатюрное тело одето в мешковатую одежду, он носит мягкую шляпу, а его лицо накрашено по всем правилам. Это застенчивый, впечатлительный человек и очень сложная личность. Я очень тепло к нему отношусь, хотя его песни типа «Если ты не хочешь трахнуть меня, тогда иди на...», ясно доказывают, что, как сочинитель песен, он не принадлежит к той романтической традиции, к которой причисляю себя я. Но, как бы то ни было, он — потрясающий артист.

299

Он и его гитарист — несомненно, пара, хотя на вид они кажутся несовместимыми. Гитарист Грег — огромный парень более шести футов ростом, экс-чемпион боксерского турнира «Золотые перчатки», который в душе так и остался семилетним ребенком. Он невероятно любвеобилен, но, когда Уэйн не следит за ним, принимается в невероятных количествах поглощать алкоголь, после чего становится агрессивным. Уэйн этого не терпит и часто берет на себя роль сварливой жены, то есть беспощадно пилит его, пока тот наконец не протрезвеет и не успокоится, а на лице у него не

появится бессмысленная улыбка, как у виноватого пса. Их менеджер, Питер Кроули, которого я за глаза зову Алистер (Алистер Кроули — известный сатанист и оккультный философ двадцатого века, автор «Дневника наркомана»), выглядит как стареющий член бандитской группировки из любительской постановки «Вестсайдской истории». У него большая голова и нелепая прическа с валиком, который болтается у него между бровей, как обмякший пенис. Чрезмерно большие накладные плечи его кожаной косухи создают впечатление, что его тонкие ноги слишком коротки, и все вместе выглядит как плохая фотография, сделанная с неудачного ракурса. Когда он говорит, с его лица не сходит презрительная усмешка, словно он страдает каким-то расстройством лицевых мускулов, а звук его голоса представляет собой гнусавый вой. Он постоянно ворчит на английскую погоду, английскую еду, английские дороги и английский способ вождения, причем он не прекращает клясть Англию даже в Голландии. Я начинаю думать, уж не страдает ли он синдромом Туретта, — настолько сильными бывают вспышки его гнева.

На таможне я случайно через плечо заглядываю в его американский паспорт и, к своему удивлению, вижу, что мистер Кроули в усыпанной металлическими клепками косухе и с серьгой в виде серебряного креста в ухе — епископ англиканской церкви. Я, конечно, не уверен, что он настоящий епископ, но вся эта компания такая странная, что

300

я не удивлюсь ничему. Ударником у них — беженец из Венгрии с седыми волосами по имени Крис Даст. Он одет совершенно по-летнему. Он пытается получить в Англии политическое убежище и не имеет права выезжать за границу, пока его прошение рассматривается. Я спрашиваю его, каким же образом в таком случае он оказался на пароме, идущем в Остенде.

— Мне приходится выступать, парень. Я должен что-то есть. Должен купить зимнюю одежду, — говорит он, показывая на свою поношенную летнюю рубашку.

Басист — довольно милый англичанин по имени Эдриан, хотя его сценический псевдоним Валгалла. У него огромная обезьянья челюсть и крашенные иссиня-черные волосы, поэтому создается впечатление, как будто он сбежал из «Маппет-шоу».

Вместе со Стюартом, мной и корсиканским разбойником Генри эта разношерстная компания весьма странных личностей въезжает по мосткам на паром, который отходит из Дувра. Паром отправляется в десять минут первого ночи при очень беспокойном море и проливном дожде. Однако переправа проходит вполне сносно, и мне даже удается часок поспать. Мы прибываем в Остенде в четыре часа утра. Еще темно, и дождь не перестает. У нас есть разрешение на ввоз оборудования, но, поскольку нам не удалось подписать его на британской таможне, оно не стоит и бумаги, на которой напечатано, и бельгийский таможенник отказывается считать его действительным. Он говорит, что нам придется ждать до восьми часов утра и разбираться с его начальником. Потом он скрывается в своем теплом офисе и захлопывает за собой дверь. Генри сидит за рулем, дождь, наконец, прекратился, а таможенные ворота приветливо распахнуты. За ними простирается пустая дорога, и, подсчитав, мы решаем, что к восьми часам утра уже успеем добраться до Голландии. Мы смотрим на двери офиса, на открытые ворота и на дорогу за ними, бросаем друг на друга еще один понимающий взгляд, и машина трогается с места, устремляясь вперед по пустой ночной

301

дороге. Нашего бензина едва хватает, чтобы дотянуть до границы, но с первыми лучами солнца мы оказываемся на территории Голландии, а значит, бельгийские чиновники больше не имеют над нами власти.

Питер Кроули — или Алистер, как я теперь уже открыто его называю — предлагает себя в качестве водителя. Поскольку мы все к этому моменту уже достаточно измождены дорогой, мы соглашаемся, не подозревая, какая это чудовищная ошибка. Этот тип не только неприятен сам по себе, он еще и один из худших водителей, с какими я когда-либо имел несчастье путешествовать. Из всех способов вождения он признает только лихачество и, ведя машину, держится за руль только одной унизанной кольцами рукой. Даже самые короткие дистанции ему нравится проезжать с до отказа нажатой педалью газа, а потом резко тормозить, если едущие впереди автомобили останавливаются. Я пытался урезонить его, но безуспешно, и теперь начинаю терять терпение. Бедный Генри, сидящий на заднем сиденье, превратился в дрожащий комок нервов.

На одном отрезке дороги с целой чередой светофоров, автомобиль,двигающийся по соседней с нами полосе, пересекает сплошную линию и примерно на дюйм заступает на нашу полосу. Я вижу, как глаза Алистера сужаются, а сквозь его стиснутые зубы вырывается: «Мать твою...» Потом он направляет машину так, что наш фургон ударяет автомобиль по крылу на большой

скорости и с громким стуком.

— Что за черт? — кричу я.

— Эта сволочь хотела занять нашу полосу, — кричит он мне в ответ.

— Это неправда. Ты нарочно ударил его.

Тем временем вышеупомянутая «сволочь» вышла из своей машины, чтобы осмотреть повреждения. Несчастный водитель выглядит смущенным и немного испуганным, а увидев полную машину каких-то странных личностей, пугается еще больше.

302

Алистер опускает стекло, как будто для того, чтобы дать какие-то объяснения. «Ты, безмозглый идиот», — кричит он и, увидев, что загорелся зеленый свет, немедленно трогается с места на первой передаче, но до отказа нажав на газ.

— Кроули, это ты безмозглый идиот! — кричу я, в то время как он с треском переключается на вторую передачу, совершенно забыв при этом нажать на сцепление. — И ты, черт возьми, не умеешь водить!

Он резко нажимает на тормоза, надеясь, вероятно, что я вылечу через лобовое стекло, но вместо этого, с задней части фургона в переднюю, словно управляемая ракета, летит усилитель Генри. Я готов свернуть Кроули голову.

— Утверждать, что я не умею водить, — произносит он своим воющим голосом, — это все равно, что утверждать, будто Кит Мун не умеет играть на ударных.

От этих слов я просто лишаюсь дара речи. Что за жестокая карма поместила меня в один фургон с этим сумасшедшим? Когда ко мне возвращается самообладание, я заявляю, что он больше не сядет за руль, если не хочет вернуться в Англию в цинковом гробу.

Наше первое выступление должно состояться в Гронингене, в здании, похожем на деревенский клуб. Звукоусилитель, который был заранее заказан промоутером, еще не привезли из Амстердама. Он прибывает только в половине восьмого вечера, так что у нас не остается времени на то, чтобы проверить исправность оборудования. Тем не менее мы начинаем, но на середине первой песни звук начинает то исчезать, то появляться снова — и так несколько раз. Потом раздаются оглушительные завывания, грохот и высокочастотный визг, которые вынуждают слушателей заткнуть уши. У меня был тяжелый день, и я, совершенно нехарактерным для себя образом, обрушиваю свой гнев на несчастных голландских звукооператоров, угрожая разорвать их на части в случае, если они не наладят звук. Во время моей тирады Стюарт играет еще более неистово, чем

303

обычно, и слушатели — большинство из которых типичные хиппи, сидящие со скрещенными ногами на полу (и считающие, что панк-рок — это синоним насилия) решают, что мое поведение — часть представления, и это злит меня еще больше. Я спускаюсь с довольно низкой сцены в зал и пытаюсь расшевелить эту вялую аудиторию. Я пинаю их, толкаю их, хожу у них по головам. К счастью, они начинают отбиваться, и я возвращаюсь в относительную безопасность сцены.

Тем временем звук, кажется, приведен в порядок, после чего, хотя и с некоторым запозданием, начинается отличный рок-н-ролл. Аудитория поднимается на ноги и разражается восторженной бурей, после чего у Стюарта, который играет, как одержимый, внезапно ломается педаль басового барабана, а потом и вся ударная установка разлетается на части. Тарелки, тамтамы и цимбалы раскатываются по всей сцене. Установка замолкает на душераздирающей ноте, и в полной немом ошеломления тишине мы покидаем сцену. Уже закрыв за собой дверь гримерной, мы слышим звуки овации. Аплодисменты, свист и топот. Мне кажется, что все они сошли с ума. Ведь мы выступали ужасно. Впрочем, мы все равно не можем сыграть на бис, потому что ударная установка Стюарта представляет собой грудку отдельных деталей. К моменту этого нашего выступления его продолжительность достигла пятнадцати минут по сравнению с десятью в начале, и теперь — очередь Уэйна. Аудитория, уже наученная нами реагировать правильным образом, награждает овацией и его.

В конце вечера каждый из нас получает по банкноте в двадцать гульденов, и мы отправляемся в маленькую дешевую гостиницу в квартале публичных домов. Нас встречает унылая, стареющая женщина, которая, сидя в своем окошке, читает дешевые романы и вяжет детскую одежду в красном мерцании дешевой лампы с абажуром. Мне достается крошечная комната, и хотя из нее, как на ладони, видны обитательницы публичного дома на той стороне ули-

304

цы, в ней нет ни горячей воды, ни отопления, а кровать застелена непросохшими простынями.

Засыпая прямо в одежде, я думаю о Фрэнсис и малыше.

В течение следующих дней мы дадим еще несколько подобных концертов в Эйндховене, Роттердаме, Наймегене, Маасбрее и, наконец, в Амстердаме. Самым запомнившимся мне моментом за все время гастролей с Уэйном Каунта стало выступление в клубе «Paradiso» в Амстердаме. Этот клуб располагается в центре города, в помещении бывшей церкви. Сцена занимает место бывшего алтаря, под светящимся витражом, чей стрельчатый верх устремляется к небу, исчезая в темноте высокого готического потолка. Рассеянный свет освещает публику, немногочисленную и разношерстную, разбросанную по всему помещению, причем каждый по-своему наслаждается жизнью. Некоторые спят с блаженной улыбкой на лице, другие — сгрудились по углам, прикрывшись грязными спальными мешками, третьи — исполняют безумные танцы, кружась, словно танцующие дервиши. В своем беспорядочном движении они натыкаются на других людей, которые отталкивают их, и те начинают кружиться в обратном направлении. Один человек падает и сильно ударяется головой об пол. Несколько секунд он неподвижно лежит на полу, потом встает и продолжает свое безумное кружение. Все это сопровождается ужасающими звуками, которые доносятся со сцены. В целом происходящее носит оттенок какого-то сюрреалистического кошмара, причем центром его является Уэйн, с безумной яростью выкрикивающий слова «The Last Time» группы Rolling Stones, в то время как Грег, в стельку пьяный, а потому опасный, держит свою единственную гитару за гриф и, подняв инструмент высоко над головой, несколько раз с силой ударяет им о сцену.

Все это — просто конец наших гастролей, но мне происходящее представляется концом мира.

На следующий день в Зеебрюгге мы садимся на паром, идущий в Англию. Грег мучается от тяжелейшего похмелья.

305

Он сидит на верхней палубе раскачивающегося парома, держась руками за голову, а в это время на него с двух сторон нападают Уэйн и Алистер.

— Эх ты, идиот безмозглый!

— Где мы теперь возьмем деньги на новую гитару? А? Скажи, где? Ты, дурак набитый!

— Пропил все до последнего цента! А теперь посмотрите-ка на него!

Кроули картинно сплевывает против ветра, и слюна стекает по его кожаной куртке.

— Дурак набитый, — повторяет он.

Внезапно Грег перегибается через перила палубы, и содержимое его измученного желудка извергается прямо в воды Ла-Манша.

— Идиот, — рычит Алистер, давая несчастному Грегу окончательное определение.

— Оставь его в покое, — говорит Уэйн, глядя на жалкую фигуру, висющую на перилах. Потом Уэйн направляется к Грегу, чтобы успокоить его, и тут я понимаю, что Уэйн любит Грегга и что Грег, как обычно, получит свою порцию ласки и заботы. Алистер с отвращением уходит прочь, не забыв, впрочем, пригвоздить меня ненавидящим взглядом.

На другой стороне парома сидит ударник Крис и наблюдает, как из тумана vyplывает приближающийся берег Англии. Несмотря на мороз, он по-прежнему одет в свою жалкую летнюю рубашку, которая была на нем в течение всех гастролей и на каждом выступлении. По мере того как паром входит в порт Фолкстоун, Крис выглядит все более обеспокоенным.

— Как дела, Крис?

— Нормально. Надеюсь, они впустят меня обратно.

— А что, если нет?

— Не знаю. Если меня отправят обратно в Венгрию, я попаду в тюрьму.

Он пытается зажечь сигарету, но огонь гаснет на ветру, и сигарета остается висеть у него на губе, как у француз-

306

ской кинозвезды: «Может быть, мне стоит прыгнуть в воду и добраться до берега вплавь».

— Я не думаю, что это надо делать, Крис. Я уверен, что все будет в порядке.

Он пожимает плечами и исчезает на нижней палубе, а я вдруг осознаю, насколько благополучна моя жизнь в сравнении с его жизнью.

Когда мы прибываем в Фолкстоун, иммиграционные власти задерживают американцев на целых шесть часов. Они проверяют наличие у них разрешений на работу, обыскивают их сумки и одежду и вообще всячески отравляют им жизнь. Мы ожидаем их на автомобильной стоянке. Потом, уже вместе с американцами, мы в течение четырех часов ожидаем Криса, пока нам не сообщают, что вечерним паромом его отправляют обратно в Зеебрюгге. Бедный парень. Но мы

ничего не можем для него сделать, и в страшно подавленном состоянии возвращаемся в Лондон. Когда же я наконец оказываюсь дома, вместе с женой и сыном, которого я едва могу узнать — так сильно он вырос, Фрэнсис спрашивает меня, есть ли у меня знакомая по имени Дебора. Я чувствую, как что-то внутри меня сжимается.

— Да, есть. А что?

— Звонила твоя мама. Она сказала, что Дебора умерла. Этой ночью я лежу без сна и смотрю на жену и сына,

спящих в нашей маленькой спальне в глубине квартиры на Бэйсуотер. Я пробовал уснуть, пробовал молиться, но все было напрасно. Потом мной внезапно овладело удивление тем, как страшно и странно устроена жизнь. Моему замутненному, беспомощному сознанию судьба впервые представилась огромной безжалостной машиной, которая непостижимым для нас образом вершит свою работу. Как же я дошел до своего теперешнего положения? До встречи с Фрэнсис моя жизнь представляла собой какую-то мозаику, собранную из кусочков. Она была совокупностью мелких поступков и решений, которые не влекли за собой никаких значительных последствий. И вот это не вполне

307

осознанное следование компасу моей судьбы привело меня к действительно серьезной ответственности. Я пытаюсь проследить свой жизненный путь от настоящего момента назад, в прошлое, как человек, страдающий амнезией, пытается понять, как же он очутился в том или ином месте. Я думаю о том, что одно маленькое изменение, одно маленькое отклонение от курса привело бы в движение совсем другие колесики механизма судьбы. Я — муж и отец, я живу в городе, далеко от моего родного дома, я стремлюсь к исполнению своей мечты, а тем временем девушка, которую я любил, на которой легко мог жениться и вести совсем другую жизнь, — умерла.

Всего через несколько дней мне на мгновение покажется, что я вижу ее призрак.

Кондоминиум, в который входит и наш дом, включает почти все дома по восточной стороне зеленой Бэйсуотер-сквер, к северу от Гайд-парка. Это шесть высоких, выкрашенных белой краской шестизэтажных зданий, где в общей сложности тридцать шесть отдельных квартир. Окна всех этих квартир, если не считать шести полуподвальных, смотрят через улицу на зеленеющие лужайки частного, густо заросшего деревьями сада в центре площади.

Окна нашей квартиры, как и всех остальных полуподвальных квартир, находятся ниже уровня мостовой. Мы пользуемся отдельной входной дверью, но, к сожалению, единственное, что мы видим из своего окна — это крошечный дворик с каменной лестницей, которая ведет вверх, на мостовую. Мы не очень переживаем из-за этого, ведь квартиры наверху стоят гораздо дороже, чем мы с Фрэнсис можем себе позволить, а подземная жизнь вполне соответствует нашим потребностям, равно как и тайным честолюбивым замыслам.

Но когда некоторые из наших соседей сверху начинают хранить свой мусор в маленьких двориках перед окнами полуподвальных квартир, в сущности, превращая и без того унылый вид из нашего окна в общественную свалку, среди под-

308

земных обитателей начинается ропот и назревает мятеж. Пусть мы живем ниже уровня мостовой, но это совершенно не значит, что к нам можно относиться, как к людям второго сорта.

И вот, когда жители верхних этажей начинают оставлять мешки с мусором и перед нашей дверью, я понимаю, что бунт — единственный выход для нас. Собрание жителей полуподвальных этажей должно состояться в доме номер 32, и я прибываю на это собрание первым.

Спустившись по каменным ступеням и заглянув в окно, я вижу, что полуподвальная квартира в доме номер 32 совершенно такая же, как наша. У дверей меня встречает высокий человек немного за тридцать с волосами песочного цвета. Его зовут Джеймс, он актер и живет вместе со своей девушкой. Они въехали в квартиру на несколько недель позже нас, но мы еще ни разу не встречались. Джеймс приглашает меня присесть у камина и предлагает мне выпить чашку чая. Я с удовольствием соглашаюсь, и он отправляется на кухню, в дальний конец квартиры, оставив меня в довольно скудно обставленной гостиной. Оглядевшись по сторонам, я вижу, что живут они ничуть не лучше, чем мы, если не считать того, что у них все-таки есть ковер. Дверь, которая ведет в коридор, а затем на кухню, пока не застеклена, поэтому я слышу приглушенный разговор и звонкий женский смех. Джеймс возвращается:

— Подождите минутку. Моя старушка сейчас приготовит чай.

— Итак, — продолжает он своим актерским баритоном, — что же нам делать по поводу всей этой

ситуации с мусором?

— Видите ли, я как раз думал об этом и... и...!

Я замолкаю, потому что сквозь незастекленную дверь, ведущую из кухни, входит молодая женщина, держа в руках чайник и несколько чашек китайского фарфора. Это сногшибательной красоты блондинка в синих джинсах в обтяжку и зелено-голубом свитере. У нее глаза приглушенно-зеленого цвета, а на левой щеке белеет полоска шрама,

309

который, как жестокая память о когте какого-то неведомого животного, огибает ее левую глазницу. Станным образом, этот шрам совершенно не умаляет ее красоты, и она кажется мне раненым ангелом. Но в ней есть еще нечто, окончательно лишившее меня дара речи. Это форма ее рта. У меня возникает чувство, что передо мной — призрак, потому что эти пухлые губы и широкая улыбка невообразимо похожи на губы и улыбку Деборы. На какое-то мгновение образ девушки с пиратским шрамом на щеке и улыбкой призрака замирает перед моими глазами и, как фотография, навсегда запечатлевается в моей памяти.

Первым молчание нарушает Джеймс:

— Знакомьтесь, это Труды, — говорит он.

Много позже я узнаю, что Труды Стайлер подростком сбежала из дома, чтобы стать актрисой. Наивная девочка, повинаясь какому-то инстинкту, отправилась в Стратфорд-на-Эйвоне, родной город Шекспира и резиденцию Royal Shakespeare Company. Она не знала никого в этом странном городе и в первую ночь была вынуждена стучать в двери незнакомых домов, прося ночлега. Ее приютила театральная семья с фамилией Черч. Эти люди дали ей крышу над головой, а позднее и работу в качестве няни для своих детей. При содействии все той же семьи Труды удалось поступить в Театральную школу в Бристоле. Закончив эту школу, она работала актрисой на телевидении и в театре, а потом принимала участие в постановках комедийного проекта «Reduced Shakespeare Company» в лондонском театре Warehouse. В промежутках она подрабатывала конферансье в арабском ночном клубе, где ее звали Ангел. Шрам на ее лице оказался результатом ужасной аварии, в которую она попала еще ребенком. Ее протащило по земле под днищем грузовика, и она чудом осталась в живых, но пришлось наложить множество швов на лицо и голову. Никто не думал, что она станет такой красавицей и успешной актрисой.

Пройдет еще три года, прежде чем мы с Труды станем любовниками, но наше влечение друг к другу не только воз-

310

никло с первого взгляда, но и с первого момента было совершенно очевидно всем окружающим. В этом взаимном стремлении поначалу было что-то открытое и невинное, в присутствии друг друга мы ощущали радость и непосредственность, которые невозможно было скрыть. Но по мере того как влечение нарастало, я оказался перед необходимостью бороться со своими чувствами. Я совершенно не хотел вслед за своей матерью переживать мучительный конфликт между романтической любовью и семейной привязанностью, но я все сильнее влюблялся в девушку из соседней квартиры, и передо мной разверзалась ужасная пропасть.

Мы со Стюартом сближаемся все больше и больше. В каждом из нас растет уверенность, что нас ждет общее будущее. Мои отношения с ним, хотя и отличаются от учительско-ученических отношений с Джерри, приобретают для меня все большую важность, и, несмотря на то, что я не отдаю предпочтения новой дружбе в ущерб старой, между мной и Джерри возникает какое-то новое напряжение.

Во время моих голландских гастролей Джерри перебрался в Лондон и устроился на работу в стрип-бар в богемном лондонском районе Сохо, где играл на электрооргане. Его зарплата — пятьдесят фунтов в неделю (для меня это по-прежнему королевские доходы), а поселился он у своих друзей в южной части Лондона и намерен вскоре снять для себя отдельную квартиру. Вернувшись, я приглашаю Джерри на импровизированное прослушивание со Стюартом в надежде, что они понравятся друг другу. Мы с удовольствием исполняем несколько старых песен времен Last Exit и несколько мелодий из стандартного набора. Когда Джерри уходит на работу, я и так, и эдак намекаю Стюарту, что группе необходим клавишник, потому что это придало бы нашей музыке свободы и разнообразия. Но Стюарт непоколебимо убежден, что группа должна представлять

311

собой трио с гитарой в качестве основного инструмента, и если мы возьмем кого-то вместо Генри, это будет только гитарист. История показала, что Стюарт был прав.

С другой стороны, я чувствую, что Джерри начинает ощущать себя брошенным. Конечно, он не из тех, кто станет завидовать — я даже не уверен, что он захотел бы играть в тех группах, с которыми играю я, — но он единственный человек из Last Exit, который не отказался от мечты и приехал в Лондон. Поэтому мне не хочется, чтобы он думал, что я отвернулся от него. Тем не менее именно Джерри сделает первый шаг к нашему с ним разрыву.

На следующий день после знакомства со Стюартом Джерри звонит мне и сообщает, что ему предложили участвовать в гастролях Билли Оушена в качестве музыкального администратора. Я очень рад за него, но когда он предлагает мне место басиста в этом предприятии, я вынужден отказаться, несмотря на то, что платить обещают сто фунтов в неделю плюс возмещение расходов. Если бы, выступая с Police, я смог бы заработать такую же сумму за месяц, я был бы счастлив, и хотя эти деньги, безусловно, позволили бы нам с Фрэнсис чувствовать себя более уверенно, предложение Джерри не соблазняет меня ни на минуту. Вероятно, здесь срабатывает какой-то инстинкт. Однако этот случай кладет конец эпохе нашего сотрудничества, и отныне Джерри будет идти своим путем. Я многим обязан ему — он был моим учителем, хотя его самого такое утверждение, вероятно, оскорбило бы. Мы останемся друзьями вплоть до сего дня, и, пережив множество своих собственных приключений, Джерри в конце концов станет очень уважаемым преподавателем музыки в музыкальном колледже Ньюкасла. И конечно, он по-прежнему продолжает выступать.

Что касается меня, то теперь все мои надежды связаны со Стюартом и, косвенным образом, с его предприимчивым братом Майлзом.

Потом начинается период, который представляет собой непрерывное переливание из пустого в порожнее. К Черри

312

возвращается голос, и Майлз хочет, чтобы мы играли с ней в течение месяца, выступая в разных местах. Закончить гастроли предполагается в знаменитом лондонском Roundhouse, концертном зале, переделанном из круглого ремонтного депо для локомотивов. Там в одной программе с нами будут выступать группы Jam и Stranglers. В своих переездах по стране мы доезжаем до Глазго с его концертным залом Apollo на севере, а на юге — до Плимута и Пензанса. Большинство выступлений как с Черри, так и с Police, проходит удачно, и, хотя репертуар Police становится все больше, а исполняем мы его все совершеннее, меня не покидает ощущение, что мы толчем в ступе воду, а моя творческая энергия благополучно уснула. Возможно, именно поэтому я однажды засыпаю прямо за рулем нашего фургона, что едва не кладет безвременный конец всей нашей карьере.

Раннее утро, и все остальные беззаботно спят за моей спиной. Мы все обессилены. Я веду машину уже пару часов, а Генри сидит вместе со мной на переднем сиденье, стараясь составить мне компанию, но и его голова постоянно клонится вбок, и он клюет носом. Перед нами абсолютно пустое шоссе, и мы плавно двигаемся посередине со скоростью около восьмидесяти километров.

Генри поднимает голову и вдруг замечает, что я медленно перестраиваюсь в левый ряд. Поскольку вокруг нет ни одного автомобиля, Генри не может понять, для чего я делаю этот маневр, пока, взглянув на меня, не осознает в ужасе, что мои глаза закрыты. Он что-то кричит мне, и я, внезапно проснувшись, вижу неясные очертания дороги и надвигающееся прямо на нас разделительный барьер. На какое-то мгновение, которое кажется нам вечностью, мой крик сливается с криком Генри, я пытаюсь поскорее стряхнуть с себя остатки сна и мы входим в какой-то умопомрачительный вираж в попытке избежать столкновения с барьером, но под ужасный скрип шин по асфальту нас бросает в сторону бокового заграждения. Слова «выправляй машину!»,

313

как лампочка, загораются в моем мозгу, я пускаю наш дребезжащий фургон в новый крутой вираж, и, пролетев ярдов сто с дымящимися шинами, с огромным облегчением осознаю, что снова обрел контроль над автомобилем. Я притормаживаю и, наконец, останавливаю автомобиль на обочине. К этому моменту никто уже не спит.

— Что за черт?..

— Прошу прощения, ребята. Я уснул. Генри спас нас всех.

— Черт возьми. *J'ai pensé un* «момент по-настоящему», да?

— Да, Генри, это был «момент по-настоящему».

Но, к сожалению, «моменты по-настоящему» в качестве члена группы Police для Генри сочтены, потому что вскоре мы со Стюартом встретим Энди Саммерса, музыканта, который окажет огромное влияние на наши судьбы, равно как и на дальнейшую историю группы Police.

•
 Приятель моей знакомой Кэрол Уилсон, сотрудницы издательского отдела одной из звукозаписывающих компаний, был когда-то басистом в Gong, англо-французской группе, игравшей в стиле хиппи и пользовавшейся популярностью в начале семидесятых годов. (Самый известный выходец из этой группы — это, вероятно, гитарист Стив Хиллидж.) Друга Кэрол зовут Майк Хоуллетт, и он очень хороший музыкант, а его музыка по настроению и утонченности близка к тому, что пыталась когда-то воплотить Last Exit. Майк хочет создать группу под названием Strontium 90. Я напоминаю ему, что включать в одну группу сразу двух басистов не принято, но мы все же проводим несколько совместных репетиций и разучиваем несколько партий, которые нам удастся исполнять вместе, не наступая друг другу на пятки. На одну из репетиций приходит Стюарт и соглашается присоединиться к нам — в конце концов, ни один из нас ничего от этого не теряет. Я снова пытаюсь замолвить словечко за

314

Джерри, но Майк говорит, что у него на примете есть другой музыкант. И вот в небольшой студии Майка и Кэрол, которая расположена в очень симпатичном доме в Эктоне, мы впервые встречаемся с Энди Саммерсом.

У Энди молодое умное лицо, обрамленное ангельскими золотыми локонами. Это очень современный, жизнерадостный, хорошо одетый человек, чуткий к любым проявлениям неуважения к себе, независимо от того, намеренные они или случайные. Он обладает особым рода элегантностью, которую в другое время назвали бы щегольством. Однажды в шестидесятых годах я видел его выступающим в клубе «Go-Go» с группой Zoot Money, а позднее — среди музыкантов Кевина Койна. Он долгое время жил в Штатах, играя в New Animals с Эриком Бердоном, но уже год как вернулся в Англию со своей американской женой Кейт, и пытается заново утвердиться на британской музыкальной сцене.

Во время первой встречи я веду себя с ним как можно почтительнее.

Когда я познакомлюсь с Энди поближе, меня поразит, как хорошо он начитан. У него большая библиотека с некоторым уклоном в эзотерику, энциклопедические познания в кино, и он очень уверенно разбирается во всех культурных вопросах. Все это могло бы превратить его в страшного зануду, но он счастливо избежал такого поворота благодаря своему потрясающему, блестящему чувству юмора. Он — душа компании и, проведя большую часть жизни в дороге, научился одной совершенно необходимой для выживания истине: если хочешь сохранить хоть крупицу разума, когда все вокруг теряют рассудок, необходимо уметь смеяться над собой. И он делает это с такой же легкостью и грацией, с какой играет на гитаре. Мы со Стюартом прозовем его «арт-монстром», и он примет эту кличку как самый большой комплимент.

Своим мастерством Энди разбивает нас в пух и прах. Он, без сомнений, потрясающий музыкант, мастерски

315

владеющий самыми разнообразными музыкальными стилями и техниками: от классики до джаза плюс все, что находится в промежутке. Это именно такой музыкант, для которого я мог бы сочинять, такой музыкант, которому я мог бы доверить свои песни, который мог бы вдохновлять меня, воплощать музыку, которая звучит у меня в голове, и, хотя в студии Майка я не говорю об этом ни слова, Энди — именно такой музыкант, который требуется группе Police.

Я вижу, что Стюарт тоже под впечатлением.

Мы дожидаемся конца репетиции и начинаем разговор только в машине, по дороге домой.

— Я знаю, о чем ты думаешь.

— Правда, Стюарт? Ну и о чем же я думаю?

— Ты думаешь, что Энди — именно тот парень, которого мы ищем.

— А разве ты так не думаешь?

— И да, и нет.

— Я понимаю, почему да, но почему нет?

— Ну, он, конечно, может здорово играть, но... — Он тщательно выбирает слова. — Здесь вопрос имиджа.

Он знает, что я могу взорваться и начать шуметь о приоритете музыки перед модой, но я предпочитаю прикусить язык и промолчать.

— У Генри есть необходимый имидж.

— Но Генри не умеет играть.

— Он умеет играть.

— Стюарт, это чепуха! Даже ты играешь на гитаре лучше, чем он.

Стюарт, терпеливый и дипломатичный, как всегда пытается использовать другой аргумент: — Но Энди на добрый десяток лет старше нас с тобой.

— Да, это так, но, странным образом, он выглядит моложе нас обоих.

— Значит, все дело в имидже.

— Стюарт, поверь мне. Я искренне люблю Генри. В конце концов, он спас нам всем жизнь, но мы не продвинемся

316

ни на шаг, если наша музыка не станет лучше, а я не собираюсь всю оставшуюся жизнь играть в группе Черри.

— Разумеется, Стинг. И я не собираюсь.

При этом ни одному из нас даже на мгновение не приходит в голову, что Энди попросту не захочет играть в нашей жалкой маленькой группе, а также то, что мы совершенно позабыли об интересах Майка, устранив его из рассмотрения подобно тому, как на фотографиях политбюро ретушируют неугодного Троцкого.

Я не помню, кто из нас предложил это первым, но, видимо, мы в одно и то же мгновение пришли к одному и тому же решению:

— А что если мы используем их обоих, Генри и Энди? Настроение у нас сразу меняется, и всю дорогу до дома

мы самозабвенно планируем революцию, которая созрела в наших умах.

Итак, в течение некоторого времени мы продолжим работать с Черри Ваниллой, выступая вместе с ее группой, и будем по-прежнему репетировать с Майком. Кажется, ему удалось договориться с Virgin Records о записи демонстрационной кассеты с двумя его песнями. Одна из них, под названием «Electron Romance», представляет собой псевдонаучную песенку с богатой, прихотливо извилистой партией баса, другая песня, которая называется «Not on the Planet» и напыщенно призывает к защите окружающей среды, отличается партией гитары, которую отлично исполняет мистер Саммерс. Демонстрационная кассета получилась прекрасно, но мой голос очень плохо сочетается с голосом Майка, и хотя это интересно — иметь двух басистов в одной группе, нам становится все труднее и труднее распределять обязанности так, чтобы не стоять друг у друга на пути. Я перестаю понимать, каковы же мои функции в этой группе, но Стюарт высказывается на эту тему весьма цинично.

— Ты здесь для того, чтобы сглаживать недостатки его пения. Он не умеет петь, а ты — умеешь.

317

Как бы то ни было, мы получаем огромное удовольствие от работы с Энди. Я предложил включить в программу пару своих собственных песен, и, кажется, Энди нравится их играть. В результате между нами установилась атмосфера молчаливого взаимопонимания, позволяющая думать, что группа, которую мы со Стюартом себе вообразили — не просто воздушный замок.

Фабрика по изготовлению музыкальных записей RCA, которая располагается в графстве Дарем, — это место поклонения Элвису Пресли. Кажется, что его фотографии висят на каждой стене каждого коридора этого здания. Первый сингл группы Police по плану должен быть выпущен здесь в мае, поэтому Стюарт, Генри и я заезжаем на фабрику по пути в Ньюкасл, чтобы забрать первую партию готовых пластинок.

Нас провожают в комнату для прослушивания, и сквозь большое окно в стене мы видим еще одну такую же комнату, где сидят шесть женщин пожилого возраста. На каждой из них — наушники и одинаковые рабочие халаты. словно религиозные фанатики, они сидят под фотографией Элвиса Пресли, и взгляд у них — пустой, как у людей, впавших в транс. Они смотрят в никуда, погруженные в свой внутренний мир. Две женщины вяжут на спицах, одна — крючком, еще три — читают журналы. Они проверяют качество звука на пластинках. Они часами слушают пластинки одну за другой, работая посменно, через день. Им все равно, что звучит в наушниках: Пуччини или «Зигги Стардаст». У меня такое чувство, что я очутился в одном из кругов ада, и мне приходится делать над собой усилие, чтобы не смотреть на них.

Слушая свою пластинку, мы обнаруживаем на ней дефект, и вся партия в пятьдесят штук оказывается бракованной. Мы на какое-то время падаем духом, но нам тут же печатают пятьдесят новых, качественных пластинок, которые мы немедленно грузим в свой фургон и отбываем в Ньюкасл.

318

Я не был в родительском доме уже пять месяцев. Мама в восторге от моего появления, а отец

просто рад. Я внимательно вглядываюсь в него, и вижу, что внешне он вполне здоров. Это утешает меня. Мои родители держатся как нельзя лучше, очарованные американским шиком Стюарта и галльским обаянием Генри. Стюарт не лишает себя удовольствия выкурить косяк в доме моих родителей. Эрни, разумеется, не может отказать себе в паре затяжек, после чего сообщает нам, что не чувствует никакой разницы в ощущениях, но очень скоро его пронимает, он усаживается в свое любимое кресло и погружается в дремоту. Мне кажется, я еще никогда не видел его таким спокойным и расслабленным.

Выступление в зале Политехнического института следующим вечером весьма далеко от победоносного возвращения домой, которое я себе воображал. Нас буквально сметает со сцены местная панк-группа под названием Penetration, которая, надо сказать, выступает просто потрясающе. Это лучшая панк-группа из всех, что я когда-либо видел, и я говорю это не только из гордости за земляков. К моменту, когда мы выходим на сцену, все поклонники группы Penetration уже исчезли, и мы остаемся с глазу на глаз с небольшим количеством весьма сдержанных поклонников Last Exit, несколькими меломанами, оставшимися из вежливости, моим шафером Китом Галлахером, Терри Эл-лисом, нашим бывшим гитаристом, Филом Сатклиффом, опекуном всего нашего проекта и моим вечно снисходительным братом. Мы играем хорошо, и наградой нам служат вежливые сдержанные аплодисменты. Черри встречают примерно так же. По окончании выступления Кит говорит мне, что, по его мнению, Police — это группа одного музыканта. По умолчанию я решаю, что он имеет в виду меня, но не настаиваю на уточнениях. Терри исчезает без единого слова, Фил Сатклифф изображает из себя сфинкса, а мой брат, который отпустил себе ужасные усы, говорит, что мы — полное дерьмо. Нам удастся продать четыре пластинки.

319

Когда же, наконец, выходит полный тираж диска «Fall Out», он получает вполне сносные отзывы в британской прессе. Французский музыкальный еженедельник объявляет нашу пластинку синглом недели (хотя в данном случае трудно переоценить роль участия в нашем предприятии Генри, коренного француза). Radio Clyde тоже выбирает его лучшей записью недели. Марк П., сотрудник величественного и к тому моменту уже вполне уважаемого печатного органа под названием *Sniffing Glue* заявляет, что наша запись — полная ерунда. Этого следовало ожидать, несмотря на то, что мы с ним пользуемся одним и тем же помещением в офисе Майлза в Dryden Chambers. В конце концов нам удастся продать четыре тысячи экземпляров нашей пластинки.

Мы строим грандиозные планы по поводу участия в фестивале, посвященном группе Gong, который в конце мая должен состояться в Париже. Поскольку вышеупомянутая группа приобрела во Франции культовый статус, кто-то предложил устроить «братание народов», которое должно было заключаться в совместном выступлении разных ответвлений группы-родоначальницы на ипподроме, расположенном на севере Парижа. Разумеется, группа Strontium 90 приглашена, и мы все очень воодушевлены предстоящим выступлением. К сожалению, нам довольно мало заплатят, но мы к этому уже привыкли, к тому же парижский фестиваль будет проходить накануне другого фестиваля, в Кольмаре, где Police должна выступать вместе с группой Dr. Feelgood.

Выступления начинаются в три часа дня и продолжаются до трех ночи. Аудитория — это пять тысяч французских хиппи. Огромный воздушный шар висит над головами зрителей, а блуждающие по небу разноцветные лучи пытаются создать ультрасовременную научно-фантастическую атмосферу. Здесь же присутствуют и традиционные пожиратели огня, акробаты и грустные бродячие клоуны, и, благодаря им, вместо обнадеживающей картины будущего, мы

320

видим вокруг атмосферу убогой средневековой ярмарки. Повсюду видны музыкальные группы: их множество, и все они, как ложноножки с амёбой, связаны с группой Gong, известной своими артистическими капризами и эксцентричными выходками.

Мы играем хорошо, и слушатели искренне нам аплодируют. Вездесущий Фил Сатклифф, который, как ангел-хранитель, кажется, следует за мной повсюду, освещает наше выступление в журнале *Sounds*. Видимо, он под сильным впечатлением от нашей группы, и ведет себя совсем не так, как в Ньюкасле, с готовностью осыпая нас похвалами. Мы остаемся, чтобы посмотреть на Стива Хиллиджа, который выступает совершенно потрясающе — вероятно, в его лице британский рок ближе всего подошел к образу Джерри Гарсии. После этого Энди, Стюарт и я отбываем, не дождавшись грандиозного финала. Майк, разумеется, вынужден остаться до конца.

За ужином в недорогом, но приятном алжирском ресторане Энди, слегка захмелев, признается нам, что не разделяет восторгов мистера Сатклиффа. Он выражает желание внести свою лепту в наше со Стюартом предприятие, однако считает, что мы должны взять его вместо Генри, а не в

качестве дополнения к нему. Мы со Стюартом берем время на размышление, прекрасно понимая, что очень скоро нам волей-неволей придется определяться.

По возвращении в Лондон Police начинает активно выступать в таких клубах, как «Marquee» на Уордер-стрит, поэтому группа Черри Ваниллы вынуждена подыскать кого-то вместо Стюарта и меня. Правда, несмотря на то, что наша программа растянулась теперь на целый час, нам все еще приходится исполнять некоторые песни по несколько раз. Я постоянно говорю Стюарту, что если мы будем играть немного помедленнее, проблема исчезнет сама собой, но он не хочет и слышать об этом.

На проверку оказывается, что все обещания звукозаписывающих компаний по поводу Strontium 90 так же эфемерны,

321

как и те, которыми когда-то кормили Last Exit. Майк предпринимает отчаянную попытку продвинуть свой проект, переименовав группу в Elevators, но на середине первого номера нашей программы в концертном зале Dingwalls, когда нам никак не удастся настроить две наших бас-гитары и слушатели на глазах теряют к нам всякий интерес, становится ясно, что данный конкретный «лифт» едва ли сможет подняться выше первого этажа. На следующий день, как и следовало ожидать, звонит Энди, чтобы заявить, что он больше не собирается называться Elevator или Strontium 90 или любым другим именем, которое взбредет в голову Майку. Энди спрашивает, когда же мы, наконец, уволим Генри?

Несмотря на свою неудачу, Майк не падает духом. Он в первую очередь джентльмен и реалист. Он понимает, что расстановка сил изменилась, и не собирается нам препятствовать. Мы останемся друзьями. Однако это отнюдь не решает ситуацию с Генри. Наш милый корсиканец явно почувствовал, куда дует ветер, и, хотя как музыкант он, несомненно, вырос, его энергия и энтузиазм, особенно на сцене, постепенно угасают. И все-таки Стюарт не уверен, что хочет сменить Генри на Энди, и предлагает идею квартета. Доверяя дипломатическим способностям Стюарта, я соглашаюсь, что попробовать стоит.

Идет 1977 год, лето серебряного юбилея королевы, и каждую среду я отправляюсь на Лиссон-Гроув, чтобы записаться на пособие по безработице. По всему городу развешаны флаги и гирлянды. Предполагается, что это будет пышное, экстравагантное празднование времен второй елизаветинской эпохи, которое временно отодвинет на второй план отчаянное положение нашей экономики и болезни общества.

Мой обычный путь с Бэйсуотер на биржу труда протекает мимо здания в викторианском стиле с магазином на первом этаже. В эту среду я вижу, что около этого дома, вопреки

322

всем правилам дорожного движения, припаркован огромный черный «бентли» с шофером в ливрее. Из окна верхнего этажа свешивается молодой человек с растрепанной копной светлых волос. Этот молодой человек — Пол Кук, ударник Sex Pistols. Остальные члены группы — Сид Вишес, Джонни Роттен и Стив Джоунс — как раз вываливаются из машины в своих дорогих кожаных штанах и с немыслимыми прическами. Все они явно не совсем трезвы, и, жадно глотая пиво из банок, кричат что-то Полу, который наблюдает за их кривляньями с трезвым и спокойным удивлением. Тем временем Сид до половины взобрался на фонарный столб и с пьяным видом тычет пальцем в сторону окна. Все это происходит на фоне окутанной туманом биржи труда, которая возвышается в некотором отдалении на Лиссон-Гроув. Если бы у меня был с собой фотоаппарат, я одним кадром запечатлел бы истинную физиономию Британии в этот юбилейный год. Ее чудовищные контрасты и ее беспутных, веселых сыновей.

Мне нравятся Pistols. Единственное, в чем я им завидую — это то, что им не приходится, как мне, каждую неделю выстаивать очередь на бирже труда. Я спокойно прохожу мимо, но на бирже труда меня ждет настоящий хаос. За решеткой в окошке номер 26 сегодня сидит новая сотрудница. Она не справляется с наплывом посетителей, и очередь уныло тянется до самого выхода из здания как раздраженная змея. Как долго мне еще придется это терпеть?

Этим вечером мы со Стюартом идем в клуб «100» на Оксфорд-стрит, чтобы посмотреть на группу Alternative TV. Это группа Марка П. Марк, достигнув своего пика в карьере критика, решил попробовать себя на сцене. Для этого выступления он попросил разрешения воспользоваться моей бас-гитарой и всем прилегающим к ней оборудованием. Я согласился, впрочем, только для того, чтобы показать, что не держу на Марка зла за его разгромную рецензию о нашей пластинке. Поскольку Марк лишь несколько недель назад взял в руки гитару и за всю жизнь не спел ни

323

одной ноты, было бы немилосердно делать здесь критический разбор его выступления, но мы со Стюартом наскребли достаточно денег на несколько кружек пива и повстречали на концерте Кима Тернера, старого друга Стюарта.

Ким — младший брат Мартина Тернера, басиста группы Wishbone Ash. Сам Ким был когда-то ударником в группе Cat Iron, для которой Стюарт несколько лет назад организовывал гастролы. Теперь Ким, мастер на все руки, пришел работать к Майлзу в качестве помощника менеджера. Практичный, хитрый и невероятно обаятельный, Ким станет гастрольным администратором Police и сыграет важную роль в наших дальнейших приключениях и последовавшем за ними огромном успехе. Но это произойдет еще через много световых лет после того дождливого вечера среды, проведенного в маленьком мрачном клубе. На этот раз Ким был завербован в группу Марка в качестве опытного гитариста, чтобы заполнять значительные пробелы лидера группы в технике игры и знании основных аккордов.

В подтверждение старой поговорки о том, что «ни одно доброе дело не остается безнаказанным», моя акустическая система возвращается на следующий день сломанной. Но через несколько недель Марк еще больше окажется у меня в долгу. Как-то раз я подъезжаю на своем синем «ситроене» к дому Майлза в зеленом пригороде Лондона, чтобы забрать ударную установку Стюарта. Если не считать двух моих гитар, этот «ситроен» — моя единственная собственность. У дома Майлза припаркован грузовик, поэтому я оставляю свой автомобиль на другой стороне дороги.

Протискиваясь между грузовиком и стеной дома Майлза, я вижу Марка и Гарри, его гастрольного администратора, которые выходят из парадной двери и, завидев меня, очень смущаются. Дело в том, что Майлз только что сообщил им о поломке моей акустической системы. Пробормотав невнятные извинения и пообещав в каком-то неопределенном будущем возместить мне материальный ущерб, они

324

спешат поскорее уйти и взбираются в кабину ожидающего их грузовика.

Через несколько секунд Майлз уже встречает меня у порога в компании двух слюнявых английских догов. Мы слышим, как грузовик сдает назад, съезжая с дорожки, ведущей к дому, после чего раздается звук ужасного удара. Мы подбегаем к окну и видим, что грузовик поспешно разворачивается и исчезает в южном направлении, мчась в сторону гостиницы «Swiss Cottage» и центра Лондона. Маленькая синяя машина остается на обочине дороги с изрядно приплюснутым капотом. Виновники аварии в панике бежали с места преступления, поскольку, как я выяснил позже, у Марка нет ни прав на вождение грузовика, ни страховки. Майлз, который является хозяином грузовика, стоит, пораженный ужасом. Я же, оправившись от своего собственного шока и сдержав вспышку праведного гнева, начинаю смеяться.

— Что смешного? — спрашивает Майлз.

— В этом нет ничего смешного, Майлз, — говорю я, — не считая того, что это моя машина, а Марк и Гарри еще не знают об этом.

Майлз хватается руками за голову. В течение некоторого времени Марк и Гарри будут стараться не попадаться мне на глаза.

Теперь Энди — официальный член группы Police, которая с его вступлением превратилась в квартет. Вскоре нам предстоит выступление на фестивале Mont de Marsan на юге Франции, где также выступают группы Clash, Damned и Jam. Заплатят нам за это довольно мало, но Майлз считает, что нам будет полезно лишний раз себя показать. Нельзя сказать, что Майлз окончательно поверил в группу, созданную братом, но он проявляет к нам все больший интерес. Мы много работаем, мы не жалуемся, в нас достаточно гибкости, чтобы подстраиваться под его планы, но он пока не берется быть нашим менеджером.

325

Два изнурительных дня занимает дорога к месту фестиваля, куда мы добираемся на большом желтом автобусе. Это, без сомнения, тест для Энди на готовность к суровым испытаниям, на способность быть пехотинцем в этом новом наступлении на континентальную Европу. Он переносит все невзгоды более чем достойно и оказывается отличным веселым попутчиком. Мы прибываем на место выступления измученные дорогой и умирающие от голода, но играем хорошо и срываем бурю аплодисментов. Энди, несомненно, очень ценное приобретение, однако между ним и Стюартом возникают некоторые трения, потому что Стюарт по-прежнему хочет доказать всему миру, что он самый быстрый и самый неистовый ударник на фестивале, если не на всей планете.

Гвоздь программы фестиваля — группа Clash, которую я люблю, потому что они достигают истинной музыкальности в своих прозрачных мелодиях, где звучат только простые аккорды. В середине их выступления на сцену без приглашения вваливается Captain Sensible¹⁷ — басист группы Damned. Он пьян, а на голове у него ярко-красный берет. Он бросает бомбу-вонючку прямо за спиной у Джо Страммера, который мужественно продолжает петь, после чего Captain Sensible падает со сцены, неудачно и, вероятно, очень больно приземлившись на подпирющий сцену шест. Его поспешно уносят на носилках, а он при этом распевает «Марсельезу».

Несколькими днями позже, по возвращении в Лондон, Энди предъявит нам со Стюартом свой окончательный ультиматум, и на меня будет возложена тяжелая обязанность сообщить Генри о том, что он больше не является членом нашей группы. Я поднимаюсь в его квартиру, помогая ему занести домой гитару и все музыкальное оборудование, и обоим нам при этом очень грустно, хотя Генри говорит, что ожидал чего-то подобного с тех пор, как к нам присоединился Энди.

¹⁷ «Капитан разумный» — псевдоним Рэя Бернса.

326

— Но у нас были «моменты по-настоящему», Генри.

— Да, мой друг, у нас были «моменты по-настоящему».

Мы с Генри останемся друзьями. Он продолжит совершенствоваться в игре на гитаре, и в следующий раз, когда я его увижу, он уже будет новым гитаристом Уэйна и группы Electric Chairs, вместо Грега, который окончательно спился.

Я наношу визит Стюарту и Соне, которые из роскошной квартиры в Мэйфэйр перебрались в скромную маленькую комнатку в Патни. Мы сидим посреди комнаты на полу с чашками кофе в руках в окружении вещей Стюарта и Сони, нагромождения пластинок, книг, арабских вещей и музыкального оборудования. Мой друг сегодня сам не свой. Майлз убедил его, что увольнение Генри — страшная ошибка, и это лишило Стюарта всякой уверенности в себе. Я напоминаю Стюарту, что через два дня нам предстоит выступление в Бирмингеме, и не стоит резать себе вены раньше, чем мы услышим себя в качестве трио в новом составе. Тем не менее и я поддаюсь этому нехарактерному для меня подавленному состоянию, которое охватило Стюарта после ухода Генри.

Я возвращаюсь домой под проливным дождем, и оказывается, что малыш Джо заболел. Он горячий, как печка, и его маленькое сердце стучит, как бомба с часовым механизмом. Мы вызываем доктора, и через час он уже стоит у нашей двери, держа над головой зонт. Это элегантный чернокожий человек в очках с тонкой оправой, в сшитом на заказ костюме и с изысканным английским произношением. Поначалу мы с Фрэнсис чувствуем смущение из-за отсутствия ковров и мебели в нашей квартире, а потом с ужасом замечаем, что кто-то из наших соседей подарил Джо уродливую страшную куклу, которая немим укором, словно какой-то идол, сидит в углу кровати нашего больного малыша. Дождевые капли вычерчивают причудливые узоры на бетонном полу маленького двора перед нашим окном. Доктор любезно не обращает внимания на странную

327

игрушку и говорит, что нашему сыну необходимо лекарство и что мы должны потеплее его укутать. Он выписывает рецепт и сообщает, что ближайшая дежурная аптека, работающая в такой поздний час, находится на Пиккадилли.

Под проливным дождем я еду на Пиккадилли и обнаруживаю у аптеки огромную очередь. За стойкой работает один-единственный аптекарь, а пол-Лондона нуждается в лекарствах. Через час я возвращаюсь домой, антибиотик, кажется, производит необходимое действие, и Джо погружается в спокойный сон, несмотря на то, что дождь барабанит в окна. Я всю ночь не смыкаю глаз, без конца прокручивая в голове положение, в котором я оказался, и думая о тяжелом грузе ответственности за жизнь и благополучие моей семьи. Удастся ли нам выплатить деньги за эту квартиру, найдет ли Фрэнсис работу, и что же в конце концов ждет в будущем нашу группу?

К утру дождь перестает, и Джо просыпается здоровым. По радио передают, что прошедшей ночью выпало самое большое количество осадков за последние пятнадцать лет и что Элвис Пресли был найден мертвым у себя дома в Мемфисе.

«У Ребекки» — маленький ночной клуб (он же дискотека) в центре Бирмингема. При въезде в город нас ободряет вид расклеенных повсюду афиш. Это означает, что промоутеры сделали достаточно, чтобы собрать народ на мероприятие, которое должно стать нашим Рубиконом. Одно из двух: или мы успешно пройдем через это, или наше хрупкое предприятие будет сброшено в пучину отчаяния и несбывшихся надежд. Мы знаем, что сегодня все поставлено на карту и

отчаянно нуждаемся в успехе. Энди выходит на сцену, понимая, что если мы провалимся, то группа, ради которой он рискнул своей репутацией, почти наверняка закончит свое существование. Мы со Стюартом смотрим из гримерной на растущую толпу мрачными глазами, осужденных на смерть.

328

Мы выходим на сцену, включается свет, и, движимые ощущением безвыходности своего положения, паникой и, я полагаю, напряжением силы воли, мы все-таки разрываем путы сковывающих нас неуверенности и отчаяния и с первых же тактов первой мелодии начинаем играть со всепоглощающей силой парового молота. Мы со Стюартом наяриваем так, словно в машинном отделении работает турбина, а из-под рук Энди один за другим раздаются искрометные гитарные переборы. Мой голос парит в воздухе, как хрипловатый крик хищной птицы. Зрителей, поначалу настороженных, охватывает невообразимое воодушевление. Во всем помещении нет ни одного равнодушного лица, как будто все присутствующие прониклись ощущением необходимости сделать наше выступление потрясающей удачей.

Мы трижды выходим, чтобы сыграть на бис, и толпа растаскивает на части ударную установку Стюарта, когда мы протискиваемся к гримерной. Но теперь, по крайней мере, ясно, что здесь произошло что-то необыкновенное, что чем дальше мы продвигаемся по своему пути, чем сильнее рискуем, тем щедрее вознаграждение. Возможно, впервые в жизни, я получил какой-то ориентир. Я понял, к чему следует стремиться, сочиняя песни. Мы победим. Я знаю, что это займет некоторое время, но теперь я в этом уверен.

Вдохновленный присутствием Энди, я снова начинаю писать песни, как в старые добрые времена, когда я плодотворно и с удовольствием сочинял для Last Exit. В период с конца августа до Рождества 1977 года я напишу подавляющее число песен для нашего первого альбома, нередко используя фрагменты песен, когда-то сочиненных мной для Last Exit, с измененными аккордами и мелодией. Новые варианты песен звучат более определенно, более лаконично, чем их прежние воплощения, и притом в них появилась некоторая утонченность, которой нашей группе не удавалось достигнуть прежде. «So lonely» — это песня, беззастенчиво склеенная из старых текстов репертуара Last Exit и слегка измененной музыки «No Woman, No Cry» Боба Марли.

329

На живой, как бы пружинящий ритм стихов накладывается тяжелая, монолитная пульсация рок-н-ролла. Это сочетание ритмов приводило меня в бешеный восторг, к тому же нужного эффекта удавалось достичь почти без усилий, всего лишь веселым исполнением этой горько-ироничной по содержанию песни.

Очень мало кто из современных новых групп обладает достаточным мастерством, чтобы играть регги. Сложный ритмический контрапункт этой музыки, кажется, переворачивает традиционные ритмические законы поп-музыки с ног на голову. Овладение этим стилем игры и доминирование партии баса в нашей музыке позволили нам со Стюартом развить более тонкие стороны взаимодействия между нашими инструментами, которых редко касались менее опытные коллективы. Создать некий гибрид, соединяя в один цельный сплав животную мощь рок-н-ролла и переменчивую гибкость регги — вот задача, которая могла бы стать интересной и плодотворной, особенно сейчас, когда музыкальный пейзаж, оставшийся после эпохи панк-рока, начинает напоминать район военных действий. Сложившаяся ситуация может дать нам шанс и стать настоящей удачей.

Октябрь застает Стюарта, Энди и меня во Франции с Уэйном Каунти, в составе группы которого теперь играет наш Генри. Ударник в группе Уэйна — тоже новый. Басист Вэл рассказывает мне, что Крис еще раз попытался вернуться в Англию. На этот раз он прыгнул с парома, но, пока плыл к берегу, был пойман и снова депортирован. Бедный парень. В Париже мы выступаем на сцене «Nashville Club», сомнительного, жалкого концертного зала в пригороде Сен-Жермен. При этом нам приходится провести несколько ночей в захудалой гостинице за вокзалом Сен-Лазар. Вход в нашу гостиницу располагается в узком, зловонном переулке. Лишь только наступает вечер, по обе стороны переул�а загораются кричащие огни секс-шопов и тусклые окна букинистических магазинов. Переулок служит местом работы примерно двадцати женщин, которые стоят, прислонившись

330

к дверям домов и курят одну сигарету за другой. Одетые в сверкающие клеенчатые расстегнутые плащи, мини-юбки, дешевые сапоги или туфли на высоких каблуках, они смотрят на улицу из-под полуприкрытых век, словно шпионы из второсортного кино. Некоторые из них — молодые и

привлекательны, другие — постарше, а некоторые — совсем старухи с мрачными, а то и вовсе перекошенными лицами. Самым большим спросом пользуются женщины среднего возраста, как будто большинство клиентов предпочитают опытность и знание жизни. Более молодые и более привлекательные девушки с их кажущейся невинностью, видимо, никого не интересуют, равно как и дряхлые старухи, которые выглядят так, словно простояли в этом переулке уже тысячу лет. В мрачном фойе гостиницы висит старая афиша «Комеди Франсэз», уныло шелушащаяся на стене за стойкой. Она гласит: «Сирано де Бержерак, пьеса Эдмона Ростана». На несколько секунд я останавливаюсь перед афишей, чтобы проникнуться ее увядающей жизнерадостностью. На афише изображен смеющийся человек с огромным носом и пером на шляпе. Это грустный клоун, который превратил свой недостаток в достоинство. Этот человек — хранитель тайны, обладатель дара ослепительного красноречия, который, вызвав расположение красивой женщины к своему другу, не может раскрыть себя как истинного автора писем к ней, когда друг умирает. Это безответно влюбленный человек, а женщину, которую он любит, но которой не может обладать, зовут Роксана.

Этим вечером, поднявшись в свою комнату, я напишу песню о девушке. Я назову ее Роксаной. Я совершенно бесплатно возьму ее с улицы, на которой стоит наша гостиница, и помещу в выдуманный, романтический и грустный мир пьесы Ростана. Ее рождение целиком и полностью изменит мою жизнь.

331

13.

К концу года, все-таки сумев выплатить деньги за новую квартиру, купить ковер и немного мебели, мы начинаем, наконец, чувствовать себя собственниками этого жилья. Телевизионная работа Фрэнсис становится все более регулярной и хорошо оплачивается. Она только что закончила работу на BBC в радиоспектакле «Уходящие дни». По иронии судьбы, это та самая пьеса, благодаря которой в начале пятидесятых в лондонском театральном мире прославился ее отец. Кроме того, BBC предоставило ей большую роль в музыкальной постановке под названием «Твист напоказ», действие которой происходит в Ирландии. Эта роль очень важна для артистической карьеры Фрэнсис, равно как и для ее самооущения после этого трудного года.

У меня же, если не считать пособия по безработице, до сих пор нет постоянного дохода. И вот я, по протекции

333

Пиппы Маркхэм, пытаюсь пополнить наш бюджет, подрабатывая моделью. Я сыграю в рекламе джинсов Brutus и бюстгалтеров Triumph, а потом даже привлеку Ронни и Стюарта к съемкам рекламного ролика для жевательной резинки Wrigley's, причем руководить съемками будет Тони Скотт. Таким образом, я занимаюсь тем, чем никак не предполагал заниматься: мне платят исключительно за мой внешний вид. Едва ли это самое удачное время в моей жизни, но как бы то ни было, я горд, что это позволяет нам с Фрэнсис держаться на плаву и даже вернуть деньги, одолженные нашими родителями для покупки квартиры. Правда, я думал, что отец с большим воодушевлением отреагирует на этот факт.

— Что ж, насколько я понимаю, тебе пока не удалось прославиться на весь мир?

— На это требуется время, папа.

— Но ты уже год сидишь на мели, а тебе нужно кормить жену и ребенка.

— Наши дела идут на лад, папа.

— Да что ты говоришь?

Эта последняя фраза сказана с тем сарказмом, который, как мне прекрасно известно, вызывает у моей матери жестокие приступы гнева, но я не поддаюсь на эту провокацию. Нет смысла спорить с ним. Он во многом прав, и потом — он несчастлив.

Мы с Фрэнсис проводим Рождество с моей семьей, но вся та теплота и уют, которые обычно ассоциируются со словом «дом», к несчастью, начисто отсутствуют среди моих родственников. Воздух в доме, как обычно, звенит от сдерживаемой истерии, которая все равно просачивается сквозь мамину суету с рождественскими покупками, украшением дома и приготовлением праздничного ужина. Атмосфера в доме наводит на мысль о государстве, которое совершает последние приготовления к войне. Кажется, что война может разразиться в любую минуту.

Отец, который, несомненно, рад увидеть Фрэнсис и малыша, с большим трудом сохраняет вежливость в общении

334

со мной. Он все время стремится дать мне понять, что, по его мнению, я сошел с ума и просто теряю время, пытаюсь закрепиться в Лондоне. Он ведет себя так, словно любой мой успех и моя независимость в столице станут очередным гвоздем в его гроб. В одном из неискренних, мелочных споров он говорит мне, что Лондон — крайне неподходящее место для воспитания ребенка, что это гнездо разбойников, воров, нечистых на руку юристов и всевозможных мошенников. Я не говорю ему, что все его аргументы — не более чем невежественные, провинциальные народные сказки, потому что понимаю: по-своему, очень странным способом, он говорит мне, что скучает без меня.

Старшая из моих сестер, Анжела, уже замужем и живет теперь своим домом. У меня возникает подозрение, что сс отъезд и мое переселение в Лондон нарушили хрупкое равновесие, обеспечивавшее спокойствие в нашем доме. Моя младшая сестра еще школьница, и остается теперь единственным неоперившимся птенцом в нашей семье. Мой брат, который вместе с отцом развозит молоко и который был для меня в течение последних лет самым близким человеком в семье и мощным источником поддержки, теперь приобрел вид и манеры человека, занятого серьезным делом, а не носящегося с несбыточными мечтами о славе и светской жизни. Он — ответственный наследник семейного бизнеса, в то время как я выгляжу человеком, промотавшим свое «прекрасное» образование и променявшим с таким трудом завоеванную в родном городе популярность на какую-то безумную причуду.

Рождественским утром ощущение неловкости только возрастает. Мама купила для Джо большую пластмассовую гоночную машину, но, несмотря на попытки моего отца усадить в нее ребенка, мальчика гораздо больше привлекает блестящая и шуршащая оберточная бумага. Фрэнсис получает в подарок ужасный зеленый жилет из синтетической материи, который делает ее похожей на новогоднюю елку. В более расслабленной атмосфере мы бы просто весело

335

посмеялись, но сейчас наши улыбки выглядят неестественно: мы не хотим выглядеть неблагодарными и, в то же время, не можем скрыть неловкости.

Я никогда не ношу ювелирных украшений, и мама это знает. И тем не менее она дарит мне тщательно упакованный в специальную коробочку позолоченный браслет. Это безвкусная, кричаще-яркая вещица в духе гангстерской эстетики, и если в ее скучном орнаменте есть какой-то скрытый символический смысл, то он запечатлелся там случайно. Возможно, маме кажется, что после отъезда из дома мне еще только предстоит определиться со своей жизнью, что я уже сам не знаю, кто я такой, а может быть, ее подарок означает, что мы перестали чувствовать друг друга. Наверное, отчасти она права, но когда я пойму это, будет уже слишком поздно. Есть что-то ужасно грустное в ее искреннем подарке, неоцененном, ненужном и неправильно понятом.

Фрэнсис должна возвращаться в Лондон на киносъемки, а у меня впереди очередное выступление. Мама любезно соглашается присмотреть за Джо во время новогодних праздников. Я заберу его через неделю, потому что мне предстоит вернуться в Ньюкасл для того, как ни странно, чтобы после такого долгого перерыва временно воссоединиться с Last Exit.

В течение последних шести месяцев Ронни уговаривал Джерри и меня приехать и дать рождественский концерт для наших поклонников в Ньюкасле. Он забронировал для этого бар Университетского театра, и все билеты уже распроданы. Джерри, которому удавалось вполне неплохо зарабатывать в Лондоне выступлениями и периодическими гастрольями, как и я, испытывает смешанные чувства по поводу воссоединения Last Exit. Его охватывают противоречивые эмоции: от ужаса до сентиментальной ностальгии, но все-таки мы склонны согласиться, и теперь, когда отступать уже поздно, мы оба рады предстоящему выступлению.

336

Мы устраиваем репетицию в уоллсендском художественном центре, переделанном из викторианской школы, в которой когда-то училась моя мама. Маленькой девочкой она, наверное, сидела в этом самом зале в своих милых ситцевых платьях и белых носочках, со светлыми волосами, завязанными в хвостики по бокам. С широко открытыми глазами она мечтала о своем послевоенном будущем и о смелом принце, который спасет и увезет ее.

Наш старый коллектив немного «заржавел», но репетиция проходит хорошо. Мы все рады видеть друг друга. Ронни и Терри не изменились ни на йоту с тех пор, как мы виделись в последний раз, и мне интересно, думают ли они то же самое про нас с Джерри. Мы выбираем около пятнадцати номеров из нашей старой программы, а потом, сдув «паутину» с давно не исполнявшихся песен и освежив в памяти слегка забытые аранжировки, мы восстанавливаем свою прежнюю форму.

Следующим вечером театральный бар переполнен сотнями зрителей, точно как во время нашего

прощального концерта год назад. Это неожиданный поворот событий и притом очень трогательный, потому что присутствуют все, кого я знаю. Мой брат и Фил Сатклифф тоже здесь. Соглашаясь на выступление, мы с Джерри думали, что идем на огромный риск. Вдруг никто не придет, и мы будем чувствовать себя ужасно глупо, как будто нас забросали тухлыми яйцами? Но то, что происходит, попросту поразительно. Мы превысили все ограничения, предписываемые правилами противопожарной безопасности, но зрители, теснящиеся в зале, как сардины в банке, улыбаются и счастливы видеть нас снова. Вот это поистине домашняя теплота.

Фил Сатклифф берет на себя обязанности конферансье, и мы начинаем играть в атмосфере горячего одобрения. Я опасался, что по прошествии года некоторые песни могут забыться, но зал поет вместе со мной во весь голос, не пропуская ни единого слова.

337

Я думаю, что примерно так же должен чувствовать себя человек, занимающийся серфингом. Тебя без всяких усилий с твоей стороны несет на волне счастья, эмоций и воспоминаний. В тот вечер мы играем до полного изнеможения, но и тогда несколько чересчур вдохновленных и, вероятно, выпивших лишнего зрителей не желают расходиться и умоляют нас сохранить группу в прежнем виде.

Я не думаю, что Ронни и Терри по-настоящему надеются, что мы с Джерри откажемся от своей мечты добиться чего-то в Лондоне, но это последнее выступление кладет конец какому-то напряжению между нами. Мы закончили свою совместную деятельность на высокой ноте, и какие бы недоговоренности и обиды ни сохранялись в наших отношениях со времени распада группы, который произошел год назад, теперь все это аккуратно и честно разрешено.

На следующее утро к вокзалу в Ньюкасле направляется странная троика. Мы с Джерри кутаемся в свои теплые пальто, и каждый из нас держит в руках по чемодану. Джо с открытым ротиком спит в своей коляске, одетый в серебристый зимний комбинезон, который делает его похожим на обессилевшего космонавта. Стоит угнетающе сырая и холодная погода. Минутная стрелка на огромных вокзальных часах, висящих высоко над платформой, вздрагивает и замирает на отметке тридцать минут девятого. Мы спешим спрятаться от ветра в тепле привокзального буфета, чтобы присоединиться к таким же, как мы, промерзшим душам, ждущим отправления поезда, который отвезет их на юг. Мы сидим в буфете, отхлебывая кофе из пластиковых стаканчиков, когда какой-то шутник включает на весь вокзал песню Animals «We Gotta Get Out of This Place» («Нам пора убираться из этого места»). Кажется, все люди вокруг понимают шутку, словно все мы здесь — изгнанники из какой-то заколдованной земли, стремящиеся в неопределенность будущего. Этой записи уже больше десяти лет, и не забыли ее, я думаю, только потому, что она часто исполняется. Все та же мрачная песня. Все та же мрачная шутка.

338

Поезд до отказа набит пассажирами, но нам удастся найти два свободных места напротив пожилой пары, которая за все время пути не произносит ни слова. На окнах оседает пар от дыхания, и по всему вагону распространяется запах отсыревшей шерстяной одежды. Такое впечатление, что поезд останавливается буквально на каждой станции, и путешествие получается долгим и ужасно нудным. Джо, проснувшись, начинает терроризировать молчаливую пожилую чету, которая совершенно не поддается на его обычно такое обезоруживающее обаяние. Сначала Джо начинает бросать в них свои пластмассовые кубики. Я извиняюсь. Потом он принимается вертеться и скользить по столу, как танцор, исполняющий брейк-данс. Пожилая чета вынуждена спасать от него свои чайные чашки. Я извиняюсь снова. Потом Джо начинает неожиданно хватать проходящих мимо пассажиров. Я извиняюсь снова и снова, пока наконец он не выдает свой коронный номер, свою новую фразу. В очередной раз уронив плюшевого медвежонка на пол, он совершенно сознательно, отчетливо и очень уместно выкрикивает свою последнюю мантру: «О, фак!»

Джерри издает стон и засыпает, склонив голову к окну, а возможно, только притворяется, что спит. Заснеженные поля и телеграфные столбы проносятся мимо, а пожилая чета бросает сердитые неодобрительные взгляды на моего невоспитанного сына и его безответственного отца.

Студия звукозаписи Surrey Sound располагается в Leatherhead на втором этаже старого здания, в котором прежде был молочный магазин. Эта студия ничем особенным не отличается от Pathway и других студий, в которых мне доводилось работать, но она просторная, уютная и недорогая. Ее владелец — врач Найджел Грэй. Сначала студия была для него просто увлечением, но постепенно превратилась во всепоглощающую страсть. Он увлекся настолько, что даже хочет бросить медицинскую практику

339

и зарабатывать на жизнь исключительно в качестве звукооператора и продюсера.

К этому времени Майлз Коупленд согласился помочь нам или, по крайней мере, выпустить наш первый альбом под своим недавно основанным лейблом Illegal. Нельзя сказать, что он по-настоящему поверил в нас — мы все еще на положении бедных родственников — но ему необходимо расширять объем выпускаемой продукции, чтобы стать серьезным представителем музыкального бизнеса. Майлз всегда обладал прямо-таки животным инстинктом на выгодные сделки, и в лице Найджела Грэя он видит человека, обладающего достаточными амбициями и возможностями, чтобы как следует сделать то, что нужно. Поскольку у Найджела пока нет опыта продюсерской работы, Майлз предложил ему сотрудничество в обмен на очень выгодные условия пользования студией. Мы запишем наш первый альбом в течение десяти дней, заплатив за это менее полутора тысяч фунтов, что даже по меркам того времени невероятно дешево. Если мы завоевали себе репутацию экономных людей, то, несомненно, эта первая сделка положила ей начало. Для своей первой записи мы взяли уже использованные кассеты, целый склад которых был обнаружен нами в гараже Майлза, и записались поверх не увенчавшихся успехом попыток кого-то из его предыдущих клиентов подобно тому, как неприкаянные кукушки подкладывают свои яйца в чужое гнездо.

Найджел лишь ненамного старше Стюарта и меня, но его скромные манеры, волосы, тщательно, как у школьника, расчесанные на пробор, и невероятно аккуратная одежда делают его похожим скорее на чудаковатого деревенского доктора, чем на хозяина в божественном хаосе студии. Я не удивился бы, увидев стетоскоп, свисающий из кармана его твидового пиджака, а между тем он очень знающий инженер, способный управлять сложным электронным студийным оборудованием так же искусно, как хирург рассекает ткани лежащего под наркозом пациента.

340

Мы все чувствуем огромное воодушевление, делая этот альбом, особенно я, потому что я никогда еще не оказывался так близко к своей мечте, и притом, как с некоторым неудовольствием отмечает Стюарт, мной написаны почти все песни альбома. Стюарт включил в него две свои песни с нашего первого сингла, но с тех пор как к нам присоединился Энди, демократический процесс набирает обороты, и Стюарт убрал все остальные свои сочинения. Поскольку Police — это, прежде всего, творение Стюарта, сложившаяся ситуация его, естественно, раздражает. Однако, хотя я и являюсь очевидным новичком в деле звукозаписи, но я уже десять лет сочиняю песни. Возможно, среди них почти нет шедевров, но я определенно достиг в этом деле некоторого мастерства. Для других двух членов нашей группы сочинение песен — непривычный и незнакомый род деятельности. Поэтому я только пожимаю плечами в ответ на нехарактерный для Стюарта мрачный настрой, не собираясь извиняться за свою творческую активность, хотя у меня возникает чувство, что это обстоятельство может стать источником серьезных проблем в будущем.

При распределении прибыли, полученной от продажи музыкальной записи, автор песен получает столько же, сколько исполнитель. Следовательно, если мы будем иметь успех, я как автор большинства песен нового альбома получу такую сумму, по сравнению с которой доля любого из моих товарищей окажется ничтожной. Это, вероятно, будет ослаблять и без того неустойчивые демократические тенденции в нашей группе, пока не случится одно из двух: или мои товарищи начнут сочинять больше собственных песен, или прибыль будет более-менее поровну делиться между нами всеми. В конце концов я соглашусь на второй вариант и стану делиться с Энди и Стюартом частью своего авторского гонорара, что, с одной стороны, успокоит их, а с другой стороны, не отобьет у меня желание сочинять хиты. На какое-то время это станет решением проблемы, но потом она начнет усложняться, непрерывно подтачивая

341

отношения внутри группы, пока наконец не станет причиной ее распада.

Сырую запись альбома мы делаем в первые же несколько дней.

«So Lonely»: песня из репертуара Last Exit, измененная по эмоциональной окраске и скорости исполнения в соответствии с современной модой.

«Dead end Job»: песня, основанная на ритмах, которые извлекает из своей ударной установки Стюарт, а также на паре строчек, написанных его братом Яном, причем я, так много раз в своей жизни нанимавшийся на скучную и безысходную работу, придумываю способ придать песне определенную достоверность. Я предлагаю Энди читать вслух объявления о работе из газеты *Leatherhead Advertiser* в качестве фона для моего пения.

«Landlord»: вдохновленный нашими с Фрэнсис приключениями в Саутгейте и моими

мучительными попытками найти жилье для моей семьи.

«Born in the Fifties»: первое четверостишие этой песни представляет собой фрагмент моих детских воспоминаний. «Моя мать расплакалась, когда умер президент Кеннеди. / Она сказала: это коммунисты, / Но я знал лучше». Уже тогда я был маленьким надутым теоретиком.

«Peanuts»: одна из мелодий Стюарта, на которую я сочинил стихи, вдохновленный моим давним кумиром Родом Стюартом и газетными статьями о нем, ни на минуту не подозревая, что через несколько лет, работая вместе с ним, я и сам пострадаю от рук газетчиков.

«Would You Be My Girl?»: песня, на всем протяжении которой постоянно повторяется одна и та же строчка, к которой Энди предложил прибавить стишок о резиновой кукле.

«Hole in My Life»: еще одна песня о страданиях и нищете, выставленных напоказ и одетых в нарядные одежды.

И, наконец, «Roxanne». Изначально написанная как латиноамериканская мелодия с джазовой окраской, эта песня

342

путем многочисленных проб и ошибок всей нашей группы превратится в нечто похожее на танго. Стюарт выдвинет предложение подчеркнуть вторую долю каждого такта при помощи бас-гитары и басового барабана, что сделает ее ритм по-аргентински неуравновешенным. Стюарт вынуждает меня также пересмотреть первоначальный вариант мелодии и сделать ее более угловатой и непредсказуемой — качества, которые лучше всего, по его мнению, характеризуют и раскрывают мой голос.

После того как я завершаю многодорожечную запись хора, звучащего в этой песне, мы осознаем, что создали что-то уникальное, но, несмотря на нашу убежденность в этом, нас смущает романтический, хотя и не лишенный трагизма сюжет песни. До этого мне уже пришлось защищать песню «Next to You», которую обвиняли в том, что она, будучи песней о любви, является чужеродным телом в модной атмосфере вызывающей злобы и агрессии. Майлз за много лет до появления пародийной группы Spinal Tap уже хочет назвать наш первый альбом «Police Brutality» и уже представляет себе его обложку, где мы в полицейской форме допрашиваем полураздетую женщину. Остальные члены группы, к моему ужасу, вполне одобряют эту безумную нелепость, но я про себя уже планирую саботаж и бунт. Вот в какой атмосфере мы исполняем наш первый альбом перед Майлзом, который все еще не является нашим официальным менеджером.

Чувствуется, что он впечатлен нашими усилиями, однако мы не спешим играть ему «Roxanne», опасаясь, что песня, которую невозможно отнести ни к какому стилю, оттолкнет Майлза от нашего проекта. Наконец, после того, как прослушано все остальное, Стюарт предлагает нам сыграть «Roxanne». Я слегка поеживаюсь и намекаю Майлзу, что песня немного странная, молясь про себя, чтобы моя интуитивная убежденность в необычных качествах этой песни оправдалась и нас миновала буря, которая, я вижу, уже нарастает в воображении Майлза. Я с беспокойством

343

жду начала песни. Атональные звуки пианино, нервный смех, а потом быстрые-быстрые гитарные аккорды, подкрепляемые странным ритмом танго. На лице Майлза не видно ни тени улыбки. Его тело неподвижно, его облик остается упрямо спокойным, когда я начинаю завывать и причитать режущим слух тенором, который вызвал бы у Элвиса Костелло неудержимое желание схватить меня за ухо. Наши дела плохи. Напряжение в комнате настолько ощутимо, что я не решаюсь поднять глаза и взглянуть на остальных. Проходит целая вечность, прежде чем мы добираемся до последних аккордов песни. Мои глаза устремлены в пол, в воздухе нависает тишина, в которой набухает сомнение, потому что, если Майлз отвернется от нас из-за этой песни, дни моей работы в группе будут сочтены.

Потом я все-таки поднимаю глаза и вижу, что шея и уши Майлза покраснели. Я предчувствую самую ужасную из возможных вспышек гнева и жестокие насмешки в свой адрес. Я готовлюсь к молчаливому отступлению. Майлз делает глубокий вдох, трясая головой и, наконец, говорит:

— Да это же, черт возьми, настоящая классика, это же, мать твою, будущий хит.

Он делает такое движение, словно хочет поцеловать меня, я инстинктивно уклоняюсь, довольный и смущенный. Тогда Майлз одобрительно хлопает меня по спине и плечу, как будто я один из его домашних псов.

— Черт возьми, я только что договорился с компанией A&M об издании альбома Squeeze. Но когда они услышат это, скажу я вам, они переметнутся на вашу сторону. Он настолько бурно реагирует на эту песню, что прежняя степень его энтузиазма представляется равнодушием в сравнении с теперешним воодушевлением. Он просто светится восторгом и, выходя из студии,

сжимает в руке кассету и вполголоса напевает партию хора со своим неправильным южным выговором. Остальные песни забыты на кассетнике, как уродливые сестры после бала во дворце у принца.

344

Мы покидаем студию в отличном настроении, прекрасно зная, что A&M — одна из самых уважаемых и успешных компаний по обе стороны Атлантики. Если прежде мы были бы абсолютно счастливы возможностью выпустить свой альбом самостоятельно под лейблом Майлза Illegal, то теперь, с его же благословения, мы замахиваемся на большее, чем когда-либо могли мечтать, на сотрудничество с международной фирмой звукозаписи.

На следующий день, разговаривая с братом по телефону, Майлз, по выражению Стюарта, «просто пускает слюни». Да, компании песня понравилась тоже, и ее сотрудники полагают, что она станет хитом. Если это действительно сбудется, мы сможем выпустить свой альбом не под маленьким лейблом Illegal Майлза, а под могущественным лейблом A&M. Правда, наш восторг и радостные предчувствия несколько омрачены тем, что этим вечером в студии Майлз заявляет, что не намерен вносить за нас большой аванс.

— Послушайте, большой аванс неизбежно означает, что придется брать кредит в банке. Я же хочу сначала подписать контракт на эту одну песню. Если она станет хитом, то я смогу гораздо больше вложить в издание целого альбома, и ваши гонорары будут намного выше. Если вы сможете еще какое-то время продержаться так, как вы справлялись последний год, без вложения каких-либо денег в вашу раскрутку, вы в конце концов получите хорошую прибыль.

Это был очередной блестящий пример легендарной прозорливости Майлза. Вместо феодальной зависимости, в которую попадает большинство групп, если в них изначально вкладываются большие деньги, группа Police вступила в истинно партнерские отношения со своей звукозаписывающей компанией. В результате мы будем пользоваться большей творческой свободой, и все заработанное нами будет оставаться у нас. Впоследствии я с полным правом смогу назвать Police «симпатичным маленьким бизнесом», но именно Майлз положил ему начало, и через некоторое время мы будем с лихвой вознаграждены за свое терпение.

345

Песня «Roxanne» окажется полезной и еще в одном отношении. Благодаря ей Майлз на 180 градусов развернется от своей идеи придать нашей группе брутальный имидж и отдаст предпочтение романтическому идеализму. Отныне Майлз официально станет нашим менеджером. 26 января 1978 года Майлз Эйкс Коупленд III победоносной походкой входит в студию, держа в руках первоначальный вариант контракта с фирмой A&M на распространение нашего нового сингла, «Roxanne». К тому же у Майлза новая идея относительно названия нашего первого альбома. Он хочет назвать его «Outlandos D'Amour» — словосочетание, представляющее собой нечто среднее между фразой на языке эсперанто и пустым набором слов. Майлз с наслаждением смакует новое название, произнося его с каким-то пародийным французским акцентом, который скорее наводит на мысль о его alma mater в Бирмингеме (штат Алабама), нежели о Сорбонне. Кривляния в стиле провинциального Тома Паркера станут отличительной чертой манеры Майлза вносить свои творческие предложения. Шутя, он старается отвлечь нас от любых серьезных возражений, которые могут прийти нам в голову. «Outlandos D'Amour» — это, несомненно, странное название, но оно вполне отвечает нашей общей склонности к абсурдному, и, коль скоро никто из нас не может предложить ничего лучшего, мы соглашаемся назвать альбом именно так.

К марту контракт с A&M уже готов к подписанию. Говорят, что все сотрудники A&M, включая бухгалтеров, просто не вынимают кассету с песней Roxanne из своих магнитофонов. Нам рассказывают, что за долгое время это первая песня, которую сотрудники отдела распространения попросили поставить дважды. Стюарт, Энди и я отправляемся в шикарный офис компании на Фулхэм-роуд, где ее президент Дерек Грин приветствует нас как желанных блудных сыновей, причем «Roxanne» победно звучит из всех репродукторов по всему зданию.

346

И вот мы уже сидим в плетеных тростниковых креслах, а наши ноги утопают в мягких коврах президентского офиса. Мы подписываем каждую страницу официального контракта с A&M «паркером» из чистого серебра. По завершении этой формальности, нас, в знак гостеприимства, пускают порыться в музыкальном каталоге, который находится в полуподвальном этаже офисного здания. Здесь мы набираем альбомов фунтов на двести. Я получаю полное собрание записей Квинси Джоунса и Антонио Карлоса Джобима, причем моя добыча очень скромна по сравнению с уловом моих товарищей, потому что у меня все еще нет проигрывателя. Я захожу в свою квартиру

с чувством человека, который только что ограбил магазин, и оказывается, что у Фрэнсис есть для меня новости. Телекомпания Granada TV предложила ей сняться в сериале в роли переодетого полицейского. «Отличная мы с тобой парочка», — говорю я. Съемки сериала будут проходить в Манчестере, что означает для нас длительное расставание, но свойственное нам обоим честолубие, равно как и острая нужда в деньгах, заставят нас преодолеть эти трудные времена. От радости мы пускаемся в пляс прямо в гостиной, держа Джо на руках, а пес Баттонс, как обычно, поглядывает на нас недоуменно и неодобрительно.

Моя самая младшая сестра Анита потом расскажет мне, что самое сильное воспоминание, которое осталось у нее от того дня, это автомобиль табачно-коричневого цвета, осторожно, задним ходом подъезжающий к открытым дверям гаража около нашего дома в Тайнмуте.

Ровно в половине одиннадцатого прекрасным воскресным утром, когда на небе ни облачка, и дует легкий южный ветер, моя мать складывает свои чемоданы в багажник автомобиля. Вместе с ней Анита. Грустно и неуверенно она садится на заднее сиденье. Моя мать планировала этот побег в течение нескольких месяцев, тайно раскладывая свою одежду по сумкам и чемоданам, чтобы ее исчезновение могло быть как можно более внезапным и эффектным. В одиннадцать

347

тридцать отец вернется домой после работы. Все спланировано с холодной стратегической точностью.

Сестра очень расстроена и напугана. Она не хочет уезжать, но, съездившись на заднем сиденье и прижимая к себе клетку с волнистым попугайчиком, пытается уверить и птичку, и саму себя, что все будет хорошо, все как-нибудь образуется.

У моей матери диковатый, загнанный взгляд, а мужчина на переднем сиденье, который тоже бросил свою семью, молчит и с беспокойством смотрит то на часы, то на дорогу, пока сумки и чемоданы громоздятся все выше и выше. Весь остаток дня они будут ехать на юг, к маленькому городку неподалеку от Манчестера, чтобы осуществить свою мечту о новой жизни.

Отец возвращается в пустой дом, тщательно прибранный, словно готовый к погребению труп или мавзолеей. Ему не оставили даже записки.

Я очень резко реагирую на тайное бегство матери. Я звоню отцу, который, как и следовало ожидать, подавлен и растерян. Я пишу матери злое письмо, заявляя, что она повела себя недопустимо, и практически отрекаюсь от нее. Это непростительное, опрометчивое письмо, но я был буквально ослеплен вспышкой праведного гнева. Я чувствовал себя обязанным как-то отомстить за унижение отца, но мне не хватило ума и зрелости, чтобы найти другой способ уравновесить собственные чувства.

Много позже, оглядываясь на прошлое с высоты своего опыта, я спрошу себя, а не была ли моя жизнь того времени такой же безответственной, как поступок моей матери. Долгие периоды разлуки с моей маленькой семьей, возможно, были законной ценой достижения честолубивых целей, но и они со временем сыграли свою разрушительную роль. Как бы я ни старался избежать ситуации, в которую попали мои родители, живя невероятно активной жизнью и стараясь сделать ее как можно более отличной от их жизни, я словно бессознательно носил в себе семена их несчастливой судьбы.

348

Моя мать всегда страстно стремилась прочь из дома, считая, что там, вонне — ее спасение. Я, вероятно, усвоил эту ее установку, что проявилось в моем маниакальном стремлении быть все время в пути, где я в итоге и провел двадцать пять лет своей жизни.

В тот же месяц, когда я узнаю о бегстве моей матери в Манчестер, Майлз привозит в Британию американскую группу Randy California's Spirit, которой нужна компания для совместных выступлений.

Гастроли начинаются в Университете Эссекса. За первым выступлением следует полный аншлаг в клубе «Rainbow», расположенном в лондонском районе Финсбери-парк. Spirit — яркая, плодотворно работающая группа с западного побережья Штатов. Начинали они в шестидесятых и по-прежнему играют словно навеянный каким-то опьянением, психоделический рок-н-ролл, благодаря которому когда-то прославились. Police и группа Марка П. под названием ATV идут вторым и третьим номерами программы на выступлениях американцев. Spirit — любимая группа Марка, а их британские гастроли — отчасти его идея. Что касается нашей группы, то ей по-прежнему отводится самое скромное место в концертной программе. Несмотря на бурное воодушевление, которое «Roxanne» вызвала в компании A&M, на Dryden Chambers нас все еще считают бедными родственниками, но мы не очень-то из-за этого переживаем. Группа Марка

сделала большой шаг вперед с тех пор, как мы видели их в последний раз, однако вряд ли они способны помешать нам завоевать зрительские сердца. К тому же я простил им повреждения, нанесенные моей машине, особенно после того, как Майлз оплатил ее ремонт.

Аудиторию концертов Spirit почти исключительно составляют люди, выглядящие так, словно они явились из прошлого десятилетия. У них волосы до плеч, бисерные украшения, расклешенные брюки и грязные пальцы на ногах. У меня нет впечатления, что они оделись так специально

349

в честь Рэнди и его трио. Вероятно, это их постоянный облик. Я и не думал, что в нашей стране осталось такое количество хиппи. Коль скоро мы — группа, носящая название Police, а наши волосы коротко острижены и отдают металлическим блеском, вполне естественно, что такая аудитория реагирует на наш имидж враждебно, но первой же песней наш маленький ансамбль и мое хрипловатое пение завоевывают их сердца, и даже если мой высокомерный сценический образ отталкивает их, это с лихвой компенсируется тем фактом, что мы хорошо играем. Мы выглядим бесстрашными, бескомпромиссными и очень уверенными в себе, за что и получаем вознаграждение в виде бурной овации после получасового выступления. Майлз обнимает меня и говорит, что я непременно стану знаменитым. На этот раз я не отшатываюсь от него.

Группа Марка выступает неплохо, аудитория реагирует на нее вежливо, но довольно вяло, зато Spirit вызывает настоящую бурю среди слушателей. Рэнди Калифорния настолько убедительно воспроизводит образ Джимми Хендрикса, что в это трудно поверить. Песня «Hey Joe» в его интерпретации невероятно трогает меня и вызывает острую ностальгию. Ведь Хендрикс так трагически ушел из жизни восемь лет назад.

Когда я получаю письмо со штемпелем, на котором значится слово Манчестер, первая моя мысль — что оно от Фрэнсис и Джо. Но я ошибаюсь. Вот что написано в этом письме:

Дорогой сын,
мне очень жаль, что я так расстроила тебя, и надеюсь, что когда-нибудь ты меня простишь — вот все, что я могу сказать. Я помню, в одной твоей песне есть слова, что разбить чье-нибудь сердце — это все равно, что разбить свое собственное. Ты прав, так оно и есть. Меня убивает мысль о том, что я потеряла тебя. Обними и поцелуй за меня маленького Джо.

Люблю, мама.

350

Я снова чувствую себя семилетним мальчиком.

Моя мать не могла тогда знать, что жить ей осталось не более десяти лет, но каким-то внутренним слухом она, вероятно, слышала часы, отмеривающие ее время. Она увидела клочок синего неба и рванулась к нему. Я стремился к своей мечте, а она стремилась к своей, но какая-то часть меня не могла благословить ее идти ее собственным путем. Мой ответ, хотя я и пытался сделать его как можно более нежным, не стал от этого менее безжалостным. Я решительно встал на сторону своего отца, решив, по глупости, что жизнь — это игра, похожая на футбол, которая может быть выиграна или проиграна в зависимости от численности игроков с каждой стороны. Кажется, я закончил письмо чем-то вроде самооправдания, сказав, что я должен быть за отца, что я не могу больше поддерживать с ней отношения и что «даже это письмо кажется мне маленьким предательством». Мне больно писать об этом, но, должно быть, мое письмо ужасно ранило ее. Мысль об этом ранит меня и сейчас, когда я понимаю, каким надутым, глупым щенком был я тогда, потому что пройдет совсем немного времени, и я сам окажусь в положении безнадежно влюбленного в другую женщину, парую брачные обеты, несмотря на свою уверенность в том, что сумею их соблюсти, что меня сметет волна чувств и страсти, которую никто не в силах будет остановить...

В середине апреля, когда Фрэнсис и Джо еще не вернулись из Манчестера, я иду в музыкальный магазин фирмы Virgin Record на Бэйсуотер-роуд и покупаю пластинку с песней «Roxanne». На задней стороне конверта — моя фотография, сделанная во время нашего выступления на фестивале Mont de Marsan, а внутри, под заголовком песни значится мое имя как автора слов и музыки. Запись выпущена компанией Virgin Music Ltd. Я невероятно горд. Наша песня объявлена «записью недели» в *Record Mirror*, журнал *Sounds* тоже упоминает нас среди лучших. *Melody Maker*

351

утверждает, что если это и хит, то не особенно выдающийся, а *NME* демонстративно игнорирует наше произведение.

Джерри звонит мне и просит внести его в список гостей нашего концерта, который мы даем этим вечером в Nashville Rooms. Он прочел хорошие отзывы о нас. (Правда, *Time Out* предупреждает своих читателей, что мы скучны и бездарны еще до того, как мы успеваем сыграть хоть одну ноту.

Однако с некоторых пор подобные высказывания только заводят меня.) Я знаю, что Джерри очень рад за меня, но знаю я и то, что какой-то своей частью он хотел бы, чтобы наше выступление оказалось не очень удачным. Как бы то ни было, я по-прежнему нуждаюсь в его одобрении: слишком уж долго он был моим партнером и соперником. Однако в этот вечер мы даем отличный концерт. Даже Джерри поднимает в знак одобрения оба больших пальца.

В конце этого вечера я становлюсь свидетелем жаркого спора между Майлзом и Кэрл Уилсон за право быть моим издателем. Майлз считает, что Кэрл и ее отдел сделали для меня слишком мало. Ведь они, к примеру, могли бы оказать мне финансовую поддержку или организовать гастроль. Он хочет, чтобы я расторг свой первый контракт, но мы с Кэрл не только деловые партнеры, но и друзья, и я не могу идти на поводу у Майлза, у которого всегда наготове собственный план действий. Я автор почти всех песен в альбоме, а мой издательский контракт был подписан задолго до создания группы Police. Таким образом, у Майлза нет никаких законных прав на какую бы то ни было прибыль от издания моих произведений. Это обстоятельство на много лет станет яблоком раздора, и даже к настоящему моменту решены еще не все проблемы.

Очень мало, что может сравниться с тем восторгом, который испытывает человек, впервые слышащий запись своей песни по радио. Та самая песня, над которой ты столько работал и ради которой столько вытерпел, внезапно оказывается свободно парящей в эфире. Это похоже на чувство, возникающее при виде собственного ребенка, который впер-

352

вые самостоятельно едет на велосипеде. Песня, как и ребенок, несомненная часть тебя самого, но больше не привязанная к тебе неразрывными узами. Она расправляет крылья и поднимается в воздух.

Однажды я, словно серфер, балансирующий на своей доске, в очень неустойчивом положении занимаюсь побелкой кухонного потолка. Вдруг я слышу резкий нарастающий ритм гитарных аккордов, а потом свой собственный голос, зависающий на первом слоге, а потом устремляющийся вниз, словно ставя точку под вопросительным знаком. Я едва не падаю со своих мостков и заливаю весь кухонный пол белой эмульсией, стремясь как можно быстрее схватить телефонную трубку.

— Стью, нас передают по Capital Radio, послушай!

— Да, черт возьми, это мы. — Через телефонную трубку я слышу нашу песню на другом конце Лондона.

Это была группа Police с песней «Roxanne», одна из новинок Capital на этой неделе.

— Здорово! Ты это слышал?

Я сижу на полу, мое сердце бешено колотится, я несколько оглушен. Какая-то часть меня не может до конца поверить в это, как будто бесплотная недостижимая мечта внезапно превратилась в осязаемую реальность.

Увы, несмотря на многообещающее начало и уверенность звукозаписывающей компании в нашем успехе, «Roxanne» не станет хитом, по крайней мере, на этот раз. BBC не хочет, чтобы песня звучала у них в эфире, объясняя свои колебания тем, что их не устраивает ее сюжет, и всякий раз под разными предлогами исключая ее из своего музыкального репертуара. BBC - ведущая радиостанция нашей страны, поэтому все остальные следуют ее примеру.

Несмотря на то, что «Roxanne» не удалось занять свое законное место среди хитов, A&M все-таки хочет дать нам еще одну попытку, хотя они по-прежнему не согласны выпустить наш альбом прежде, чем мы войдем в список лучших с какой-нибудь одной песней. Таким образом планируется

353

выпустить в свет запись песни «Can't Stand Losing You». Эта песня не столь необычна, как «Roxanne», но она может оказаться более приемлемой для коммерческих радиостанций. Это будет наш второй подход к снаряду, и мы по-прежнему полны оптимизма.

Через день или два Фрэнсис и Джо на несколько дней приезжают из Манчестера, но радость нашей встречи омрачается одним грустным событием. Наш пес вынужден совершить свою последнюю поездку в ветеринарную клинику. В тот день он с утра тяжело дышал и выглядел очень несчастным.

Осматривая бедную собаку, женщина-ветеринар смотрит на меня взглядом, не предвещающим ничего хорошего. «Я сделаю ему укол, — говорит она, — но он уже старый, и если укол ему не поможет, то вряд ли можно на что-то надеяться».

У меня словно что-то обрывается внутри, и я на такси везу собаку домой, где сообщаю грустные

новости Фрэнсис. Укол, похоже, не помогает, и бедное животное с каждой минутой чувствует себя все хуже и хуже. В одиннадцать часов вечера мы звоним ветеринару, и нам говорят, чтобы мы привезли собаку. Мы оставляем Джо под присмотром соседки и в последний раз возим пса в ненавистную клинику.

Очень странно видеть, как решительно и твердо он смотрит в глаза своей хозяйке, с которой не расставался целых четырнадцать лет. Он как будто говорит: «Теперь можете уходить. Я умираю. Ничего не поделаешь». Фрэнсис нежно прижимает его к груди, изо всех сил стараясь сохранить самообладание, но всю дорогу от клиники до дома она безутешна.

Мы долго не можем оправиться от этой утраты. Мне начинает сниться один и тот же сон: посреди ночи я слышу знакомое царапанье в дверь и, открыв ее, вижу нашего пса. «Терди, где ты был?» — спрашиваю я и в этот момент просыпаюсь.

354

К началу июня в Лондоне устанавливается жаркая погода. Ровно подстриженные деревья, выстроившиеся вдоль Бэйсуотер-роуд, возвышаются как огромные зеленые великаны над транспортным потоком и над измученными зноем пешеходами в рубашках с короткими рукавами и легких летних платьях. Город гудит каким-то вялым оптимизмом, и кажется, что такая погода будет длиться всегда. Именно таким утром в нашей квартире раздается неожиданный звонок. Звонит мой отец. Он стоит на автобусной остановке в центре Лондона.

— Как ты оказался в Лондоне, папа?

— Я только что вернулся из Германии и хочу зайти к вам на завтрак. Все расскажу при встрече.

Черное такси останавливается около нашего дома, и пара довольно щеголеватых замшевых туфель появляется на верхних ступенях лестницы, ведущей в наш полуподвал, а вскоре виден уже и сам мой старик. В одной руке у него сумка с покупками, а другую он держит козырьком над глазами, заглядывая в наше окно.

Он позволяет мне обнять себя, после чего я отодвигаю его на расстояние вытянутой руки, чтобы разглядеть получше. Я не видел его с самого Рождества. Он улыбается и выглядит немного похудевшим, но, в то же время, и помолодевшим, несмотря на тоскливое выражение глаз и немного покрасневшие веки. Фрэнсис готовит ему сытный завтрак, он сажает Джо на одно колено, нянчит его, одновременно поглощая омлет с беконом и рассказывая о своих заграничных приключениях.

Он говорит, что этой поездкой оказывал услугу одному своему другу. У этого друга в Ньюкасле есть туристическая фирма, занимающаяся автобусными путешествиями по Европе, и он попросил отца проверить качество гостиницы в немецком городе Римеген, с которой собирался сотрудничать. Эта гостиница — недалеко от того места, где отец проходил службу после войны. По рассказу отца я догадываюсь, что его друг, видя, как отчаянно отец нуждается

355

в том, чтобы на время уехать из дома, и зная, что он слишком горд, чтобы просто устроить себе отпуск, дал ему задание в качестве оправдания за столь необходимую отцу смену обстановки. Путешествие явно пошло на пользу, хотя бы отчасти вернув отцу бодрость духа и некоторое озорство его улыбке. Мне интересно, попытался ли он разыскать кого-нибудь из подружек своей молодости. Я не хочу показаться любопытным, но, позволив ему достаточно долго потчевать нас своими приключениями, я чувствую, что пора вернуться к главной теме.

— Ты что-нибудь слышал о маме?

— Нет, сынок, но я знаю, что они переживают нелегкие времена.

Он не упоминает имени Алана, но в его голосе не слышно победных ноток. Внезапно его лицо омрачается, и я вижу, как он страдает. Становится очевидно, что он все еще любит ее, несмотря на то, что произошло.

Я говорю ему, что и я не получал никаких известий от мамы, не упоминая о нашей горькой переписке, как будто даже это можно расценить как предательство.

Мы оба смущены и подавлены.

Позавтракав, он смотрит на свои часы и говорит, что ему нужно спешить на автобус, идущий в Ньюкасл, потому что мой брат вот уже неделю в полном одиночестве держит оборону в молочном магазине. Я уговариваю его остаться.

— Ты можешь спать на диване, — говорю я, зная, что он откажется, но считая, что попытаться стоит.

— О, нет, я должен вернуться домой. Бедный Филипп работал за двоих, пока меня не было, — он целует Фрэнсис и малыша, быстро жмет мне руку и уходит.

Отец тоже проживет еще только десять лет. Семена рака, который убьет обоих моих родителей, уже посеяны в их телах глубокой неудовлетворенностью и постоянным взаимным раздражением, которое столько лет цвело между ними как ядовитый цветок.

356

14.

Майлз всерьез намеревается отправить нашу группу на гастроли в Соединенные Штаты. Брат Стюарта и Майлза Ян, который в начале года переехал в Америку, чтобы начать новую жизнь, теперь работает продюсером в агентстве Paragon в городе Маконе (штат Джорджия). В ближайшее время агентство организует гастроли южных ансамблей, играющих буги-вуги, таких как Molly Hatchett, но Ян убедил организаторов, что будущее музыкального бизнеса — это так называемая новая английская волна. Группа Squeeze уже в Штатах, выступает по маленьким клубам, а к концу года должны подъехать и мы. Эти гастроли не вполне обычное предприятие: американская звукозаписывающая компания совершенно не собирается нас спонсировать. Нам придется потуже затянуть пояса и жить на те деньги, которые мы сможем собрать за свои выступления,

357

и я сомневаюсь, что наши доходы хотя бы немного покроют расходы. Но совершить гастрольный тур по Америке, какими бы ни были его условия — это моя мечта, это миф, который вдохновлял меня с самых времен триумфа Beatles в шестидесятые годы. Просто поехать туда, выступать там — этого уже достаточно. А уж деньги я как-нибудь заработаю.

Я никогда не учился актерскому мастерству и никогда не испытывал желания им овладеть. Я не играл даже в школьных постановках, но в конце лета 1978 года мне доведется принять участие в пробах на небольшие роли в трех разных фильмах. Я достаточно заинтригован таким неожиданным поворотом событий, чтобы с удовольствием взяться за новое для меня дело.

Первый фильм называется «Большое рок-н-рольное надувательство» о группе Sex Pistols. Пиппа Маркхэм уговорила меня встретиться с режиссером фильма, Джулианом Темплом, который пробует меня на роль музыканта гей-группы под названием Blow Waves. Мой герой пытается украсть Пола Кука, ударника Sex Pistols. Эту сцену не назовешь большой кинематографической удачей, и после того как она снята, ее, к счастью, вырезают из окончательного варианта фильма. Как бы то ни было, я благодарен за 125 фунтов, которые получаю в конце съемочного дня.

Второй фильм, под названием «Radio On», более интересен. Постановщик картины — Крис Пети, музыкальный критик из журнала *Time Out*. Он предлагает мне роль автомеханика, одержимого мыслью о трагической смерти Эдди Кокрэна. Мой герой работает в гараже неподалеку от того места, где легендарный американец погиб в автокатастрофе, возвращаясь в Лондон после выступления в Бристоле. В этом фильме я буду петь «Three Steps to Heaven», играя на старой гитаре в стиле Кокрэна, и участвовать в сцене с Дэвидом Бимом, актером, играющим в этом фильме глав-

358

ную роль. Продюсером «Radio On» стал Вим Вендерс. Кинокритиками картина была встречена доброжелательно, но публика осталась в основном равнодушной.

Много лет спустя, проходя мимо кинотеатра «Hampstead's Everyman», я увижу объявление о том, что сегодня в полночь здесь будут показывать фильм «Radio On». Трудно никогда не видела этой картины, поэтому я приглашаю ее в кино. Когда-то она встречалась с Питером О'Тулом, который однажды пригласил ее на поздний сеанс в этот же кинотеатр, когда там шел фильм «Лоуренс Аравийский». Проявляя терпимость к такому актерскому тщеславию, Трудни любезно соглашается составить мне компанию, хотя я предупреждаю ее, что это не оscarоносное эпическое полотно, а скромное динамичное кино, снятое на черно-белой пленке, с очень ограниченным бюджетом, предоставленным художественным советом. Мы входим в зал, опоздав примерно на пять минут, и видим, что в зале никого нет, не считая двух одиноких зрителей, сидящих на противоположных концах абсолютно пустого ряда кресел.

— Это культовый фильм, — шепчу я, парализованный такой ситуацией.

— Заметно, — говорит она, и мы занимаем два кресла в одном из первых рядов. Мы следим, как разворачивается сюжет злополучного фильма. Он начинается с убийства в Лондоне, после чего следует ночной путь через всю Англию, во время которого звучат мои песни и песни Яна Дьюри. Музыка несколько разряжает атмосферу, разгоняя характерную центрально-европейскую мрачность, которой пропитан фильм. Это не комедия в духе Ealing¹⁸.

Когда проходят титры, мы поворачиваемся, чтобы уйти, и тут я замечаю, что двое других зрителей

поспешно поднимают воротники своих пальто и как-то подозрительно быстро шагают к выходу, отворачиваясь к стене. При

¹⁸ Ealing Studios — кинокомпания, специализировавшаяся на «черных» комедиях.

359

виде их силуэтов, вороватой походки и явно смущенных телодвижений, у меня возникает отчетливое впечатление, что я знаю этих людей.

— Крис? — голова бедного парня еще сильнее втягивается в плечи. В этот момент я устанавливаю личность еще одного подозреваемого.

— Дэвид?

Игра окончена.

— Привет, Стинг, — отзываются они, поняв всю комичность и нелепость ситуации. Одинокая четверка зрителей, решившая посетить ночной сеанс «Radio On» в кинотеатре «Hamstead Everyman», — это постановщик картины, исполнитель главной роли и один из актеров со своей терпеливой подружкой.

Третьим моим фильмом станет «Квадрофения», снятая по мотивам одноименной рок-оперы группы The Who.

За несколько месяцев до начала проб мы с Джерри встречаемся в клубе «Корабль» на Уардур-стрит, чтобы пойти на концерт группы Dire Straits в клуб «Marquee», но он оказывается переполненным, и нам не удастся войти. Тогда мы решаем просто посидеть вместе и выпить. Внезапно в бар входит Кит Мун. Он выглядит точь-в-точь как Роберт Ньютон из «Острова сокровищ», человек с дикой, демонической пиратской внешностью. Если бы на нем была треуголка и он размахивал абордажной саблей, а на плече у него сидел бы попугай — все равно он выглядел бы более органично, чем любой из присутствовавших в этот момент в баре. Он щедро покупает выпивку всем, кто находится от него на расстоянии выстрела. Поднимая бокалы за его здоровье, мы с Джерри удивляемся остроумию и озорству, которые искрятся в его глазах, но всего лишь месяц спустя после этого жеста невероятной щедрости его уже не будет в живых. Мне же предстоит сыграть роль гостиничного носильщика в фильме «Квадрофения», снятом по мотивам рок-оперы Пита Тауншенда. Прототипом этого персонажа в большой степени послужил Кит.

360

Я появлюсь в офисе группы The Who на Уардур-стрит без особых надежд и ожиданий, а следовательно, и без особого стремления получить роль. Я здесь только потому, что Пиппа попросила меня прийти. Я не думаю, что у меня есть хоть какой-то шанс, но все же решаю пройти через все необходимые процедуры. За тот год, что я, хотя и непрофессионально, снимался в рекламе, мне удалось осознать одну вещь. Как это ни парадоксально, если у предполагаемого работодателя создается впечатление, что вас совершенно не волнует, возьмут вас на эту работу или нет, вас выберут с гораздо большей вероятностью, чем человека, отчаянно хватающегося за любую возможность получить работу. С моей стороны это был просто блеф и владение примитивными основами психологии, но, возможно, дело было в характере персонажа, на роль которого меня пробовали. Было ли это мое безразличие, хладнокровие или напускное высокомерие, но мое внутреннее состояние соответствовало характеру моего героя с того момента, как я вошел в дверь офиса и до того момента, как я его покинул, причем за все это время я ни разу не изменил своему образу.

Однажды, когда я пришел на пробы в одну рекламную компанию, люди, оценивавшие меня, узнав, что я музыкант, попросили меня спеть песню и попытались всучить мне гитару. Я сказал им: «Да пошли вы!» и медленной невозмутимой походкой вышел из их роскошного офиса с выражением такого откровенного презрения и бешенства на лице, что они немедленно позвонили моему агенту, чтобы сказать, что очень хотят работать со мной.

По опыту зная, что во время кинопроб нередко приходится часами ждать своей очереди, я всегда беру с собой какую-нибудь книгу. Это не только средство от скуки, это еще и способ создать впечатление незаинтересованного спокойствия, а также ясный сигнал остальным претендентам, что ты не собираешься вступать с ними в праздные разговоры. У меня позади уже добрых две трети «Игры в бисер» Германа Гессе, и кажется, что я совершенно поглощен закрытым,

361

эзотерическим и утопичным миром этой книги, когда директор по кастингу вызывает меня в соседний кабинет.

В помещении только двое: женщина, у которой я несколько месяцев назад снимался в рекламе, и будущий режиссер картины Фрэнк Роддам.

Фрэнку немного за тридцать, но выглядит он моложе. У него вид человека, воодушевленного своим успехом и достаточно уверенного в себе, чтобы заменить простонародное «К» в уменьшительном варианте своего имени на благородное и более европейское «С». Его документальная драма «Тупица» об умственно отсталой молодой девушке была недавно отмечена наградой, благодаря чему он немедленно переместился из спокойных коридоров BBC в головокружительный мир кино.

Я сажусь, и начинается обычная игра. В таких случаях вас принимают тщательно оценивать: как вы одеты, как вы себя ведете, как выглядят черты вашего лица на свету. Я знаю всю эту кухню, поэтому сохраняю спокойствие, выдерживаю их испытующие взгляды и смотрю на них с почти незаметной иронией, которая выражается в слегка приподнятых уголках рта. Но это только намек на улыбку: мои глаза остаются невозмутимыми.

Фрэнк замечает книгу, выглядывающую из моего кармана.

— Что вы читаете?

Он говорит слегка проглатывая звуки и осторожно меняя интонацию, как типичный представитель среднего класса, но я сразу замечаю знакомый оттенок в безупречном звучании вопроса. Это только след местного говора, почти незаметный, но безошибочно угадывающийся. Его манера произносить слова не совсем такая, как у меня, но очень похожая. Теперь я знаю о нем больше, чем он обо мне. Игра продолжается.

— Гессе, Германа Гессе, — отвечаю я, протягивая ему потрепанную книгу в мягкой обложке, словно это мой паспорт. Фрэнк быстро пролистывает ее.

362

— Он был большой любитель путешествовать, — говорит он, вертя в руках книгу. — Четыре года ходил по Гималаям. Вы читали его «Сиддхарту»? »

— Нет, не читал. А о чем это?

В разговорную интонацию своего вопроса я добавляю легкий намек на североанглийский говор. Он сразу узнает его, и в следующее мгновение мы уже знакомы. Мы — как два шпиона в чужой стране с измененными именами и фальшивыми документами, осторожные и не доверяющие друг другу, но говорящие на кодовом языке своей общей родины. Теперь он может сделать ответный ход.

— Это о двух путешественниках, которые странствуют в поисках смысла жизни. Очень мистическая вещь, — отвечает он с некоторой иронией, чтобы вызвать мою улыбку. — Вы из Ньюкасла?

— Я из Уоллсенда, — говорю я, понимая, что для знающего человека это будет означать нечто более глубокое и особенное. Уоллсенд — суровое место, и там не вырастают неженки и утонченные светские люди. Я ушел далеко от ценностей и устоев моих родных мест, так же, как, вероятно, и он.

Он рассказывает мне о своих путешествиях по Непалу и Индии. Мы говорим о книгах и музыке. Мы намеренно не произносим ни слова о будущем фильме. В конце разговора мы жмем друг другу руки без малейшего упоминания о том, что я получу роль и что эта встреча может оказать серьезное влияние на его и мою карьеру. Мы соблюдаем правила поведения в подобных ситуациях.

Я знаю, что добрая половина Лондона пробует на эту роль, но каким-то внутренним чутьем угадываю, что она моя. На следующий день звонок Пиппы подтверждает мою догадку, но даже с Пиппой я притворяюсь, что меня это не очень интересует. Кроме всего прочего я боюсь мнения Фрэнсис. Вдруг она решит, что я бесцеремонно вторгаюсь в сферу ее профессии? Как музыканту она оказала мне огромную поддержку, но как она отнесется к моим более

363

серьезным попыткам попробовать себя в качестве актера? Пиппа — ее подруга, ее агент. Сняться в рекламе — это одно, но здесь речь идет о настоящем фильме. Когда же я все-таки сообщаю ей, что мне дали роль, она искренне рада, и я сам тихо радуюсь, что все складывается хорошо.

Единственное мое беспокойство состоит в том, что съемки фильма назначены на время, почти совпадающее с началом наших давно запланированных американских гастролей. К этому времени Ян Коупленд более-менее сколотил программу наших выступлений по восточному побережью Штатов, всюду рекламируя нас и обращаясь к промоутерам, не боящимся приключений, с просьбой разделить с ним риск организации гастролей английской группы, не поддерживаемых никакой звукозаписывающей фирмой. Наши гонорары за выступления в клубах будут покрывать издержки, но не более того. И хотя нам было отказано в приветственной телеграмме и никто не

вручил нам ключей от Нью-Йорка, мы тем не менее довольны теми скромными условиями, которые были для нас созданы, а все остальное зависит только от нас. Однако перед отъездом я должен успеть сняться в фильме, и мой график будет, вероятно, весьма напряженным.

Размеренная и лишенная событий летняя жизнь с наступлением осени вдруг уступает место бешеной активности. Эта активность продолжится и в следующем году, когда исполнятся столь многие мои мечты. Многие месяцы я блуждал на подступах к этой жизни, но теперь водоворот событий затягивает меня все сильнее и сильнее, словно я нахожусь у края космической черной дыры. Я не испытываю страха и не сопротивляюсь. Ведь это именно то, чего я так ждал. Как доброволец перед отъездом на фронт, я хочу быть уничтоженным и в то же время — выжить. Это опасное желание.

В конце октября мы отбываем на гастроли в Америку, но за месяц до этого должны состояться съемки «Квадрофении», которые будут проходить в Брайтоне. Мой персо-

364

наж носит имя Эйс и за весь фильм произносит только несколько фраз. Это почти только картинка, но, я надеюсь, запоминающийся своим скептическим видом персонаж, который практически никак не взаимодействует с остальными героями картины. Это идеальная роль для человека, который не является профессиональным актером. Я буду на экране достаточно долго, чтобы произвести впечатление, но недостаточно долго для того, чтобы испортить его.

Мне предстоит втиснуть расписание съемок в лихорадочный график выступлений на радио и телевидении, которые должны предвратить выход нашего следующего сингла, «I Can't Stand Losing You», а потом и долгожданного альбома «Outlandos D'Amour». Мой день рождения в октябре этого года будет особенно богат событиями.

Я просыпаюсь в шесть тридцать утра в брайтонской гостинице. За окнами все еще темно, и горячей воды в моем номере не хватает даже на то, чтобы умыться. Знакомой дорогой вдоль берега моря я направляюсь к месту съемок, уже окончательно проснувшись от ядовито-черного кофе, выпитого из пластмассового стаканчика. На месте я одеваюсь в свой сценический костюм из акульей кожи, итальянские туфли и серый кожаный плащ. После посещения гримерной — теперь мои волосы выкрашены платиновой краской и сбрызнуты металлическим спреем, чтобы придать им потусторонний блеск — я докладываю о своем прибытии на съемочную площадку. Сейчас ровно восемь часов утра. Я признаюсь режиссеру, что немного беспокоюсь о времени, потому что сегодня вечером мне нужно быть в трехстах милях отсюда, в Манчестере. Police дает жизненно важное для группы выступление в самом влиятельном музыкальном телевизионном шоу.

Сегодня нам предстоит снять сражение между двумя группировками, «стиляг» и «рокеров», когда несчастная гемпширская полиция оказывается между двух огней. (Чтобы обеспечить историческую основу идее фильма о подростковой отчужденности и разочарованности, мы воспроизводим

365

ожесточенную битву, которая имела место в этих местах в шестидесятые годы.) Меня отправляют на берег моря потренироваться кидать металлические ящики для пива. По сценарию именно таким ящиком я должен разбить витрину магазина. Поскольку в детстве я много раз кидал такие ящики, в изобилии имевшиеся в молочном магазине моего отца, я чувствую себя так уверенно, словно рожден для этой роли.

Час спустя битва уже в полном разгаре. Полицейские на лошадях гонят нас вниз по улицам, спускающимся к берегу моря, а тем временем группа пеших полицейских с собаками и резиновыми дубинками старается перехватить нас с другой стороны. У собак вполне реальные зубы, а некоторые из наименее профессиональных актеров чрезмерно увлечены схваткой. Над нашими головами летают настоящие кирпичи и бутылки. Около сотни людей, среди которых и я, втиснуты в узкое пространство улицы и, как предписано сценарием, прижаты к витрине магазина. Рядом лежит приготовленный для меня пивной ящик, при помощи которого мне предстоит сделать свое черное дело.

Повсюду суeta, толкотня, и у меня возникает ощущение, что я являюсь свидетелем настоящей паники, когда слышу, как ассистенты режиссера в рупоры призывают толпу к порядку, пытаюсь обуздать нарастающий хаос, но только ухудшают этим положение дел. Такое впечатление, что вся ситуация выходит из-под контроля и становится опасной. И тем не менее камеры продолжают работать. Фрэнк смотрит на все сверху, взобравшись на специально сооруженные подмости. Как герцог Веллингтон во время Ватерлоо, он спокоен и невозмутим.

Я знаю, что теперь мой черед. Мне удастся расчистить себе место в толпе, я размахиваюсь, и

металлический ящик, прочерчивая в воздухе красивую дугу, летит по направлению к витрине и виднеющейся за ней машине для бинго. Стекло очень эффектно разлетается на миллион осколков. Девушки кричат, лошади встают на дыбы, полицейские овчарки

366

захлебываются лаем, но мы счастливо избегает травм и увечий. Первый же дубль оказывается идеальным. Режиссер кричит: «Снято!», и хотя большинство из нас по команде прекращает схватку, некоторые из непрофессиональных участников массовки продолжают драться с полицейскими.

К тому времени, когда порядок, наконец, восстановлен, оказывается, что эмульсия, отслоившаяся от пленки, испортила весь отснятый дубль, и все придется снимать заново. Замена стекла в витрине магазина занимает еще час, а многие участники массовки отправляются в походный лазарет, где им оказывают медицинскую помощь. Тем временем мы снимаем другую сцену, где я сбрасываю полицейского с несущейся лошади и делаю вид, что избиваю его до полусмерти прямо посреди улицы. Ей-богу, мне нравится изображать это хулиганство. Собственно, в нем нет ничего необычного. Ведь все это мало чем отличается от обычного субботнего вечера в порту Ньюкасла. Потом я разбиваю еще одну витрину, после чего на меня наваливаются трое крепких полицейских и бесцеремонно бросают меня в кузов тюремного фургона, который ждет неподалеку.

Уже без десяти четыре, а я сижу, зажатый между двумя по-настоящему окровавленными рокерами и Филом Дэниэлсом, блестящим актером тщедушного телосложения, который играет в фильме главную роль. Фрэнк знает, что мне нужно уезжать, но у меня возникает смутное подозрение, не задумал ли он задержать меня. Я молюсь про себя, чтобы не было больше задержек или новых дублей, потому что у меня совсем нет времени. Машина от звукозаписывающей компании уже ждет, чтобы домчать меня до аэропорта Гатвик, но на сегодня назначены съемки еще двух сцен. Я уже отчаиваюсь когда-либо выбраться отсюда, но начинает темнеть, и Фрэнк вынужден перенести съемки на завтрашнее утро.

По пути в аэропорт я переодеваюсь прямо в машине. Это выступление в телевизионном шоу имеет огромное значение для нас, и я просто не могу позволить себе опоздать на

367

самолет. Начинается дождь, мы попадаем в пробку, и водитель с беспокойством говорит, что у нас заканчивается бензин. Я откидываюсь на заднем сиденье, и в душе у меня тоже сгущаются черные тучи, пока мы медленно продвигаемся вперед, а дождь непрерывно барабанит по лобовому стеклу. Мы прибываем в аэропорт в последнюю минуту. Я протискиваюсь сквозь толпу, наводняющую аэропорт, и становлюсь последним пассажиром, который входит на борт. Мы взлетаем под струями дождя.

Дождь все еще идет, когда мы приземляемся в Манчестере. Еще одна машина и еще один водитель уже ждут меня, чтобы доставить в студию. Оказавшись на месте, я вместе с остальными проверяю исправность оборудования. Сегодняшнее выступление — жизненно важно для нас. Мы должны играть хорошо. До начала шоу остается час, и, поскольку в результате всех приключений этого дня я приобрел несколько потусторонний вид, я отправляюсь в примерную и спрашиваю, есть ли у них спрей «серебряный металлик». Порывшись в одном из шкафов, девушка протягивает мне флакон.

— Хотите, я помогу вам? — спрашивает она.

— Нет, — говорю я, — справлюсь сам.

Я беру флакон, направляю его с расстояния примерно шести дюймов себе на макушку и нажимаю на клапан. Из флакона не вытекает ни капли. Я нажимаю еще раз. Ничего не происходит. Я встряхиваю флакон и убеждаюсь, что он полон. Я пробую еще раз. Снова никакого результата. Я начинаю разглядывать выпускное отверстие флакона, держа его на расстоянии одного-двух дюймов от глаз, и как полный дурак, которого никто никогда и ничему не учил, я нажимаю на клапан флакона и оттуда прямо в мои открытые глаза вырывается струя металлической краски. Ощущение у меня такое, как будто две острые бритвы впились в мои глазные яблоки. Я начинаю кричать, словно какой-то посеребренный граф Глостер, сошедший со страниц «Короля Лира».

368

Каким-то чудом глазная больница находится по соседству со студией BBC. Там мне дают обезболивающее и бодро сообщают, что у меня химические ожоги. Стюарт дает мне свои черные очки, которые слишком широки для меня, но я не могу выступать по телевидению с красными глазами, выскакивающими из глазниц. Из зеркала на меня смотрит настоящий зомби.

Мы пробудем в эфире всего десять минут, но это будут самые длинные десять минут в моей

жизни. Слишком большие очки Стюарта постоянно соскальзывают с моего носа, и поскольку обе руки у меня заняты бас-гитарой, а при этом я должен еще и петь, мне приходится постоянно задира́ть нос и рывками откидывать голову назад, чтобы очки не упали на пол. Это похоже на тик. Впоследствии я узнал, что многие приняли это за сценический прием подобно тому, как Элвис кривил рот, а Beatles встряхивали своими волосами во время проигрышей между куплетами. Еще рассказывали, что на следующий день впечатлительные дети по всей стране нацепили огромные темные очки и трясли головами, как слабоумные пациенты психиатрической лечебницы.

По окончании шоу я добираюсь до железнодорожной станции Виктория, откуда отправляюсь в Брайтон, чтобы быть на месте в семь часов утра. К счастью, в этот день снимаются только сцены общего плана, поэтому у моих глазных яблок, придающих мне облик вампира Носферату, есть время зажить. Почти вся массовка хихикает надо мной. Я не уверен, что мне нравится быть знаменитым, но нельзя не признать, что появление нашей группы на экранах телевизоров, переместило ее на какой-то другой уровень в сознании окружающих. Незнакомые люди начинают совершенно по-другому на вас реагировать, и когда вы входите в помещение, атмосфера в нем сразу меняется. Эту атмосферу нельзя назвать ни дружелюбной, ни откровенно враждебной — она просто другая. Через некоторое время я начну ощущать это новое отношение ко мне со стороны окружающих

369

как неотъемлемую часть меня самого, как собственные глаза и уши. Я буду смотреть на мир, а мир будет смотреть на меня через это кривое стекло, и не будет силы, способной его разбить.

Моя мать вместе с обрадованной сестрой вернулась домой, не сумев свести концы с концами на те скромные деньги, которые им с Аланом удалось совместными усилиями наскрести. И она, и Алан вернулись каждый к своей семье, не в состоянии воплотить в жизнь мечту о побеге. Могу представить себе, какое унижение испытала мать, но, если верить рассказу моей сестры, она не стала скрестись в дверь, как смиренный и жалкий проситель. Она слишком горда, чтобы унижаться, и не важно, что в этот момент у нее на душе. Ее возвращение выглядело, должно быть, очень театрально, она исполнила свою роль с таким невероятным и все же восхитительным нахальством, что мой отец и брат просто застыли с открытыми ртами, не веря своим глазам, слишком ошеломленные, чтобы радоваться или возмущаться. Она врывается в дом в своем лучшем пальто, одетая, как на свадьбу. Она распахивает дверь кухни и у нее вырывается крик возмущения при виде всей той грязи и копоти, которые покрыли все вокруг за шесть месяцев ее отсутствия. Потом она принимается мыть и чистить весь дом сверху до низу, отказываясь остановиться до тех пор, пока он не становится, по ее мнению, снова пригодным для жилья. Она прекрасна и величественна в своем гневе, и когда я впервые слышу эту историю, я с новой остротой чувствую восхищение перед ней. Моя, мать, выражаясь бессмертными словами Эдди Кокрэна, — это «что-то».

*

Луна как большая сырная голова висит над Манхэттеном. Я сижу на заднем сиденье огромного длинного лимузина, который Майлз, Энди и Стюарт послали за мной

370

в аэропорт. Это самый большой автомобиль, какой мне когда-либо доводилось видеть. Сначала мне кажется, что все это шутка, но когда мы пересекаем Ист-Ривер, которая мерцает в лунном свете под металлической конструкцией моста, напоминающего скелет, а смутные очертания легендарных небоскребов появляются впереди, я начинаю подозревать, что действительно попал в Америку. Мое первое посещение Нью-Йорка станет началом продолжающегося и по сей день романа с этим городом, который опьяняет меня как никакой другой. Это город необузданной фантазии, головокружительных, невероятных мечтаний, легендарной прямо́ты и грубости, а также кипучей общественной жизни. Я влюблен с первого взгляда. Лимузин объезжает наполненные водой выбоины на дороге, а решетки канализационных люков извергают столбы белого пара, которые поднимаются из какого-то таинственного и опасного прометеевского подземного мира, скрывающегося прямо под улицами города. Даже облупленный облик Бауэри¹⁹ кажется мне волнующим.

Снаружи CBGB, знаменитый нью-йоркский клуб, из которого вышли группы Velvet Underground, Television и Talking Heads, выглядит как дешевый ярмарочный балаган. Сегодня вечер пятницы, и какие-то бездельники, праздно шатающиеся около входа, кажутся совершенно равнодушными и усиленно прихорашиваются, когда лимузин останавливается у двери клуба. Я подхожу к дверям и называю себя, держа в руке футляр с гитарой. Мрачного вида девушка с явным избытком макияжа

на лице, сгорбившаяся, словно под грузом всех несчастий мира, вводит меня в сумрак клуба. Помещение длинное и узкое, заполненное примерно на треть. Здесь присутствует горстка сотрудников звукозаписывающей компании, хотя один из заместителей директора отдела распространения предупредил Майлза, что это

¹⁹ Улица на Манхэттене, которую считали городским «дном», местом расположения ночлежек, наркоманских притонов и т. д.

371

пустая трата времени и мы все равно не получим ни от кого никакого содействия. Майлз холодно ответил ему, что никакого содействие нам и не требуется. Таким образом, аудитория состоит исключительно из коренного населения клуба и нескольких сотрудников фирмы звукозаписи, заинтригованных нашей дерзостью и независимостью. Мы сами оплатили себе дорогу, отдав авиакомпания Sir Freddy Laker по шестьдесят фунтов с носа за пересечение Атлантики.

Остальные члены группы находятся в городе уже день или два и просто опьянели от восторга. Но если они захмелели от впечатлений, то я близок к состоянию левитации, измученный и осоловевший от разницы во времени и головокружительной новизны города.

Этим вечером я дам какой-то потусторонний концерт, вопя и завывая, как привидение. Я буду парить над сценой, освободившись от земного притяжения, а остальные будут играть с такой неистовой одержимостью, что ни один человек в клубе не сможет упрекнуть нас в том, что мы приехали сюда зря. Концерт продлится два часа, и между отделениями мне придется разыскивать себе пропитание, чтобы немного поддержать силы. Рядом с клубом я обнаруживаю круглосуточную закусочную, почти пустую, если не считать нескольких случайных ночных посетителей. Быстро просмотрев меню, я подсчитываю, что моих денег хватит на то, чтобы купить салат и кофе. Когда приносят порцию салата, я просто не верю своим глазам — настолько она большая. Я на всякий случай, уточняю, не сделал ли я заказ на целую семью — ведь я не хочу попасть в глупое положение — но нет: это обычная американская порция, салат «от шефа». За чашкой кофе, очень горячего и бодрящего, я наблюдаю улицу за окном с напряженным вниманием человека, который смотрит мюзикл на широком экране. Каждое желтое такси кажется таким же сказочным, как песня Коула Портера, очертания небоскребов на фоне неба читаются где-то невероятно высоко, подобно тому, как партия кларнета в «Голубой рапсодии» Гершвина венчает архитектуру этого

372

произведения, я думаю о метро, которое грохочет под землей от Манхэттена до Бруклина и Кони-Айленда, и оно наводит меня на мысль о Дюке Эллингтоне.

Официантка возвращается и пытается наполнить мою кофейную чашку. Я краснею от стыда и говорю ей, что у меня нет денег на вторую чашку кофе. Она смотрит на меня с любопытством.

— Парень, я не знаю, откуда ты, но здесь, в Америке, вторая чашка всегда бесплатно.

— Господь, благослови Америку, — шепчу я едва слышно, в то время как свежий кофе согревает мои внутренности и наполняет меня благодарностью и тысячей песен. — Это чертовски потрясающий город.

Утро понедельника застанет нас в северной части штата в городе Пухкипси, где мы даем концерт в старом варьете. Мы выходим на сцену и видим в зале только шестерых зрителей. Очевидно, что все они смущены этой ситуацией не меньше нас. Они сидят отдельно, рассредоточившись по разным частям похожего на пещеру помещения. Не желая чересчур долго ломать голову над загадкой такой бешеной популярности, я приглашаю всех присутствующих поближе к сцене, и они послушно тянутся с задних рядов, чтобы занять шесть кресел перед самой рампой. Я спрашиваю имя каждого из присутствующих и церемонно представляю их друг другу, а потом членам группы. И когда лед, наконец, сломан, мы даем один из самых бешеных и блестящих концертов за всю историю наших выступлений. Возбужденные абсурдностью ситуации, вдохновляемые зрителями, попавшими в не менее абсурдное положение, мы играем на бис, песню за песней, с сумасшедшей и странной в сложившихся обстоятельствах страстью. По окончании концерта вся наша аудитория явится к нам за кулисы. Окажется, что трое из присутствующих — диджей, и завтра состоится дерзкий дебют «Roxanne» на местных радиостанциях.

В течение нескольких следующих месяцев мы сыграем в каждом занюханном клубе между Монреалем и Майями,

373

а на западном побережье — от Ванкувера до Сан-Диего. Мы будем играть с одинаковой страстью для любой аудитории, будь то шесть или шестьсот человек. Бессонными ночами мы проедем тысячи миль и будем бесчисленное число раз разгружать и загружать наше оборудование. Мы

будем отвоевывать свою территорию, выступление за выступлением, город за городом, и, хотя многие промоутеры и владельцы клубов не окупят своих первоначальных вложений, все они пригласят нас приехать снова и будут сторицей вознаграждены за свою веру в нас.

Главное наследие нашей группы — это, конечно, песни, но основой нашего легендарного успеха станет и тот факт, что мы были готовы играть везде, ехать на любое расстояние, спать всюду, лишь бы было где приклонить голову, выкладываться на сто процентов, и при этом никогда не жаловались. Мы были бедными родственниками, которые превратились в настоящих воинов, и уже ничто не могло нас остановить.

Через несколько лет Police под управлением Майлза станет одним из самых знаменитых музыкальных коллективов мира. Песни, которые я писал в полутьме нашей полуподвальной квартиры, станут самыми известными песнями десятилетия, и все наши альбомы будут мгновенно распродаваться во всех странах мира. Этот успех усиливался и укреплялся бесконечными гастрольными турами с выступлениями на огромных стадионах, и нам пришлось изучить все приемы разжигания энтузиазма аудитории и способы саморекламы, достойные бродячего цирка. То, что группа распалась на пике своей карьеры, когда ее положение в мире музыки казалось непоколебимым, удивило всех, кроме меня. Я представлял свое будущее только вне группы, потому что хотел больше свободы. Я не мог бы подобрать себе в партнеры лучших музыкантов, чем Стюарт и Энди, но я хотел сочинять и играть музыку, которая не подстраивалась бы под естественные ограничения трио, я хотел, чтобы мне как автору песен больше не приходи-

374

лось идти на компромиссы, которые только на вид казались результатом демократических отношений внутри группы. Один музыкальный критик сказал, что группа Police не распалась бы, если бы остальные члены группы нуждались во мне меньше, а я нуждался бы в них больше. И хотя это сильное упрощение, я должен признать, что в этих словах есть доля правды. Меня снова влекло прочь, и вопреки обычной логике и даже здравому смыслу, я открою, повинувшись инстинкту, другую, еще неизведанную главу своей жизни. Разрыв с группой не был единственным тяжелым переживанием этого неистового периода. Мой брак с Фрэнсис тоже не сможет выстоять, и конец Police совпадет с распадом моей семьи.

375

15.

Пройдет девять лет. У нас с Фрэнсис родится дочь Кейт, но вскоре после этого мы разведемся. За нашим разводом последует период, невероятно тяжелый для всех, кого коснется эта ситуация. Мы с Трудि, безнадежно влюбленные друг в друга с первой встречи, произведем на свет дочь Мики и сына Джейка. Тем временем я стану очень знаменитым и невероятно разбогатею. Группа Police распадется к концу 1983 года. Тем фактом, что после всего этого мне удалось сохранить хотя бы крупицу рассудка, я в большей степени обязан Труди, ее любви и терпеливой вере в мою истинную сущность, чем каким бы то ни было откровениям, которые, как мне казалось, у меня были. К счастью, она разглядела во мне искры прежнего огня, которые решила спасти. В результате я получил возможность кропотливо извлекать мудрость из своих жизненных ошибок и не ослепнуть от

377

обрушившегося на меня всемирного признания. За это я буду благодарен ей всегда.

Моя мать тоже в разводе. Теперь она живет в своем доме, менее чем в миле от дома моего отца, с Аланом, человеком, которого она любила долгих тридцать лет. Мой отец живет один.

Одри работала медсестрой в местной больнице, но она привыкла всю жизнь хранить секреты, поэтому опухоль в ее груди никто не заметит. Эта опухоль росла в тишине, как уродливое дитя ее неизбывной печали. Когда же она, наконец, призналась самой себе, что дело серьезное, и обратилась к врачу, болезнь уже охватила лимфатическую систему, и операция не имела смысла.

Трудि, я и четверо моих детей приехали поездом из Лондона, чтобы попрощаться с ней. Мы с Аланом сидим за маленьким столом в гостиной очень скромного дома. Я в первый и в последний раз у нее в гостях.

Она сидит в углу комнаты у окна, с кислородной машиной, которая угрожающе жужжит у ее кресла. Ее лицо и фигура ужасно раздулись от лекарств и стероидов, которые поддерживают утекающую из нее жизнь. Ей пятьдесят три года. Она знает, что умирает, и все же со свойственным ей сардоническим юмором шутит, что ее нужно послать в Чернобыль помогать устранять последствия катастрофы, потому что ей больше не страшна радиация, и она располагает

массой свободного времени. Она тихо смеется над своей собственной шуткой, но это так утомляет ее, что она начинает задыхаться, отчаянно хватая воздух губами.

Дети начинают беспокоиться, но ей удается взять себя в руки. Несмотря ни на что, она улыбается из-под прозрачной пластиковой маски, которая держится на резинке, прижимающей седеющие волосы на затылке. У нее сияющие, влажные и все еще прекрасные глаза. Покорила ли она своей судьбе или она из последних сил пытается казаться спокойной, чтобы не испугать нас неотвратимостью и ужасом происходящего? Моя мать уже так далеко, что никто из нас

378

не может дотянуться до нее, но она все-таки пытается обнадежить нас. Ее материнский инстинкт остался в целости и сохранности. Дети, троим из которых меньше пяти лет, снова принимаются спокойно играть у ног своей бабушки.

Я не видел Алана тридцать лет. Все это время он был для меня не живым человеком, а тенью. О нем никогда не упоминалось, его существование никогда не признавалось, ему не позволялось быть чем-то большим, нежели злым духом, преследующим нашу семью. Это хрупкий на вид человек, ставший еще более худым за время болезни моей матери, но он по-прежнему хорош собой, и я впервые с изумлением замечаю огромное внешнее сходство между ним и моим дедом с материнской стороны. В этой комнате столько привидений: здесь присутствуют тени теней, которые, в свою очередь, являются тенями других теней. Здесь все напоминает о прошлом, которое так старательно замалчивалось, и вот наконец мы собрались вместе, но теперь не время разбираться, да и как подобрать нужные слова, чтобы заговорить об этом? Нам приходится удовлетвориться совместным ужином, который сегодня похож на обряд. За едой мы с молчаливым дружелюбием и торжественностью передаем друг другу блюда и тарелки, словно присутствуем на богослужении или тайной вечере.

По окончании ужина Алан моет посуду, а я вытираю ее, аккуратно водружая ровные ряды фаянсовых тарелок на сушилку. Моя мать, по-прежнему в окружении детей, смотрит на нас из своего угла. Мы с Аланом почти ничего друг другу не говорим, заменив слова совместным трудом, в процессе которого мы то и дело передаем из рук в руки чистые тарелки. Мне кажется, в этом есть некий неосознанный символизм, запоздалые знаки прощения и примирения, обычные, земные домашние действия, подразумевающие взаимное приятие. Я убеждаю себя, что они, наверняка, более красноречивы, чем любые слова, которые мы могли бы сейчас подобрать. Теперь я понимаю свою мать, я знаю, чем ей пришлось пожертвовать, и больше

379

не чувствую себя вправе осуждать ее. Я больше не являюсь грозным защитником чести своего отца, и это последний раз, когда я вижу ее.

— Я люблю тебя, мама. Я всегда любил тебя. — Она плачет и улыбается в одно и то же время, и мы все тоже плачем. Дети целуют ее, и мы прощаемся.

Через несколько месяцев после ее похорон мой отец в возрасте пятидесяти девяти лет окажется лицом к лицу со своей собственной смертью. Весь последний год своей жизни он проводит в больнице. Рак, который начался в предстательной железе, распространился на почки. Специалисты, хирурги, облучение и химиотерапия не дали никаких результатов. Теперь его поместили в хоспис, где ему суждено провести свои последние дни.

Меня вводят в комнату, где нет ничего, кроме кровати, над которой висит распятие. Я не видел его несколько месяцев, и я не узнаю человека, который лежит передо мной. На какое-то мгновение мне кажется, что меня привели не туда, но этот скелет — действительно мой отец. Он смотрит на меня грустными, широко открытыми глазами истощенного ребенка. Добрая медсестра, которая привела меня, молча пододвигает к кровати стул.

— Ваш знаменитый сын пришел повидаться с вами, Эрни, — говорит она.

— Правда?

Я пытаюсь взять себя в руки. Я чувствую, что хочу убежать из этой комнаты, как испуганный мальчик.

— Привет, папа.

— Я оставляю вас наедине. Я уверена, вам многое нужно друг другу сказать, — говорит сестра.

Потом она оставляет нас.

Я не знаю, что говорить, поэтому я беру его руку в свою и начинаю легонько тереть треугольный кусочек кожи между его большим и указательным пальцем. Я не держал его за руку с самого детства. У него большие, грубоватые руки,

380

с сильными, мускулистыми пальцами. Его ладони прорезаны глубокими линиями и морщинами. Руки моего отца — это не изнеженные, выразительные руки артиста, но в них есть определенное изящество, и теперь, когда жить отцу осталось уже недолго, эти руки красивы какой-то особенной определенностью очертаний и полупрозрачностью. Это руки рабочего человека.

— Откуда ты приехал, сынок?

— Вчера вечером я вернулся из Америки, папа. Он усмехается:

— Вот какой путь тебе пришлось проделать, чтобы увидеть отца в таком состоянии.

— Месяц назад ты чувствовал себя лучше. Он качает головой:

— Все изменилось с тех пор, как умерла твоя мать.

Я не говорю ни слова, зная, как дорого стоило ему это признание. Я беру вторую его руку и начинаю массировать ее тоже, но он вздрагивает от боли. Я вспоминаю о том, какие страшные боли ему приходится терпеть. Возможно, сейчас ему нужна инъекция морфина. В эту минуту он кажется столетним стариком.

Я перевожу взгляд с его глаз на распятие на стене, а потом вниз на его руки, покоящиеся в моих руках. И в этот момент я вздрагиваю, как от удара током, потому что, если не считать цвета кожи, мои и его руки абсолютно одинаковы. Одинаково все: угловатая форма ладоней, линии и кожные складки, крупные, широкие суставы фаланг с кожей, сморщенной, как колени слона, и мускулатура, веером идущая от кисти к толстым, но очень сильным пальцам. Я долго и пристально наблюдаю это сходство, поворачивая отцовские руки в своих руках. Почему же я не замечал этого раньше, если это настолько очевидно?

— Папа, смотри, у нас одинаковые руки. — Я снова ребенок, отчаянно старающийся привлечь его внимание. Он бросает взгляд на четыре наших кисти: — Да, сынок, но ты использовал свои куда лучше, чем я свои.

381

В комнате становится абсолютно тихо. У меня возникает такое чувство, словно из моего горла отчаянно пытается вырваться маленькая птица, и я едва могу дышать. В моем мозгу с бешеной скоростью проносятся мысли. Я тщетно пытаюсь припомнить, чтобы я когда-либо получал от него такую похвалу, чтобы он когда-либо признавал то, что я делаю, то, чего я достиг, то, чего мне это стоило. Он как будто всю жизнь ждал этого момента, когда его слова вызывают только чувство ужасного опустошения.

Меня не будет на похоронах моих родителей. Я объясню самому себе и своим близким друзьям, что я боюсь бульварной прессы, которая может превратить это событие в безобразный фарс, что мое горе — это мое личное дело, а не лишняя возможность попасть под прицелы фотокамер, что я попрощался с родителями, когда они еще дышали и жили. В конце концов, какое значение для них или для меня будет иметь горсть земли, брошенная моей рукой на их гробы? Отчасти я и по сей день верю, что это так, но, в то же время, я знаю, что просто испугался. Я сознательно избежал присутствия на похоронной церемонии точно так же, как избегал общения с родителями при их жизни, ссылаясь на большое количество работы, которая из честолюбивых стремлений со временем превратилась в тяжкий груз ответственности. Это была ответственность, связанная с необходимостью выполнять условия контрактов, давать концерты и руководить командой из шестидесяти человек. Но неужели было бы так трудно отменить пару концертов, отправить всех на неделю домой? Наверное, нет, но факт заключается в том, что я не хотел этого, потому что вечное бегство и необходимость продолжать движение к этому времени ввелись в мою плоть и кровь. Я попал в поистине наркотическую зависимость от работы и бесконечных переездов с места на место. Любая остановка была бы губительной для меня. И даже поездка на похороны, казалось, переключает мне кислород. Мне постоянно не хватало воздуха, поэто-

382

му я вытеснил эту мысль из своей головы, и не остановил движения, с головой окунувшись в очередные гастроли.

Но мне пришлось заплатить за это немалую психологическую цену. Мне никак не удавалось по-настоящему излить свое горе, поэтому я постоянно носил его внутри. Я не мог плакать, не мог признаться в своих чувствах даже самому себе. Иначе чувства захлестнули бы меня, разрушив с таким трудом выстроенный образ и обнаружив под ним абсолютную пустоту. Вот в каком состоянии я отправился в ноябре 1987 года давать самый большой концерт в своей жизни. Внешне я был по-прежнему непоколебим, но внутренне — сломан. Всю оставшуюся жизнь я буду устранять последствия разрушений.

Эпилог

Через три года после смерти моих родителей мы с Труды поселимся в усадьбе Лейк-Хаус в графстве Уилтшир. От нее не больше мили до аббатства, куда, говорят, ревнивый муж заточил королеву Гвиневеру. Главный дом усадьбы относится к шестнадцатому веку, а к дому прилагается шестьдесят акров лугов и лиственных лесов. Старинные окна усадьбы смотрят на зеленый берег реки Эйвон, по которой проходит извилистая восточная граница владения. Река бежит на юг, к морю, пересекая древнюю лесистую долину. Огромное трехсотпятидесятилетнее буквое дерево всей громадой, от самого основания ствола до тончайших верхних веток, возвышается над домом, как величественный лесной царь.

Дом был построен во времена короля Джеймса II, богатым и влиятельным лесоторговцем по имени Джордж Дьюк,

385

эскавайр. Семейство Дьюк, встав на сторону роялистов во время гражданской войны в Англии, не только оказалось среди побежденных, но и было лишено своих владений вставшим у власти парламентом. После того как к власти пришел Кромвель, семью сослали в Вест-Индию, запретив возвращаться назад. Они покинули место своей ссылки только после Реставрации, когда Чарльз II вернул им утраченный статус и родовое имение. Потомки этого семейства продолжали жить в Лейк-Хаусе до конца девятнадцатого века.

Фасад дома выглядит величественно и довольно эксцентрично со своей двухцветной облицовкой из камня и песчаника, пятью щипцами и двухэтажными эркерами по обеим сторонам от входа. Венчают фасад зубцы с декоративными бойницами. Внутри дом темный, мрачный, продуваемый сквозняками, с хаотично расположенными комнатами, неосвещенными коридорами и скрипучими лестницами. Чувствуется какая-то архитектурная шизофрения между определенностью и гармонией внешнего облика дома и безумно запутанным, загадочным лабиринтом внутри. Неудивительно, что здесь я чувствую себя, как дома.

Воды реки кишат золотистой форелью, которая прячется среди качающегося тростника и водорослей, стелющихся под водой, как утонувшая Офелия у прерафаэлитов. Если идти дальше вдоль берега реки и миновать одиноко стоящий каштан, откроется большой, ничем не занятый луг, обрамленный стеной вертикальных стволов начинающегося сразу за лугом дикого леса. На этом кусочке земли, где пасется несколько одиноких коров, царит странная атмосфера забвения и меланхолии. И когда бы мы с Труды, подобно всем новоявленным землевладельцам, ни совершали обход своей усадьбы, мы редко задерживаемся здесь.

Во время одного из таких утренних обходов мою жену в очередной раз осеняет. Она считает, что нам нужно выкопать озеро. Она говорит, что озеро сделает этот мрачно-

386

тый луг более светлым, и, к тому же, в озере можно будет разводить форель. Она намекает мне, что довольно странно жить в Лейк-Хаусе²⁰ и не иметь озера, и, хотя я педантично напоминаю ей, что англосаксонское слово *lake* означает «бегущий поток», который действительно есть вблизи усадьбы, ее мысль чем-то привлекает меня.

Мое главное возражение против этого предприятия заключается в том, что оно неизбежно повлечет за собой большой беспорядок. Нужно будет выкопать тонны земли, органично вписать новое озеро в окружающий ландшафт и найти, куда сгрузить вырытую землю. Вдобавок к этому придется собрать множество официальных разрешений на раскопки в столь древней местности, где каждый кубометр земли может таить культурные ценности. На этой территории сотни погребальных курганов времен неолита, а также священных земляных сооружений. Перспектива проходить все необходимые бюрократические инстанции наполняет меня ужасом. Но мою жену не так-то легко испугать, и я по опыту знаю, что лучше доверять ее инстинктам, она же, по какой-то таинственной причине, непреклонна в своем намерении.

Собрать юридические и археологические документы действительно оказывается непросто. Суд выдвигает множество возражений против нашей затеи. Некоторые из них — справедливы, другие — явно безосновательны. Одна серьезная общенациональная газета утверждает, что мы собираемся вырубить целый лес для того, чтобы выкопать на его месте озеро. На самом же деле деревья на этом месте не растут уже несколько сот лет. Возмущенные репортеры подадут историю так, словно мы роем бассейн в форме гитары посреди церковного двора, а не скромное озеро на давно заброшенном поле.

Наконец, все разногласия улажены, и суд дает нам разрешение на озеро площадью полтора квадратных акра, которое

²⁰ Lake House — *букв. дом на озере {англ.}*.

387

должно быть выкопано в течение лета 1995 года. Единственное условие властей — постоянное присутствие компетентного археолога на месте работ. Мы с радостью соглашаемся.

Следующей ночью я внезапно вскакиваю, разбуженный ужасным сном. Мне снилось, что мы с Труды вытаскиваем из озера раздутое мертвое тело и укладываем его среди камыша. Это потрясающий и жуткий образ. Несмотря на некоторый интерес к психологии Юнга, испытанный мною несколько лет назад, я не склонен до умопомрачения толковать свои сны. Я просто признаю их существование и тот факт, что они могут иметь какой-то смысл, но чаще всего забываю их на следующий же день. Этот сон ничем не отличается от других. Он случайно выплыл из подсознания, и вскоре был вытеснен вихрем дневных событий. Больше я о нем не вспоминаю.

Проходит несколько месяцев. Я в Лос-Анджелесе, длинный гастрольный тур по Америке в самом разгаре, когда мне звонит Кети Найт, женщина, которая помогает нам в управлении усадьбой.

— У меня неприятные новости по поводу озера.

— Что такое?

— Пришлось остановить работы.

У меня возникает плохое предчувствие:

— Почему?

В трубке ненадолго воцаряется нерешительное молчание:

— Рабочие нашли труп!

— Что?

— Труп.

У меня начинается заикание:

— К-к-кто это?

— Это женщина, жертва ритуального убийства, — Кети начинает говорить тоном следователя по особо опасным преступлениям.

— Что значит ритуального убийства?

Надо сказать, что меня охватывает паника и лихорадочное стремление срочно найти себе алиби, как будто я вот-вот стану подозреваемым в деле об ужасном убийстве.

388

— Руки у нее связаны за спиной, и очевидно, что убийцы бросили ее лицом в грязь, положили ей на спину тяжелый кусок дерева и ждали, пока она не захлебнулась.

Теперь я чувствую себя героем детектива с участием Эркюля Пуаро.

— Есть какие-нибудь предположения относительно того, когда это могло произойти? — спрашиваю я, мысленно подсчитывая, сколько времени прошло с тех пор, как я приехал в Америку.

— Около четвертого века нашей эры, — отвечает она, как ни в чем не бывало. — Археологи забрали ее, чтобы сделать некоторые анализы, но по приблизительным оценкам, это произошло вскоре после ухода римлян.

У меня вырывается шумный вздох облегчения, и тут я вспоминаю проклятый сон. Мне никогда не снятся вещие сны, и я рад, что лишен этого дара. Но невозможно не заключить, что есть определенная связь между моим сном и тем фактом, что наш луг оказался местом убийства, пусть даже с момента этого убийства прошла одна тысяча шестьсот лет.

По возвращении домой я узнаю от археолога, что скелет, хотя и пропитавшийся коричневой грязью, прекрасно сохранился, что жертве убийства было примерно девятнадцать лет, у нее целы все до одного зуба, и теперь она официально принадлежит мне.

Я захвачен врасплох этой новой свалившейся на меня ответственностью. Когда я спрашиваю археолога, за что ее могли убить, он пожимает плечами и говорит мне, что так называемые Темные Века²¹ потому так и называются, что они такими и были на самом деле. Никто не знает, что происходило на территории Британии в промежутке между установлением мира между эпохой Римской Империи и средними веками, если не считать бесчисленных нашествий саксов, ютов и датчан да нескольких легенд о короле Артуре.

²¹ Темные века (Dark Ages) — принятое в английском языке обозначение раннего Средневековья.

389

Девушку могли убить во время вражеского набега, возможно, ее заподозрили в колдовстве или наказали за супружескую неверность. Обстоятельства ничем не указывают на обычное погребение: она лежала ничком, и тело ее было сориентировано с севера на юг, в сторону реки.

Между тем хорошо известно религиозное значение воды для кельтов. Пруды, источники и реки рассматривались ими как входы и выходы из загробного мира. Если с человеком поступали подобным образом, это всегда было неспроста. Может быть, ее принесли в жертву, насильственно или добровольно, для того, например, чтобы войти в контакт с миром духов ради нужд тех, кто остался жить. Истины мы не узнаем никогда, но смерть для нее была выбрана на редкость ужасная, и трудно вообразить себе провинность, достойную такого наказания. Однако темная энергия этого события, похоже, не выветрилась до конца, и то грустное чувство, которое наполняет любого человека на этом кусочке земли между рекой и лесом — это воспоминание о том, что здесь произошло.

Археолог спрашивает, что мы собираемся делать с телом, когда его вернут, и я говорю, что мы похороним ее по всем правилам.

Мы стоим на маленьком острове, специально оставленном посередине озера. Труды, я, наши соседи из долины и викарий Джон Рейнолдс, который венчал нас. Девушка из озера лежит в открытом гробу. Ее лицо впервые за два тысячелетия повернуто к небу. Ее изящные кости похожи на кости ребенка, а на груди у нее лежит маленький букет из ярко-желтых цветов. За туманами на дальнем берегу озера стоит одинокий волынщик, и звук его печальной погребальной песни плывет над неподвижной водой. Крышку гроба закрывают, и пока бедные останки опускаются обратно в землю, священник молится, чтобы душа ее нашла, наконец, покой.

Двое моих сыновей, Джо и Джейк по очереди перевозят всех обратно на берег в деревянной лодке на веслах. Это

390

занимает некоторое время, и я покидаю остров последним. Сегодня вечером мы устраиваем домашний праздник с традиционным ирландским оркестром. Мы будем танцевать, пировать и радоваться, но сейчас я хочу ненадолго остаться наедине с древней обительницей озера.

Я спрашиваю себя, случайно ли, что именно нашей семье суждено было ее найти. Это поле возделывалось многие столетия, еще в средние века его как пойменную землю изрезали канавками и желобами, чтобы луг равномерно орошался. Но никто не заметил и не потревожил мертвого тела. Возможно, другие люди, натолкнувшись на эти кости, не придали бы им значения. Они продолжили бы свою работу, а останки выбросили бы прочь, не задумываясь. Какое-то романтическое настроение заставляет меня думать, что она ждала, когда ее обнаружат, чтобы ей воздали должное, чтобы хотя бы отчасти была исправлена чудовищная несправедливость прошлого. Но в то же время я не могу не думать о родителях, о том, что я не был на их похоронах, не исполнил свой последний долг перед ними. Я спрашиваю себя, не пытаюсь ли я таким символическим способом смягчить свой проступок.

Свежая могильная земля окружена зарослями диких ирисов, вероник и пучками очень маленьких синих цветов, чье название я никак не могу вспомнить, хотя точно видел их раньше. Я встаю коленями на траву, чтобы поближе разглядеть цветок, и вижу пятиконечную желтую звездочку в окружении пяти синих лепестков. Я немедленно вспоминаю маленький цветок, который видел в бразильских джунглях столько лет назад, цветок, который рос из темной щели между камнями церковных ступеней и отчаянно тянулся к свету.

Я срываю три крошечных цветка, осторожно кладу их на ладонь и, переправившись на берег, иду к дому.

Приготовления к празднику идут полным ходом. Ирландский оркестр уже собирается в холле, из кухни доносится запах вкусной еды, дом весь в цветах, и по мере

391

наступления вечера всюду зажигаются свечи. Я нахожу Труды в библиотеке.

— Ты выросла в деревне, скажи мне, что это за цветок. Я не могу вспомнить, — говорю я, протягивая ей три маленьких синих цветка.

Она задумчиво смотрит на них, теребя пальцами крошечный букет, и маленькие синие с желтым цветы пляшут на свету, который льется из окна.

— Смешной вопрос.

— Что в нем смешного? — озадаченно спрашиваю я.

— Потому что они называются незабудки, — говорит она, смеясь, — именно так: незабудки!

Она возвращает их мне:

— А почему ты спросил?

— О, это долгая история, — говорю я с улыбкой, не в силах выразить словами то множество воспоминаний, которое, как толпа привидений, наполняет комнату.

Теперь бывший луг стал куда более веселым местом, а озеро сделалось пристанищем водоплавающих птиц. Весной здесь выют гнезда дикие утки, гуси и даже лебедь. С берега можно увидеть холм, возвышающийся над травой. Здесь лежит наша незнакомка. Она лежит под плакучей ивой, среди ирисов, вероник и незабудок с синими лепестками и желтыми серединками. Мне нравится думать, что она, наконец, обрела свой покой, и все, что когда-то было разбито, теперь, так или иначе, склеено.

392

Посвящение

Эта книга посвящается памяти моих родителей, Эрни и Одри, и моих бабушек и дедушек: Тома и Агнес, Эрнеста и Маргарет; тетушке Эми, Томми Томпсону, Барбаре Адамсон, мистеру Макгафу, Биллу Масталью, Бобу Тэйлору; Дону Эдди (Phoenix Jazzmen), Найджелу Стейнджеру и Джону Пирсу (Newcastle Big Band); Кении Кирклэнду, Тиму Уайту и Киму Тернеру. Я никогда не забуду вас.

393

СТИНГ

РАЗБИТАЯ МУЗЫКА

Ответственный за выпуск

А. Соловьев

Редактор

В. Харитонов Художники

К. Иванов, А. Касьяненко,

К. Прокофьев

Художественный редактор

С. Сакнынь

Технический редактор

Н. Овчинникова

Корректоры

М. Кузнецова, К. Норминский,

Е. Якорева Оператор компьютерной верстки

С. Наймушина Менеджер производства

В. Рямова

Подписано в печать 12.07.2005. Формат 60 x 90 1/16.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Гарнитура «PetersburgC». Усл. печ. л. 25,0.

Тираж 15 000 экз. (1-й з-д: 1-5000 экз.). Заказ № 502

ООО «Издательская группа «У-Фактория»

620142, Екатеринбург, ул. Большакова, 77

e-mail: uf@ufactory.ru

Отдел продаж: 8 (343) 257-85-89

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

Сканирование и форматирование: [Янко Слава](#) (Библиотека [Fort/Da](#)) || slavaaa@yandex.ru ||

yanko_slava@yahoo.com || <http://yanko.lib.ru> || Исq# 75088656 || Библиотека:

<http://yanko.lib.ru/gum.html> || Номера страниц - внизу

update 15.02.06
